

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 4 (75) 2025

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2025

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. С. Сафонова, доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Н. С. Сысолина, старший преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. Т. Аширбекова, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

О. П. Грибунов, исполняющий обязанности ректора Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

И. С. Дикарев, директор института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» — 22761.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редакторы
Т. В. Рассказова,
Н. Ф. Руденко

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
21.12.2025.

Дата выхода в свет:
23.12.2025.

Формат 60x84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 27,0.
Усл. печ. л. 25,1.
Тираж 250 экз.
Заказ 76.

Цена по подписке
на 2025 г.
по каталогу
«Пресса России»
1806 руб.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2025

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

С. В. Катков, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ненад Милич, проректор по учебной работе Криминалистического полицейского университета (Сербия), доктор юридических наук, профессор.

Д. М. Миразов, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор.

А. Л. Осипенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, главный научный сотрудник по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Победкин, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

В. А. Ручкин, профессор кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

А. С. Самоделкин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

К. К. Сейтенов, профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шаплеров, начальник отдела профессионального образования главного управления кадров МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

С. А. Янин, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. — Volgograd : VA MVD Rossii, 2025. — No 4 (75). — 216 p.

Founder and publisher — Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
250 copies

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published

The journal is included into the system of Russian index scientific citation. Full-text versions of articles, abstracts and bibliographic lists are placed on the sites of scientific electronic libraries "eLIBRARY.RU" (www.elibrary.ru), "Cyberleninka" (www.cyberleninka.ru), in the system "Garant" (www.garant.ru), electronic library system "Znaniy" (www.znaniy.ru)

The Journal is registered at the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate number **PI № FS77-75804** as of May 23, 2019

Subscription at the catalogue "Pressa Rossii" — **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

**№ 4 (75)
2025**

EDITOR-IN-CHIEF

M. S. Kolosovich, professor at the department of detective activities and special equipment of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, deputy head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia for scientific work, candidate of juridical sciences, docent.

SCIENCE EDITOR

Yu. S. Safonova, associate professor at the department of preliminary investigation of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent.

EXECUTIVE SECRETARY

N. S. Sysolina, senior lecturer at the criminal law department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The editorial council

A. P. Alekseeva, professor at the department of criminal law, criminology and penal law of Kaliningrad branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

A. A. Aubakirova, head of the department of professional and psychological training and management of internal affairs bodies of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, senior researcher of the department of criminal procedure, criminalistics and forensic examination of the South Ural State University, doctor of juridical sciences, full professor.

M. T. Ashirbekova, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

M. V. Bavsun, deputy head of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia for scientific work, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

M. V. Bobovkin, professor at the document examination department of the training and scientific complex of forensic examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

V. G. Glebov, head of the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, candidate of juridical sciences, full professor.

O. P. Gribunov, acting rector of the Baikal State University, doctor of juridical sciences, full professor.

I. S. Dikarev, head of the law institute of the Volgograd State University, doctor of juridical sciences, docent.

O. B. Dronova, professor at the department of criminalistic techniques of the training and scientific complex of expert criminalistic activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

N. A. Egorova, professor at the criminal law department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, docent.

Editors
T. V. Rasskazova,
N. F. Rudenko

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
21.12.2025.

Date of publication:
23.12.2025.

Format 60x84/8.
Font Arial.
Physical print sheets 27,0.
Conventional print sheets 25,1.
250 copies.
Order 76.

Subscription price
for the 2025
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1806 rub.
(2 numbers).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2025

S. G. Eremin, professor at the department of preliminary investigation of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

E. A. Zaitseva, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

E. I. Zamylin, professor at the criminalistics department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

S. V. Katkov, professor at the operational-investigative activity and special equipment department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, docent.

V. L. Kubyshko, deputy Minister of the Interior of Russia, candidate of pedagogical sciences.

L. V. Lobanova, head of the criminal law department of the Volgograd State University, doctor of juridical sciences, full professor.

V. F. Lugovik, professor at the operational-investigative activity department of the interior bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

Nenad Milić, vice-rector for teaching of the University of Criminal Investigation and Police Studies (Serbia), doctor of juridical sciences, full professor.

D. M. Mirazov, head of the department of criminal law disciplines of University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, doctor of juridical sciences, full professor.

A. L. Osipenko, deputy head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia for scientific work, doctor of juridical sciences, full professor.

N. V. Pavlichenko, chief researcher for the study of problems of the history of the Ministry of the Interior of Russia of the research center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

G. A. Pechnikov, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

A. V. Pobedkin, head of the department of criminal policy of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

V. A. Ruchkin, professor at the department of forensic examination and physical materials science of the Volgograd State University, doctor of juridical sciences, full professor.

A. S. Samodelkin, professor at the operational-investigative activity and special equipment department of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, docent.

K. K. Seitenov, professor at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's office of the Republic of Kazakhstan, doctor of juridical sciences, full professor.

B. P. Smagorinsky, professor at the criminalistics department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored science worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, professor at the department of criminal law of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent.

Yu. P. Shkaplerov, head of the professional education department of the main personnel department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, candidate of juridical sciences, docent.

S. A. Yanin, professor at the investigation work organization department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

Катков С. В.
Институт налоговой безопасности
в теории оперативно-разыскной деятельности

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Адилов С. А.
Цифровизация
правоохранительной деятельности:
реализация Концепции продвижения идеологии
Закона и Порядка

Басханов А. М., Колбасина Е. Е.
Развитие института
прикосновенности к преступлению:
вопросы криминализации и гуманизации

Голятина С. М.
Предупреждение кибермошенничества:
виктимологический аспект

Зайцев А. В.
Зарубежный опыт противодействия
религиозному экстремизму
(на примере отдельных государств)

Колоколов Н. А.
Уголовное право и уголовный процесс:
учебник, журнал и монография,
их роль и место в образовательном процессе.
Часть 2. Учебники по уголовному праву
в прошлом, настоящем и будущем

Кузнецов А. А.
Формы реализации ответственности
в уголовно-исполнительном праве

Первухин А. С.
Совершенствование
законодательной регламентации
уголовной ответственности за грубые нарушения
Правил дорожного движения
(статья 264² Уголовного кодекса
Российской Федерации)

Сенцов А. С., Волколупова В. А., Волколупов В. Г.
Компаративистские аспекты
правовой регламентации добровольного отказа
от доведения преступления до конца
в уголовном законодательстве
некоторых стран ближнего зарубежья

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

Katkov S. V.
Institution of tax security
in the theory of detective activities

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

Adilov S. A.
Digitalization of law enforcement activities:
realization of the Concept
to promote the ideology of Law and Order

Baskhanov A. M., Kolbasina Ye. Ye.
Development of the institute
of having to do with a crime:
criminalisation and humanisation issues

Golyatina S. M.
Cyberfraud prevention: victimologic aspect

Zaitsev A. V.
Foreign experience
to counteract religious extremism
(on the example of individual states)

Kolokolov N. A.
Criminal law and criminal procedure:
a textbook, a magazine and a monograph,
their role and place in the educational process.
Part 2. Textbooks on criminal law
in the past, present and future

Kuznetsov A. A.
Forms of liability implementation in penal law

Pervukhin A. S.
Improvement of the legislative regulation
of criminal liability for severe violating
Traffic Regulations Rules
(Article 264² of the Criminal Code
of the Russian Federation)

Sentsov A. S., Volkolupova V. A., Volkolupov V. G.
Comparative matters of legal regulations
of voluntary renunciation to complete a crime
in some CIS countries' criminal legislation

<i>Чернышев Д. Б.</i> Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения (статья 215.2 Уголовного кодекса Российской Федерации): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации	84	<i>Chernyshev D. B.</i> Making life-support facilities useless (Article 215.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminal law characteristic and qualification issues
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС		CRIMINAL PROCEDURE
<i>Азарова Е. С.</i> Проблемы судейского усмотрения в современной юридической доктрине	94	<i>Azarova Ye. S.</i> Issues of judicial discretion in acting legal doctrine
<i>Аширбекова М. Т.</i> Производство по гражданскому иску в рамках предварительного расследования: некоторые проблемные аспекты	100	<i>Ashirbekova M. T.</i> Civil claim proceedings while conducting preliminary investigation: some issues
<i>Божченко А. П., Ардашев Р. Г., Китаев Н. Н.</i> Уголовно-процессуальные и оперативно-разыскные аспекты применения статьи 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Занятие высшего положения в преступной иерархии»	108	<i>Bozhchenko A. P., Ardashev R. G., Kitayev N. N.</i> Criminal-procedural and detective aspects related to applying Article 210.1 "Occupying the top position in the criminal hierarchy" of the Criminal Code of the Russian Federation
<i>Бугера М. А., Третьяков Ю. В.</i> Применение видеозаписи как цифрового доказательства в современном уголовном процессе	120	<i>Bugera M. A., Tretiyakov Yu. V.</i> Video recording application as digital evidence in modern criminal proceedings
<i>Зайцева Е. А.</i> И вновь о цифровизации уголовного судопроизводства	127	<i>Zaitseva Ye. A.</i> On digitalization of criminal proceedings once more
<i>Чеботарева И. Н.</i> Уголовно-процессуальные функции как системообразующий элемент уголовного судопроизводства	133	<i>Chebotareva I. N.</i> Criminal procedure functions as a system-forming element of criminal proceedings
КРИМИНАЛИСТИКА		CRIMINALISTICS
<i>Волков А. С., Фролов А. Н.</i> Организационно-тактические особенности допроса подозреваемого при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет	141	<i>Volkov A. S., Frolov A. N.</i> Organizational and tactical peculiarities of interrogating the suspect, while investigating offences against sexual inviolability of juveniles committed via the Internet
<i>Волосевич И. Н.</i> Неправомерный оборот действующих электронных средств платежа (дропперство) как объект криминалистического анализа: постановка проблемы	147	<i>Volosevich I. N.</i> Illegal trafficking of acting electronic means of payment (dropping) as a subject of criminalistics analysis: identification of a problem

<i>Попова О. А.</i> Полиграф в уголовном судопроизводстве: проблемы и перспективы использования	157	<i>Popova O. A.</i> Polygraph in criminal proceedings: problems and prospects to use
<i>Соловьева Н. А., Вологина Е. В., Попова Л. В.</i> Средства невербальной коммуникации в деятельности следователя	167	<i>Soloviyeva N. A., Vologina Ye. V., Popova L. V.</i> Means of non-verbal communication in the activities of an investigator
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ		OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES
<i>Жандров В. Ю.</i> Электронное наблюдение: проблема правовой определенности в условиях цифровизации оперативно-разыскной деятельности (сравнительное исследование)	175	<i>Zhandrov V. Yu.</i> Electronic surveillance: the problem of legal certainty in the context of digitalization of detective activities (a comparative study)
<i>Симонов А. Н.</i> Возрождение Смерша: контрразведка в эпоху гибридных угроз	188	<i>Simonov A. N.</i> The revival of Smersh: counterintelligence in the era of hybrid threats
НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ		SCIENTIFIC DISCUSSION
<i>Колосович О. С., Колосович М. С., Кутуев Э. К.</i> Представители МВД России в системе международного сотрудничества по уголовным делам: современные правовые аспекты	196	<i>Kolosovich O. S., Kolosovich M. S., Kutuev E. K.</i> Representatives of the Ministry of the Interior of Russia in the system of international cooperation in criminal cases: existing legal aspects
<i>Пономарев В. Г.</i> Является ли мошенническим обман суда, используемый для хищения чужого имущества или приобретения права на него?	203	<i>Ponomarev V. G.</i> Is a deception of the court used to steal other person's property or acquire the right to it fraudulent?

УДК 343.102

**ИНСТИТУТ НАЛОГОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В ТЕОРИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****Сергей Владимирович Катков**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, sv.katkov@yandex.ru

Аннотация. В статье прослеживается эволюция института налоговой безопасности в России от появления Федеральной службы налоговой полиции (1992—2003 гг.) до современных межведомственных механизмов контроля, при этом уделяется особое внимание роли оперативно-разыскной деятельности. Автор систематизирует научные подходы отечественной школы: от классического труда Д. Н. Тихонова до новейших исследований в области теории оперативно-разыскной деятельности профессоров А. В. Шахматова, П. И. Иванова и др. Выявлены ключевые направления развития — формирование понятийного аппарата, методик оценки рисков, интеграция оперативно-разыскной деятельности с налоговым и уголовно-процессуальным контролем, а также вызовы блокчейн-экономики и криптовалют. Обосновано, что оперативно-разыскная деятельность выступает «передовой разведкой» налоговой системы: обеспечивает превентивный мониторинг, создает доказательственную базу, координирует работу ФНС России, МВД России, Росфинмониторинга и СК России, способствует возмещению ущерба и формированию государственной стратегии защиты фискальных интересов.

Ключевые слова: налоговая безопасность, оперативно-разыскная деятельность, налоговые преступления, налоговый контроль, легализация доходов, экономическая безопасность, межведомственное взаимодействие

Для цитирования: Катков С. В. Институт налоговой безопасности в теории оперативно-разыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 9—17.

**INSTITUTION OF TAX SECURITY
IN THE THEORY OF DETECTIVE ACTIVITIES****Sergey Vladimirovich Katkov**

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, sv.katkov@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the evolution of tax security institution in Russia, from the establishment of the Federal Tax Police Service (1992—2003) to modern interdepartmental control mechanisms, with a particular focus on the role of detective activities. The author systematizes the scientific approaches of the Russian school: from the classic work by D. N. Tikhonov to the latest research works in the detective activities theory by professors A. V. Shakhmatov, P. I. Ivanov, and others. Key areas of development are identified: the development of a block of concepts, risk assessment methods, the integration of detective activities with tax and criminal procedural control, as well as the challenges of the blockchain economy and cryptocurrencies. It is substantiated that detective activities is the "advanced intelligence" of the tax system: it ensures preventive monitoring, forms an evidentiary base, coordinates the work of the Federal Tax Service of Russia, the Ministry of the Interior of Russia, Rosfinmonitoring, and the Investigative Committee of Russia, facilitate damage compensation and development of state strategy for fiscal interests protecting.

Keywords: tax security, detective activities, tax-related crimes, tax-related control, incomes legalization, economic security, interdepartmental cooperation

For citation: Katkov S. V. Institution of tax security in the theory of detective activities. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—17, 2025. (In Russ.).

Расцвет становления и изучения института налоговой безопасности в России пришелся на время деятельности непосредственно подчиненного Президенту правоохранительного органа России — Федеральной службы налоговой полиции Российской Федерации, существовавшей с 1992 по 2003 г.

Данный период в научной сфере отражен в ставшей классической работе Д. Н. Тихонова «Основы налоговой безопасности» (2002) [1]. В настоящее время в отечественной гуманитарной науке сформировано ядро современной отечественной школы исследований налоговой безопасности. Институт налоговой безопасности прошел путь от разработки общей теории и понятийного аппарата до установления методик оценки рисков и практических инструментов государственного и корпоративного налогового контроля. Так, И. В. Бородушко дала теоретико-концептуальное определение налоговой безопасности и опраделила ее место в системе финансовой безопасности государства [2]. Е. Л. Гулькова, М. В. Карп, М. В. Типалина обозначили роль налоговой безопасности в экономической безопасности организации, налоговые риски и необходимость внутреннего налогового контроля [3]. А. Н. Костюков рассмотрел правовые аспекты обеспечения налоговой безопасности [4]. Д. А. Кузнецова, М. В. Клепикова, Ю. В. Нуретдинова, Е. В. Васильева, Е. А. Горловская исследовали проблемы и перспективы налоговой безопасности Российской Федерации в контексте общей экономической безопасности [5]. К. В. Маслов дал понятие налогового суверенитета и обозначил его место в системе налоговой безопасности, принципы защиты фискальных интересов государства [6]. Г. Г. Нестеров определил налоговую безопасность как компонент экономической безопасности и обозначил факторы устойчивости налоговой системы [7]. А. И. Пономарев, М. А. Пономарев, И. В. Топоров изучили угрозы и индикаторы налоговой безопасности, предложили модернизацию налогового администрирования [8]. Т. П. Шамонина, напротив, понимает налоговую безопасность как составную часть финансовой безопасности, задачу которой видит в снижении налоговых рисков или их минимизации [9]. И. Ю. Тимофеева ввела основные принципы налоговой безопасности, справедливость и прозрачность налогообложения как ее условие [10]. Л. Д. Токова, К. В. Кириленко определили роль налогового контроля в обеспечении налоговой безопасности государства, современные формы [11].

Наиболее полное, на наш взгляд, определение налоговой безопасности дал авторский коллектив учебного пособия в составе М. С. Русанова, В. А. Ключихина, К. А. Швецово́й, которые предлагают рассматривать налоговую безопасность государства как одну из подсистем национальной безопасности государства, представляющую собой такое состояние налоговой системы страны, когда обеспечивается ее гарантированная защита и устойчивое развитие, эффективно используются все имеющиеся налоговые инструменты для обеспечения интересов, выполнения функций государства и поддержания социально-экономической безопасности общества, а также формируются финансовые ресурсы, объем которых достаточен для обеспечения жизнедеятельности государства и местного самоуправления [12].

Как мы видим, данное понятие более расширено за счет охвата интересов всех субъектов публичной власти — как государства, так и местного самоуправления, а также учитывает обратную связь с обществом.

Необходимо отметить, что синоним рассматриваемой нами категории — «фискальная безопасность» — в отечественной юриспруденции не прижился, нами найдены только единичные упоминания указанного термина [13].

В теории оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД), как верно отмечает П. И. Иванов [14], оперативно-разыскное обеспечение налоговой безопасности незаслуженно обойдено вниманием, хотя актуальность этой проблемы отмечена на самом высоком государственном уровне¹. В настоящее время вопрос о налоговой безопасности актуализирован началом технологической революции, вызванной появлением технологии блокчейн, криптовалют и их добыванием (майнингом), что является и новым объектом налогообложения, и новым способом ухода от налогов [15].

В 2007 г. значительное внимание оперативно-разыскному обеспечению налоговой безопасности было уделено в работах А. Е. Шарихина [16], который видит роль ОРД в обеспечении налоговой безопасности как механизма превентивного и доказательного контроля, без которого невозможно своевременно выявлять сложные схемы уклонения от налогов, нейтрализовать коррупционные

¹ Текст официального выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном заседании коллегии ФСБ России 20 февраля 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62834> (дата обращения: 06.05.2025).

связи и организованные группы, изымать и возвращать в бюджет незаконно полученные доходы, формировать государственную стратегию защиты экономических интересов. Иными словами, ОРД для налоговой сферы — это «глаза, уши и руки» государства, действующие скрыто, но юридически регламентированно, чтобы превратить знание о преступлении в реальные судебные приговоры и конфискацию активов.

В вопросах освещения ОРД как инструмента обеспечения налоговой безопасности следует отметить научную школу А. В. Шахматова — профессора Санкт-Петербургского университета МВД России. В 2013 г. под его руководством была защищена диссертация А. В. Тимофеева «Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения и раскрытия налоговых преступлений в сфере экономической деятельности (на материалах Северо-Западного федерального округа)» [17]. Автор вписывает ОРД в концепцию налоговой безопасности как самостоятельное направление государственной политики. Он видит в ОРД единственный инструмент раннего выявления (при высокой латентности налоговых преступлений гласный контроль фиксирует лишь 8 % дел; вся остальная доказательная база добывается силами ОВД, обладающих правом на негласные оперативно-розыскные мероприятия). В его концепции ОРД — это «информационный щит бюджета» поскольку оперативное наблюдение, аналитика банковских потоков и работа с инсайдерами позволяют «подсветить» схемы еще до того, как формируется недоимка, тем самым минимизируя угрозы налоговой безопасности.

Помимо этого ОРД выступает связующим звеном между налоговым контролем и уголовным процессом. Материалы ОРД автор предлагает квалифицировать как «иные документы», пригодные для процессуальной легализации, чтобы гарантировать неотвратимость наказания и возврат ущерба.

А. В. Тимофеев подчеркивает, что именно оперативные подразделения должны архитектурно «стягивать» ФНС России, ФТС России, Росфинмониторинг и СК России в единую систему обмена данными и совместных проверок. ОРД также рассматривается им как проактивная профилактика, поскольку объективно-отраслевой принцип обслуживания предприятий в рамках осуществления ОРД предусматривает раннее выявление признаков будущих преступных схем, а также предложение налоговой службе адресных проверочных мероприятий. Автор рассматривает ОРД как ме-

ханизм возврата в бюджет похищенных средств и разрушения финансовой базы организованной экономической преступности, что напрямую усиливает налоговую (а через нее — экономическую) безопасность государства.

Итоговая концепция А. В. Тимофеева: ОРД — это скрытая, но юридически регламентированная «передовая разведка» налоговой системы, без которой невозможны ни своевременная защита бюджета, ни устойчивое развитие экономики.

В 2015 г. вышел другой фундаментальный труд по ОРД М. Л. Родичева под научным руководством А. В. Шахматова — «Оперативно-розыскное противодействие легализации имущества, приобретенного преступным путем: на примере Северо-Западного федерального округа». Автор видел ключевую роль ОРД в налоговой безопасности, в том, что именно ОРД позволяет своевременно обнаруживать и документировать финансовые операции, скрывающие налогооблагаемую базу, устанавливать полный перечень имущества, добытого преступным путем, и проверять законность его происхождения; тем самым ОРД обеспечивает блокировку дальнейшего движения «теневых» средств, создает доказательственную базу для их конфискации и последующего возмещения ущерба государству, увеличивая поступления в бюджет и укрепляя финансовые основы налоговой системы России [18].

При рассмотрении налоговой безопасности и ее обеспечении силами и средствами ОРД нельзя не упомянуть специализированное по отношению к налоговым преступлениям учебное пособие полковника налоговой полиции в отставке М. П. Смирнова [19]. Он рассматривает ОРД как один из ключевых инструментов обеспечения экономической, а значит и налоговой безопасности государства. После ликвидации в 2003 г. Федеральной службы налоговой полиции (далее — ФНС России) другие органы не способны вести ОРД, средствами которой в основном и выявляются сложные преступные схемы уклонения от налогов. Автор прямо указывает, что это лишает государство эффективного инструментария для своевременного обнаружения и пресечения налоговых правонарушений.

М. П. Смирнов видит два пути выхода из создавшейся ситуации: наделить ФНС полномочиями органа дознания и правом проводить ОРД либо «рассмотреть возможность создания... финансовой полиции, обладающей правом ведения оперативно-розыскной деятельности». В обоих вариантах конечная цель — вернуть в налоговую сферу профессиональную оперативную составляющую,

способную выявлять схемы уклонения еще до того, как ущерб бюджету станет критичным.

М. П. Смирнов убежден, что без восстановления полноценных оперативных подразделений, специализирующихся именно на налоговых правонарушениях, государство рискует остаться «слепым» перед все более изощренными схемами уклонения от уплаты налогов. Поэтому ОРД, по замыслу автора, — не вспомогательная, а центральная составляющая архитектуры налоговой безопасности России. ОРД для налоговой безопасности — это единственный инструмент, способный увидеть сложные, заранее продуманные схемы ухода от налогов, собрать по ним доказательства, а затем передать эти материалы в ФНС России так, чтобы они выдержали процессуальную проверку. Пока у самой налоговой службы нет подобных полномочий, эффективность защиты бюджета зависит от того, насколько тесно и регламентированно взаимодействуют оперативные подразделения МВД (и других ведомств) с налоговыми органами. Поэтому автор видит стратегию в институциональном «возвращении» профессиональной ОРД в налоговую сферу и в создании четких процедур ее сопряжения с налоговым контролем.

Среди открытых научных источников необходимо отметить монографию, выпущенную в Академии управления МВД России, посвященную документально-проверочной деятельности органов внутренних дел при расследовании преступлений в сфере налогообложения. В ней центральным объектом анализа авторов становится ОРД, осуществляемая в целях документирования налоговых преступлений и представляющая собой совокупность гласных и негласных мер, направленных на формирование доказательственной базы по фактам уклонения от налогов. ОРД рассматривается авторами как ключевой элемент «налогового расследования» — межотраслевого института, опирающегося одновременно на нормы налогового, административного и уголовно-процессуального права. В работе детализируется алгоритм оперативно-разыскного сопровождения проверок: от анализа первичной информации до проведения выемок, осмотров, опросов и исследований документов. Приводятся критерии отбора налогоплательщиков для выездных проверок, методики предпроверочного контроля, а также порядок фиксации результатов оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ) в виде актов исследований, пригодных к включению в доказательственную базу уголовного дела. Отдельная глава работы

посвящена процессуальному статусу материалов ОРД. Авторы аргументируют возможность их использования как «иных документов» доказательственного значения, описывают условия признания результатов прослушивания переговоров, контроля корреспонденции и оперативного внедрения допустимыми доказательствами, а также моделируют типичные судебные ситуации, где качество проведенных ОРМ определяет перспективы обвинения [20].

Другим значимым трудом, выпущенным за последние пять лет и рассматривающим ОРД как инструмент обеспечения налоговой безопасности, является монография М. Л. Родичева о взаимодействии оперативных подразделений и налоговых органов [21].

Работа представляет собой первое комплексное исследование, посвященное роли ОРД в обеспечении налоговой безопасности государства (хотя автор и не оперирует данным термином). М. Л. Родичева рассматривает правовые, организационные и методологические основы сотрудничества субъектов ОРД с налоговыми органами, подчеркивая, что именно результаты ОРМ становятся ключевым инструментом выявления и документирования современных схем уклонения от налогов — от «двойной» бухгалтерии, ведущейся с помощью IT-технологий, до злоупотреблений при банкротствах и регистрации юридических лиц.

Автор выработал комплекс предложений по оперативно-разыскному противодействию «теневому» бухгалтерскому учету, включая идею уголовной ответственности за его ведение; расширению технических возможностей подразделений специальных мероприятий по съему информации с каналов связи; детальному регламентированию передачи оперативных материалов в налоговые органы с учетом требований судебной практики.

Профессор П. И. Иванов в серии своих статей рассматривает ОРД как решающее «рентген-средство» налоговой безопасности: только негласный сбор и аналитическая обработка данных позволяют «подсветить» скрытую часть схем — от первоначального налогового преступления до последующего отмывания денег, выявить истинных бенефициаров, проследить цепочки финансовых потоков, оценить рискованные зоны в бизнес-среде и своевременно задокументировать доказательства; таким образом, ОРД превращает разрозненные сигналы в достоверную фактуру для возбуждения дел, блокирует вывод средств за рубеж и служит базой для разработки профилактических мер, делая уклонение от налогов и легализацию «грязных» доходов экономически невыгодными [22].

Помимо упомянутого нужно указать цикл статей в открытой печати следующих авторов: В. Д. Ларичева [23], Р. Х. Рахимзоды [24], Г. С. Зинченко [25]. Налоговая безопасность упоминается и в работе А. И. Мелихова [26].

Для объективности рассмотрим, как видят роль ОРД в обеспечении налоговой безопасности представители иных профессий, участвующих в обеспечении налоговой безопасности.

Представители прокуратуры внесли свой вклад в рассмотрение ОРД как средства обеспечения налоговой безопасности. Так, по мнению Р. В. Михалюка и Д. П. Разуваева, ОРД в налоговой сфере должна быть «хирургическим скальпелем, а не кувалдой». Когда проверки гласные, обоснованные, подконтрольные прокурору и опираются на проверенный фактологический материал, они помогают государству вовремя выявлять и пресекать налоговые преступления. Когда тот же инструмент используется «для проформы» или ради статистики, он бьет по добросовестному бизнесу, снижает собираемость налогов и дискредитирует саму идею налоговой безопасности [27].

Роль ОРД в обеспечении налоговой безопасности, по версии представителей предварительного следствия В. А. Антонова и В. С. Белохребтова, — это опорная «скрытая» линия защиты бюджета. Авторы напрямую связывают эффективность ОРД с «предотвращением ущерба», а не только с раскрытием уже совершенного преступления, что делает ее ключевым элементом механизмов налоговой безопасности. Авторы подчеркивают, что без негласного сбора первичных данных о схемах уклонения невозможно своевременно обнаружить налоговое преступление. ОРД служит фильтром, который превращает разрозненные сигналы (аналитику ФНС России, агентурные сведения, косвенные финансовые следы) в проверенные факты, достаточные для возбуждения дела или мотивированного отказа.

Как работники предварительного следствия авторы видят ОРД не просто вспомогательным ресурсом, а системообразующим механизмом налоговой безопасности, который помимо названных ролей еще и минимизирует реальный ущерб бюджету, а при должном законодательном оформлении способен стать надежной правовой гарантией защиты налоговых интересов государства [28].

По мнению представителя ведущего высшего учебного заведения Российской Федерации — Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова — Ю. Г. Волгина, ОРД — ключевой инструмент системы налоговой безопасности

государства. Ее роль раскрывается через комплекс взаимосвязанных функций, которые автор подробно описывает в лекционном курсе. Автор видит задачи ОРД в обеспечении налоговой безопасности путем своевременного выявления угроз, при необходимости — предоставления соответствующих материалов для возбуждения уголовного дела, обеспечения его быстрого расследования и возмещения причиненного ущерба. К числу функций ОРД в обозначенной сфере ученый также относит профилактику преступности и устранение условий, способствующих ее возникновению, и активное взаимодействие между государственными органами. ОРД создает условия, при которых уклонение от налогов становится трудно скрыть, легко доказать и экономически невыгодно: через раннее обнаружение, неотвратимость расследования, гарантированное возмещение ущерба и устранение «питательной среды» налоговой преступности. Таким образом, ОРД служит «предохранителем» налоговой безопасности, закрывая наиболее уязвимые звенья бюджетной системы и финансового контроля [29].

По итогам рассмотрения ОРД как инструмента обеспечения налоговой безопасности считаем возможным дать определение налоговой безопасности как состояния и одновременно целенаправленного процесса публичного управления, при котором налоговая система государства и общества защищена от внутренних и внешних угроз настолько, что:

— во-первых, обеспечивается полнота и своевременность поступления налоговых доходов, достаточных для устойчивого финансирования всех текущих и стратегических функций государства и муниципалитетов;

— во-вторых, минимизируется риск недоимок, мошеннического возмещения, уклонения и вывода средств благодаря превентивному и доказательному потенциалу ОРД, налогового контроля и межведомственной аналитики;

— в-третьих, сохраняется доверие законопослушного бизнеса и граждан к фискальной системе, потому что мониторинг, выявление, пресечение и возмещение ущерба осуществляются законно, адресно и без избыточного давления;

— в-четвертых, создаются условия для устойчивого экономического развития, поскольку фискальные потоки остаются прозрачными, а «серые» схемы теряют экономическую выгоду.

Таким образом, налоговая безопасность интегрирует финансовую, экономическую и правовую стабильность бюджета, а ее ключевым оператив-

ным механизмом выступает ОРД, которая превращает скрытую информацию о налоговых угрозах в юридически пригодные доказательства и управленческие решения.

ОРД образует оперативный «контур безопасности» вокруг налоговой системы: она *раньше*

других служб обнаруживает риски, *быстрее* добывает доказательства, *точнее* локализует акты и тем самым делает уклонение от налогов и последующее «отмывание» доходов юридически опасным и экономически бессмысленным.

1. Тихонов Д. Н. Основы налоговой безопасности. Москва: Аналитика-Пресс, 2002. 224 с.

2. Бородушко И. В. Налоговая безопасность: понятие и сущность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovaya-bezopasnost-ponyatie-i-suschnost> (дата обращения: 07.06.2025).

3. Гулькина Е. Л., Карп М. В., Типалина М. В. Роль налоговой безопасности в системе экономической безопасности организации // Вестник университета. 2023. № 6. С. 153—161.

4. Костюков А. Н., Маслов К. В. Правовые аспекты обеспечения налоговой безопасности государства // Вестник ОмГУ. Серия «Право». 2015. № 4 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-obespecheniya-nalogovoy-bezopasnosti-gosudarstva> (дата обращения: 07.06.2025).

5. Налоговая безопасность РФ: проблемы и перспективы / Ю. В. Нуретдинова, Е. В. Васильева, Е. А. Горловская [и др.] // Московский экономический журнал. 2020. № 3. С. 26.

6. Маслов К. В. Налоговый суверенитет: понятие и место в системе обеспечения налоговой безопасности государства // Пролог: журнал о праве. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovyy-suverenitet-ponyatie-i-mesto-v-sisteme-obespecheniya-nalogovoy-bezopasnosti-gosudarstva> (дата обращения: 07.06.2025).

7. Нестеров Г. Г. Налоговая безопасность в системе обеспечения экономической безопасности // Вестник экономической безопасности. 2009. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovaya-bezopasnost-v-sisteme-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti> (дата обращения: 07.06.2025).

8. Пономарев А. И., Пономарев М. А., Топоров И. В. Налоговая безопасность как компонента экономической безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 230—234.

9. Шамонина Т. П. Налоговая безопасность как составляющая финансовой безопасности государства // Теория и практика современной науки. 2017. № 4 (22). С. 919—923.

1. Tikhonov D. N. Grounds of tax security. Moscow: Analytics-Press; 2002: 224. (In Russ.).

2. Borodushko I. V. Tax security: concept and essence. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii, 108—112, 2010. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovaya-bezopasnost-ponyatie-i-suschnost>. Accessed: 7 June 2025. (In Russ.).

3. Gulkova Ye. L., Karp M. V., Typalya M. V. The role of tax security in the economic security system of an organization. University journal, 153—161, 2023. (In Russ.).

4. Kostyukov A. N., Maslov K. V. Legal issues to ensure state tax security. Omsk State University Journal. "Law" series, 117—121, 2015. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-obespecheniya-nalogovoy-bezopasnosti-gosudarstva>. Accessed: 7 June 2025. (In Russ.).

5. Nuretdinova Yu. V., Vasiliyeva Ye. V., Gorlovskaya Ye. A. (et al.) Tax security of the Russian Federation: challenges and prospects. Moscow journal of economics, 269—276, 2020. (In Russ.).

6. Maslov K. V. Tax sovereignty: concept and place in the system of ensuring tax security of a state. Prologue: law journal, 2016. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovyy-suverenitet-ponyatie-i-mesto-v-sisteme-obespecheniya-nalogovoy-bezopasnosti-gosudarstva>. Accessed: 7 June 2025. (In Russ.).

7. Nesterov G. G. Tax security in the system of ensuring economic security. Economic security journal, 10—16, 2009. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovaya-bezopasnost-v-sisteme-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti>. Accessed: 7 June 2025. (In Russ.).

8. Ponomarev A. I., Ponomarev M. A., Toporov I. V. Tax security as a component of economic security. State and municipal administration. Scientific notes of the North-Caucasus Academy of State Service, 230—234, 2015. (In Russ.).

9. Shamonina T. P. Tax security as an element of financial security of a state. Theory and practice of contemporary science, 919—923, 2017. (In Russ.).

10. Тимофеева И. Ю. Основные принципы налоговой безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyeprintsipy-nalogovoy-bezopasnosti> (дата обращения: 07.06.2025).

11. Токова Л. Д., Кириленко К. В. Роль налогового контроля в обеспечении налоговой безопасности государства // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 3 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nalogovogo-kontrolya-v-obespechenii-nalogovoy-bezopasnosti-gosudarstva> (дата обращения: 07.06.2025).

12. Русанов М. С., Ключихин В. А., Швецова К. А. Полномочия органов внутренних дел по обеспечению взыскания налоговой задолженности (на примере законодательства стран ближнего зарубежья): учеб. пособие. Москва: Акад. управления МВД России, 2022. 60 с.

13. Черномырдина Е. В. Государственно-частное партнерство и реализация функций государства // Право и государство: теория и практика. 2016. № 12 (144). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo-i-realizatsiya-funktsiy-gosudarstva> (дата обращения: 07.06.2025).

14. Иванов П. И. Оперативно-розыскное обеспечение налоговой безопасности (вопросы теории и практики) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57). С. 107—118.

15. Панкратьев А. Н. Перспективы развития правового регулирования борьбы с налоговыми преступлениями // Вестник Воронежского института МВД России. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-pravovogo-regulirovaniya-borby-s-nalogovymi-prestupleniyami> (дата обращения: 07.06.2025).

16. Шарихин А. Е. Научные основы обеспечения экономической безопасности России посредством оперативно-розыскной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007. 410 с.

17. Тимофеев А. В. Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения и раскрытия налоговых преступлений в сфере экономической деятельности (на материалах Северо-Западного федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2013. 24 с.

18. Родичев М. Л. Оперативно-розыскное противодействие легализации имущества, приобретенного преступным путем (на примере Северо-Западного федерального округа Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2016. 24 с.

10. Timofeyeva I. Yu. Basic principles of tax security. National interests: priority and security, 59—64, 2010. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printsipy-nalogovoy-bezopasnosti>. Accessed: 7 June 2025. (In Russ.).

11. Tokova L. D., Kyrlyenko K. V. The role of tax control in ensuring tax security of a state. Caspian region: politics, economics, culture, 131—137, 2014. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nalogovogo-kontrolya-v-obespechenii-nalogovoy-bezopasnosti-gosudarstva>. Accessed: 7 June 2025. (In Russ.).

12. Rusanov M. S., Klochikhin V. A., Shvetsova K. A. Interior bodies' powers to ensure tax arrears recovery (using CIS countries' legislation as an example). Textbook. Moscow: Academy of Management of the MIA of Russia; 2022: 60. (In Russ.).

13. Chernomyrdina Ye. V. State-individual partnership and implementing state functions. Law and state: theory and practice, 6—8, 2016. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo-i-realizatsiya-funktsiy-gosudarstva>. Accessed: 7 June 2025. (In Russ.).

14. Ivanov P. I. Detective support of tax security (theory and practice issues). Works of the Academy of Management of the MIA of Russia, 107—118, 2021. (In Russ.).

15. Pankratiyev A. N. Development prospects of legal regulation to fight tax-related crimes. The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 215—220, 2025. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-pravovogo-regulirovaniya-borby-s-nalogovymi-prestupleniyami>. Accessed: 7 June 2025. (In Russ.).

16. Sharikhin A. Ye. Scientific bases to ensure economic security in Russia via detective activity. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2007: 410. (In Russ.).

17. Timofeyev A. V. Detective support to prevent and solve tax-related crimes in the economic sphere (using Northwestern Federal District of the Russian Federation as an example). Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2013: 24. (In Russ.).

18. Rodichev M. L. Detective counteraction to criminal property legalization (using Northwestern Federal District of the Russian Federation as an example). Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2016: 24. (In Russ.).

19. Smirnov M. P. Comments to legal regulation of detective activity in the Russian Federation and abroad. Textbook. In 2 parts. 5th ed., add. and

19. Смирнов М. П. Комментарии законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации и за рубежом: учеб. пособие (постатейный). В 2 ч. 5-е изд., расшир. и перераб. Подготовлено для системы «КонсультантПлюс». Москва: ДГСК МВД России, 2012. Ч. 1. 481 с.; Ч. 2. 419 с.

20. Документально-проверочная деятельность органов внутренних дел при расследовании преступлений в сфере налогообложения: монография / А. П. Опальский, А. Н. Ищенко, З. Р. Карданова [и др.]; под ред. А. П. Опальского. Москва: Акад. управления МВД России, 2011. 140 с.

21. Родичев М. Л. Взаимодействие оперативных подразделений и налоговых органов: монография. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2021. 168 с.

22. Иванов П. И., Шитов А. С. К вопросу об оперативно-розыскной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по выявлению и раскрытию налоговых преступлений на потребительском рынке // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-podrazdeleniy-ekonomicheskoy-bezopasnosti-i-protivodeystviya-korruptsii-po> (дата обращения: 07.06.2025); Иванов П. И., Шитов А. С. Транснациональная организованная налоговая преступность как угроза налоговой безопасности (меры оперативно-розыскного противодействия) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4 (57). С. 46—53; Иванов П. И. Проблемы противодействия легализации преступных доходов и пути их решения // Вестник БелЮИ МВД России. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protivodeystviya-legalizatsii-prestupnyh-dohodov-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 07.06.2025).

23. Ларичев В. Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: вопросы теории и практики в современных условиях // Безопасность бизнеса. 2008. № 2. С. 2—7.

24. Рахимзода Р. Х. Оперативно-розыскная политика и процессуальная деятельность в интересах обеспечения экономической безопасности государства // Мир политики и социологии. 2016. № 2. С. 153—166.

25. Зинченко Г. С. К вопросу о содержании оперативно-розыскной характеристики преступлений, связанных с нарушением налогового

rev. Moscow: Department of State Service and Personnel of the Internal Affairs Ministry of Russia; 2012: Part 1. 481; Part 2. 419. (In Russ.).

20. Opalsky A. P., Ishchenko A. N., Kardanova Z. R. (et al.) Document verification activities of internal affairs bodies in the investigation of crimes related to taxation. Monograph. Red. by. A. P. Opalsky. Moscow: Academy of Management of the MIA of Russia; 2011: 140. (In Russ.).

21. Rodichev M. L. Interaction of detective bodies and tax organs. Monograph. Saint Petersburg: Publishing house of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia; 2021: 168. (In Russ.).

22. Ivanov P. I., Shitov A. S. On the issue of detective activities of economic security and anti-corruption units in identification and solution of tax-related crimes in the consumer market. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2020. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-podrazdeleniy-ekonomicheskoy-bezopasnosti-i-protivodeystviya-korruptsii-po>. Accessed: 7 June 2025; Ivanov P. I., Shitov A. S. Transnational organized tax-related crime as a threat to tax security (detective counteractions). Journal of the Vladimir Law Institute, 46—53, 2020; Ivanov P. I. Problems to counteract the legalization of criminal incomes and ways to solve them. Journal of the Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protivodeystviya-legalizatsii-prestupnyh-dohodov-i-puti-ih-resheniya>. Accessed: 7 June 2025. (In Russ.).

23. Larichev V. D. Detective characteristics of economic crimes: modern theory and practice issues. Business security, 2—7, 2008. (In Russ.).

24. Rakhimzoda R. Kh. Detective policy and procedural activity in the interest of ensuring economic security of the state. World of politics and sociology, 153—166, 2016. (In Russ.).

25. Zinchenko G. S. On the issue of the content of detective profile of crimes related to violation of the tax legislation. Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2021. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-osoderzhanii-operativno-rozysknoy-harakteristiki-prestupleniy-svyazannyh-s-narusheniem-nalogogovozakonodatelstva>. Accessed: 7 June 2025. (In Russ.).

26. Melikhov A. I. Detective activity of internal affairs bodies in the national security system. Monograph. Volgograd: the Volgograd Academy of

законодательства // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-soderzhanii-operativno-rozysknoy-harakteristiki-prestupleniy-svyazannyh-s-narusheniem-nalogovogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 07.06.2025).

26. Мелихов А. И. Оперативно-разыскная деятельность органов внутренних дел в системе обеспечения национальной безопасности: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2020. 164 с.

27. Михалюк Р. В., Разуваев Д. П. О состоянии законности при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий в отношении субъектов предпринимательской деятельности // Прокурор. 2016. № 3. С. 97—101.

28. Антонов В. А., Белохребтов В. С. Понятие и этапы оперативно-разыскного обеспечения расследования налоговых преступлений // Российский следователь. 2015. № 18. С. 41—44.

29. Волгин Ю. Г. Оперативно-розыскное обеспечение расследования экономических преступлений: курс лекций для студентов вузов. Кемерово: Кемеровск. ин-т (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2014. 127 с.

the Ministry of the Interior of Russia; 2020: 164. (In Russ.).

27. Mikhalyuk R. V., Razuvayev D. P. On the legality while conducting public detective actions aimed at business entities. Prosecutor, 97—101, 2016. (In Russ.).

28. Antonov V. A., Belokhrebto V. S. Concept and stages of detective support of tax-related crimes investigation. Russian Investigator, 41—44, 2015. (In Russ.).

29. Volgin Yu. G. Detective support of the of economic crimes investigation. Lectures for students. Kemerovo: Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics; 2014: 127. (In Russ.).

Катков Сергей Владимирович,
профессор кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
sv.katkov@yandex.ru

Katkov Sergey Vladimirovich,
professor at the department
of detective activities and special equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
sv.katkov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 19.09.2025; одобрена после рецензирования 21.09.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 19.09.2025; approved after reviewing 21.09.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 351.74(574):004.8

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРОДВИЖЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ
ЗАКОНА И ПОРЯДКА**

Санжар Аскенович Адиллов

Министерство внутренних дел Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан,
r.moldybaeva@mvd.gov.kz

Аннотация. В статье представлен критический анализ глобальных тенденций внедрения искусственного интеллекта в правоохранительную деятельность с акцентом на существующие вызовы и современные риски цифровизации сферы безопасности. Мировое научное сообщество подчеркивает высокий потенциал ИИ для трансформации криминального анализа, автоматизации рутинных операций и повышения эффективности расследования преступлений. Наряду с преимуществами выделяются ключевые проблемы: защита персональных данных, соблюдение базовых прав человека при эксплуатации ИИ-моделей, прозрачность принятия решений алгоритмическими системами и недопущение дискриминации при уголовном судопроизводстве. Особая роль отводится вопросам международной координации и законодательного регулирования, включая классификацию высокорисковых ИИ-систем в соответствии с международными моделями их регулирования. Статья содержит расширенный обзор национального законодательства, действующих концепций развития ИИ и национальных стандартов, направленных на формирование основ системной правовой базы использования искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности Казахстана, что позволяет сопоставить отечественную практику с передовыми зарубежными подходами. В заключение обосновывается значимость формирования интегрированной модели управления цифровой трансформацией правоохранительного сектора.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация, совершенствование правоохранительной деятельности, правоохранительные органы

Для цитирования: Адиллов С. А. Цифровизация правоохранительной деятельности: реализация Концепции продвижения идеологии Закона и Порядка // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 18—24.

**DIGITALIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES:
REALIZATION OF THE CONCEPT
TO PROMOTE THE IDEOLOGY OF LAW AND ORDER**

Sanzhar Askenovich Adilov

Ministry of the Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan,
r.moldybaeva@mvd.gov.kz

Abstract. This article presents a critical analysis of global trends to apply the artificial intelligence in law enforcement, focusing on existing challenges and contemporary risks of digitalization in the security sector. The global scientific community emphasizes the high potential of AI for transforming criminal analysis, automating routine operations, and improving the efficiency of crime investigations. Along with the advantages, key challenges are identified: the protection of personal data, respect for basic human rights when applying AI models, transparency in decision-making by algorithmic systems, and non-discrimination in criminal proceedings. Special attention is given to issues of international coordination and legislative regulation, including the classification of high-risk AI systems in accordance with international regulatory models. The article contains an extensive review of national legislation, existing AI development concepts, and national standards aimed at forming the foundations of a systemic legal base to apply artificial intelligence in law enforcement in Kazakhstan that let compare

domestic practice with advanced international approaches. In conclusion, the importance to develop an integrated model for managing the digital transformation of the law enforcement sector is substantiated.

Keywords: artificial intelligence, digitalization, improvement in law enforcement activities, law enforcement agencies

For citation: Adilov S. A. Digitalization of law enforcement activities: realization of the Concept to promote the ideology of Law and Order. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 18—24, 2025. (In Russ.).

Современные вызовы общественной безопасности требуют внедрения инновационных цифровых решений, обеспечивающих эффективность, прозрачность и доверие населения к институтам правопорядка. Министерство внутренних дел Республики Казахстан реализует комплексную программу цифровизации, направленную на повышение уровня профилактики преступности, усиление контроля, оптимизацию следственных процессов и интерактивное взаимодействие граждан с полицией.

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в правоохранительную деятельность признано одним из важных векторов развития современной юриспруденции и безопасности, что подтверждается публикациями в научных журналах [1].

В основе методологии исследования данной научной статьи лежит комплексный юридико-аналитический подход. В рамках работы реализовано сочетание формально-юридического, сравнительно-правового и эмпирического методов, что позволило осуществить всесторонний анализ нормативных основ цифровизации правоохранительной деятельности и прикладных аспектов интеграции искусственного интеллекта в юридическую практику.

Сначала были проанализированы нормативные акты и международные стандарты, регулирующие применение цифровых решений в сфере общественной безопасности. Особое внимание уделялось сопоставлению казахстанского законодательства с зарубежными положениями. Для выявления правовых рисков, связанных с использованием высокорисковых ИИ-систем, применялись формально-логические и системно-структурные методы, позволяющие раскрыть специфику регулирующих норм и определить проблемные зоны их применения.

Путем сравнительно-правового анализа были изучены научные публикации и эмпирические отчеты, посвященные внедрению искусственного интеллекта в сферу борьбы с киберпреступностью, организации профилактики правонарушений и реформе криминалистической экспертизы.

Важную роль в обосновании прикладных выводов сыграл контент-анализ кейсов функционирования цифровых сервисов («Закон и порядок», ForensicLIMS, Антифрод-центр), а также обобщение статистических данных. В ходе работы проводилось целенаправленное исследование институтов цифрового контроля, хранения вещественных доказательств, а также правовых механизмов интеграции блокчейн-технологий и криптовалютных бирж в структуру профилактики и расследования преступлений.

Методы интерпретации зарубежного опыта органично сочетались с эмпирическим моделированием и юридическим прогнозированием, что позволило не только проанализировать существующее состояние правовой базы, но и выработать рекомендации по совершенствованию регуляторной политики. В качестве вспомогательных инструментов использовались дедуктивные и индуктивные подходы, сбор и обработка качественных и количественных показателей, системная оценка организационно-правовых последствий масштабирования цифровых решений.

Такой структурированный, междисциплинарный методологический базис обеспечивает исследованию высокий уровень достоверности и релевантности выводов, позволяя интегрировать национальную юридическую практику с прогрессивными международными разработками в области цифровизации правоохранительных органов.

Значение внедрения ИИ для правоохранительной системы. ИИ способен радикально повысить эффективность анализа больших объемов данных, выявления преступных паттернов и прогнозирования криминальных рисков, позволяя существенно опережать традиционные методы по скорости и охвату информационного поля¹.

Ученые отмечают, что ИИ внедряется по следующим основным направлениям:

¹ AI and policing. the benefits and challenges of artificial intelligence for law enforcement: an observatory report from the Europol Innovation Lab. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2024. URL: www.europol.europa.eu (дата обращения: 20.08.2025).

— распознавание лиц и биометрия для поиска и идентификации лиц, находящихся в розыске;

— предикативное моделирование и анализ массивов коммуникаций для прогнозирования потенциальных преступлений и предотвращения правонарушений;

— автоматизация процессов цифровой криминалистики, включая обработку доказательств по делу, изучение видеозаписей, создание аналитических отчетов;

— повышение эффективности расследования транснациональных преступлений (по статьям зарубежных ученых) [2].

ИИ также позволяет освободить человеческие ресурсы и направить усилия сотрудников правоохранительных органов на сложные задачи, требующие правовой оценки и этических суждений. Например, в странах ЕС, США, Китае широко внедряются алгоритмы анализа больших данных и машинного обучения для борьбы с киберпреступностью и терроризмом [2].

Мировые тенденции, риски и вызовы. Европейские исследования [3] подчеркивают потенциал ИИ для цифровой трансформации правоохранительной деятельности — от криминального анализа до автоматизации повторяющихся операций.

Среди ключевых вызовов:

— защита персональных данных и соблюдение основных прав человека при эксплуатации ИИ;

— прозрачность и подотчетность решений алгоритмических систем для предотвращения ошибок в уголовном судопроизводстве¹;

— необходимость международной координации, а также законодательного урегулирования использования ИИ в полиции и криминалистике [3].

Особое внимание уделяется классификации высокорисковых ИИ-систем в соответствии с новым европейским законодательством, что строго регламентирует автоматизированные методы воздействия на личность [3].

Министерство внутренних дел Республики Казахстан осуществляет широкий комплекс мероприятий по внедрению цифровых технологий и иных инновационных решений в систему обеспечения общественной безопасности. В рамках указанных трансформаций реализуется Концепция по формированию идеологии Закона и Порядка в обществе.

В процессе ее реализации акцентируется внимание на целевых направлениях профилактики:

предотвращении подростковой преступности; минимизации детского травматизма; обеспечении дорожной безопасности; противодействию киберпреступности; реинтеграции лиц, отбывших наказание; а также усилении профилактики.

Параллельно с этим обновляется законодательная база: в Мажилисе рассматривается проект закона «О профилактике правонарушений». Ведется активное взаимодействие с гражданским обществом, координируется деятельность свыше четырех тысяч организаций, объединяющих около двадцати тысяч граждан.

По поручению Главы государства с 23 июня 2025 г. в мобильных приложениях EgovMobile, а также банков второго уровня Kaspi.kz и Halyk Bank внедрен новый сервис — «Закон и порядок».

Данный сервис предоставляет гражданам возможность оперативно сообщить о правонарушении в полицию (ДТП, нарушение ПДД, бытовое насилие, происшествия, происшествия с ребенком), пожаловаться на действия сотрудника полиции.

С момента запуска сервиса в полицию поступило более 30 тыс. обращений от граждан (EgovMobile — 10 831, Kaspi.kz — 9 444, Halyk Bank — 181, приложение «102» — 10 518).

В результате привлечены к административной ответственности за нарушения ПДД — 9 799 лиц, зарегистрировано в ЕРДР — 407 ДТП, отработано — 8 729 происшествий, в том числе с участием детей — 419, привлечено к уголовной ответственности за бытовое насилие — 341 лицо, рассмотрено 767 жалоб на действия сотрудников.

Одновременно ведется масштабная работа по пропаганде идеологии Закона и Порядка: в СМИ и социальных сетях опубликовано свыше 18 тыс. материалов, формирующих правовую культуру и сознание общества.

Продуманная информационная стратегия позволяет не только системно распространять знание о структуре и принципах действия национального законодательства, но и способствует интеграции ценностей правопорядка в различные сферы повседневного взаимодействия общества и государства. Данная деятельность играет роль механизма, обеспечивающего формирование социальной ответственности, профилактику правонарушений на ранних стадиях, а также укрепление общественной дисциплины и доверия к институтам власти.

Повышение уровня правовой информированности с использованием современных коммуникационных каналов приводит к первичному изменению индивидуальных установок граждан, способствует укреплению верховенства закона в общественном

¹ URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20322844241260114?icid=int.sj-full-text.similar-articles.2> (дата обращения: 20.08.2025).

сознании и закладывает фундамент для долгосрочного развития института правовой культуры в условиях цифровой трансформации государственного управления¹.

В целях противодействия финансовым преступлениям создан и функционирует Антифрод-центр, обеспечивающий отслеживание и блокировку подозрительных транзакций. За отчетный период заблокировано 841 млн тенге, из которых 457 млн возвращены пострадавшим. Кроме того, большой объем блокировок денежных средств объясняется тем, что на начальном этапе работы Антифрод-центра в условиях отсутствия практики меры принимались максимально широко, без детального разбора операций.

Вместе с тем, в соответствии со ст. 25-1 Закона «О платежах и платежных системах», предусмотрен новый порядок возврата денежных средств через функционал платформы Антифрод-центра. Однако на данный момент этот функционал в системе еще не реализован.

Отмечена необходимость обеспечения круглосуточной обработки инцидентов и повышения эффективности межведомственного взаимодействия.

В данном контексте интересен опыт Великобритании в сфере противодействия финансовым преступлениям и заслуживает особого внимания с точки зрения организации информационного обмена и автоматизации процессов финансовой разведки. В настоящее время центральным элементом деятельности финансовой разведки (UKFIU) и правоохранительных органов выступает система обработки сообщений о подозрительных операциях (SAR), получаемых как из национального финансового сектора, так и от зарубежных партнеров и правоохранительных структур.

Для передачи отчетов SAR практикуется использование безопасной бесплатной онлайн-платформы, позволяющей направлять сообщения круглосуточно. Система обеспечивает оперативное подтверждение поступления отчета и присвоение уникального идентификатора, что выгодно отличает ее от ручных способов сбора информации. Все отчеты аккумулируются в защищенной центральной базе данных, что гарантирует их сохранность и доступность для анализа крупными ведомствами.

UKFIU несет ответственность за получение, предварительный анализ и организацию расследований по представленным материалам. Ежегодно подразделение получает порядка 460 тыс. SAR, большая часть которых после детального анализа перенаправляется для дальнейших исследований в профильные органы, такие как Национальное отделение по борьбе с финансированием терроризма (NTFIU), подразделения профессиональных стандартов полиции и т. п. Оставшиеся отчеты доступны правоохранительным органам страны через защищенные каналы коммуникации.

Дополнительную эффективность обработке информации придает использование поиска по ключевым словам и специализированным кодам. Один и тот же SAR может использоваться одновременно разными ведомствами: службой налогового и таможенного контроля, местной полицией, правительственными учреждениями и т. д., в зависимости от выявленных нарушений или сигналов риска. Такая модель организации информационного обмена обеспечивает высокую оперативность, интеграцию аналитических возможностей и мультиотраслевой характер реагирования на финансовые преступления [4].

Возвращаясь к казахстанскому опыту, отметим следующее. 27 августа 2025 г. на базе МВД Казахстана в целях обсуждения вопросов деятельности Антифрод-центра, его интеграции с Web ЕРДР и дальнейшего совершенствования совместной работы проведено рабочее совещание с участием руководства Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан (КПСиСУ ГП РК) и департаментов полиции, которым даны указания по активизации работы в данном направлении.

В связи с этим совместно с КПСиСУ РК усиливается учетно-регистрационную дисциплину и оперативность блокировки денежных средств.

Сейчас информация об инцидентах в автоматическом режиме через ЕРДР поступает в дежурные части ОВД и регистрируется в КУИ / ЕРДР, по которым в течение 24 часов принимается решение.

Но в то же время система видится несовершенной.

1. Одной из проблем на сегодня является отсутствие механизма по возврату заблокированных денежных средств.

С учетом изложенного считаем, что Национальному банку совместно с Министерством юстиции и другими заинтересованными государственными органами необходимо подробно изучить вопрос

¹ URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/akimvko/press/news/details/979513?lang=ru> (дата обращения: 20.08.2025).

внесения соответствующих поправок в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (УПК РК).

2. Следующий вопрос — отсутствие реакции на создаваемые МВД РК инциденты в выходные и праздничные дни.

В соответствии с внутренними актами Национального банка данная работа должна проводиться в круглосуточном режиме (Постановление правления № 188 от 12 ноября 2019 г.).

Однако не все инциденты, создаваемые ОВД в нерабочие дни, обрабатываются, что нарушает установленный трехдневный срок реагирования и снижает шансы на блокировку средств.

В связи с этим предлагаем Национальному банку принять соответствующие меры для обеспечения круглосуточной обработки инцидентов в эти периоды.

3. Помимо прочего, возникает необходимость интеграции Антифрод-центра с криптовалютными биржами.

Значительная часть похищенных денежных средств конвертируется в криптовалюту. Но мы узнаем об этом только после допроса подозреваемых или свидетелей. Естественно, к этому времени деньги уже выведены.

Однако цифровизация банковской системы позволяет в реальном времени пресекать такие действия и блокировать денежные средства, в том числе в виде виртуальных активов. Исходя из этого, предлагаем проработать интеграцию Антифрод-центра с криптовалютными биржами, зарегистрированными в МФЦА (Binance, Bybit, Ataiх Eurasia, CaspianEx, Delta DA, Biteeu Eurasia и др.).

Внедрение интерактивного помощника следователя с элементами искусственного интеллекта представляет собой новый этап цифровизации уголовного процесса. Система автоматизирует планирование расследования, обработку показаний и формирование процессуальных документов, повышая качество и скорость следственных действий.

В пилотном режиме система апробируется в Астане и Косшы, где ИИ помогает анализировать противоречия в показаниях, генерировать уточняющие вопросы и формировать экспертные заключения. Разработка новых модулей продолжается в целях масштабного внедрения по всей стране.

Во исполнение поручения Главы государства по форсированию развития искусственного интеллекта МВД РК совместно с КПСиСУ РК внедряется интерактивный помощник следователя. Он подра-

зумевает цифровые технологии, которые автоматизируют следственную работу; снижают трудозатраты; помогают в формировании плана расследования; обрабатывают показания участников уголовного процесса; предлагают варианты вопросов, необходимых для выяснения и назначения судебных экспертиз из лучших практик следствия.

Кроме того, ИИ сокращает сроки расследования, взяв на себя всю техническую работу. При наличии нескольких показаний ИИ выполняет их сравнительный анализ, выявляет противоречия и генерирует уточняющие вопросы для дополнительных допросов, в том числе для последующего проведения очных ставок между участниками процесса.

В настоящий момент уже функционируют три модуля, которые с 19 июня 2025 г. апробируются в двух районах столицы и в Косшы Акмолинской области. Это 1) планирование расследования; 2) обработка показаний; 3) формирование процессуальных документов.

На стадии разработки еще один модуль — составление постановления о квалификации деяния. Это пожелание самих следователей, участвующих в пилоте.

Однако о полной замене деятельности сотрудника не может идти речи, поскольку интерактивный помощник следователя лишь помогает расследовать уголовные дела более качественно, подсказывать ошибки и направлять, что полностью согласуется с задачами уголовно-процессуального законодательства по быстрому и полному раскрытию, расследованию преступлений, изобличению и привлечению к уголовной ответственности лиц, их совершивших.

По результатам пилота мы будем совершенствовать систему для дальнейшего внедрения на всей территории страны.

Проект E-AYGAQ ZAT обеспечивает автоматизацию учета вещественных доказательств. Данное новшество позволяет полностью исключить трудоемкий бумажный учет вещественных доказательств.

Благодаря функции онлайн-просмотра руководитель имеет возможность контролировать весь процесс сдачи на хранение вещественных доказательств и дальнейшее их нахождение.

Датчики движения и камера видеонаблюдения с фиксацией 360 градусов позволяют фиксировать процесс сдачи лицами вещественных доказательств с выгрузкой в приложение, устанавливается охранная сигнализация с выводом в дежурную часть. Вход в аппаратно-программный комплекс

(АПК) осуществляется через биометрические данные сотрудников. Вещественные доказательства помещаются в упаковочный материал с присвоением QR-кода, содержащего всю информацию о вещественных доказательствах по уголовному делу. Всего установлено 60 АПК по стране.

Для полной реализации проекта в стране необходимо совместно с КПСиСУ РК проработать вопросы закупки дополнительного оборудования и интеграции с базой ЕРДР. По информации КПСиСУ РК, проведение интеграционных работ между ИС «ЕРДР» и «Төрелік» перенесено на IV квартал 2025 г.

Одной из основных задач органов уголовного преследования в борьбе с преступностью является установление имущества, добытого преступным путем, для обеспечения возмещения ущерба. Вместе с тем в настоящее время преступники не хранят деньги на счетах, а предпочитают легализовать свой преступный доход с помощью приобретения ценных бумаг. В связи с этим МВД РК в течение года совместно с КПСиСУ РК проводит работу по разрешению вопроса интеграции Центрального депозитария ценных бумаг с Системой информационного обмена правоохранительных и специальных органов (СИО ПСО).

Система ForensicLIMS направлена на цифровую трансформацию криминалистической экспертизы. Она обеспечивает контроль за движением вещественных доказательств, автоматическое формирование отчетности и исключение ручного документооборота. Благодаря аналитическим функциям система позволяет выявлять закономерности преступлений и снижать нагрузку на региональные подразделения.

Кроме перечисленного, реализуется пилотный проект «Видео НД», направленный на оптимизацию регистрации заявлений граждан по событиям, не содержащим признаков преступления. Проект предусматривает отказ от бумажных носителей посредством внедрения системы видеозаписи обращений, что способствует автоматизации документооборота и обработке данных.

Внедрение данного проекта позволяет значительно сократить временные затраты населения при оформлении заявлений, а также повышает качество учета и регистрации обращений за счет минимизации риска сокрытия отдельных фактов преступлений. С августа 2025 г. система «Видео НД» апробируется в пяти территориальных подразделениях полиции, реализуясь в городах и регионах с различной криминогенной спецификой.

Особое значение внедрение платформы приобретает для оптимизации работы прокурорских работников при проверке и обработке материалов нарядов: на протяжении девяти месяцев 2025 г. в республике обработано порядка 1,2 млн таких материалов, что предъявляет высокие требования к ресурсам технического и офисного обеспечения. Система «Видео НД» обеспечивает высвобождение служебных помещений, способствует сокращению объема бумажного хранения и решает задачи эффективного пространственного управления.

Министерство внутренних дел последовательно развивает цифровую инфраструктуру полиции для повышения уровня правопорядка, прозрачности и эффективности функционирования правоохранительных органов в современных условиях информационного общества.

Проведенное исследование комплексной цифровизации правоохранительной деятельности в Казахстане продемонстрировало значительный прогресс в интеграции инновационных технологий, включая искусственный интеллект, автоматизированные аналитические платформы и системы цифрового документационного учета. Использование ИИ позволило повысить оперативность и качество анализа больших массивов данных, прогнозировать криминогенные риски и выявлять преступные паттерны, что соответствует опыту передовых юрисдикций в Европе и США. Формирование специализированных сервисов для граждан, активная работа по пропаганде правовой культуры и запуск пилотных проектов способствовали росту социальной ответственности и укреплению доверия населения к институтам правопорядка.

Вместе с тем развитие цифровых инструментов в правоохранительной сфере сопровождалось рядом фундаментальных вызовов — необходимостью обеспечения кибербезопасности, защиты персональных данных, прозрачности алгоритмических решений и соблюдения основных прав человека. Анализ зарубежного опыта подтвердил целесообразность создания и автоматизации интегрированных антифрод-центров, внедрения механизмов межведомственного обмена и применения систем динамического мониторинга для банковских и криптовалютных операций. Особое внимание в процессе модернизации уделяется законодательному регулированию, профессиональной подготовке кадров и развитию цифровых компетенций будущих юристов.

Таким образом, подводя итоги проведенного анализа, представляем следующие рекомендации.

1. Совершенствовать национальное законодательство с учетом международных стандартов, внедряя регуляторные механизмы для работы с высокорисковыми ИИ-системами, а также поддерживать правовую адаптацию к быстро меняющимся технологиям цифрового пространства.

2. Проработать интеграцию Антифрод-центра с криптовалютными биржами, зарегистрированными в МФЦА (Binance, Bybit, Ataix Eurasia, CaspianEx, Delta DA, Biteeu Eurasia и др.).

3. Усилить образовательные программы по цифровым компетенциям для работников правоохранительных органов и в целом сектора государственных служащих.

4. Внедрять пилотные проекты по цифровизации процессуальных действий, мониторить их результаты, а успешные решения распространять на всей территории страны.

5. Поддерживать информационные кампании, направленные на развитие правовой культуры и профилактического сознания граждан, используя современные коммуникационные технологии для повышения уровня правовой грамотности и вовлеченности.

Реализация перечисленных рекомендаций будет способствовать формированию эффективной, открытой и современной правоохранительной системы, способной адекватно реагировать на вызовы цифровой эпохи и укреплять конкурентоспособность национального правопорядка.

1. Пшиченко Д. В. Использование искусственного интеллекта в противодействии преступности: правовые и этические проблемы // Вестник науки. 2023. Т. 1, № 6. С. 925—932.

2. Redefining Accountability: AI's Role in Prosecuting Transnational Crimes under International Law / A. Siraj, Yu. Jabbi, A. Budhiartie, A. Mustafa // *Audito Comparative Law Journal*. 2025. № 6 (2). P. 124—145.

3. Sachoulidou A. Harnessing AI for law enforcement: solutions and boundaries from the forthcoming AI Act // *New Journal of European Criminal Law*. 2024. № 15 (2). P. 117—125.

4. Гребенкина С. А. Анализ международной практики цифрового взаимодействия в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № s1. URL: <https://esj.today/PDF/85FAVN123.pdf> (дата обращения: 02.09.2025).

Адилов Санжар Аскенович,
заместитель министра внутренних дел
Республики Казахстан,
кандидат юридических наук;
r.moldybaeva@mvd.gov.kz

1. Pshichenko D. V. Artificial intelligence applying in combating crime: legal and ethical issues. *Bulletin of science*, 925—932; 2023. (In Russ.).

2. Siraj A., Jabbi Yu., Budhiartie A., Mustafa A. Redefining Accountability: AI's Role in Prosecuting Transnational Crimes under International Law. *Audito Comparative Law Journal*, 124—145; 2025. (In Eng.).

3. Sachoulidou A. Harnessing AI for law enforcement: solutions and boundaries from the forthcoming AI Act. *New Journal of European Criminal Law*, 117—125; 2024. (In Eng.).

4. Grebenkina S. A. Analysis of international practice of digital interaction in the sphere of combating money laundering and financing terrorism. *Bulletin of Eurasian Science*, 2023. Available from: <https://esj.today/PDF/85FAVN123.pdf>. Accessed: 2 September 2025. (In Russ.).

Adilov Sanzhar Askenovich,
Deputy Minister of the Internal Affairs
of the Republic of Kazakhstan,
candidate of juridical sciences;
r.moldybaeva@mvd.gov.kz

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 26.09.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 26.09.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.2

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ: ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ГУМАНИЗАЦИИ

Ахмед Магомедович Басханов*, **Елена Евгеньевна Колбасина****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, axmed.basxanov.95@mail.ru

** Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, elena-kolbasina@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ актуальных проблем уголовно-правового регулирования ответственности за прикосновенность к преступлению в российском законодательстве. Авторы отмечают тенденцию к расширению данного института, вместе с тем подвергая критической оценке действующие правовые нормы. Основное внимание уделяется дискуссионным вопросам, таким как необходимость дифференциации ответственности в зависимости от стадии совершения основного преступления, а также целесообразность криминализации несообщения о достоверно известной невинности лица. Значительное место в исследовании занимает предложение по расширению круга лиц, не подлежащих уголовной ответственности за несообщение о преступлении или укрывательство преступления. Выносятся на рассмотрение вопрос о включении в этот перечень лиц, состоящих в фактических брачных отношениях, неполнородных (имеющих общих отца или мать) братьев и сестер, а также адвокатов, врачей, психологов и священнослужителей. Авторы аргументируют необходимость внесения соответствующих изменений в примечания к ст. 205⁶ и 316 Уголовного кодекса Российской Федерации в целях реализации принципов справедливости, гуманизма и правовой определенности.

Ключевые слова: прикосновенность к преступлению, несообщение о преступлении, укрывательство преступлений, уголовная ответственность, наказание, уголовное законодательство, близкие родственники

Для цитирования: Басханов А. М., Колбасина Е. Е. Развитие института прикосновенности к преступлению: вопросы криминализации и гуманизации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 25—30.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF HAVING TO DO WITH A CRIME: CRIMINALISATION AND HUMANISATION ISSUES

Akhmed Magomedovich Baskhanov*, **Yelena Yevgeniyevna Kolbasina****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, axmed.basxanov.95@mail.ru

** Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, elena-kolbasina@mail.ru

Abstract. The article analyses topical problems in the criminal law regulation of liability for having to do with a crime under Russian law. The authors note a tendency towards the expansion of this institution, while also critically evaluating the acting legal norms. The focus is on debated issues such as the need to discern liability depending on the stage of the principal crime commission, as well as the feasibility of criminalizing of non-reporting of an acknowledged innocence of a person. A significant part of the research is dedicated to the suggestion to expand the scope of individuals who are not criminally liable for non-reporting of a crime or for concealment of a crime. The issue of including persons in de facto marital relationships, half-siblings (having a common father or mother), as well as lawyers, doctors, psychologists, and clergy, is being presented for consideration. The authors argue for the need to introduce corresponding amendments to the notes to Art. 205⁶ and 316 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to implement the principles of justice, humanism, and legal certainty.

Keywords: having to do with a crime, non-reporting of a crime, concealment of crimes, criminal liability, punishment, criminal law, close relatives

For citation: Baskhanov A. M., Kolbasina Ye. Ye. Development of the institute of having to do with a crime: criminalisation and humanisation issues. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 25—30, 2025. (In Russ.).

Эффективность уголовно-правового предупреждения преступлений снижается из-за деятельности тех лиц, которые укрывают преступления, совершенные другими лицами, либо которые не сообщают об этих преступлениях. Такая посткриминальная деятельность способствует росту латентной преступности, создает препятствия привлечению виновных в совершении преступлений к уголовной ответственности, стимулирует их дальнейшую преступную активность. Некоторые формы такой деятельности криминализированы в виде отдельных составов преступлений и получили в теории уголовного права наименование «прикосновенность к преступлению».

Новые вызовы национальной безопасности России побуждают законодателя расширять круг норм, относящихся к институту прикосновенности к преступлению. Так, в 2016 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) была включена ст. 205⁶, предусматривающая ответственность за несообщение о преступлении террористического характера.

Далее, в 2022 г. другая форма прикосновенности к преступлению подверглась модернизации: теперь уголовная ответственность по ст. 316 УК РФ наступает не только за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений, но и за заранее не обещанное укрывательство тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста. В пояснительной записке к соответствующему законопроекту указывалось, что такое решение обусловлено «скрытым характером преступлений против половой неприкосновенности детей и частым распространением случаев укрывательства таких преступных деяний»¹.

Наконец, 21 апреля 2025 г. изменения коснулись ст. 205⁶ УК РФ. Перечень деяний, за несообщение о которых наступает ответственность, был дополнен преступлениями, предусмотренными ст. 281, 281¹, 281², 281³ УК РФ².

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: законопроект № 388776-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/388776-7> (дата обращения: 17.03.2025).

² О внесении изменения в статью 205⁶ Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 21 апреля 2025 г. № 102-ФЗ. // Спарв.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503606/ (дата обращения: 07.07.2025).

Полагаем, что законодатель пойдет по пути дальнейшего развития института прикосновенности к преступлению, исходя из того, что угрозы национальной безопасности нашей стране составляют и другие виды преступности, посткриминальное содействие которым затрудняет противодействие им. Данный тезис подтверждают различные законодательные инициативы. В частности, 11 июля 2019 г. депутатом Государственной Думы Российской Федерации (далее — ГД РФ) Е. Е. Марченко на рассмотрение в ГД РФ были внесены два законопроекта. Первая инициатива касалась изменения наименования ст. 205⁶ УК РФ в соответствии со сферой применения нормы — «Несообщение о преступлении террористической направленности»³. Второй законопроект предлагал включить в УК РФ ст. 316¹ «Несообщение о преступлениях против жизни при отягчающих обстоятельствах». По мнению разработчиков документа, ответственность по данной статье должна наступать за несообщение о готовящихся, совершаемых, совершенных преступлениях, предусмотренных пп. «а», «е», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ⁴. По итогам предварительного рассмотрения данного законопроекта было решено вернуть его субъекту права законодательной инициативы в связи с несоответствием требованиям Конституции Российской Федерации и Регламента ГД РФ (отсутствовал положительный отзыв Правительства Российской Федерации).

Анализ практики применения уголовного закона показывает, что некоторые положения норм о прикосновенности к преступлению не являются совершенными, во многом определяют недостатки в деятельности органов предварительного расследования и суда. Одной из причин сложившейся ситуации является недостаточная научная проработка положений уголовного закона об ответственности за различные формы проявления прикосновенности к преступлению.

³ О внесении изменений в название статьи 205⁶ Уголовного кодекса Российской Федерации: законопроект № 751913-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/751913-7?ysclid=l5j8es6ouz39135626> (дата обращения: 05.05.2025).

⁴ О внесении изменений в главу 31 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части установления дополнительной ответственности за несообщение о преступлениях массово опасной направленности): законопроект № 751924-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/751924-7?ysclid=l5j8l5js47562100043> (дата обращения: 05.05.2025).

В науке уголовного права в зависимости от стадии совершения основного преступления различают два вида несообщения (недонесения) о преступлении: 1) недонесение о готовящемся преступлении и 2) недонесение о совершенном преступлении. Думается, что первый вид несообщения обладает повышенной степенью общественной опасности. Дело в том, что при своевременном сообщении о готовящемся преступлении у правоохранительных органов есть возможность его пресечь. В ряде стран, например США, Канаде, Германии, за несообщение о готовящемся преступлении установлено более строгое наказание¹. Представляется целесообразным дифференцировать ответственность в зависимости от стадии совершения основного преступления: несообщение о готовящемся преступлении должно быть наказуемо более строго, чем несообщение об уже совершенном.

Следует выделить еще один вид несообщения, который характеризуется повышенной степенью общественной опасности, — «несообщение об истинном виновном лице». В главе «О определении наказаний по преступлениям» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. законодатель устанавливал размеры и виды наказаний прикосновенным лицам (ст. 130, 131, 132 Уложения 1845 г.). Повышенному наказанию подвергались те, кто осознавал, что недонесение ими о лице, совершившем преступление, приведет к обвинению невиновного: «Те, кто знал, что обвинение в преступлении упадет на невиновного, не объявят однако же о истинном виновном, приговариваются к наказанию одной степенью выше против других недонесших о виновных в таком же преступлении» (ст. 133). В соответствии со ст. 134 наказанию за недонесение об уже совершенном преступлении не подвергались родственники. Кроме того, если виновный в совершении основного преступления не приговаривался к смертной

казни или каторжной работе, наказание недоносителю отменялось вовсе, если он состоял в близких отношениях с лицом, совершившим основное преступление, или получил от него воспитание или иным образом был благодетелем его. Если укрыватель состоял в близких родственных отношениях с лицом, совершившим преступление, или не помогал ему в совершении преступления, а только после его совершения способствовал сокрытию, ему наказание смягчалось или отменялось². Действие данной статьи не распространялось на виновных в недонесении и укрывательстве преступника или преступления, совершенного против государя и государственной власти (ст. 263, 266, 271, 275 Уложения 1845 г.)³.

Такой вид недонесения причиняет ущерб не только интересам правосудия, но и законным интересам невиновного лица. Неоднократно высказывалось мнение об особой опасности данного вида несообщения. Так, Н. С. Косякова предлагает закрепить в виде самостоятельной нормы ответственность за «несообщение о невиновности лица» [1, с. 192]. Сторонником этой точки зрения также выступает Н. К. Кустова [2, с. 11]. Следовательно, такой вид несообщения должен найти свое отражение в качестве самостоятельной уголовно-правовой нормы.

Действительно, в контексте предложения о криминализации «несообщения об истинно виновном лице» ключевым является понимание того, что речь идет не о формально-правовом статусе лица (который устанавливается только судом), а о субъективном достоверном знании конкретного человека о том, что другое лицо фактически совершило преступление, в то время как к ответственности привлекается невиновный. Это позволяет обосновать необходимость такой нормы, не нарушая принципа презумпции невиновности. De jure вина устанавливается только судом, но de facto лицо может обладать информацией, которая объективно указывает на причастность другого человека к преступлению (например, свидетельство преступления, признание лица виновным, наличие вещественных доказательств). Норма направлена не на замену судебного решения, а на предотвращение заведомой несправедливости, когда человек, зная о реальном преступнике, молчит,

¹ См., напр.: § 4 "Misprision of Felony", § 2382 "Misprision of Treason Title 18 of the United States Code" (as of 2017). URL: https://legislationline.org/sites/default/files/documents/a5/USA_title_18_us_code_crimes_2017_en.pdf (дата обращения: 30.07.2025); Section 50 (1) "Assisting alien enemy to leave Canada, or omitting to prevent treason" of the Criminal Code of Canada (English and French). URL: <https://legislationline.org/sites/default/files/2023-10/Criminal%20Code%20of%20Canada.pdf> (дата обращения: 30.07.2025); Section 138 of the Criminal Code of the Federal Republic of Germany (1971, as amended 2013) (English version). URL: <https://legislationline.org/sites/default/files/2023-10/Criminal%20Code%20of%20the%20Federal%20Republic%20of%20Germany.pdf> (дата обращения: 11.07.2025).

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Тип. Второго Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. С. 41—42.

³ Там же. С. 98—102.

позволяя наказывать невиновного. Это защищает не только права невиновного, но и саму систему правосудия от дискредитации.

Встает вопрос — не приведет ли такое положение к нивелированию роли правоохранительных органов? В данном случае следует учитывать, что их ресурсы не всегда достаточны для раскрытия преступлений без помощи граждан. Например, в делах о коррупции или организованной преступности ключевые доказательства часто находятся у третьих лиц. Введение обязанности сообщать об истинном виновном дополняет, а не заменяет работу правоохранительных органов, усиливая взаимодействие общества и государства в борьбе с преступностью. При этом достаточно часто на практике правоохранительные органы, несмотря на проведенные оперативно-разыскные, процессуальные проверки сведений о совершенном преступлении, ввиду отсутствия информации о событиях произошедшего обращаются за помощью к гражданам. Например, на сайте МВД России в разделе «Внимание, розыск» имеется информация о лицах, находящихся в розыске, и размере вознаграждения за оказание содействия в предоставлении информации.

Действительно, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации отсутствует императивная обязанность граждан сообщать о преступлениях вне рамок допроса, но и не указано о безусловной добровольности такого сообщения, о чем свидетельствует введенная в 2016 г. ответственность за несообщение о преступлении, предусмотренная ст. 205⁶ УК РФ. Необходимость сообщения информации о преступлении в рамках проводимого допроса возникает тогда, когда допрашиваемому задается конкретный вопрос относительно события преступления. В противном случае обязанность сообщения о преступлении на допрашиваемое лицо не возлагается, за исключением ситуаций, предусмотренных ст. 205⁶ УК РФ.

Однако предложенная норма о криминализации «несообщения об истинно виновном лице» сужает сферу действия закона — она касается только случаев, когда несообщение приводит к уголовному преследованию невиновного. Это не противоречит принципу добровольности, а вводит исключение для ситуаций, где бездействие гражданина напрямую вредит правам третьих лиц и интересам правосудия. Пример: если лицо знает, что свидетель по делу лжет, а невиновный осужден, его молчание способствует судебной ошибке. Норма направлена на минимизацию таких случаев.

Предлагаемая норма не противоречит принципу презумпции невиновности, если четко определить условия ее применения:

1. *Наличие у лица объективно подтвержденной информации о причастности другого человека к преступлению.*

2. *Осведомленность о факте уголовного преследования невиновного.*

3. *Отсутствие законных оснований для молчания (например, свидетельский иммунитет).*

Такая мера усилит защиту прав личности и повысит эффективность правосудия, не нарушая конституционных принципов.

Еще одним дискуссионным вопросом является определение круга лиц, не подлежащих уголовной ответственности за несообщение о преступлении или укрывательство преступления. Согласно действующим редакциям примечаний к ст. 205⁶ («Несообщение о преступлении») и 316 («Укрывательство преступлений») УК РФ к таковым относятся супруг и близкие родственники лица, совершившего преступление. Относительно данного положения в уголовно-правовой доктрине много лет ведутся оживленные дискуссии. Так, М. М. Исаев предлагал установить факультативность наказания родственников, не ограничивая круг лиц только близкими родственниками и супругами, а, наоборот, учитывая и другую близость, например дружбу и товарищество. Правовед полагал, что в подобных случаях интересы государства будут охраняемы в полном объеме, а у суда появится возможность в определенных ситуациях принимать во внимание наличие чувств, психологических переживаний [3, с. 64].

По мнению Б. Т. Разгильдиева, следует изменить примечание статьи об укрывательстве таким образом, чтобы лицо не подлежало уголовной ответственности в случае, если до совершения укрываемым лицом нового преступления добровольно сообщит о нем в правоохранительные органы [4, с. 24—25]. С точки зрения В. С. Гелашвили, супруг и близкие родственники не должны подлежать уголовной ответственности только в случаях, если они действовали не из корыстных целей [5, с. 148]. В. С. Соловьев в XIX в. писал: «Высшая нравственность с альтруистической стороны не позволяет мне быть равнодушным к тому, чтобы мои ближние беспрепятственно становились убийцами, грабителями и чтобы общество, без которого и единичный человек не может жить и совершенствоваться, подвергалось опасности. Такое равнодушие было бы явным признаком нравственной смерти» [6, с. 385].

Считаем правильным решение законодателя об исключении из сферы действия ст. 205⁶, 316 УК РФ супруга и близких родственников за несообщение о преступлении или укрывательство преступления. Согласно ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом» (Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020)). Как справедливо отмечал М. И. Ковалев, «за укрывательством и доношением, совершенным близкими родственниками, часто скрывается такая внутренняя душевная борьба и сострадание, что любое наказание может казаться ничтожным» [7, с. 104—107].

Руководствуясь нравственными аспектами и положением Основного закона государства, полагаем нецелесообразным привлекать к ответственности лицо за несообщение о преступлении или укрывательство преступления, совершенного супругом или близким родственником. Так, еще А. П. Окладников, занимавшийся проблемой установления наказания за недонесение о преступлении, в конце XIX в. по результатам опроса сделал вывод, что более половины респондентов, зная об уголовной ответственности за заранее не обещанное несообщение о преступлении, не сообщили бы в правоохранительные органы о преступлении, совершенном их близким родственником (29 %), или считали, что у них нет такой обязанности (24 %) [8, с. 153].

В условиях современного общества, основанного на принципах справедливости и гуманизма, представляется обоснованным и своевременным расширить круг лиц, не подлежащих уголовной ответственности за несообщение о преступлении или укрывательство преступления. Полагаем, что в данный перечень необходимо включить лиц, фактически находящихся в брачных отношениях или сожительствующих. Реалии современного общества таковы, что значительное количество пар проживает в незарегистрированных браках (фактических брачных отношениях или сожительстве). Правовая защита таких союзов в данной сфере будет соответствовать принципу социальной справедливости и предотвратит уголовное преследование человека за лояльность к своему партнеру, по сути, являющемуся членом его семьи. В этот круг лиц следует добавить также неполнородных (имеющих общих отца или мать) братьев

и сестер, указанных в ст. 14 Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ.

Кроме того, в целях защиты частной жизни и доверительных отношений, приведения уголовно-правовых норм в соответствие с другими фундаментальными институтами права и повышения их эффективности ответственности за несообщение о преступлении не должны подлежать лица, с которыми у виновного сложились доверительные отношения в связи с исполнением первыми профессиональных, служебных либо общественных обязанностей (адвокат, священнослужитель, врач, психолог).

Таким образом, важно разграничить сферы действия примечания статей:

1. В статье 205⁶ УК РФ введение иммунитета для адвокатов, священнослужителей, врачей и психологов основано на уже существующих в других отраслях права нормах о неразглашении тайн (адвокатской, исповеди, врачебной). Невозможность сообщить о преступлении, ставшем известным в рамках конфиденциального общения, является прямым следствием исполнения профессионального долга. Угроза уголовной ответственности за несообщение разрушает саму суть доверительных отношений между адвокатом и клиентом, врачом и пациентом, священником и прихожанином, что наносит ущерб конституционным правам граждан на получение квалифицированной юридической помощи, медицинской помощи и свободу совести.

2. Предлагается расширить круг иммунитетов в ст. 205⁶ (несообщение) за счет вышеуказанных лиц (адвокат, священнослужитель, врач, психолог), но не включать их в ст. 316 (укрывательство). Это логично, так как укрывательство активными действиями (предоставление жилья, уничтожение следов и т. д.) выходит за рамки профессионального долга и молчания. Профессиональная этика требует сохранения тайны, но не позволяет способствовать сокрытию преступления. Таким образом, адвокат или врач не должны сообщать о преступлении, но и не должны, например, прятать орудие преступления.

Предлагаемые положения, по нашему убеждению, окажут положительный правовой эффект. Во-первых, приведут к гуманизации уголовного законодательства. Нормы будут в большей степени соответствовать принципу «право не может требовать от человека поступков, противоречащих его естественной привязанности и моральным устоям». Во-вторых, поспособствуют укреплению доверия населения к представителям различных

сфер профессиональной деятельности. Граждане будут более уверены в сохранении тайн при обращении к специалистам, что повысит качество и доступность юридических, медицинских и других

1. Косякова Н. С. Прикосновенность к преступлению по российскому уголовному праву: становление, состояние и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001. 212 с.
2. Кустова Н. К. Институт прикосновенности к преступлению: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2020. 28 с.
3. Исаев М. М. О наказуемости родственного укрывательства и недоносительства // Советское право. 1924. № 1. С. 48—64.
4. Разгильдиев Б., Мыльников С. Квалификация заранее не обещанного укрывательства // Советская юстиция. 1983. № 15. С. 24—25.
5. Гелашвили В. С. Ответственность за заранее не обещанное укрывательство по советскому уголовному законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1979. 169 с.
6. Соловьев В. С. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. В 9 т. Т. VII (1894—1897). Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Общественная польза». 77 с.
7. Ковалев М. И. Об ответственности за укрывательство и недоносительство // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 104—107.
8. Зарубин А. В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. 212 с.

Басханов Ахмед Магомедович,
старший преподаватель
кафедры тактико-специальной подготовки
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
ahmed.baschanov.95@mail.ru

Колбасина Елена Евгеньевна,
доцент кафедры криминологии
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;
elena-kolbasina@mail.ru

видов услуг. В-третьих, повысят авторитет закона. Закон будет восприниматься как более справедливый, учитывающий современные социальные реалии.

1. Kosyakova N. S. Having to do with a crime under Russian criminal law: genesis, state and horizon. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2001: 212. (In Russ.).
2. Kustova N. K. Institute of having to do with a crime: theoretical, practical and law enforcement issues. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Kazan; 2020: 28. (In Russ.).
3. Isayev M. M. On punishment of family concealment of a crime and non-reporting a crime. Soviet law, 48—64, 1924. (In Russ.).
4. Razgildiyev B., Mylinikov S. The definition of concealment without prior promise. Soviet justice, 24—25, 1983. (In Russ.).
5. Gelashvili V. S. Concealment without prior promise liability in the Soviet criminal law. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 1979: 169. (In Russ.).
6. Soloviyev V. S. Collected works of Vladimir Sergeyevich Soloviyev. In 9 vols. Vol. 7. 1894—1897. Saint Petersburg: "Social interest" Publishing House: 77. (In Russ.).
7. Kovalyev M. I. On liability for concealment of a crime and non-reporting a crime. Soviet state and law, 104—107, 1957. (In Russ.).
8. Zarubin A. V. Criminal law regulation of having to do with a crime. Dissertation of candidate of juridical sciences. Tumen; 2004: 212. (In Russ.).

Baskhanov Akhmed Magomedovich,
senior lecturer at the special tactics department
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
ahmed.baschanov.95@mail.ru

Kolbasina Yelena Yevgeniyevna,
associate professor
at the criminology department
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
elena-kolbasina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.10.2025; одобрена после рецензирования 13.10.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 03.10.2025; approved after reviewing 13.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.9

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВА: ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Светлана Михайловна Голятина

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, sgoliatina@mvd.ru

Аннотация. В статье приводятся актуальные статистические данные о состоянии киберпреступности в России в 2022—2024 гг. Указывается, что на протяжении последних нескольких лет наибольший удельный вес в ее структуре имеет дистанционное (телефонное и компьютерное) мошенничество. Представлен усредненный портрет лица, пострадавшего от действий злоумышленников. Особое внимание уделяется анализу субъективных виктимогенных факторов — личностных и поведенческих качеств человека, которые позволяют ему стать жертвой преступления. В число таких входят низкий уровень цифровой грамотности, доверчивость, наивный оптимизм, жажда легкой наживы, ответственность, склонность к овершерингу. Отмечается, что последняя выступает основой мошенничества с использованием технологии Deepfake, так как дает злоумышленникам возможность генерировать реалистичные изображения из тех, что размещаются в социальных сетях в открытом доступе, и в дальнейшем использовать их в преступных целях. Делается вывод о том, что главным инструментом предупреждения киберпреступности должна стать работа с субъективными виктимогенными факторами, направленная на развитие у потенциальных жертв критического мышления, эмоционального интеллекта, формирование навыков распознавания манипуляций и противодействия им.

Ключевые слова: киберпреступность, мошенничество, жертва, виктимное поведение, субъективные виктимогенные факторы, девиктимизация.

Для цитирования: Голятина С. М. Предупреждение кибермошенничества: виктимологический аспект // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 31—36.

CYBERFRAUD PREVENTION: VICTIMOLOGIC ASPECT

Svetlana Mikhailovna Golyatina

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, sgoliatina@mvd.ru

Abstract. This article deals with the latest statistic data related to the situation with cybercrime in Russia in 2022—2024 time period. The author of the article notes that for the recent several years remote (telephone and computer) fraud has accounted for the largest share of cybercrime. There is an average profile of a victimized person. The author pays a great attention to the analysis of subjective victimogenic factors, i. e. personal and behavioral human qualifications that let a person become a victim of the mentioned crime. These factors include low digital literacy, gullibility, naive optimism, greed for profit, responsibility and a tendency to oversharing. The author also notes that the latter is the basis for fraud applying Deepfake technology as it gives criminals an opportunity to create realistic images from those ones posted publicly on social media and then to use them for criminal purposes. The author concludes that the primary tool to prevent cybercrime should be dealing with subjective victimogenic factors aimed at developing critical thinking, emotional intelligence of potential victims as well as forming skills to recognize manipulations and counteract them.

Keywords: cybercrime, fraud, a victim, victim behavior, subjective victimization factors, devictimization

For citation: Golyatina S. M. Cyberfraud prevention: victimologic aspect. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 31—36, 2025. (In Russ.).

В последние годы в России киберпреступность стала носить характер национального бедствия. Данный тезис подтверждается количеством зарегистрированных уголовно наказуемых деяний, увеличивающимся из года в год (522 100 в 2022 г., 677 000 в 2023 г., 765 400 в 2024 г.¹), суммой ущерба, нанесенного экономике страны (91 млрд руб. в 2022 г., 156 млрд руб. в 2023 г.², более 200 млрд руб. в 2024 г.³), а также тем, что в настоящее время киберпреступники все чаще совершают посягательства на критически важную инфраструктуру (учреждения здравоохранения, топливно-энергетический комплекс, транспортные системы и т. д.), что может повлечь за собой массовый коллапс и поставить на карту жизни и здоровье людей. Президент Российской Федерации В. В. Путин, говоря о подписании Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности, подчеркнул: «Преступления такого рода, зачастую тесно связанные с терроризмом и пропагандой экстремистской идеологии, незаконным оборотом наркотиков и оружия, представляют серьезную угрозу безопасности как отдельных граждан, так и целых государств»⁴.

На протяжении нескольких лет наибольший удельный вес в структуре киберпреступности имеет дистанционное мошенничество — хищение путем обмана или злоупотребления доверием, совершаемое удаленно с использованием телефонных или компьютерных сетей. Так, в 2022 г.

¹ См.: Состояние преступности в России за январь — декабрь 2022 г. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Состояние%20преступности%20в%20Росс.pdf (дата обращения: 28.09.2025); Состояние преступности в России за январь — декабрь 2023 г. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Состояние%20преступности%20в%20Росс1.pdf (дата обращения: 28.09.2025); Состояние преступности в России за январь — декабрь 2024 г. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf (дата обращения: 28.09.2025).

² См.: МВД раскрыло сумму ущерба от IT-преступлений за три года. URL: <https://news.ru/russia/mvd-raskrylo-summu-usherba-ot-it-prestupenij-za-tri-goda?ysclid=nhqeeugccz159821250> (дата обращения: 28.09.2025).

³ См.: Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения: 28.09.2025).

⁴ Россия открыта к сотрудничеству в борьбе с IT-преступностью, заявил Путин. URL: <https://ria.ru/20251025/putin-2050547638.html?ysclid=mhqqgk662234211662> (дата обращения: 26.10.2025).

в России было зарегистрировано 257 606 кибермошенничеств, в 2023 г. — 356 079, в 2024 г. — 380 344⁵. Несмотря на оповещения в средствах массовой информации об используемых злоумышленниками схемах, невзирая на распространение банками и полицией памяток, предупреждающих о недопустимости перевода денежных средств незнакомым лицам, практически ежедневно сотрудники правоохранительных органов регистрируют заявления граждан о совершении в отношении них дистанционных мошенничеств. С учетом того что раскрытие данных преступлений составляет порядка 23 %⁶, а их расследование сопровождается рядом трудностей, большое значение приобретает «деятельность государства и общества, направленная против возможного, но еще не задуманного, задуманного или готовящегося, а также происходящего, но еще не оконченного преступления» [1, с. 60], т. е. предупреждение. Выразим согласие с точкой зрения И. М. Антонова, Н. В. Бойко о том, что оно «может быть обеспечено и за счет активизации самого потерпевшего, повышения его защитительных возможностей, укрепления воли к самозащите» [2, с. 86], поскольку особенность мошенничества состоит в том, что жертва сама является активным участником преступления: общественно опасные последствия не наступят, если она добровольно не переведет деньги, не сообщит код и т. д. В связи со сказанным обратим внимание на личность жертвы кибермошенничества, составим ее портрет и обозначим некоторые направления девиктимизации.

На расширенном заседании коллегии МВД России 5 марта 2025 г. В. В. Путин отметил, что в минувшем году четверть обманутых аферистами

⁵ См.: Состояние преступности в России за январь — декабрь 2022 г. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Состояние%20преступности%20в%20Росс.pdf (дата обращения: 28.09.2025); Состояние преступности в России за январь — декабрь 2023 г. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Состояние%20преступности%20в%20Росс1.pdf (дата обращения: 28.09.2025); Состояние преступности в России за январь — декабрь 2024 г. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf (дата обращения: 28.09.2025).

⁶ См.: Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения: 28.09.2025).

граждан пришлось на пенсионеров¹. По информации Банка России, наибольший интерес для мошенников представляли экономически активные люди 25—65 лет, часто пользовавшиеся банковскими сервисами. При этом доля женщин, пострадавших от мошенничества в 2024 г., составила 52,6 %, мужчин — 47,4 %. 74,4 % потерпевших — городские жители. Таким образом, портрет жертвы кибермошенников выглядит следующим образом: женщина 25—44 лет со средним уровнем дохода и средним образованием, проживающая в городе и имеющая постоянную занятость². Естественно, от действий телефонных и интернет-злоумышленников не застрахован никто. Мужчины и женщины, дети и взрослые, работающие и нет, с высшим образованием и без такового, информационно грамотные и не очень, жители мегаполисов и небольших населенных пунктов — жертвой может стать любой.

В числе психологических качеств личности, определяющих ее виктимность, чаще всего указываются доверчивость, порядочность, готовность прийти на помощь другим, наивный оптимизм, вера в доброту и справедливость. Мошенники выбирают «тех, кто привык быть вежливым, ответственным, соблюдать правила. Тех, кто скорее поверит в чужую беду, чем усомнится в чьей-то лжи»³. При определенных обстоятельствах названные качества превращаются в уязвимости и делают человека беззащитным перед лицом злоумышленников. Кроме того, не стоит забывать, что схемы мошенничества постоянно совершенствуются, манипуляции становятся все изощреннее и жертвы просто не успевают выработать психологический иммунитет к ним.

По мнению А. Н. Хоменко, «доминантой причин виктимизации... является невежество в использовании средств информационно-телекоммуникационных технологий и нерациональная доверительность, основанная на... самоуверенности и самонадеянности» [3, с. 146]. В свою очередь

¹ См.: Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения: 28.09.2025).

² См.: ЦБ составил портрет жертвы кибермошенников. URL: <https://www.rbc.ru/finances/17/02/2025/67b30f299a7-947b73cc000f6?ysclid=mhs3s1xj39240445959> (дата обращения: 28.09.2025).

³ Хабарова Т. Ю. Когда доброта становится уязвимостью или Психологический портрет жертвы мошенничества. URL: <https://www.b17.ru/article/671097/?ysclid=mgp5t578ib310569441> (дата обращения: 09.09.2025).

Д. Р. Белодед выделяет следующие особенности жертв кибермошенничества:

— отсутствие осведомленности о различных видах киберугроз и методах мошенничества в онлайн-среде;

— эмоционально уязвимое состояние, такое как стресс, тревога или финансовые трудности;

— доверчивость, временами даже наивность, толкающая людей без должной осторожности верить незнакомцам;

— жажда легкого заработка, выгодных сделок или удовлетворения иных потребностей [4, с. 320].

Приведенный перечень мы дополним еще одним пунктом — склонностью к овершерингу — поведению, при котором человек делится подробностями своей жизни (проблемами со здоровьем, неудачами в отношениях, финансовыми трудностями и т. д.) с окружающими. Сегодня довольно часто такое поведение можно наблюдать в социальных сетях. Особую тревогу вызывает тот факт, что некоторые пользователи указывают в Интернете адрес своего места жительства или выкладывают фотографии с одним и тем же геотегом. Это может поставить под угрозу не только сохранность персональных данных, но и безопасность самого автора публикации и членов его семьи. Заместитель председателя правления «Сбера» С. Кузнецов отмечает: «...мы фиксируем случаи, когда злоумышленники даже не утруждают себя и не формируют легенду, а с самого начала угрожают физической расправой жертве и ее близким, называя персональную информацию, которую можно найти в открытом доступе в Интернете, например, адрес места жительства»⁴. Кроме того, овершеринг выступает своеобразным фундаментом мошенничества с использованием технологии Deepfake: публикуемые в социальных сетях в открытом доступе фото- и видеоматериалы позволяют злоумышленникам создавать реалистичные изображения, которые затем используются в преступных целях.

Практически во всех мошеннических схемах еще до совершения преступления злоумышленники уже владеют некоторыми данными о потенциальной жертве, что позволяет установить с ней контакт и поддержать легенду: если человека называют по имени и отчеству, сообщают адрес его места жительства или паспортные данные,

⁴ Станислав Кузнецов: мошенники всегда воздействуют на эмоции человека. URL: <https://ria.ru/20240904/kuznetsov-1970240962.html?ysclid=mhrqsd8eem855203175> (дата обращения: 29.09.2025).

он, конечно, может поверить в то, что с ним говорит представитель госорганов или финансово-кредитных организаций. В дальнейшем с помощью психологических манипуляций (как правило, чрезмерно высокого темпа речи, чтобы у визави не было времени осознать смысл сказанного; назидательного, не терпящего возражений тона; запугивания и т. д.) аферисты окончательно вводят жертву в заблуждение и заставляют действовать по заранее составленному сценарию. Большинство мошеннических схем основывается на том, что злоумышленники выдают себя за сотрудников полиции, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, компаний сотовой связи, портала «Госуслуги» и т. д. и играют на эмоциях собеседника, чаще всего на страхе, который называют «одним из самых мощных инструментов мошенников»¹. При этом жертва, находясь в стрессе, становится рассеянной и невнимательной и в результате совершает необдуманные поступки. Так, 54-летней жительнице города Чебоксары позвонил мужчина, представившийся сотрудником органов соцзащиты, и предложил обратиться в пенсионный фонд для перерасчета будущей пенсии. Для записи на личный прием он попросил назвать коды, поступившие в сообщениях. Далее потерпевшей позвонила девушка (якобы сотрудник Роскомнадзора) и сообщила, что в личном кабинете на портале «Госуслуги» от имени чебоксарки была оформлена доверенность на гражданина Украины, который собирается взять кредит. Затем женщине позвонил «следователь». Поверив во все услышанное, жертва оформила кредиты в двух банках и перечислила злоумышленникам более 800 тыс. руб. При этом денежные средства были переведены через банкомат, установленный в одном из торговых центров города, рядом с которым находилась ростовая фигура полицейского с памяткой, предупреждающей о том, что сотрудники правоохранительных органов никогда не звонят через мессенджеры, понятия «безопасный счет» не существует и перечислять деньги незнакомцам нельзя². Приведенный пример наглядно демонст-

рирует, как, поддавшись эмоциям, человек отключил критическое мышление и логику, впал в состояние арефлексивности и в результате стал жертвой преступления.

Однако не только страх заставляет людей поступать нерационально. Мошенники активно эксплуатируют такие личностные качества потенциальных жертв, как жадность, что отчетливо проявляется, например, в схемах, где аферисты обещают легкий заработок, выигрыш в лотерею и т. п.; ответственность, которая «срабатывает» в сценарии Fake Boss, когда работнику звонит якобы работодатель и просит перевести деньги на «безопасный счет» или сообщить конфиденциальные данные; милосердие, на каком играют фейковые благотворители; любопытство, заставляющее пользователей переходить по фишинговым ссылкам на мошеннические сайты; иные.

Личностные и поведенческие качества представляют собой субъективные виктимогенные факторы, на которые необходимо обращать особое внимание при предупреждении киберпреступлений. Работа с ними должна включать в себя не только информационно-разъяснительный аспект — оповещение о способах совершения мошенничества и недопустимости перевода денежных средств неизвестным лицам, но и психологический — формирование психологической устойчивости к манипуляциям (обучение приемам распознавания манипуляций, повышение уровня цифровой грамотности, работа с эмоциональным интеллектом и др.). Каким же образом достичь этих целей? Обратимся к такому инструменту, как социальная (виктимологическая) реклама. Сегодня ее можно увидеть и услышать в местах массового пребывания людей (на вокзалах, в общественном транспорте, торговых центрах и т. д.). Многие отметят, что подобной рекламы хватает, а удельный вес кибермошенничества только увеличивается. Однако проблема состоит в том, что при ее транслировании нередко выбираются не те каналы для общения с целевой аудиторией. Так, в вагоне метро или троллейбусе звучит устное предупреждение о недопустимости перевода денежных средств незнакомым людям, но его никто не воспринимает, поскольку пассажиры заняты просмотром новостей, лент социальных сетей и т. д. или просто не слышат из-за шума, музыки в наушниках и др. Следовательно, оно не работает. То же можно сказать и о визуальной рекламе (плакатах, листовках). Она должна быть яркой и доступной, содержать четкие инструкции (какие действия предпринять в той или иной ситуации,

¹ Омельчук Э. Мошенники и их тактика воздействия на жертву. URL: <https://www.b17.ru/article/662256/?ysclid=nhvu2zzu51638987736> (дата обращения: 29.09.2025).

² См.: Жительница Чебоксар перечислила аферистам более 800 тысяч рублей, стоя около фигуры полицейского, предупреждающего о мошенничестве. URL: <https://21.mvd.pf/news/item/57454059> (дата обращения: 30.09.2025).

хотя бы в складывающихся наиболее часто) и размещаться там, где ее наверняка увидят. Социальные ролики необходимо регулярно транслировать и по телевидению (по охватным и таргетированным каналам), желательно в прайм-тайм и не в блоке рекламы, а в самой телепередаче (пусть и в виде бегущей строки). Особенно это касается новостных программ, к которым с максимальным доверием относятся люди пенсионного возраста (здесь о мошенниках может предупреждать и ведущий информационного выпуска). Сообщение типа «Осторожно, мошенники!» с кратким пояснением действий аферистов должно появляться в виде всплывающего окна при запуске онлайн-банкинга, чтобы пользователь видел его каждый раз, когда пытается зайти в личный кабинет.

Однако не рекламой единой можно попытаться привить цифровую грамотность и повысить уровень самозащиты личности от киберугроз. Поскольку соответствующие компетенции (а это не только знания, умения и навыки, но и личностные качества) нужно развивать с детства, считаем целесообразным предложение Г. Грефа о повсеместном введении в школьную программу учебной дисциплины «Кибербезопасность». Глава «Сбера» отметил, что традиционная информатика, которую сейчас преподают в общеобразовательных организациях, не имеет ничего общего с цифровыми навыками¹. С приведенным тезисом трудно не согласиться. Знания об устройстве компьютера и информационных процессах, работа с текстовыми, графическими редакторами, таблицами, базами данных и т. д. не позволяют защититься от кибермошенников и их манипуляций. Несовершеннолетним нужно прививать понимание того, что посещение сомнительных сайтов, переход по непроверенным ссылкам, общение с незнакомцами

в Интернете или по телефону и т. п. могут создать угрозу безопасности, а требования о регулярном обновлении паролей, установлении антивирусного программного обеспечения и двухфакторной аутентификации не прихоть, а насущная необходимость.

Не следует забывать и о том, что наряду с приведенными должны реализовываться и иные меры предупреждения киберпреступности: социально-экономические, правовые, идеологические, технические. Безусловно, государство и общество стараются сделать все возможное, чтобы снизить число граждан, пострадавших от телефонных и интернет-мошенников: совершенствуется законодательство, вводятся в эксплуатацию антифрод-системы и сервисы защиты от спам-звонков, в мобильных приложениях появляются «спецкнопки» и т. д. Однако, вероятно, до тех пор, пока в сознании россиян не укоренятся правила «не брать трубку с неизвестных номеров» и «ни при каких обстоятельствах не продолжать разговор с мошенником», пока граждане не перестанут слепо верить всем, кто позвонил и представился сотрудником госорганов, и будут оставаться внушаемыми, конформными, результаты предупредительной деятельности будут не столь высоки, как всем хотелось бы. В связи с этим еще раз подчеркнем, что главным инструментом виктимологического предупреждения киберпреступности в целом и кибермошенничества в частности должна стать работа с субъективными виктимогенными факторами, направленная на развитие эмоционального интеллекта и критического мышления, формирование уверенности в себе умений и навыков распознавания манипуляций и противодействия им.

1. Алексеева А. П. Криминология. Общая часть: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2020. 80 с.

2. Антонов И. М., Бойко Н. В. К вопросу о виктимологическом аспекте предупреждения преступности // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2017. № 6 (92). С. 84—89.

1. Alekseyeva A. P. Criminology. General part. Textbook. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2020: 80. (In Russ.).

2. Antonov I. M., Boiko N. V. On victimologic aspect of crime prevention. Journal of the Khabarovsk State University of Economics and Law, 84—89, 2017. (In Russ.).

¹ См.: Греф предложил новый обязательный предмет в школах. URL: <https://www.rbc.ru/society/30/06/2025/68624b739a794771b69622be?ysclid=mhx8tmml2540236107> (дата обращения: 30.09.2025).

3. Хоменко А. Н. К вопросу о виктимизации жертв киберпреступлений // Виктимология. 2021. Т. 8, № 2. С. 143—148.

4. Белодед Д. Р. Некоторые психологические особенности жертв преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий // Виктимология. 2023. Т. 10, № 3. С. 320—334.

Голятина Светлана Михайловна,

доцент кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
sgoliatina@mvd.ru

3. Khomenko A. N. On victimization of cyber-crime victims. *Victimology*, 143—148, 2021. (In Russ.).

4. Beloded D. R. Some psychological characteristics of victims of crimes committed by applying digital technologies. *Victimology*, 320—334, 2023. (In Russ.).

Golyatina Svetlana Mikhailovna,

associate professor
at the department of forensic science
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
sgoliatina@mvd.ru

Статья поступила в редакцию 02.10.2025; одобрена после рецензирования 11.10.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 02.10.2025; approved after reviewing 11.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.9

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ (НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ)

Андрей Викторович Зайцев

Академия управления МВД России, Москва, Россия, operativchic@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты изучения зарубежного опыта противодействия экстремистской идеологии с религиозной основой, с фокусом на практику США, Германии и Китая. Учитывая процесс глобализации и формирование многополярного мира, исследование методов и механизмов, применяемых разными странами для противодействия религиозно-экстремистским проявлениям, способствует унификации работы правоохранительных органов и развитию скоординированного межгосударственного сотрудничества. Вместе с тем учитывается многообразие религиозных, культурных, политических и территориальных особенностей упомянутых государств. Такой опыт имеет потенциальное позитивное значение для России, которая отличается мультикультурностью и этническим разнообразием. Кроме того, полученные в ходе исследования знания могут быть полезны не только для обеспечения безопасности российских граждан, но и для адаптации мигрантов с соблюдением баланса между национальными традициями, правами человека и эффективной профилактикой экстремизма. Таким образом, в статье подчеркивается важность комплексного подхода, объединяющего правовые, социальные и культурные аспекты противодействия религиозному экстремизму в современном глобальном мире.

Ключевые слова: экстремизм, религиозный экстремизм, государство и общество, безопасность, миграция

Для цитирования: Зайцев А. В. Зарубежный опыт противодействия религиозному экстремизму (на примере отдельных государств) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 37—43.

FOREIGN EXPERIENCE TO COUNTERACT RELIGIOUS EXTREMISM (ON THE EXAMPLE OF INDIVIDUAL STATES)

Andrey Victorovich Zaitsev

Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, operativchic@mail.ru

Abstract. This article demonstrates the results of a study of foreign experience to counteract religiously based extremist ideology, focusing on the practices of the United States, Germany, and China. Taking into consideration globalization and a multipolar world formation, research into the methods and mechanisms used by different countries to counteract religious extremism contributes to the unification of law enforcement agencies work and the development of coordinated inter-state cooperation. At the same time, the diversity of religious, cultural, political, and territorial characteristics of these countries is taken into account. This experience has potential positive implications for Russia, whose specifics is multiculturalism and ethnic diversity. Furthermore, the knowledge acquired in the process of this study may be useful not only to ensure security of the Russian citizens but also to adapt migrants while maintaining a balance among national traditions, human rights, and effective extremism prevention. Thus, the article emphasizes the importance of an integrated approach that combines legal, social and cultural aspects to counteract religious extremism in the modern global world.

Keywords: extremism, religious extremism, state and society, security, migration

For citation: Zaitsev A. V. Foreign experience to counteract religious extremism (on the example of individual states). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 37—43, 2025. (In Russ.).

В современных условиях усиления роли России на мировой арене высказывания отдельных политиков о ее изоляции представляются недостоверными. Интеграция стран в различных сферах, включая правоохранительную деятельность, сегодня становится ключевым фактором устойчивого развития всего мирового сообщества. Изучение зарубежного опыта противодействия религиозному экстремизму в США, Германии и Китае обусловлено разнообразием их географического положения, культурными и религиозными особенностями, а также различиями в политическом контексте. Несмотря на территориальную удаленность Москвы от Вашингтона и Пекина, Россия непосредственно граничит с этими странами, в то время как Германия исторически и экономически тесно связана с Россией, включая значительную славянскую диаспору, проживающую в Германии, и немецкую — в России. Изученные зарубежные методы противодействия религиозному экстремизму могут быть эффективно адаптированы для российских реалий в среднесрочной перспективе. Освоение правовых основ и методик позволяет повысить эффективность выявления угроз, способствует согласованности действий правоохранительных органов, улучшает обмен информацией и упрощает исполнение взаимных обязательств в рамках международного сотрудничества. Такой комплексный подход является важным элементом обеспечения национальной безопасности и защиты прав граждан.

Соединенные Штаты Америки (далее — США) разработали многоуровневую систему противодействия религиозному экстремизму, основанную на интеграции законодательных механизмов, профилактических программ и межгосударственного партнерства. Хотя уровень религиозного экстремизма в США значительно ниже, чем в регионах Ближнего Востока и Южной Азии, угроза остается актуальной, проявляясь в виде ультраправого христианского радикализма, изолированных исламистских атак и ограниченного иудейского экстремизма. Исторический плюрализм религиозных конфессий усложняет достижение баланса между укреплением безопасности и сохранением гражданских свобод.

Законодательные механизмы. События 11 сентября 2001 г. послужили катализатором фундаментального реформирования национальной системы безопасности. Ключевыми законодательными инструментами стали Патриотический акт (2001 г.), расширивший полномочия правоохранительных органов по мониторингу подозреваемых в экстре-

мистской и террористической деятельности, коммуникационной разведке и отслеживанию финансовых операций; Закон о противодействии терроризму (2015 г.), который сосредоточился на предотвращении вербовки в экстремистские и террористические организации, особенно среди молодежи; введение санкций относительно иностранных экстремистских и террористических организаций, которые обеспечили замораживание активов и ограничение деятельности радикальных структур.

Профилактические программы. Профилактический компонент стратегии противодействия экстремизму реализуется через инициативу Countering Violent Extremism (CVE), включающую вовлечение религиозных лидеров в конструктивный диалог с уязвимыми группами населения и контрпропаганду. Социальные и образовательные программы обеспечивают интеграцию в общество мигрантов и представителей маргинализированных слоев населения. Гражданская инициатива «If You See Something, Say Something», запущенная Министерством внутренней безопасности в 2010 г., существенно повысила роль граждан в системе безопасности, поскольку с помощью мобильных приложений и цифровых платформ стало возможно мгновенно сообщать о подозрительной деятельности.

Международное сотрудничество осуществляется через обмен разведывательной информацией в рамках альянса «Пяти глаз» (Австралия, Канада, Новая Зеландия, Великобритания, США) и двусторонних соглашений. Кибермониторинг с использованием искусственного интеллекта обеспечивает выявление экстремистской пропаганды в социальных сетях. Партнерство с IT-компаниями обеспечивает удаление контента, содержащего призывы к насилию. Киберразведка отслеживает активность радикальных групп в зашифрованных сетях (таких как DarkNet), а финансовый мониторинг блокирует каналы поступления денег через международные банковские и платежные системы.

Американская модель противодействия религиозному экстремизму демонстрирует необходимость синтеза законодательных инструментов, мер профилактики, технологического мониторинга и международного взаимодействия. Несмотря на обоснованную критику отдельных аспектов масштабного контроля в цифровой сфере, ключевые элементы этой стратегии адаптируемы к реалиям других государств. Изученный опыт приобретает особую уместность для России в контексте активизации внешнеполитической деятельности

и необходимости укрепления национальной системы безопасности. Органы, располагающие внешнеполитическим инструментарием, включая дипломатические представительства и специализированные подразделения МВД России, должны осуществлять проактивное противодействие угрозам и развивать институциональные механизмы выявления религиозного экстремизма. На уровне внутренней политики целесообразно адаптировать модель гражданского участия, подобную американской программе «If You See Something, Say Something», которая показала высокую эффективность в выявлении потенциальных угроз. Внедрение аналогичных инициатив в российскую практику способно значительно оптимизировать процессы раннего выявления экстремистской активности и укрепить систему коллективной безопасности [1, с. 153]. Такой подход предполагает развитие многоуровневых механизмов сотрудничества между государственными структурами и гражданским обществом, что в условиях полиэтничного и поликонфессионального состава населения России особенно важно для обеспечения общественной стабильности и эффективного противодействия радикализации.

Классификация экстремистских организаций в **Германии** основана на двух ключевых критериях: склонности к применению насилия и характере преследуемых политических целей. Экстремистские группы, систематически использующие насилие как инструмент политического воздействия, квалифицируются в уголовно-правовом смысле как террористические организации. Религиозный экстремизм в Германии преимущественно ассоциируется с радикальными исламистскими структурами, в частности с сообществами, ориентированными на джихадистскую идеологию и панисламистские цели. Наряду с исламистским радикализмом в стране присутствуют радикальные евангелические и ультраконсервативные католические движения, характеризующиеся выраженной антиисламской направленностью, противодействием политике мультикультурализма и отрицанием либеральных реформ в отношении религиозных институтов. Прочие религиозные течения, распространенные на территории Германии, не представляют значительного научного интереса ввиду их организационной аморфности и минимального уровня противоправной деятельности [2, с. 73—78].

Законодательные механизмы. Государственная политика противодействия религиозному экстремизму в Германии соответствует общеевропейским стандартам демократического правления.

Нормативно-правовая база содержит конституционные гарантии человеческого достоинства, принцип равенства перед законом и гарантии свободы совести и вероисповедания, включая право на отсутствие религиозной принадлежности. Конституционный порядок защищает право на свободное исповедание религии, однако запрещает ее инструментализацию для подрыва основ государственного строя. Уголовно-правовые и административные санкции применяются в соответствии со сложившимися в европейском правовом пространстве механизмами противодействия экстремистской деятельности, обеспечивая комплексный подход к нейтрализации угроз национальной безопасности.

Профилактические механизмы противодействия религиозному экстремизму в Германии реализуются через национальную программу Nationales Präventionsprogramm gegen islamistischen Extremismus (NPP), охватывающую работу с молодежной аудиторией, финансовую поддержку общественных организаций и проведение мероприятий по дерадикализации. Ключевым инструментом программы являются консультационные центры — специализированные учреждения, предоставляющие дифференцированные услуги психологической, социальной и правовой поддержки лицам, подверженным риску радикализации, а также членам их семей. Финансирование консультационных центров осуществляется муниципальными администрациями, религиозными организациями и гражданскими ассоциациями, обеспечивая комплексность и локальную адаптивность превентивных мер.

Примечательным примером успешной практики является немецкий центр *Hayat*, специализирующийся на оказании помощи семьям, члены которых подвергаются процессам радикализации. Организация функционирует в Германии с высокой степенью эффективности и демонстрирует масштабируемость своего подхода, осуществляя аналогичную деятельность на территории более сотни стран. Такая географическая экспансия свидетельствует об универсальности немецкой модели дерадикализации и ее потенциальной адаптируемости к условиям других государств, включая Российскую Федерацию. Гибридная система финансирования и организационной независимости консультационных центров позволяет достичь адекватной гибкости в отборе методологических подходов и повысить эффективность профилактического воздействия на группы повышенного риска [3].

Международное сотрудничество и разведывательная деятельность Германии определяются ее геостратегическим положением в центре Европы и активным взаимодействием с соседними государствами и международными структурами, включая Европейский союз, Интерпол, Европол и Организацию Объединенных Наций. Обмен разведывательной информацией и координация антитеррористических операций обусловлены режимом открытых границ и принципами свободного передвижения, действующими в рамках Шенгенского пространства, охватывающего в настоящее время 29 европейских государств. Такая интеграция обеспечивает беспрепятственный трансграничный обмен сведениями оперативного характера и синхронизацию мер противодействия угрозам.

Германский подход к противодействию религиозному экстремизму интегрирует оперативные силовые меры с комплексной профилактикой радикализации. Однако в сравнении с американской моделью, ориентированной на глобальное лидерство и экстерриториальное распространение национальных интересов, немецкая стратегия предпочитает региональный евроцентричный вектор взаимодействия, основанный на принципах субсидиарности и многосторонней координации. Этот подход вполне применим к российским условиям. В настоящее время МВД России осуществляет свои функции через 13 представительств соседних государств, непосредственно граничащих с Россией. Всего подобных представительств у МВД России 32. Соответственно, 19 представительств работают в других, не соседних зарубежных странах. Такое распределение показывает, что лишь часть этих учреждений обеспечивает непосредственный контакт с приграничными государствами и их количество недостаточно для эффективной организации совместной работы по противодействию транснациональным угрозам, включая экстремизм и терроризм. Расширение сети региональных представительств, усиление координационных функций в рамках Евразийского экономического союза и развитие двусторонних соглашений о сотрудничестве в сфере безопасности являются необходимыми мерами для повышения эффективности антиэкстремистской деятельности.

Состояние религиозного экстремизма в **Китайской Народной Республике** (далее — КНР) характеризуется экспертным сообществом как находящееся на относительно неопасном уровне. Однако в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) — самой обширной территориально-административной единице КНР, расположенной

на северо-западе страны, — наблюдается существующая и значительная угроза религиозного экстремизма. В 2023 г. руководство КНР указало на необходимость укрепления социальной стабильности в регионе и пресечения незаконной религиозной деятельности, что свидетельствует о приоритетности данной проблемы в государственной повестке.

Противодействие религиозному экстремизму в КНР осуществляется в сложных условиях, что объясняется относительной молодостью конфессиональной политики государства, становлением нормативно-правовой базы, различающей категории «сепаратистов», «террористов» и «религиозных экстремистов». Данное размежевание создает сложность в дифференциации мер противодействия, что в свою очередь способствует применению унифицированного подхода — запрета на любые преступные проявления в данной сфере. Китайский опыт представляет интерес по двум основаниям: во-первых, он демонстрирует процесс становления государственной системы противодействия религиозному экстремизму в современных геополитических условиях, предлагая новую перспективу решения проблемы; во-вторых, исторический опыт китайского государства показывает эффективность централизованного воздействия на конкретные виды преступности при условии высокого уровня общественной восприимчивости к государственным директивам.

Законодательные меры. Наряду с конституционными, уголовно-правовыми и административно-правовыми инструментами китайские власти реализуют политику синизации (китаизации) религии, предусматривающую регистрацию религиозных организаций в качестве субъектов, исповедующих социалистические ценности. Экспертное сообщество характеризует действия китайского государства как долгосрочную, постоянно интенсифицируемую и всеохватывающую стратегию нормативного регулирования.

Законодательные изменения в 2006 г. установили процедурные требования для регистрации религиозных деятелей в КНР. Лица, не соответствующие установленным критериям, были лишены права осуществлять профессиональную деятельность в структурах религиозных организаций.

В 2017 г. на сессии Всекитайского собрания народных представителей был принят нормативный документ, определяющий комплекс мер по противодействию экстремизму в СУАР. Центральным элементом этого пакета стал перечень из пятнадцати проявлений экстремизма, подлежащих за-

прету на территории автономного района. Запреты охватывают широкий спектр действий: ношение религиозных одежд (хиджабов), демонстрацию символов религиозной идентичности, отказ от потребления государственных медиаресурсов, проведение религиозных обрядовых церемоний вместо светских, противодействие государственной демографической политике, препятствование доступу несовершеннолетних к государственному образованию, а также намеренное повреждение документов государственного образца. Полный комплекс антиэкстремистских мер, вступивший в силу 1 апреля 2017 г., включает в себя 50 нормативных положений.

После этого правоохранительные органы СУАР усилили контроль над распространением религиозной литературы, активизировали меры по пресечению проникновения идеологии радикального ислама, блокировали каналы финансирования террористических и экстремистских структур. Комплексная государственная стратегия получила наименование «Борьба против трех зол» (сепаратизм, религиозный экстремизм, терроризм), представляя собой интегрированную программу противодействия угрозам национальной безопасности в целом [4].

В феврале 2021 г. Государственное управление по делам религий КНР издало приказ № 15 «Меры по управлению религиозным персоналом», направленный на укрепление диалогового взаимодействия между государственными структурами и религиозными организациями.

Последующие нормативные инициативы включали в себя принятие в 2022 г. мер по ограничению распространения религиозно-экстремистского контента в цифровом пространстве.

В 2023 г. Государственное управление по делам религий издало приказ № 19 «Административные меры в отношении мест проведения религиозных мероприятий», существенно модернизировавший ранее действовавшую нормативную базу.

Завершающим этапом регуляторного цикла стало принятие в декабре 2023 г. пересмотренного Положения о религиозных делах Синьцзян-Уйгурского автономного района, которое интегрировало накопленный опыт противодействия экстремизму в унифицированную региональную нормативную систему.

Профилактические меры. Китайская государственная стратегия противодействия религиозному экстремизму объединяет внутренний опыт многих государств с учетом технологических и культурных особенностей КНР. Ключевым инструментом де-

радикализации здесь стали центры профессионального обучения и переподготовки, функционирующие в СУАР, через которые прошли тысячи лиц, подвергшихся процессам идеологической корректировки. Масштабное внедрение систем биометрической идентификации на основе искусственного интеллекта позволяет осуществлять мониторинг в условиях высокой плотности населения и обширной цифровой инфраструктуры, обеспечивая выявление и локализацию потенциальных угроз. Привлечение иностранного капитала, в том числе из Казахстана и Узбекистана, встраивает регион в трансграничные хозяйственные системы.

Образовательная политика предусматривает жесткий контроль над конфессиональной составляющей школьных программ с полным исключением религиозного обучения несовершеннолетних. Приоритет отдается светскому патриотическому воспитанию, ориентированному на формирование государственно ориентированной идентичности и усвоение социалистических идеалов. Данный комплексный подход объединяет технологический надзор, экономическое развитие, идеологическое воздействие и образовательный контроль в единую систему государственного управления.

Международное сотрудничество и разведывательная деятельность. Изучение происхождения экстремистской деятельности, независимо от ее идеологического основания, неизбежно приводит исследователей к источникам ее финансирования — инициаторам, заинтересованным в поддержке региональной нестабильности. КНР не является исключением из этой закономерности. Религиозно-мотивированный экстремизм, проявляющийся в северо-западных регионах страны, наряду с деятельностью запрещенного движения «Фалуньгун»¹, финансируется из западных источников, что документально подтверждено². Множество американских и британских неправительственных организаций, включенных в перечень нежелательных в Российской Федерации, поддерживают финансовые каналы, связанные с китайскими экстремистскими сетями. Соответственно,

¹ Включено Минюстом России в перечень организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

² 22 июля 2020 г. семь признанных нежелательными в Российской Федерации зарубежных неправительственных организаций (НПО) включены в соответствующий реестр Минюста. Это шесть американских организаций и одна британская, связанные с «Фалуньгун».

противодействие источникам финансирования, включая блокировку банковских счетов подозреваемых структур и мониторинг международных денежных переводов, составляет существенный компонент государственной стратегии безопасности.

Цифровое пространство в КНР подвергается жесткому государственному контролю посредством замещения глобальных цифровых платформ национальными аналогами: Baidu вместо Google, Weibo вместо Twitter¹, Renren вместо Facebook², WeChat вместо Facebook Messenger³, Youku и Tudou вместо YouTube. Такая архитектура цифровой среды позволяет осуществлять многоуровневый мониторинг и фильтрацию контента, предотвращая трансляцию экстремистской пропаганды.

Таким образом, комплексная государственная стратегия КНР в области противодействия религиозному экстремизму сочетает в себе строгие ограничительные меры с масштабными социально-экономическими инициативами развития проблемных регионов. Китайское руководство оценивает данный подход как эффективный механизм обеспечения национальной безопасности и сохранения территориальной целостности. Интегрированный характер стратегии, охватывающий финансовые, технологические, образовательные и идеологические измерения, представляет собой модель государственного управления в условиях внутренних угроз безопасности.

Проведенный анализ зарубежного опыта противодействия религиозному экстремизму позволяет сформулировать ряд ключевых выводов и рекомендаций.

Трансграничный характер угрозы религиозного экстремизма обусловлен способностью экстремистских и террористических организаций преодолевать государственные, социальные, цифровые и иные барьеры. Данный факт нашел отражение во введении запретов на деятельность подобных организаций на территории многих государств, включая Российскую Федерацию [5, с. 159]. Развитие международного информационного обмена является необходимым инструментом идентификации и ликвидации трансграничной финансовой инфра-

структуры, независимо от совпадения политических интересов государств-партнеров. Процесс разработки и реализации законодательных и организационных механизмов блокировки финансовых каналов экстремизма требует совершенствования. Данный процесс сталкивается с системными проблемами: необходимостью модернизации нормативно-правовой базы, оптимизации межведомственной координации, обеспечения адекватного кадрового и финансового ресурса.

Американский опыт демонстрирует эффективность современных законов, профилактических программ, технологий мониторинга и международного сотрудничества.

Укрепление межгосударственных связей на региональном уровне, как показано на примере Германии, составляет действенную стратегию, имеющую для Российской Федерации экзистенциальное значение. Примеры религиозной радикализации в соседних государствах свидетельствуют об актуальности конфессионального фактора как инструмента политической дестабилизации.

Китайская модель доказывает важность укрепления внутренней государственной системы контроля как исторически апробированного механизма противостояния деструктивным воздействиям.

Соответственно, религиозный экстремизм в России следует рассматривать как компонент глобальной системы угроз, требующий выстраивания противодействия по многоуровневой структуре: континентальный уровень (охватывает масштабные геополитические интересы, объединяющие несколько государств или регионов, что важно для глобальной или макрорегиональной безопасности); региональный уровень (фокусируется на взаимодействии и безопасности внутри определенного региона, включающего несколько соседних стран с общими вызовами и интересами); национальный уровень (сосредоточен на внутренней безопасности и защите интересов конкретного государства, включая внутренние механизмы противодействия угрозам). Хотя Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400⁴) и отражает актуальные угрозы, тем не менее было бы правильно пересмотреть механизмы противодействия, структурировав их с учетом приведенной нами иерархии указанных уровней.

¹ Сеть Twitter заблокирована на территории Российской Федерации.

² Facebook запрещен в Российской Федерации, владелец — компания Meta, признанная экстремистской и запрещенная в России.

³ Facebook Messenger запрещен в Российской Федерации, владелец — компания Meta, признанная экстремистской и запрещенная в России.

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 15.11.2025).

1. Демин Г. И., Жирнов И. А., Синодов И. А. Противодействие экстремизму: теоретические, правовые и организационные основы: монография. Москва: Акад. управления МВД России, 2025. 256 с.

2. Трунк А. «Реализация политики» в Германии и ЕС: пер. с англ. // Вестник Академии правоохранительных органов. 2021. № 2 (20). С. 73—78.

3. Кубякин Е. О. Международный опыт правового противодействия преступлениям на почве ненависти и экстремизма. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2018. 118 с.

4. Небрятенко Г. Г. Перспектива конвергенции правовой системы России и Китая как юридическое измерение многополярности в XXI столетии // Государство и право. 2023. № 7. С. 44—54.

5. Поздняков А. Н. О зарубежном опыте борьбы с этнической преступностью и возможности его использования в практической деятельности российских правоохранительных органов // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 3 (59). С. 158—164.

Зайцев Андрей Викторович,

адъюнкт 3-го факультета
(подготовки научных
и научно-педагогических кадров)
Академии управления МВД России;
operativchic@mail.ru

1. Demin G. I., Zhirnov I. A., Sinodov I. A. Counteracting extremism: theoretical, legal and organizational foundations. Monograph. Moscow: the Academy of Management of the MIA of Russia; 2025: 256. (In Russ.).

2. Trunk A. "Policy Implementation" in Germany and the EU. Transl. from Eng. Bulletin of the Academy of Law Enforcement Agencies, 73—78; 2021. (In Russ.).

3. Kubyakin Ye. O. International experience of legal counteraction to crimes motivated by hatred and extremism. Krasnodar: the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; 2018: 118. (In Russ.).

4. Nebratenko G. G. The prospect of convergence of the legal systems in Russia and China as a legal dimension of multi-polarity in the XXI century. State and Law, 44—54, 2023. (In Russ.).

5. Pozdnyakov A. N. On foreign experience to combat ethnic crime and the possibility of its use in practical activities of the law enforcement agencies in Russia. Proceedings of the Academy of Management of the MIA of Russia, 158—164, 2021. (In Russ.).

Zaitsev Andrey Victorovich,

a post-graduate student of the 3rd department
of the lecturers' and research-pedagogical
staff training
of the Academy of Management
of the MIA of Russia;
operativchic@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.07.2025; одобрена после рецензирования 31.07.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 22.07.2025; approved after reviewing 31.07.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343:374

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС:
УЧЕБНИК, ЖУРНАЛ И МОНОГРАФИЯ,
ИХ РОЛЬ И МЕСТО В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ.
ЧАСТЬ 2. УЧЕБНИКИ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ
В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ**

Никита Александрович Колоколов

Московский университет им. А. С. Грибоедова, Московский педагогический государственный университет, журнал «Уголовное судопроизводство», журнал «Мировой судья», Москва, Россия, nikita_kolokolov@mail.ru

Аннотация. Существующий ныне алгоритм уголовного судопроизводства (процесс познания от преступления к приговору и соответствующие ему процедуры) — творение века двадцатого, а во многом и вовсе девятнадцатого. Вместе с тем очевидно, что общество в своем развитии все эти две сотни лет на одном месте не стояло. Следовательно, новые производительные силы (средства производства) с неизбежностью породили новые производственные отношения, в первую очередь кадры, владеющие технологиями XIX в. Поэтому неудивительно, что на смену традиционным для прошлых веков сугубо «материальным» офисам полиции, прокуратуры и суда, а равно и привычно подшитым «бумажным» делам в XXI в. с неизбежностью приходит не просто новое, а что-то абсолютно новое — инновационное: «виртуальный» офис и «виртуальное» дело. Появятся также и соответствующие новой правой культуре методы функционирования уголовно-правовых и уголовно-процессуальных инструментов, участником активного судоговорения станет искусственный интеллект. Мы стоим на пороге открытия инновационной во всех отношениях «надлежащей правовой процедуры», в которой место для произвола отдельных субъектов процесса, возможно, удастся свести к разумному минимуму! Впрочем, не будем отрицать очевидного: основные черты этих инновационных процедур все еще в непроницаемом тумане будущего. В то же время никто не отменял азбучного правила: «новую рабочую силу» (следователей, прокуроров, судей и адвокатов) уже давным-давно пора обучать в вузах совершенно по-новому. Высшая школа, а вместе с нею и все общество терпеливо ожидают от академической науки адекватных текущим запросам инновационных учебников по уголовному праву. Нами постоянно подчеркивается мысль, что уголовное судопроизводство — явление суть системное. Для познания данных наук обучающиеся, помимо учебников, обязаны регулярно и системно читать соответствующие юридические журналы, статьи из которых постепенно складываются в монографии, как индивидуальные, так и коллективные.

Вниманию читателя предлагается вторая статья из серии. В ней речь пойдет об учебниках по уголовному праву, их месте в системе юридического образования, а также о роли юридической периодики и монографических исследований в познании глубин уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: учебник по уголовному праву, история науки уголовного права, учебный и образовательный процесс, юридические науки

Для цитирования: Колоколов Н. А. Уголовное право и уголовный процесс: учебник, журнал и монография, их роль и место в образовательном процессе. Часть 2. Учебники по уголовному праву в прошлом, настоящем и будущем // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 44—54.

**CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE:
A TEXTBOOK, A MAGAZINE AND A MONOGRAPH,
THEIR ROLE AND PLACE IN THE EDUCATIONAL PROCESS.
PART 2. TEXTBOOKS ON CRIMINAL LAW
IN THE PAST, PRESENT AND FUTURE**

Nikita Aleksandrovich Kolokolov

A. S. Griboyedov Moscow University, Moscow Pedagogical State University, "Criminal proceedings" journal, "Judge of the Peace" journal, Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract. The acting algorithm of criminal proceedings (understanding the process from a crime to a sentence and the corresponding procedures) is a product of the twentieth century, and in many ways the one of the nineteenth century. At the same time, it is obvious that society has not stood still in its development for these two hundred years. Consequently, new productive forces (means of production) generated new production relations inevitably; primarily, personnel who know the technologies of the nineteenth century. Therefore, it is not surprising, that in the twenty-first century, the "material" offices of police, prosecutor's office and court traditional for the previous centuries, as well as the usual filed "paper" cases are replaced by not just something new, but something absolutely new — innovations: "virtual" office and "virtual" case. Methods to function criminal law and criminal procedure instruments corresponding to the new legal culture will emerge, and artificial intelligence will become a participant in active legal proceedings speaking.

We are at the very beginning to open a completely innovative "proper legal procedure", in which the scope for arbitrary action by each subject in the proceedings may be reduced to a reasonable minimum! However, let's not deny the obvious thing: the fundamental features of these innovative procedures are still in the impenetrable mist of the future. At the same time, the truism remains: it is high time for universities to train the "new work force" (investigators, prosecutors, judges and lawyers) in a completely new way. Higher education institutions, as well as the whole society, patiently expect innovative textbooks on criminal law from academic scholarship that are adequate to existing demands. We constantly emphasize the idea that criminal proceedings are a systemic phenomenon. In order to understand these sciences, it is necessary for students, in addition to textbooks, to read relevant legal journals regularly and systematically, because their articles gradually form monographs, both individual and collective.

The author pays the attention of the reader to the second article in the series. It will analyze textbooks on criminal law, their place in the system of legal education, as well as the role of legal periodicals and monographic studies in understanding the depths of criminal proceedings.

Key words: textbook on criminal law, history of the science of criminal law, educational process, legal sciences

For citation: Kolokolov N. A. Criminal law and criminal procedure: a textbook, a magazine and a monograph, their role and place in the educational process. Part 2. Textbooks on criminal law in the past, present and future. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 44—54, 2025. (In Russ.).

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь...
А. С. Пушкин «Евгений Онегин»

Ничему нельзя научить, всему
можно только научиться.
Галилео Галилей

Не умеешь — научим, не хочешь — заставим.
Главный армейский принцип

Введение

В предыдущем номере «Вестника» опубликована наша первая статья, посвященная анализу доктрины отечественного уголовного права и процесса [1], в которой были сделаны некоторые первые, правда во многом неутешительные, промежуточные выводы.

В рамках заявленной тематики наши рассуждения на фоне базовых уголовно-правовых суждений, характерных для века позапрошлого (XIX), продолжим с анализа некоторых новейших статей, авторы которых рискнули (замахнулись) на критику уголовно-правовых и уголовно-процессуальных концепций дня нынешнего.

4. Неожиданно начнем с того, что учебник сам по себе — безумно интересная книга

Без всякого преувеличения автор этих строк вправе констатировать: чтение учебников — страсть с детства, если точнее, то с начальной школы. Первыми серьезными книгами, посредством которых мы приступили к изучению окружающего мира в академическом смысле этого выражения, оказались некоторые учебники, в частности «Занимательная физика» Якова Исидоровича Перельмана (1888—1942) [2]. И в этом нет ничего удивительного, ибо бабушка наша, Пелагея Николаевна Анненкова (1898—1984), целых сорок лет проработала учителем физики и математики. Если не считать наших детских книжек, то прочих изданий в ее библиотеке было совсем немного. Впрочем, все это совершенно не мешало бабушке быть начитанным и разносторонне образованным человеком: во-первых, она до революции успела получить классическое гимназическое образование, во-вторых, полновесная в годы советской власти школьная библиотека всегда была под рукой (в первую очередь — научные журналы).

Ранее чтение всевозможных учебников в значительной мере было предопределено также тем, что и родители наши (Папа с Мамой) в разные годы на протяжении многих лет проработали преподавателями, в том числе в вузах.

В связи с этим нет ничего удивительно в том, что в период нашей учебы (1978—1983 гг.) в Кишиневском государственном университете им. В. И. Ленина нашим любимым занятием оказалось самостоятельное чтение учебников и нормативных актов (однокурсницы по этому поводу шутили: «Сухарь ты, да еще засушенный!»). Как правило, в канун очередного учебного года автором самостоятельно приобретались (покупались в «Букинисте») и изучались соответствующие кодексы, учебники и практикумы, что позволяло в ходе практических занятий (семинаров) конкретизировать ранее «начитанные» знания, вызывая преподавателей на острые дискуссии. Подобная предварительная работа (помогающая приобрести некие априорные знания) всегда весьма высоко оценивалась всеми преподавателям соответствующих учебных курсов. О подобной практике мы уже писали [3]. С некоторыми из этих ученых автору до настоящего времени удается поддерживать дружеские отношения, например, с Учителем нашим по международному праву Николаем Георгиевичем Осмокеску. Помнится, он любил повторять: «*Pacta sunt servanda*» (это наше «Договор дороже денег»).

Не обошлось и без курьезов. Однажды преподаватель советского исправительно-трудового права Х. порекомендовал студентам один учебник (тот единственный, который выдавался библиотекой вуза). Вскоре мы совершенно случайно заметили, что «авторские» лекции преподавателя — есть не что иное, как дословный пересказ текста из другой книги (таковая по случаю была куплена в букинистическом магазине [4]). Если точнее, то Х. вещал на аудиторию все то же самое, что было и в рекомендованном им учебнике, но только «иными (чужими для него) словами».

О данном «открытии» мы втайне от сокурсников поведали Х. Он промолчал. Однако правильно оценил и молчание наше: на итоговом зачете Х. задал только один вопрос: «Помогла ли нам эта „секретная“ книга?». Наш ответ был так же краток: «Да». Результат — «автомат»!

Сразу следует отметить, что современных (начиная с середины XX в.) учебников по уголовному праву и уголовному процессу уровня, например, проверенных временем «Общей химии» [5] двукратного лауреата Нобелевской премии (1954

и 1962 гг.) Лайнуса Карла Полинга (1901—1994) и «Физики» (полный курс) [6] ученика Энрико Ферми (1901—1954) Джея Орира (1950—2014) нам неведомо.

В отличие от «ученой братии» XIX в., наши современники чужими языками, как правило, не владеют, поэтому зарубежные книги на русский язык переводятся крайне редко. Исключениями из этого правила являются инициированные государством переводы некоторых фундаментальных англоязычных учебников, которые были выполнены в 1940—1960-е гг. Например, учебник Кортни Стэнхоупа Кенни (1847—1930 гг.) «Основы уголовного права (Англии)» [7].

Правда, кое-что из весьма обширного мирового наследия переводится и в наши дни. Например, среди переведенных авторов наши современники, такие как Гельмут Фристер («Уголовное право Германии. Общая часть» [8]); Фридрих-Кристиан Шредер, Торстен Феррер («Уголовно-процессуальное право Германии» [9]).

Не лишним будет отметить и тот факт, что российские ученые зарубежную литературу все же читают. Смотрите, например, публикацию доц. С. Г. Коновалова, посвященную учебникам уголовного процесса Германии [10], или сборник выдержек из трудов зарубежных ученых по проблемам уголовного права, подготовленный М. А. Кудратовым и Д. А. Печегиним [11].

5. История — важная из наук, ибо все ошибки (включая процессуальные) человечество уже совершило, и не раз!

Не будем также отрицать очевидного, что с начальной школы автора преследовала также еще и страсть к истории (пусть и не о ней сейчас разговор), что позволяет нам сделать нелицеприятный вывод: современные теории уголовного права и уголовного процесса и соответствующие им учебники — в лучшем случае тоже творение второй половины XIX в.

6. Учебник по уголовному праву в царской России

6.1. Уголовное право: самые первые учебные пособия

Методом свободной выборки попробуем проанализировать некоторые из книг по русскому уголовному праву, изданные в XIX в. и самом начале XX в.

Начнем с работы титулярного советника **П. Н. Гуляева (1793—?)**, который свою дидактическую деятельность в сфере юриспруденции начал

в 1824 г., опубликовав работу, посвященную в основном функционированию ряда подразделений полиции [12] (книга, впрочем, затем переиздавалась в 1827 и 1832 гг.). В 1826 г. Петр Николаевич в своем — по нынешним меркам — крайне скупом изложении положений российского уголовного права (еще нет ни Свода законов, ни Уложения о наказаниях) счел за благо «чуждую нашей отечественной морали» европейскую доктрину практически не анализировать (вспомним, Империя только что пережила восстание на Сенатской площади), а максимально строго придерживаться российских же государственных узаконений [13]. Как бы сказали некоторые наши современники, никакой науки (доктрины), одни только «старые, отжившие свое» законы.

Примерно в эти же годы наукой уголовного права вплотную занимался экстраординарный профессор (1815—1818 гг.), декан нравственно-политического отделения и проректор, а в 1819—1820 гг. ректор Казанского университета, затем в 1824—1844 гг. — казанский губернский прокурор **Гавриил Ильич Солнцев (1786—1866)**, перу которого принадлежит, по нашему мнению, самая первая теоретическая работа «Российское уголовное право», часть первой которой включает в себя анализ базовых понятий «преступление» и «наказание» [14]. Исследуя степень разработанности науки, проф. Г. И. Солнцев отмечал, что русских разработок по читаемой им дисциплине практически нет [14, с. 111—117]. С сожалением приходится констатировать печальный факт, что вышеуказанный труд Гавриила Ильича в течение весьма длительного времени так и оставался рукописным, широкая научная общественность узнала о нем только в 1907 г. с подачи Г. С. Фельдштейна (1868—1930) [15]. Дело в том, что идеологические враги проф. Г. И. Солнцева обвинили его в том, что он свое учение выводил не из Святого писания от Матфея и Луки, а из какого-то «практического разума».

Относительно трудов Н. П. Гуляева и Г. И. Солнцева несколько позже основным пособием для изучения уголовного права как самостоятельной отраслевой науки явились сочинения бесспорного первопроходца — экстраординарного профессора Московского Императорского университета (он в течение целых 42 лет заведовал кафедрой уголовного и полицейского права) тайного советника **Сергея Ивановича Баршева (1808—1882)** «О мере наказания» [16], «Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях» [17], «Чтения по предмету уголовного законоведение: часть особенная: о преступлениях и наказа-

ниях в особенности» [18], «Взгляд на науку уголовного законоведение» [19].

Характерной чертой трудов по уголовному праву в те годы была полная рассогласованность в определении соотношения законов Божьих (правил, к исполнению которых нас Всевышний призывает) и законов «человеческих», пусть и подписанных Помазанником Божьим — Государем Императором. Особенно авторов ужасал факт «расторжения права и религии».

Профессору С. И. Баршеву довелось жить и работать не только в годы сурового правления Николая I (1796—1855), открыто провозгласившего лозунг: «Ничего не менять, можно только усовершенствовать», но и в эпоху первой социально-политической «оттепели», свойственной Великой Судебной реформе 1864 г. Результаты реформ, осуществленных Александром II (1818—1881), в одночасье в корне изменили правосознание очень многих членов российского общества, главное — в полную силу заработали суды с участием присяжных заседателей. Оценку изменившемуся правосудию Сергей Иванович дал в краткой открытой лекции об обязанностях судей из народа, пусть и исключительно деликатно (на примерах из Англии, Франции и Германии) выразил озабоченность тем, что присяжные в России могут оправдать злодея, вина которого, вне всяких сомнений, уже доказана [20].

Один из первых, но уже классических (пусть и предельно кратких) учебников «Уголовное право» принадлежит перу знаменитейшего **Владимира Даниловича Спасовича (1829—1906)** [21], за который вскоре после его выхода автору была присуждена ученая степень доктора права! Владимир Данилович одним из первых выступил с резкой критикой «первого русского уголовного кодекса» — «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г.

Как известно, к чтению авторского (пока еще неофициального) курса лекций по анализируемой дисциплине В. Д. Спасович приступил в 1857 г. Владимир Данилович никогда не скрывал того факта, что подготовку к своим лекциям он начал с нуля, как и Г. И. Солнцев, по «немецким» книгам. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в названном выше учебнике 1863 г. весьма сильно чувствуется влияние его «неформального и заочного учителя» — немецкого ученого-правоведа **Альберта Фридриха Бернера (1818—1907)**, чей учебник, впервые увидевший свет в 1857 г., не только выдержал 18 изданий на родине (!), но и был переведен на несколько языков [22].

Примечательно, что учебник А. Ф. Бернера (точнее, его второе издание 1863 г.) практически сразу же (в 1865 г.) был переведен на русский язык **Николаем Андриановичем Неклюдовым (1840—1896)** с его же разъяснениями и дополнениями [23].

Особо подчеркнем то обстоятельство, что свое изложение материала В. Д. Спасович начал, как и теперь принято, с определения понятия «уголовное право», раскрыл его место и роль в системе других общественных наук. Правда, не посмеем отрицать очевидного: уровень развития юриспруденции того периода, мягко скажем, довольно существенно отличался от нынешней системы знаний. Например, предлагаем читателю оценить такую фразу В. Д. Спасовича: «Суд уголовный есть посредник между преступником и обществом, и заботится о восстановлении и утверждении возмущенного преступлением общественного порядка» [21].

Примечательно, что весьма важное место в юриспруденции В. Д. Спасович отводил филологии (нормы уголовного права — обязательный элемент нашего общения). В работе мэтра читаем: «Наука уголовного права сделала столь огромные успехи с XVIII столетия в Италии, Франции, Германии, Англии, что долгое время главная задача русских юристов будет состоять в том, чтобы с помощью добытых западно-европейскими учеными (?) результатов переработать громадный, почти нетронутый материал русского уголовного права» [21]!

Неслучайно в 1964 г. учебник В. Д. Спасовича по указу государя-освободителя Александра II был не только запрещен, но и конфискован, так как в нем в 36 местах (!) удалось обнаружить враждебные мысли «гнилого Запада»!

Кстати, изложение учебного материала В. Д. Спасович, как и большинство наших современников, по западной на тот момент традиции начинает с такого категориального ряда: «уголовный закон», «преступление», «наказание» и «справедливость» [21]. Уже совсем по-современному звучат его рассуждения о бесспорных достижениях науки уголовного права в самом конце XIX в. [24]

Наше внимание привлекли также работы по уголовному праву и некоторым смежным специальностям заслуженного профессора Харьковского императорского университета, а затем присяжного поверенного окружной Московской судебной палаты **Леонида Евстафьевича Владимирова (1845—1917)**. Во-первых, речь идет о его первом авторском учебнике по уголовному праву [25], во-

вторых, вспомним его же анализ исследований личности преступника [26]. А чего, например, стоит только одна лекция проф. Л. Е. Владимирова «Закон зла» [27]! Или его же книги об уголовном законодателе — воспитателе народа [28] и комплексном психологическом исследовании в уголовном суде [29].

Новые грани таланта Леонида Евстафьевича раскрылись и в уголовно-процессуальном праве. Теперь-то мы прекрасно знаем, что темы «присяжные» [30] и «доказательства» [31] — его родная стихия.

По-своему интересны учебники по уголовному праву проф. Варшавского императорского университета **Владимира Владимировича Есипова (1869—?)** [32].

В свое время исключительно популярны оказались труды **Дмитрия Андреевича Дриля (1846—1910)**, лекции которого студенты издавали за свои собственные деньги [33].

Многие представители интеллигенции в то далекое время, вздыхая, говорили: «Вот во Франции была Великая французская революция, а у нас...». Поэтому совершенно не случайно обществом на ура был востребован сборник «Уголовное право и социализм» [34], участие в котором принял проф. **Михаил Николаевич Гернет (1874—1953)**.

Безусловно, вершиной развития дореволюционного уголовного права считаются многочисленные труды проф. **Николая Степановича Таганцева (1843—1923)** [35], некоторые из них активно переиздаются и в наши дни [36]. В одной из наших предыдущих публикаций мы уже отмечали, что проф. Н. С. Таганцев, рассуждая еще в 1887 г. о феномене «преступление», отмечал такие его обязательные характеристики, как «проявление личности» и «предмет антропологии» [35, с. 1]. Казалось бы, вот она, «хорошая теория», в которой содержатся ответы на многие перманентные вопросы современности, вот оно, учение, апробированное временем. Однако история распорядилась совершенно по-другому, мудрые заветы Николая Степановича лишь «попусту пропали».

Действительно, ну кто такой этот Николай Степанович — буржуазный ученый, который, как и его современник **Анатолий Федорович Кони (1844—1917)**, так и не удосужился принять революцию во всем ее многообразии [37]. Вспомним Советский Союз на рубеже 1950—1960-х гг. Принята Третья Программа КПСС (31 октября 1961 г.), коммунизм «не за горами», государство и право вот-вот отомрут, следовательно, с подавляющим большинством правонарушителей трудовые кол-

лективы справятся без вмешательства органов государства [38—41].

После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. (скромно именуемой в первых изданиях МСЭ «Октябрьским переворотом») была предпринята смелая (если не безумная) попытка согласно гимну пролетариата «до основания разрушить все старое, а затем» создать нечто новое, «социалистическое», «советское». Удалось ли это? Судить читателю! Мы же посмеем только заявить, что авторы двух новых Уголовного кодекса РСФСР и Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) фактически не более чем просто повторили очень многое из официально отвергнутого прошлого [42]. А если сравнить Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и современную редакцию Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), то нетрудно будет обнаружить наследственные черты царского прошлого: «круг замкнулся».

Авторы самых первых учебников инновационного (по тогдашним меркам) пролетарского государства по уголовному праву и процессу свой контент условно делили на две практически равные части. Первая (история преступления и наказания) содержала уничтожающую критику уголовного права всех предшествующих эксплуататорских эпох. Во второй же части (советское право) авторы неуклюже пытались доказать, что «наш новый мир», а следовательно и уголовное право, безусловно, кардинально отличаются от всего предыдущего [43].

Следующий коренной поворот в развитии отечественной уголовно-правовой науки мы связываем с хрущевской оттепелью, принятием 25 декабря 1958 г. «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», УК РСФСР 1960 г. и УПК РСФСР 1961 г.

В течение последующих двух десятилетий ведущими специалистами в области уголовного права были подготовлены два фундаментальных курса советского уголовного права, в которых содержалось толкование главной из уголовно-правовых категорий «преступление»: шеститомник под редакцией в том числе члена-корреспондента АН СССР проф. **Андрея Андреевича Пионтковского (1898—1973)** [44] и пятитомник под редакцией проф. **Николая Александровича Беляева (1923—2004)** и проф. **Михаила Давидовича Шаргородского (1904—1973)** [45].

Именно данные книги явились нашими основными учебниками по уголовному праву в период обучения в университете (1978—1983 гг.). Признаемся, что эти учебники автором также использовались, как в годы работы по специальности, так и в рамках педагогической и иной творческой деятельности.

Скажем больше: на книги данных авторов в своих профессиональных спорах иногда опирались и судьи Верховного Суда СССР и Верховного Суда РФ.

Выработанные авторами обоих названных выше курсов легли в основу Комментария к Уголовному кодексу РСФСР, увидевшему свет под редакцией не только практика, но и ученого — **проф. Игоря Ивановича Карпеца (1921—1993)** [46]. Практически в этом же ключе понятию «преступление» находим определение в последних работах **Нинель Федоровны Кузнецовой (1927—2010)** [47].

Прошло всего 150 лет, и в работе национального судьи от Азербайджана проф. Х. И. Гаджиева мы находим мысль, зафиксированную в учебнике А. Ф. Бернера (в переводе Н. А. Неклюдова): «Доктрина (наука) — источник уголовного права» [48]. А что же практики? А они, так же, как и полтора века назад, не в состоянии отделить «сбор валежника от порубки» (ст. 260 УК РФ) [49].

Хорошо! А в чем же проблема? По нашему мнению, ответ на данный вопрос на поверхности: в процессе построения нового не было и нет никакой необходимости до основания разрушать все старое, следовало всего лишь творчески перенимать опыт предыдущих поколений [50].

Ну а что же наши «старые» учителя — немцы? Изучение их учебников 150-летней давности и наших дней позволяет сделать вывод, что особых изменений понятие «преступление» в их работах не претерпело [8].

Что же предлагают наши российские современники? А они требуют ни много ни мало пересмотреть базовый понятийный ряд: «преступление», «наказание» [51]. Впрочем, спор с ними это совершенно другая тема.

Вторые промежуточные научно-практические выводы

1. Несмотря на то что история уголовного судопроизводства насчитывает уже пять тысячелетий, человечество все еще перманентно пребывает в поисках его оптимальной концепции, не случайно со времен древнего Китая говорят примерно следующее: «УК — это негатив нашего парадного портрета». Ну а какой УК, такой автоматически будет и УПК.

2. Генезис воззрений на уголовное право и уголовное судопроизводство, их эволюция на текущий момент должным образом не прослеживаются — надлежащего системного изложения мы не встречали.

3. Несмотря на то что человек, его основные права и свободы провозглашены высшей ценностью, честного ответа на вопрос: «Пытать нельзя не пытать» ответа пока нет.

3. Стыдно признаться, но российская уголовно-правовая и уголовно-процессуальная наука все еще дебатировать об официальных целях уголовного судопроизводства.

4. Никто не отменял принципа: в формировании институтов уголовного права и процесса мы «смело берем чужое, когда нет своего». Главное, заимствованные компоненты должны «не в кучу

складываться», а занять свое место в национальной системе уголовного права и судопроизводства.

5. Концепция о классических учебниках по уголовному праву и уголовно-процессуальному праву все еще пишется... Не случайно российские практики, как и их коллеги, жившие в Германии в середине позапрошлого (XIX) века, упорно ведут дебаты по проблеме отделения не запрещенного УК РФ «сбора валежника» от уголовно наказуемой порубки (ст. 260 УК РФ).

6. Вывод автора: историю уголовно-правовой и уголовно-процессуальной науки (как и историю в целом) следует изучать обязательно!

Продолжение следует.

1. Колоколов Н. А. Уголовное право и уголовный процесс: учебник, журнал и монография, их роль и место в образовательном процессе. Часть 1. Доктрина в поисках концепции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 60—75.

2. Перельман Я. Занимательная физика. Ленинград: ОГИЗ: Гостехиздат, 1947. 288 с.

3. Колоколов Н. А. Суд с участием присяжных заседателей в призме суждений Николая Андреевича Буцковского и его современников // Устав уголовного судопроизводства 1864 года и его влияние на современный уголовный процесс (памяти Николая Андреевича Буцковского, 1811—1873 гг.): материалы всерос. науч.-практ. конф. Москва: Академия СК РФ, 2024. С. 60—76.

4. Ткачевский Ю. М. Советское исправительно-трудовое право: учеб. пособие. Москва: Изд-во МГУ, 1971. 232 с.

5. Полинг Л. Общая химия. Москва: Мир, 1978. 683 с.

6. Орир Дж. Физика. Москва: Мир, 1981. 336 с.

7. Кенни К. С. Основы уголовного права / пер. с англ. В. И. Каминской; под ред. и с вступ. ст. Б. С. Никифорова. Москва: Изд-во иностр. лит., 1949. 599 с.

8. Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть. Москва: Инфотропик Медиа, 2013. 712 с.

9. Шредер Ф.-К., Ферр Т. Уголовно-процессуальное право Германии. Москва: Инфотропик Медиа, 2016. 304 с.

10. Коловалов С. Г. Немецкий учебник уголовного процесса глазами российского правоведа // II Стояновские чтения. Учебник уголов-

1. Kolokolov N. A. Criminal law and criminal procedure: a textbook, a journal and a monograph, their role and place in the educational process. Part 1. Doctrine in looking for a concept. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 60—75, 2025. (In Russ.).

2. Perelman Ya. Entertaining Physics. Leningrad: OGIz: Gostekhizdat; 1947: 288. (In Russ.).

3. Kolokolov N. A. Trial with participation of jurors in the prism of judgments of Nickolai Andreyevich Butskovsky and his contemporaries. In: The Charter of Criminal Procedure of 1864 and its influence on modern criminal proceedings (in memory of Nickolai Andreyevich Butskovsky, 1811—1873). Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Moscow: Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; 2024: 60—76. (In Russ.).

4. Tkachevsky Yu. M. Soviet corrective labor law. Textbook. Moscow: Moscow State University Publishing House; 1971: 232. (In Russ.).

5. Pauling L. General Chemistry. Moscow: Mir; 1978: 683. (In Russ.).

6. Orir J. Physics. Moscow: Mir; 1981: 336. (In Russ.).

7. Kenni K. S. Fundamentals of criminal law. Transl. from English by V. I. Kaminskaya. Red. by B. S. Nikiforov (with an introductory article). Moscow: Foreign Literature Publishing House; 1949: 599. (In Russ.).

8. Frister G. Criminal law of Germany. General part. Moscow: Infotropic Media; 2013: 712. (In Russ.).

9. Shreder F.-K., Ferr T. Criminal procedure law of Germany. Moscow: Infotropic Media; 2016: 304. (In Russ.).

ного процесса: прошлое, настоящее, будущее: материалы науч.-дидакт. конф. (Москва, 22 апреля 2025 г.) / под ред. А. А. Бессонова, В. Д. Дармаевой, Ю. А. Цветкова. Москва: Юрайт, 2025. С. 78—84.

11. Сравнительное уголовное право: функции, методы и теоретические концепции / отв. ред. М. А. Кудратов, Д. А. Печегин. Москва: Инфотропик Медиа, 2021. 243 с.

12. Гуляев П. Н. Права и обязанности городской и земской полиций, и всех вообще жителей Российского государства по их состояниям. Москва: Унив. тип., 1824. 224 с.

13. Гуляев П. Н. Российское уголовное право, составленное из государственных законов. Москва: Тип. П. Кузнецова, 1826. 209 с.

14. Солнцев Г. И. Труды по праву. Москва: Статут, 2023. 373 с.

15. Солнцев Г. И. Российское уголовное право, изложенное обоим прав доктором, Казанского университета бывшим ректором... Гавриилом Солнцевым: Казань, 1820 / под ред. и с вступ. ст. о Г. И. Солнцева Г. С. Фельдштейна, проф. Демидов. юрид. лицея. Ярославль, 1907. 219 с.

16. Баршев С. Н. О мере наказаний. Москва: Унив. тип., 1840. 279 с.

17. Баршев С. Н. Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях: в 2 разд. Москва: Унив. тип., 1841. 107 с.; 250 с.

18. Баршев С. Н. Чтения по предмету уголовного законовещения. Часть особенная: о преступлениях и наказаниях в особенности. Москва, 1850. 396 с.

19. Баршев С. Н. Взгляд на науку уголовного законовещения. Санкт-Петербург, 1858. 23 с.

20. Баршев С. Н. О существе власти и обязанностях присяжных. Москва: Унив. тип., 1874. 21 с.

21. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. 1 [Общая часть уголовного права материального]. Санкт-Петербург: Тип. Иософета Огризко, 1863. 178 с.

22. Berner A. F. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. Leipzig, 1857. 250 S.

23. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Части: общ. и особ. / [Соч.] А. Ф. Бернера; с прим., прил. и доп. по истории рус. права и законодательству положит. магистра уголов. права Н. Неклюдова; пер. и изд. Н. Неклюдова. Т. 1—2. Санкт-Петербург, 1865—1867.

24. Спасович В. Д. Новые направления в науке уголовного права. Москва: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1898. 139 с.

10. Kolovalov S. G. German textbook on criminal procedure from a Russian lawyer's point of view. In: II Stoyanovsky readings. Textbook on criminal procedure: past, present, future. Materials of scientific and didactic conference, 22 April 2025, Moscow. Red. by A. A. Bessonov, V. D. Darmayeva, Yu. A. Tsvetkov. Moscow: Yurait; 2025: 78—84. (In Russ.).

11. Comparative criminal law: functions, methods and theoretical conceptions. Red. by M. A. Kudratov, D. A. Pechegin. Moscow: Infotropic Media; 2021: 243. (In Russ.).

12. Gulyayev P. N. Rights and duties of the city and local (zemskoi) police, and all residents of the Russian state according to their status. Moscow: Univ. printing house; 1824: 224. (In Russ.).

13. Gulyayev P. N. Russian criminal law, made up of state laws. Moscow: printing house by P. Kuznetsov; 1826: 209. (In Russ.).

14. Solntsev G. I. Works on law. Moscow: Statut; 2023: 373. (In Russ.).

15. Solntsev G. I. Russian criminal law, interpreted by doctor of both rights, former principal of the Kazan University... Gavriil Solntsev: Kazan, 1820. Red. by G. S. Feldshtein, professor of Demidov's Legal Lyceum (with an introductory article on G. I. Solntsev). Yaroslavl; 1907: 219. (In Russ.).

16. Barshev S. N. On penalties. Moscow: Univ. printing house; 1840: 279. (In Russ.).

17. Barshev S. N. General principles of the theory and legislation on crimes and punishments. In 2 sections. Moscow: Univ. printing house; 1841: 107; 250. (In Russ.).

18. Barshev S. N. Readings on criminal jurisprudence (legislation). Special part: on crimes and punishments in particular. Moscow; 1850: 396. (In Russ.).

19. Barshev S. N. View on the science of criminal jurisprudence (legislation). Saint-Petersburg; 1858: 23. (In Russ.).

20. Barshev S. N. On the essence of power and duties of the jury. Moscow: Univ. printing house; 1874: 21. (In Russ.).

21. Spasovich V. D. Textbook of criminal law. Vol. 1. Issue 1 [General part of material criminal law]. Saint-Petersburg: Printing house by Iosophetha Ogrizko; 1863: 178. (In Russ.).

22. Berner A. F. Textbook of German criminal law. Leipzig; 1857: 250. (In Germ.).

23. Berner A. F. Textbook of criminal law. Parts: general and special. [Essays] by A. F. Berner; with examples, app. and add. on the history of Russian

25. Владимиров Л. Е. Учебник русского уголовного права: Общ. часть. Харьков: Изд. тип. Каплана и Бирюкова, 1889. 253 с.

26. Владимиров Л. Е. Психические особенности преступников по новейшим исследованиям. Москва: Унив. тип. (М. Катков), 1877. 65 с.

27. Владимиров Л. Е. Закон зла: лекция, читанная студентам V семестра Харьковского университета в дек. 1891 г. в заключение академического полугодия. Харьков: Тип. А. Дарре, 1892. 24 с.

28. Владимиров Л. Е. Уголовный законодатель как воспитатель народа. Москва: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1903. 244 с.

29. Владимиров Л. Е. Психологическое исследование в уголовном суде. Москва: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1901. 291 с.

30. Владимиров Л. Е. Суд присяжных: Условия действия института присяжных и метод разработки доказательств. Харьков: Унив. тип., 1873. 257 с.

31. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Части: общая и особенная. 3-е изд., измен. и законч. Санкт-Петербург: Кн. магазин «Законоведение», 1910. 400 с.

32. Есипов В. В. Уголовное право: Часть особенная. 3-е изд., пересмотр. и доп. согласно Уголовному уложению 1903 г. и послед. узаконениям. Москва: Кн. магазин «Правоведение» И. К. Голубева, 1904. 216 с.

33. Дриль Д. А. Уголовное право. Лекции, читанные в Санкт-Петербургском политехническом институте Д. А. Дрилем в 1907/8 учебном году. Санкт-Петербург: Издание студенч. кассы взаимопомощи С.-Петерб. Политехникума, 1909. 461 с.

34. Уголовное право и социализм: сб. ст. / пер., под ред. и с предисл. М. Н. Гернет. Москва: Тип. И. Д. Сытина, 1908. 227 с.

35. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1887. 398 с.

36. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. Москва: Наука, 1994. 380 с.

37. Есаков Г. А. «Вы не можете измерить глубины моего горя по поводу поругания всего, что мне было дорого и свято». А. Ф. Кони и большевики // Закон. 2024. № 2. С. 108—123.

38. Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (общая характеристика проблемы) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 21—31.

law and legislation by pos. master of criminal law N. Neklyudov; rev. and published by N. Neklyudov. Vol. 1—2. Saint Petersburg; 1865—1867. (In Russ.).

24. Spasovich V. D. New ways in the criminal law science. Moscow: I. D. Sytin's publishing house; 1898: 139. (In Russ.).

25. Vladimirov L. Ye. Textbook of the Russian criminal law: General Part. Kharkov: Kaplan and Biryukov's publishing house; 1889: 253. (In Russ.).

26. Vladimirov L. Ye. Mental features of the criminals according to the latest research. Moscow: Univ. publishing house (M. Katkov); 1877: 65. (In Russ.).

27. Vladimirov L. Ye. The law of evil: the lecture delivered to the students of the fifth term of the Kharkov University in December of 1891 at the end of the academic semester. Kharkov: A. Darré's publishing house; 1892: 24. (In Russ.).

28. Vladimirov L. Ye. The criminal legislator as a tutor of people. Moscow: T-vo skoropech. A. A. Levenson; 1903: 244. (In Russ.).

29. Vladimirov L. Ye. Psychological research in the criminal court. Moscow: T-vo skoropech. A. A. Levenson; 1901: 291. (In Russ.).

30. Vladimirov L. Ye. Jury: conditions of the jury institution and the method of developing evidence. Kharkov: Univ. publishing house; 1873: 257. (In Russ.).

31. Vladimirov L. Ye. The doctrine on criminal evidence. Parts: General and Special. 3rd ed., rev. and completed. Saint Petersburg: book store "Zakonovedenie"; 1910: 400. (In Russ.).

32. Yesipov V. V. Criminal law: Special Part. 3rd ed., rev. and add. according to the Criminal Code (Ulozhenie) of 1903 and subsequent legislation. Moscow: book store "Pravovedenie" by I. K. Golubev; 1904: 216. (In Russ.).

33. Dril D. A. Criminal law. Lectures delivered by D. A. Dril at the St. Petersburg Polytechnic Institute in 1907/8 academic year. Saint Petersburg: published by the student mutual aid fund of the St. Petersburg Polytechnic College; 1909: 461. (In Russ.).

34. Criminal law and socialism. Collection of articles. Transl., ed. by M. N. Gernet (with a preface). Moscow: I. D. Sytin's publishing house; 1908: 227. (In Russ.).

35. Tagantsev N. S. Lectures on the Russian criminal law. General part. Saint Petersburg; 1887: 398. (In Russ.).

36. Tagantsev N. S. Russian criminal law. Lectures. General part. Moscow: Nauka; 1994: 380. (In Russ.).

39. Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (углубленный анализ проблемы) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 2 (66). С. 145—155.
40. Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (особенности уголовного преследования лиц, подвергнутых административному наказанию за мелкое хищение) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 297—310.
41. Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (системный анализ текущей официальной уголовной политики и противоречивой судебной практики) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 411—427.
42. Первый Уголовный кодекс РСФСР: концептуальные основы и общая характеристика (к 100-летию со дня принятия) / под общ. ред. А. Н. Савенкова. Москва: Проспект, 2023. 240 с.
43. Чельцов-Бубутов М. А. Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1925. 111 с.
44. Курс советского уголовного права. Часть общая. В 6 т. Т. 2. Преступление / под ред. А. А. Пионтковского. Москва: Наука, 1970. – 516 с.
45. Домахин С. А. Понятие преступления // Курс советского уголовного права. В 5 т. Т. 1. Часть Общая / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 158—160.
46. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. И. И. Карпеца. Москва: Юрид. лит., 1971. 560 с.
47. Кузнецова Н. Ф. Признаки (свойства) преступления // Энциклопедия уголовного права. Т. 3: Понятие преступления. Санкт-Петербург, 2005. С. 64—65.
48. Гаджиев Х. И. Судебные доктрины как результат общенаучного и конкретного познания права // Судебные доктрины в российском праве: теория и практика: монография / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев [и др.]. Москва: ИЗиСП, 2021. С. 20—38.
49. Колоколов Н. А. Динамика грамматики правопорядка: от ранней работы К. Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса» к новой повестке дня в современной уголовной политике // Право, закон и суд в ранних трудах Карла Маркса (к 20-летию со дня рождения К. Маркса) / под ред. Т. Я. Хабриевой. Москва: ИЗиСП при правительстве РФ, 2019. С. 205—223.
37. Yesakov G. A. "You cannot measure the depth of my grief over the desecration of everything that was dear and sacred to me". A. F. Koni and the Bolsheviks. Law, 108—123, 2024. (In Russ.).
38. Kolokolov N. A. Significantly about the insignificant matter: practice to apply Article 14 (Part 2) of the Criminal Code of the Russian Federation (general characteristics of the problem). Penitentiary science, 21—31, 2024. (In Russ.).
39. Kolokolov N. A. Significantly about the insignificant matter: practice to apply Article 14 (Part 2) of the Criminal Code of the Russian Federation (detailed / thorough analysis of the problem). Penitentiary science, 145—155, 2024. (In Russ.).
40. Kolokolov N. A. Significantly about insignificant matter: practice to apply Article 14 (Part 2) of the Criminal Code of the Russian Federation (specifics of criminal prosecution of offenders subject to administrative punishment for petty theft). Penitentiary science, 297—310, 2024. (In Russ.).
41. Kolokolov N. A. Significantly about insignificant matter: practice to apply Article 14 (Part 2) of the Criminal Code of the Russian Federation (comprehensive analysis of existing official criminal policy and controversial judicial practice). Penitentiary science, 411—427, 2024. (In Russ.).
42. The First Criminal Code of the RSFSR: scientific foundations and general characteristics (dedicated to the 100th anniversary of adoption). Red. by A. N. Savenkov. Moscow: Prospect; 2023: 240. (In Russ.).
43. Cheltsov-Bubutov M. A. Crime and punishment both in the history and in the Soviet law. Kharkov: Legal publishing house of PCJ of the Ukrainian SSR; 1925: 111. (In Russ.).
44. Course of the Soviet criminal law. General Part. In 6 vols. Vol. 2. Crime. Red. by A. A. Piontkovsky. Moscow: Science; 1970: 516. (In Russ.).
45. Domakhin S. A. Concept of a crime. Course of the Soviet criminal law. In 5 vols. Vol. 1. Gen. Part. Red. by N. A. Belyaev, M. D. Shargorodsky. Leningrad: Leningrad university publishing house; 1968: 158—160. (In Russ.).
46. Commentary to the Criminal Code of the RSFSR. Red. by I. I. Karpets. Moscow: Legal lit.; 1971: 560. (In Russ.).
47. Kuznetsova N. F. Specifics of a crime. Encyclopedia of the Russian law. Vol. 3. Concept of a crime. Saint Petersburg; 2005: 64—65. (In Russ.).
48. Gadzhiev Kh. I. Judicial doctrines as results of general and particular law cognition. In: Serkov P. P., Lazarev V. V., Gadzhiev Kh. I. (et al.)

50. Колоколов Н. А. Организация правосудия в постиндустриальном общества // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сб. науч. ст. / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. Москва: ИЗИСП при Правительстве РФ, 2020. С. 165—179.

51. Кленова Т. В. Легитимизация обновления основного категориального ряда российского уголовного права // Журнал российского права. 2025. Т. 29, № 8. С. 105—119.

Judicial doctrines in the Russian law: theory and practice. Monograph. Moscow: ILCL; 2021: 20—38. (In Russ.).

49. Kolokolov N. A. Dynamics of law enforcement grammar: from the earlier work of K. Marx "Debates on law of the forest theft" to the new agenda in existing criminal policy. In: Law and justice in the earliest works by Karl Marx (to the twentieth anniversary of K. Marx). Red. by. T. Ya. Khabriyeva. Moscow: ILCL under the Government of the Russian Federation; 2019: 205—223. (In Russ.).

50. Kolokolov N. A. Justice organization in the post-industrial society. In: Law and legality in the programmable (managed) society (to the 100th anniversary of Daniel Bell). Collection of scientific works. Red by T. Ya. Khabrieva, V. V. Lazarev. Moscow: ILCL under the Government of the Russian Federation; 2020: 165—179. (In Russ.).

51. Klenova T. V. Legitimization to update the main categories of the Russian criminal law. Journal of the Russian Law, 105—119, 2025. (In Russ.).

Колоколов Никита Александрович,
судья Верховного Суда РФ
в почетной отставке,
заведующий кафедрой судебной
и прокурорско-следственной деятельности
Московского университета
имени А. С. Грибоедова,
профессор кафедры
теории и истории государства и права
Московского педагогического
государственного университета,
главный редактор
журнала «Уголовное судопроизводство»,
председатель редакционного совета
журнала «Мировой судья»,
доктор юридических наук, профессор;
nikita_kolokolov@mail.ru

Kolokolov Nikita Aleksandrovich,
honorably retired judge
of the Supreme Court
of the Russian Federation,
head of the department of judicial
and prosecutorial-investigative activities
of the A. S. Griboyedov Moscow University,
professor at the department
of the theory and history of state and law
of the Moscow Pedagogical State University,
editor-in-chief
of the "Criminal proceedings" journal,
chairman of the editorial board
of the "Judge of the Peace" journal,
doctor of juridical sciences, full professor;
nikita_kolokolov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.09.2025; одобрена после рецензирования 11.09.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 02.09.2025; approved after reviewing 11.09.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.8

ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

Алексей Александрович Кузнецов

Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
Сочи, Россия, omsklaw07@mail.ru

Аннотация. Проблемам совершенствования института ответственности в уголовно-исполнительном праве уделяется необоснованно мало внимания. Отсутствие представления о данной категории как самостоятельном виде юридической ответственности, ее подмена административной, гражданской и дисциплинарной ответственностью сегодня привели к тому, что, по сути, самостоятельная отрасль правового регулирования общественных отношений «растворяется» в других правоотношениях. Подобная ситуация в уголовно-исполнительном праве носит исторический характер и в современной доктрине воспринимается как обыденная, не вызывая оживленных дискуссий. В свою очередь, именно ответственность представляет собой центральную категорию, отсутствие которой «размывает» саму отрасль правового регулирования, делая уголовно-исполнительное право «придатком» других правовых сфер. При этом уголовная ответственность остается предметом анализа преимущественно уголовно-правовой доктрины, т. е. отрасли материального права. Такая ситуация требует всестороннего научного изучения, а нормы об ответственности — самостоятельного изучения в рамках уголовно-исполнительной теории с учетом накопленных знаний в юридической науке.

Ключевые слова: ответственность, форма реализации, правоотношение, законность, целесообразность, принуждение

Для цитирования: Кузнецов А. А. Формы реализации ответственности в уголовно-исполнительном праве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 55—64.

FORMS OF LIABILITY IMPLEMENTATION IN PENAL LAW

Aleksey Aleksandrovich Kuznetsov

Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia, omsklaw07@mail.ru

Abstract. The issues of liability institute improvement in penal law are poorly dealt with. The notion of this kind of category as a separate type of legal liability is either missing or substituted for administrative, civil or disciplinary liability. Therefore, this independent branch of legal regulations of social relations has "dissolved" in other legal relationships. This very situation in penal law is historical in nature and regarded as trivial in contemporary doctrine, not encouraging much discussion. However, it is liability that presents the central category. Its absence "blurs" the very branch of legal regulations making penal law "an appendage" for other legal spheres. Thus, criminal liability is still the subject of consideration of criminal law doctrine, namely material law branch in most cases. This situation requires scientific analysis and liability norms should be studied separately, within the penal theory, and taking into account, the knowledge accumulated in legal science.

Keywords: liability, a form of implementation, legal relationship, legality, feasibility, compulsion

For citation: Kuznetsov A. A. Forms of liability implementation in penal law. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 55—64, 2025. (In Russ.).

«Участь» любой процессуальной, а также исполнительной отраслей права, в особенности их отдельных категорий, напрямую определяется теми установками, которые задаются в соответствующих материальных сферах правового регулирования общественных отношений. Ответственность не исключение. В уголовно-исполнительном праве претерпевание тягот и лишений, как апофеоз порицания государством лица, признанного виновным в совершении преступления, составляет суть всей отрасли. Собственно именно там ответственность (а не просто факт принуждения таких лиц) впервые с момента совершения ими общественно опасного деяния начинает находить свое непосредственное выражение. Лицо уже признано виновным, оно ответственно за то, что совершило, а механизм государственного принуждения начинает функционировать исключительно в связи с его наличием, реализуясь во вполне конкретных мерах и средствах.

В то же время меры принуждения не находятся в единой системе государственного принуждения, при этом, безусловно, оставаясь элементом его волеизъявления. Вопрос в данном случае именно в единстве системы, включая и понимание, и правовую природу происхождения. Имея некоторую связь с ранее назначенным видом и размером наказания, а также с определенным режимом его отбывания, сами специалисты принуждение больше видят как отдельное проявление мер административного или даже дисциплинарного характера. Современное уголовно-исполнительное право обращается к всевозможным правовым категориям в ходе рассуждений об ответственности, однако при этом практически никак не опирается на материальную область правового регулирования данной сферы общественных отношений [1]. В свою очередь, создание единого механизма государственного принуждения за факт совершенного преступления, в основе которого будет лежать ответственность, помимо формирования прочного правового основания для применения наиболее репрессивных мер, также позволит ответить на вопрос относительно форм их реализации в данной отрасли в целом, без присущего до сих пор дробления на отдельные направления. Это также исключит и уже окончательно утвердившееся игнорирование уголовной ответственности, как якобы не относящейся к уголовно-исполнительной сфере, опять же через призму отношения к последней как к отдельной отрасли правового регулирования.

Исходя из видения уголовно-правовых отношений в качестве монолитной конструкции, представляется правильным решение вопроса не только самой ответственности, но и проблемы форм ее реализации. Более того, необходимость обращения к данной проблематике также диктуется той неопределенностью, которая в этой части уже давно утвердилась, в некоторой степени даже превратившись в нечто устоявшееся и самобытное, а соответственно, не требующее самостоятельного анализа. Между тем отсутствие сегодня того единства, которое необходимо при решении вопросов государственного принуждения в уголовно-правовой сфере, приводит к неопределенности в целом всего правоотношения. Выход из сложившейся ситуации возможен лишь на доктринальном уровне, влекущем за собой определение правовой природы любого явления, его статуса и места среди других правовых категорий. В этом отношении не исключение и форма реализации ответственности в уголовно-правовом регулировании общественных отношений в ее уголовно-исполнительной части.

Действующий Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в рамках целого ряда соответствующих статей устанавливает несколько форм принуждения, не относящихся к проявлениям уголовной ответственности. Более того, в одних случаях, например ст. 29, 38, 46, 58 и др. Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (далее — УИК РФ), законодатель напрямую использует термин — ответственность (естественно, без указания ее вида). В других случаях, например ст. 60.14, 71, 115, 153, 168 и др., речь идет о мерах взыскания, что априори не одно и то же, что ответственность [2, с. 135]. Уже это одно само по себе указывает на существующую неопределенность в установлении того, что следует понимать под формами реализации государственного принуждения. При этом сама ответственность (любого вида) выступает в качестве одной из таких форм, по-прежнему оставляя в стороне материальную отрасль правового регулирования. Нельзя также забывать и о тех ограничениях, которые накладываются на виновного в зависимости от режима назначенного ему наказания, который опять же напрямую зависит от вида совершенного преступления и категории его тяжести. Отсюда и вывод о формах реализации ответственности должен формулироваться в рамках обозначенных направлений, каждое из которых предполагает претерпевание осужденным определенных тягот и лишений.

Еще одной потенциальной формой реализации ответственности (как элемента государственного принуждения) в уголовно-исполнительном праве является институт probation, не так давно появившийся в отечественном законодательстве¹. В частности, его исполнительный, пенитенциарный, постпенитенциарный, ресоциализирующий характер, как и некоторые другие аспекты, также напрямую указывают на целое направление принуждения, в рамках которого происходит претерпевание виновным ответственности (в том или ином виде) за совершенное им преступление. Несмотря на безусловность социальной направленности данной меры, постановка вопроса относительно ее места в системе государственного принуждения необходима. В связи с этим нельзя не согласиться с К. Н. Карповым, который, раскрывая, по сути, принудительную правовую природу данного института, уже сейчас предлагает именно в данной части исследуемую меру скорректировать в сторону расширения полномочий уголовно-исполнительных инспекций по установлению индивидуальных требований к поведению «подопечного» в рамках процедуры probation (пройти медицинское лечение, пройти курс обучения в учебном заведении, трудоустроиться, отказаться от употребления алкоголя, осуществлять помощь несовершеннолетним детям и т. д.) [3, с. 184—186]. Таким образом, автор видит контроль как проявление ответственности, а его усиление — лишь усиление все той же ответственности.

Надо сказать, что законодатель, обозначая свою позицию относительно мер принуждения в уголовно-исполнительной сфере, изначально исходит из категории «ответственность», что нашло свое выражение в соответствующих статьях УИК РФ. К видам наказаний, исполнение которых нарушается осужденным, что влечет за собой именно ответственность, законодатель отнес: обязательные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы и ограничение свободы. В других случаях им используется категория «мера взыскания» (принудительные работы, арест, лишение свободы и др.), которая сама по себе выступает в качестве одной из форм проявления именно ответственности. С учетом наличия в федеральном законодатель-

стве также других средств воздействия на виновного, таких как probation или меры, обозначенные в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) (ст. 73, 79 и др.), но реализуемых уже в рамках уголовно-исполнительных отношений, знаменателя сегодня в данном вопросе пока что явно не существует.

Между тем все меры государственного принуждения, которые на этом этапе применяются в рамках уголовно-исполнительных отношений, вне зависимости от их правовой регламентации, но с учетом характера оказываемого влияния на осужденного, можно разделить на несколько групп. В соответствии с таким воздействием на лицо, отбывающее наказание, формами реализации ответственности являются:

1) *ограничения*. Данная форма реализации наказания свое выражение в таких средствах принуждения, как: все виды наказаний, связанных с лишением и (или) ограничением свободы (лишение свободы на определенный срок, ограничение свободы, арест, пожизненное лишение свободы и др.); перевод осужденных в помещения камерного типа, единые помещения камерного типа и одиночные камеры, а также водворение в штрафные и дисциплинарные изоляторы; водворение в дисциплинарный изолятор на срок до семи суток с выводом на учебу; водворение в штрафной изолятор на срок до 10 суток и др.;

2) *лишения*. Указанная форма реализации ответственности проявляется в таких средствах принуждения, как: *лишение* права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; *лишение* специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; лишение права просмотра кинофильмов; лишение родительских прав; отмена права проживания с семьей на арендованной или собственной жилой площади и др.;

3) *принуждение*. Возмещение причиненного ущерба; удержания из заработной платы и иных доходов осужденных к лишению свободы; перевод осужденных мужчин, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, содержащихся в исправительных колониях общего и строгого режимов, в помещения камерного типа, а в исправительных колониях особого режима и тюрьмах — в одиночные камеры; отмена права проживания вне общежития и запрет выхода за пределы общежития в свободное от работы время на срок до 30 дней; перевод для дальнейшего отбывания наказания из воспита-

¹ О probation в Российской Федерации: федер. закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ. URL: <https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html> (дата обращения: 08.06.2025).

тельной колонии в изолированный участок воспитательной колонии, функционирующий как исправительная колония общего режима, при его наличии или в исправительную колонию общего режима; водворение в помещение для нарушителей на срок до 15 суток и др.;

4) *контроль*. Надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы; обязанность осужденного до двух раз в месяц являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации; задержание на срок до 48 часов; объявление розыска осужденных к наказаниям в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, а также условно осужденных, осужденных с отсрочкой отбывания наказания, уклоняющихся от контроля уголовно-исполнительной инспекции; probation; режим высылки; наблюдение и контроль за поведением осужденных в исправительном центре и по месту работы, а также в иных местах их пребывания; административный надзор; испытательный срок; учет осужденных; контроль соблюдения осужденными предусмотренного приговором суда запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и др.;

5) *порицание*. Судимость; принудительные меры воспитательного воздействия; выговор; строгий выговор; дисциплинарный штраф; официальное предостережение и др.

Следует отметить, что все перечисленные средства принуждения осужденного за совершение преступления применяются в рамках отбывания того или иного наказания, при этом по своей видовой принадлежности не относясь ни к наказанию, ни к уголовной ответственности¹ [4]. Парадоксальность ситуации усугубляется тем, что все ограничения прав и свобод человека происходят уже не на основании решения суда, а в рамках уголовно-исполнительных отношений на основании властных полномочий отдельных должностных лиц либо коллегиально. По сути, именно вопросы ответственности, а не чего-либо другого находятся во власти субъективного, фактически позволяя принимать оперативные решения, не опираясь при этом на мнение суда. Безусловно, такие действия подвержены внутриведомственному контролю, прокурорскому надзору или контролю со сто-

роны иных служб, но тем не менее это все также внесудебное ограничение прав и законных интересов человека в связи с ранее совершенным им преступлением.

Что важно, эта часть государственного принуждения существенно отличается от той, что реализуется на уголовно-процессуальной стадии. Там все носит вероятностный характер, начиная от неустановленного факта совершения преступления и завершая лишь предполагаемым вариантом поведения субъекта правоотношения. Здесь иная ситуация, однако субъект принятия решения, так же как и в рамках уголовно-процессуального правоотношения (и даже в большей степени), оказывается самостоятельным, будучи способным выступать в роли непосредственного регулятора как объема репрессии (в основном ее качественной составляющей), так и его видового разнообразия.

Больше полномочий в данном вопросе можно встретить только у зарубежных «коллег», работающих в уголовно-исполнительной системе в странах англо-саксонской группы² [5]. Так, в Примерном Уголовном кодексе США предоставляется право на толкование при реализации его предписаний, в том числе относительно объема мер воздействия, которое в соответствии с ч. 3 ст. 1.02 должно осуществляться «в интересах общих целей, сформулированных в настоящей статье, и специальных целей толкуемого положения»³. По мнению самих составителей Примерного Уголовного кодекса США, увеличение размера наказания виновному оправданно, когда это «необходимо для защиты общества»⁴. Более того, в отдельных штатах США решение вопроса о минимальном сроке наказания в виде лишения свободы полностью «отдается на рассмотрение управления исправительных учреждений»⁵. Следовательно, «время реального нахождения осужденного в местах лишения свободы по неопределенному приговору зависит от административного органа — совета по условно-досрочному освобождению» [6, с. 274].

Аналогичным образом выглядит ситуация и в Англии, где «превентивное заключение» и «продленный срок лишения свободы» применяются

² В историческом контексте аналогичный подход демонстрировался в отечественном законодательстве по состоянию середины XIX столетия.

³ Примерный Уголовный кодекс (США). Москва, 1969. С. 33.

⁴ Model Penal Code. Philadelphia, 1985. P. 102—103.

⁵ Kentucky Penal Code. Banks-Baldwin law publishing Co. Cleveland, 1996—1997. P. 1092.

¹ В связи с этим крайне сложно поддержать позицию Т. Г. Антонова, разделившего все средства принуждения в зависимости от целей их применения и направлений воздействия (ответственность, обеспечительный, предупредительный характер и др.).

к так называемым привычным или упорным преступникам еще с 1908 г. [7] В Великобритании средства трансформации уже назначенного наказания могут использоваться на уровне так называемой тюремной дисциплинарной практики, в рамках которой начальник администрации конкретного места лишения свободы наделяется в том числе судебными полномочиями [8].

Однако если законодательство стран англосаксонской правовой семьи базируется на началах целесообразности (часто неограниченной), что делает логичным реализацию такого подхода, то российское законодательство традиционно основывается на идее законности. Причем законность далеко не означает лишь сам факт указания чего-нибудь (конкретной меры) где-нибудь (в законе, ведомственном нормативном правовом документе, распоряжении, письме и т. д.). Она должна рассматриваться системно и проходить через все институты, вне зависимости от отрасли правового регулирования. В связи с этим и ответственность в уголовно-правовой сфере не может быть такой в уголовном праве и принципиально иной в уголовно-исполнительном праве. Речь необходимо вести как минимум о неурегулированности данного вопроса, а как максимум о его системном несоответствии базовому принципу всей отечественной правовой системы — законности. Именно идеологически законность представляет собой ту категорию, которая образует институты, причем взаимосвязанные друг с другом, формируя таким образом межотраслевые связи. Это не просто отдельные нормы и их соблюдение в процессе применения, а пронизанное единой идеей правовое пространство [9—11], что должно иметь наиболее позитивный эффект. Хотя известно, что разность правовых систем, а соответственно, и их институтов, не означает их большей или меньшей позитивности. Вопрос в данном случае в другом: насколько достижимым ориентиром вообще является сама законность, особенно с учетом той динамики трансформации общественных отношений, которую мы наблюдаем в последние несколько десятилетий? Насколько она сама может выступать в качестве непреложной константы в современных условиях?

Впрочем, ответы на поставленные вопросы вряд ли возможны в рамках настоящего исследования и в большей мере носят риторический характер. Речь скорее должна идти не о соблюдении начала законности, а о возможности его реализации (в сочетании с идеей целесообразности) [12, с. 25, 34, 39] в рамках института ответственности

через призму двух отраслей права — уголовного и уголовно-исполнительного. Можно при этом отметить, что от самой идеи, будь то законность или целесообразность, напрямую зависят не только пределы усмотрения в ходе реализации уголовной репрессии, но и сами формы реализации уголовной ответственности. Идеиная разность в подходах к решению данной проблемы влечет за собой и формирование иного разнообразия средств воздействия на лиц, уже признанных судом виновными в совершении преступления.

В свою очередь, в рамках уже существующих форм реализации либо под влиянием трансформации общественных отношений в пределах уголовно-исполнительного права будет появляться что-либо еще; как формы, так и конкретные средства будут зависеть именно от идей законности и целесообразности. Дрейф в сторону каждой из них носит максимально объективный характер, лежащий в области фактических потребностей государства в противодействии преступности. Отсюда и относительно недавнее возникновение в уголовном законодательстве таких явлений, как пробация, режим высылки, судебный штраф, наряду с активным обсуждением такой меры, как лишение гражданства и прочих, ранее либо используемых лишь при определенных обстоятельствах, либо немислимых даже в исторической ретроспективе средств государственного принуждения. Все они продукт настоящего времени, производные от тех проблем, которые для него не просто характерны, а наиболее опасны уже сейчас. Отсюда и возможность практически мгновенной реакции государства, допускающей, по сути, крайние меры реагирования на любые новые общественно опасные проявления, при этом невзирая ни на какие условности в виде закономерностей развития, исторических предпосылок и даже соответствия международным документам [13; 14]. В этом отношении уголовно-исполнительное право, несмотря на свой несколько вторичный (исполнительный) уровень принудительного воздействия, способно не менее, а быть может, и более активно участвовать в трансформации самого подхода к его реализации именно в данной части, с учетом происходящих изменений в общественном развитии и тех вызовов, которые они провоцируют для государства в целом.

Т. Г. Антонов по этому поводу отмечает, что «существует три уровня воздействия на поведение осужденного с целью принудить его к отбыванию наказания. Первый — меры уголовно-исполнительного характера. Второй — уголовно-правовые

меры, не относящиеся к уголовной ответственности, представляющие собой изменение уголовного правоотношения в худшую для осужденного сторону. Третий уровень — меры уголовной ответственности за общественно опасные деяния» [15, с. 44—46]. При этом автор совершенно справедливо отмечает, что действующее законодательство не всегда последовательно закрепляет нормы, предусматривающие меры воздействия на осужденного, в частности обращая внимание на ст. 314 УК РФ. И это характерно как в рамках межотраслевого регулирования данного вопроса, так и в пределах самого уголовно-исполнительного права, в части появления в нем новых мер принуждения к осужденным и их взаимодействия с ранее уже существовавшими и применяемыми средствами.

Между тем деление всех средств принуждения, которые могут быть применимы к лицу, уже признанному виновным в совершении преступлений, на меры собственно принуждения, ответственность, воздействие или что-либо другое вряд ли целесообразно. Особенно если учесть то обстоятельство, что они далеко не однопорядковые категории. Ответственность и то, что применяется в ее рамках, не одно и то же. Хотя следует признать, что правовая наука действительно стоит на позиции дифференциации того же принуждения и воздействия, как, впрочем, такое разделение практикуется и применительно ко многим другим, но схожим категориям [16, с. 41—43]. Это позволяет авторам говорить о том, что «с точки зрения внешне выраженных форм принуждение как социально-правовое явление приобретает характер правоприменительного процесса, конкретной правовой деятельности по применению принудительных мер в строгом соответствии с процедурно-процессуальными нормами. В этом смысле принуждение может приобретать свойства и форму правосудия, административной, дисциплинарной и иной юрисдикции» [17, с. 36]. Все они связаны со сферой уголовно-правового регулирования, но при этом каждый из них (помимо самостоятельной правовой регламентации) выполняет собственные задачи и направлен на достижение свойственных только ему целей. Следует согласиться с В. В. Серегиной в том, что «цели принуждения многоаспектны. Видимо, можно говорить об общих целях государственного принуждения как социально-правового явления и о целях, свойственных каждой из форм в отдельности» [17, с. 46]. Даже при совпадении тех или иных целей различных способов воздействия (что вполне возможно) это не отрицает наличия особенностей у каждого

вида правового регулирования в силу специфики их предмета и метода [18, с. 41].

В связи с этим отметим, что способы воздействия, включая и стадию реализации и даже последствий такой реализации, могут существовать исключительно в пределах ответственности, которая для них носит характер формы, а сами средства (принуждения или воздействия) — содержания. Так, «нести ответ», «держат ответ»¹ можно лишь посредством претерпевания тех тягот и лишений, которые налагаются на виновное лицо и выглядят в качестве конкретных средств принуждения, воздействия и т. д. Ответственность, таким образом, может включать в себя абсолютно все средства как принуждения, так и воздействия (которые, кстати, также не лишены своего содержания).

К. Н. Карпов пишет по этому поводу следующее: «...исполнение наказания и иных мер уголовно-правового характера предполагает такое воздействие, которое позволит различными путями (общая перевенция (устрашение), физическая изоляция, перевоспитание, исправление и т. д.) изменить поведение субъекта данных правоотношений в сторону правомерности (т. е. привести его к изначально заданным (предполагаемым) параметрам)» [19, с. 88]. Согласиться с автором в данном случае можно лишь частично. Дело в том, что он ведет речь исключительно об исполнении наказания и реализации иных мер уголовно-правового характера, что, безусловно, не включает в себя весь перечень средств принуждения, которые могут быть применимы к осужденному. Все остальное, по мнению специалиста, носит факультативный характер и может быть реализовано исключительно в рамках общеправовых ограничений. Вместе с тем иные меры уголовно-правового характера точно так же, как и иное воздействие, к таковым не относящееся, имеют факультативный характер, что ставит под сомнение их наличие в данном перечне. С другой стороны, говорить о том, что все остальные средства воздействия реализуются в рамках исключительно общеправовых ограничений, также представляется не совсем верным. Более того, они как раз часто регламентируются отраслевым законодательством, в частности уголовно-исполнительным (в части наложения взысканий за нарушения режима отбывания наказаний), административным (например, адми-

¹ URL: <https://rus.stackexchange.com/questions/471328/Какова-этимология-слова-ответственность> (дата обращения: 28.07.2025).

нистративный надзор, режим высылки и т. д.) и даже уголовным (отмена условного осуждения, условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания, контроль в отношении условно осужденных). В то же время нельзя не признать, что высказанный автором подход в целом является для отечественной доктрины восприимчивым.

Впрочем, именно такая восприимчивость и представляет собой проблему для дальнейшей разработки данной проблематики. По сути, в указанном вопросе мы уже давно имеем дело с догмой, преодоление которой при дальнейшей и весьма упорной трансляции одних и тех же знаний невозможно. В свою очередь, включение в систему средств принуждения помимо установленных в уголовном законе мер, в том числе за счет тех, что содержатся в уголовно-исполнительном законодательстве, собственно сферу исполнения (не наказаний) делает совершенно иной, приводя при этом в соответствие содержание ответственности всей сферы уголовно-правового регулирования общественных отношений. Сам факт признания всей сферы уголовно-исполнительного права (в части мер принуждения) единой формой реализации ответственности (с предложенным, но последующим делением на их отдельные виды) позволит двигаться в направлении формирования единой системы средств противодействия преступности на всех ее уровнях. А они именно едины, особенно если учесть присваиваемую (почему-то в первую очередь) уголовному праву воспитательную функцию. Между тем данная функция носит помимо межотраслевого и уголовно-исполнительный характер.

Этот факт находит подтверждение в работах Н. С. Таганцева, который отмечает, что тюрьма может содействовать гражданскому перерождению заключенного. И далее: «...тюремное заключение обладает одним из наиболее существенных качеств наказания — приспособляемостью к особенному характеру наказываемых»¹ [20, с. 300; 21]. Вместе с тем тюрьма, по общему мнению Н. С. Таганцева, А. А. Пионтковского [22, с. 25—26], Н. Ф. Лучинского [23, с. 65] и других специалистов, должна сохранять свое репрессивное начало, что

становится возможным далеко не в последнюю очередь за счет предусмотренных мер принуждения, которые там могут быть применены к заключенным. Отсюда и вывод о единстве механизма воздействия на личность преступника, а установление видов и правил реализации конкретных средств воздействия — это лишь вопрос выбора государства. Более того, тот же Н. С. Таганцев в свое время прямо указывал, что все средства, которые могут быть применены при реализации наказания, должны быть предусмотрены только в уголовном законе, так как они напрямую с ним связаны [20, с. 302]. Пожалуй, такой подход позволит не только сформировать единую систему средств принуждения, но и действительно определить границы самой ответственности, четко обозначить ее предмет [24].

Таким образом, доктрина отечественного уголовного права изначально стояла на позициях централизации принуждения в уголовно-правовой сфере регулирования общественных отношений. При этом что относить к ответственности, а что нет — это вопрос уже современного периода. Обусловлено это по крайней мере одной простой причиной: в конце XIX — начале XX столетия категория «ответственность» еще не была настолько разработана, как сейчас. Более того, о ней на тот период практически ничего не говорилось в теории уголовного права. Тем не менее предпосылки для разработки иного подхода по отношению к существующему, в части правовой регламентации средств принуждения, были заложены именно в то время.

Исходя из изложенного, с уверенностью можно констатировать факт доминирования практически глобальной неопределенности в решении вопроса относительно как правового статуса средств принуждения в уголовно-исполнительной сфере, так и форм их реализации. В свою очередь, оба вопроса неотрывно связаны друг с другом, а их решение по отдельности вряд ли представляется возможным. Полагаем, что отнесение таких средств воздействия к категории «ответственность» позволит не только определить их правовой статус, но и обеспечить максимальное соответствие всей отрасли идее законности, сузив пределы усмотрения, которые сегодня практически не имеют своих границ, по крайней мере в отечественном уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. При этом, исходя из анализа действующих нормативных правовых актов, современной доктрины, а также уже сформировавшихся подходов в практике применения средств принуждения в отношении заключенных, допус-

¹ Во многом данную позицию уже в советский период поддерживал патриарх отечественного исправительно-трудового права А. Л. Ременсон, который обращал внимание на то, что данная отрасль права по большей части состоит из норм уголовного и административного права.

тивших нарушение режима отбывания наказания, можно выделить следующие формы реализации, рассмотрение которых необходимо в рамках кате-

гории «ответственность»: ограничение, лишение, принуждение, контроль, порицание, иные средства принуждения.

1. Кузнецов А. А. Ответственность как правовая категория и ее влияние на развитие уголовного и уголовно-исполнительного права // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 81—90.

2. Липинский Д. А. Правовая природа юридической ответственности в уголовно-исполнительном праве // Прикладная юридическая психология. 2017. № 3. С. 133—138.

3. Карпов К. Н. Пробация как элемент социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 2. С. 178—187.

4. Антонов Т. Г. Меры принуждения в уголовно-исполнительном праве: понятие и классификация // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новокузнецк, 17—18 ноября 2018 г.). Новокузнецк: Кузбас. ин-т ФСИН, 2018. С. 56—57.

5. Греков М. Л. Тюремные учреждения России в середине XIX — начале XX века // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Геленджик, 2—3 октября 2015 г.). Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 2016. С. 170—173.

6. Козочкин И. Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2007. 476 с.

7. Голованова Н. А., Козочкин И. Д., Крылов Н. Е. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. материалов / под ред. И. Д. Козочкина. Москва: Зерцало, 2001. 352 с.

8. Маруков А. Ф. Тюремная политика Англии и Уэльса: Историко-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2001. 308 с.

9. Баранов В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. 400 с.

10. Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2007. 413 с.

1. Kuznetsov A. A. Liability as a legal category and its impact on the development of criminal and penal law. Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 81—90, 2025. (In Russ.).

2. Lipinskiy D. A. Juridical nature of legal liability in penal law. Applied legal psychology, 133—138, 2017. (In Russ.).

3. Karpov K. N. Probation as an element of social control over persons, having committed a crime. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 178—187, 2023. (In Russ.).

4. Antonov T. G. Coercive measures in penal law: concept and classification. In: Penal system today: cooperation between science and practice. Proceedings of the Russian scientific and practical conference, 17—18 November 2018, Novokuznetsk. Novokuznetsk: KI of the FPS of Russia; 2018: 56—57. (In Russ.).

5. Grekov M. L. Prison institutions of Russia in the middle of 19th — in the early 20th centuries. In: Code of criminal and correctional punishments, 1845: conceptual foundations and historical significance (by the 170th anniversary of its adoption). Proceedings of the International scientific and practical conference, 2—3 October 2015, Gelendzhik. Krasnodar: the Kuban State University; 2016: 170—173. (In Russ.).

6. Kozochkin I. D. Criminal law of the USA: achievements and problems of reforming. Saint Petersburg: Legal center Press; 2007: 476. (In Russ.).

7. Golovanova N. A., Kozochkin I. D., Krylov N. Ye. Criminal legislation of foreign countries (Great Britain, the USA, France, Germany, Japan). Collection of legislative materials. Red. by I. D. Kozochkin. Moscow: Zertsalo; 2001: 352. (In Russ.).

8. Marukov A. F. Prison policy of England and Wales: historical and legal research. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2001: 308. (In Russ.).

9. Baranov V. M. Truthfulness of Soviet law norms. Problems of theory and practice. Saratov: Publishing House of the Saratov University; 1989: 400. (In Russ.).

11. Чубраков С. В. Проблема принципов в уголовно-исполнительном праве: история и современность. Томск: Изд. дом Томск. гос. ун-та, 2015. 128 с.
12. Бавсун М. В. Целесообразность в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 186 с.
13. Бавсун М. В., Пирожников А. Н. Подходы к классификации иных мер уголовно-правового характера, направленных на противодействие преступлениям, совершаемым против интересов Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1. С. 84—93.
14. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Особенности уголовного наказания в аспекте рискологического анализа // Правосудие. 2022. № 2. С. 134—150.
15. Антонов А. Г. Уголовно-правовое и уголовно-исполнительное принуждение: сходство и отличия // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. (Томск, 30 января — 2 февраля 2019 г.). Томск: Изд. дом Томск. гос. ун-та, 2019. Т. 82. С. 44—46.
16. Чашников В. А., Фалькина Т. Ю. О соотношении понятий «принуждение» и «насилие» // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 41—43.
17. Серегина В. В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. 120 с.
18. Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 143 с.
19. Карпов К. Н. Теоретические основы социального контроля в уголовно-правовой сфере. Омск: Омская акад. МВД России, 2025. 220 с.
20. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 2. Тула: Автограф, 2001. 688 с.
21. Ременсон А. Л. К вопросу о месте норм исправительно-трудового права в системе советского права // Проблемы повышения эффективности правового регулирования на современном этапе: сб. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. С. 146—154.
22. Пионтковский А. А. Избранные труды. Т. 1. Казань: Каз. гос. ун-т, 2004. 372 с.
23. Лучинский Н. Ф. Основы тюремного дела. Санкт-Петербург: Ред. журн. «Тюрем. вестн.», 1904. 180 с.
10. Baranov A. M. Legality in pre-trial criminal proceedings. Dissertation of doctor of juridical sciences. Omsk; 2007: 413. (In Russ.).
11. Chubakov S. V. Problem of principles in penal law: history and modernity. Tomsk: Publishing House of the Tomsk State University; 2015: 128. (In Russ.).
12. Bavsun M. V. Expediency in criminal law. Dissertation of candidate of juridical sciences. Omsk; 2002: 186. (In Russ.).
13. Bavsun M. V., Pirozhnikov A. N. Approaches to the classification of other criminal-law measures aimed at combating crimes committed against the interests of the Russian Federation. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii, 84—93, 2024. (In Russ.).
14. Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye. Features of criminal punishment in the aspect of riskological analysis. Justice, 134—150, 2022. (In Russ.).
15. Antonov A. G. Criminal-legal and penal coercion: similarities and differences. In: Legal problems of strengthening Russian statehood. Collection of articles of the Russian scientific and practical conference, 30 January — 2 February 2019, Tomsk. Tomsk: Publishing House of the Tomsk State University; 2019: 44—46. (In Russ.).
16. Chashnikov V. A., Falkina T. Yu. On the relationship between the concepts of "coercion" and "violence". Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 41—43, 2015. (In Russ.).
17. Seregina V. V. State coercion under the Soviet law. Voronezh: Publishing House of the Voronezh University; 1991: 120. (In Russ.).
18. Elkind P. S. Goals and means of their achieving in Soviet criminal procedure law. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University; 1976: 143. (In Russ.).
19. Karpov K. N. Theoretical foundations of social control in criminal law sphere. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2025: 220. (In Russ.).
20. Tagantsev N. S. Russian criminal law. General Part. Vol. 2. Tula: Avtograf; 2001: 688. (In Russ.).
21. Remenson A. L. On the place of norms of correctional labor law in the Soviet law system. In: Problems of improving efficiency of legal regulation at the current stage. Collection of articles. Tomsk: Publishing House of the Tomsk State University; 1976: 146—154. (In Russ.).

24. Дворецкий М. Ю. Эффективность уголовной ответственности // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. материалов Второй науч.-практ. конф. (Москва, 22 окт. 2014 г.). Москва: РГУП, 2015. С. 76—85.

Кузнецов Алексей Александрович,

доцент кафедры
уголовного права и процесса
Сочинского филиала
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент;
omsklaw07@mail.ru

22. Piontkovsky A. A. Selected works. Vol. 1. Kazan: the Kazan State University; 2004: 372. (In Russ.).

23. Luchinsky N. F. Fundamentals of prison service. Saint Petersburg: Editorial office of the "Prison Journal"; 1904: 180. (In Russ.).

24. Dvoretzkiy M. Yu. Effectiveness of criminal liability. In: Topical problems of theory and practice of criminal law application. Collection of proceedings of the Second scientific and practical conference, 22 October 2014, Moscow. Moscow: Russian State University of Justice; 2015: 76—85. (In Russ.).

Kuznetsov Aleksey Aleksandrovich,

associate professor at the criminal law
and criminal procedure department
of the Sochi branch
of the All-Russian State University of Justice
(Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of Russia),
candidate of juridical sciences, docent;
omsklaw07@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.10.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 03.10.2025; approved after reviewing 06.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.346

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ГРУБЫЕ НАРУШЕНИЯ
ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ
(СТАТЬЯ 264² УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

Александр Сергеевич Первухин

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, ann.alexandr@mail.ru

Аннотация. Автор анализирует эффективность ст. 264² Уголовного кодекса Российской Федерации в борьбе с дорожно-транспортными происшествиями, связанными с превышением установленной скорости движения транспортных средств и выездом в нарушение Правил дорожного движения на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления, и их последствиями. Полученные результаты указывают на то, что названная статья уголовного закона в действующей редакции не способна оказать положительного влияния на основные показатели аварийности. Обращается внимание, что в диспозиции ч. 1 ст. 264² Уголовного кодекса Российской Федерации строго не определен срок, в течение которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности. Это может стать причиной существенных проблем, связанных с определением общественной опасности совершенного деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного названной статьей уголовного закона. Предлагаются возможные способы разрешения обозначенных проблем.

Ключевые слова: транспортное преступление, административная преюдиция, Правила дорожного движения, криминализация, общественная опасность личности, общественная опасность, малозначительность деяния

Для цитирования: Первухин А. С. Совершенствование законодательной регламентации уголовной ответственности за грубые нарушения Правил дорожного движения (статья 264² Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 65—75.

**IMPROVEMENT OF THE LEGISLATIVE REGULATION
OF CRIMINAL LIABILITY FOR SEVERE VIOLATING
TRAFFIC REGULATIONS RULES
(ARTICLE 264² OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Alexander Sergeevich Pervukhin

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, ann.alexandr@mail.ru

Abstract. The author analyzes the effectiveness of Article 264² of the Criminal Code of the Russian Federation in fighting traffic violations related to exceeding the speed limit and driving into oncoming traffic lanes or onto oncoming tram tracks, in violation of Traffic Regulations, as well as their consequences. The findings indicate that the mentioned article of the criminal code in its existing form is unable to have a positive impact on fundamental accident rates. The author notes that scope 1 of Article 264² of the Criminal Code of the Russian Federation does not strictly determine the period to hold a person criminally liable. This fact may lead to significant problems related to determining the public danger of the act committed that contains elements of a crime under the mentioned article of the Criminal Code. Possible variants to solve these problems are proposed.

Keywords: traffic violation, administrative prejudice, Traffic Regulations Rules, criminalization, public danger of an individual, public danger, insignificance of the act

For citation: Pervukhin A. S. Improvement of the legislative regulation of criminal liability for severe violating Traffic Regulations Rules (Article 264² of the Criminal Code of the Russian Federation). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 65—75, 2025. (In Russ.).

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ¹ в уголовный закон была введена ст. 264² Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), которая предусматривает ответственность за превышение установленной скорости движения транспортных средств на величину более 60 км/ч и выезд в нарушение Правил дорожного движения (далее — ПДД РФ) на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами за повторное аналогичное нарушение ПДД РФ или имеющим судимость за те же нарушения ПДД РФ. Несмотря на наличие множества актуальных проблем, связанных с ее законодательной регламентацией и практикой применения, на страницах юридической печати им почти не уделяется внимания.

На фоне возросшего внимания ученых к эффективности вводимых законодателем новых уголовно-правовых запретов особенно актуальным представляется вопрос о возможности положительного влияния ст. 264² УК РФ на основные показатели аварийности дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП), связанных с указанными выше нарушениями ПДД РФ.

В примечании к названной статье указано, что ее действие не распространяется на случаи фиксации административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи (далее — ФВФ). Привлечение лица к уголовной ответственности за нарушение ПДД РФ, выраженное в превышении установленной скорости движения транспорт-

ных средств, возможно только в случае, если оно было зафиксировано с помощью ФВФ, работающих в «ручном» режиме. Однако в июле 2022 г. МВД России отказалось от их использования², что сделало названную норму частично неприменимой. В связи с этим дать оценку эффективности ст. 264² УК РФ в борьбе с нарушениями ПДД РФ, выраженными в превышении установленной скорости движения, нельзя, но можно попытаться спрогнозировать.

В 2024 г. было выявлено 193,7 млн таких административных правонарушений³. Нарушения ПДД РФ, выраженные в превышении установленной скорости движения транспортных средств, на величину более 60 км/ч, совершенные как впервые, так и повторно, составили лишь 0,54 % (около 1,04 млн) от общего количества нарушений ПДД РФ такого рода⁴. К этому следует добавить, что количество нарушений ПДД РФ, пресеченных уполномоченными сотрудниками полиции с использованием ФВФ, работающих в «ручном» режиме, выраженных в превышении установленной скорости движения транспортных средств, ежегодно составляет незначительную часть. Например, в 2021 г. (последний полный год, в течение которого использовались ФВФ, работающие в «ручном» режиме) их количество составило 0,3 % (около 300 тыс.). За тот же период уполномоченными сотрудниками полиции было пресечено около 6 900 нарушений ПДД РФ, выраженных в превышении установленной скорости движения транспортных средств на величину более 60 км/ч, совершенных как впервые, так и повторно⁵.

² Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 г.: информ.-аналит. обзор // Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://нцбдд.мвд.рф/> (дата обращения: 15.02.2025).

³ Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 г.: информ.-аналит. обзор // Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://нцбдд.мвд.рф/> (дата обращения: 15.11.2025).

⁴ Там же.

⁵ Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2021 г.: информ.-аналит. обзор // Научный центр безопасности дорожного

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405454/ (дата обращения: 15.02.2025).

Приведенные статистические данные позволяют утверждать, что под действие ст. 264² УК РФ будет попадать лишь незначительная часть такого рода нарушений ПДД РФ, следовательно, ожидать существенного снижения основных показателей аварийности ДТП, связанных с ними, не приходится. Недостижение законодателем тех общественно полезных целей, ради которых она была введена, указывает на ее неэффективность [1, с. 131].

С учетом сказанного небезосновательной представляется позиция, что законодатель завысил «преступное» значение превышения установленной скорости движения транспортных средств. По мнению С. М. Малькова, необходимо снизить «преступное» значение превышения скорости до 40 км/ч, в населенных пунктах — до 20 км/ч. В обоснование своей позиции ученый приводит довод, что довольно много ДТП происходит при значительно меньшей величине данного показателя [2, с. 194].

Эта позиция не лишена оснований, однако представляется недостаточно аргументированной, учитывая, что речь идет о криминализации деяний, которые на сегодняшний день относятся к административным правонарушениям. Для принятия такого решения необходимо доказать наличие основания криминализации — общественную опасность — и его соответствие принципам криминализации.

В контексте данного вопроса важно помнить, что общественная опасность преступлений, состав которых содержит административную преюдицию, обуславливается деянием и общественной опасностью личности. Последняя познается через общественно опасное поведение, которое составляют юридически значимые противоправные акты [3, с. 64] — деяния, образующие объективную сторону предикатных административных правонарушений и преступлений, состав которых содержит административную преюдицию (далее — преюдирующие преступления). Отсюда следует необходимость изучения общественной опасности деяний, составляющих общественно опасное поведение.

Представляется, что нужно исходить из того, что превышение установленной скорости движения транспортных средств, независимо от величины, является опасным. Даже само по себе движение транспортного средства в рамках установленных

ограничений далеко не во всех случаях обеспечивает безопасность дорожного движения. Неслучайно в ПДД РФ содержится предписание, согласно которому водитель должен не только не превышать установленную скорость, но и выбирать ее так, чтобы она обеспечивала безопасное движение в соответствующих условиях¹. Устанавливаемые ограничения скорости движения транспортных средств, по сути, являются «красной чертой», пересечение которой аксиоматично представляет высокую угрозу. Сказанное подтверждается основными показателями аварийности ДТП, связанных с нарушением скоростного режима. Названные ДТП можно разделить на две группы: совершенные по причине несоответствия скорости конкретным условиям движения и по причине превышения установленной скорости движения транспортных средств. Согласно статистическим данным за 2024 г., на первую группу приходится 92 % ДТП, на вторую — 8 %².

Вряд ли кто-то поспорит с тем, что превышение установленной скорости движения транспортных средств на величину более 80 км/ч представляет серьезную угрозу для безопасности дорожного движения. Высокая опасность данного нарушения понятна на интуитивном уровне. Кроме того, санкция ч. 5 ст. 12.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ) предусматривает административное наказание в виде лишения права управления транспортными средствами сроком на 6 месяцев. В статье 3.8 КоАП РФ указано, что данный вид наказания применяется за грубое нарушение порядка пользования таким правом. Следовательно, законодатель также видит в данном нарушении ПДД РФ серьезную угрозу. То же с уверенностью можно сказать и про превышение установленной скорости движения транспортных средств на величину более 60 км/ч,

¹ О Правилах дорожного движения: постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (ред. от 19.04.2025) (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.11.2025).

² Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году: информ.-аналит. обзор // Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://нцбдд.мвд.рф/> (дата обращения: 15.11.2025).

движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://нцбдд.мвд.рф/> (дата обращения: 15.02.2025).

но не более 80 км/ч. Санкция ч. 4 ст. 12.9 КоАП РФ предусматривает возможность назначения административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами сроком от 4 до 6 месяцев.

Иначе обстоит дело с превышением установленной скорости движения транспортных средств на величину более 20 км/ч, но не более чем на 40 км/ч (ч. 2 ст. 12.9 КоАП РФ) и с превышением установленной скорости движения транспортных средств на величину более 40 км/ч, но не более чем на 60 км/ч (ч. 3 ст. 12.9 КоАП РФ). Отечественный законодатель не признает указанные нарушения ПДД РФ столь же опасными, как предыдущие. Вывод об этом опять же может быть сделан на основе анализа санкций. Так, часть 2 ст. 12.9 КоАП РФ предусматривает возможность назначения административного наказания только в виде штрафа в размере 750 рублей; ч. 3 ст. 12.9 КоАП РФ — от 1 500 до 2 250 рублей.

На наш взгляд, с такой оценкой согласиться нельзя. В поисках возможного аргумента в защиту своей точки зрения мы изучили законодательство стран постсоветского пространства, регламентирующее ответственность за превышение установленной скорости движения транспортных средств. В качестве мерила законодательной оценки опасности названного правонарушения использовались установленные за их совершение виды наказаний.

Довольно строго превышение установленной скорости движения транспортных средств наказывается в Республике Эстония. Закон предусматривает возможность назначения наказания в виде лишения права управления транспортными средствами за превышение установленной скорости движения транспортных средств на величину более 20 км/ч. За превышение установленной скорости движения транспортных средств на величину более 60 км/ч может быть назначено административное наказание в виде ареста¹.

Кодекс об административных правонарушениях Республики Литва предусматривает наказание в виде лишения права управления транспортными средствами за превышение установленной скорости движения транспортных средств на величину более 30 км/ч для начинающих водителей, водителей транспортных средств с максимально допустимой массой более 3,5 т или имеющих более

9 сидячих мест. Аналогичный вид наказания может быть назначен для всех водителей за превышение установленной скорости движения транспортных средств на величину более 50 км/ч².

По законодательству Латвийской Республики за превышение установленной скорости движения транспортных средств не более чем на 50 км/ч предусмотрено наказание в виде штрафа. За превышение установленной скорости движения транспортных средств на величину более 50 км/ч возможно назначение наказания в виде штрафа с запретом на осуществление права на управление транспортными средствами³.

В административно-деликтном законодательстве Республики Молдова за превышение установленной скорости движения на величину от 10 км/ч до 60 км/ч в зависимости от величины скорости может быть назначено наказание в виде штрафа с начислением штрафных очков. Превышение установленной скорости движения транспортных средств на величину более 60 км/ч наказывается штрафом с приостановлением осуществления специального права управления транспортными средствами. Аналогичные виды наказаний применяются в случае повторного превышения установленной скорости движения транспортных средств на величину более 60 км/ч⁴.

В ряде стран законодательство, регламентирующее ответственность за превышение установленной скорости движения транспортных средств, значительно мягче и предусматривает более строгие виды наказаний, чем штраф, только за повторные нарушения ПДД либо при наличии иных условий. Так, по законодательству Республики Беларусь превышение установленной скорости движения транспортных средств на величину до 40 км/ч относится к категории административного проступка, превышение установленной скорости движения транспортных средств на величину

² Lietuvos Respublikos administracinių nusižengimų kodekso patvirtinimo, įsigaliojimo ir įgyvendinimo tvarkos įstatymas. Lietuvos Respublikos administracinių nusižengimų kodeksas. Straipsnis 416. Nustatyto greičio viršijimas // Lietuvos Respublikos Seimas. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/> (дата обращения: 01.03.2025).

³ Ceļu satiksmes likums. Pants 55. Braukšanas ātruma, distances un intervāla neievērošana // Latvijas republikas tiesību akt. URL: <https://likumi.lv/> (дата обращения: 01.03.2025).

⁴ Codul contravențional al republicii moldova Articolul 236. Depășirea vitezei de circulație stabilită // Ministerul Justiției. URL: <https://www.legis.md/> (дата обращения: 01.03.2025).

¹ Mootorsõidukijuhil poolt lubatud sõidukiiruse ületamine. Liiklusseadus. § 227 // Riigi Teataja. URL: <https://www.riigiteataja.ee/> (дата обращения: 11.11.2025).

более 40 км/ч — к значительным административным правонарушениям. Указанные нарушения ПДД наказываются штрафом. К грубым административным правонарушениям относится лишь повторное превышение установленной скорости движения транспортных средств на величину более 20 км/ч, которое наказывается лишением права заниматься определенной деятельностью¹.

По законодательству Туркменистана превышение установленной скорости движения транспортных средств наказывается штрафом и только повторное превышение установленной скорости транспортных средств на величину более 50 км/ч влечет наказание в виде ограничения права управления транспортными средствами².

В соответствии с административно-деликтным законодательством Украины превышение установленной скорости движения наказывается штрафом. В случае если такие действия повлекли создание аварийной обстановки (заставили других участников дорожного движения резко изменить скорость, направление движения или принять другие меры по обеспечению личной безопасности или безопасности других граждан), к нарушителю может быть применено наказание в виде лишения права управления транспортными средствами³.

В законодательстве ряда стран за превышение установленной скорости движения транспортных средств предусмотрен единственный вид наказания — штраф, что свидетельствует о невысокой оценке законодателем общественной опасности такого нарушения ПДД РФ. К их числу относятся Республика Таджикистан⁴, Республика Азербай-

джан⁵, Республика Узбекистан⁶, Республика Казахстан⁷, Кыргызская Республика⁸.

Проведенный анализ не позволил выявить доминирующий подход в оценке опасности превышения установленной скорости движения транспортных средств, что предопределило необходимость поиска других аргументов.

Дорожное движение в населенных пунктах характеризуется высокой плотностью, что предъявляет повышенные требования к водителю, его способностям по обнаружению угроз и своевременному реагированию на них, а также маневренности транспортного средства.

В связи с этим интересно изучить обусловленное повышением скорости движения транспортного средства изменение в расстоянии, которое оно пройдет с момента обнаружения угрозы водителем до момента начала принятия действий, направленных на ее устранение. Ученые пришли к выводу, что такой период составляет от 0,7 до 1,5 с [4]. Если предположить, что транспортное средство движется с максимально допустимой по общему правилу скоростью в населенном пункте — 60 км/ч, то за 1,5 с оно преодолет расстояние в 24,9 м. Если же водитель превысит установленную ско-

муқарраршудаи ҳаракат дар роҳ, қоидаҳои сабақат (пеш гузаштан), манёвр ва аз чорроҳаҳо гузаштан // Маркази миллии қонунгузори назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. URL: <https://mmk.tj/content/> (дата обращения: 02.03.2025).

⁵ Azərbaycan Respublikası İnzibati Xətlər Məcəlləsinin. Məddə 328. Yolda müəyyən edilmiş hərəkət sürəti həddini aşma // Azərbaycan Respublikasının Ədliyyə Nazirliyi. URL: <https://e-qanun.az/> (дата обращения: 01.03.2025).

⁶ Ўзбекистон Республикасининг Маъмурий жавобгарлик тўғрисидаги кодекси. 1283-модда. Транспорт воситалари ҳайдовчиларининг белгиланган ҳаракат тезлигини ошириб юбориши // Ўзбекистон Республикаси Адлия вазирлиги қошидаги «Адолат» миллий ҳуқуқий ахборот маркази давлат муассасаси. URL: <https://lex.uz/> (дата обращения: 01.03.2025).

⁷ «Әкімшілік құқық бұзушылық туралы» Қазақстан Республикасының. 592-бап. Белгіленген жүру жылдамдығын арттыру // Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық-құқықтық жүйесі. URL: <https://adilet.zan.kz/> (дата обращения: 02.03.2025).

⁸ Кыргыз Республикасынын Укук бузуулар жөнүндө кодекси. 187-берене. Транспорт каражаттарынын айдоочуларынын кыймылдын белгиленген ылдамдыгынан ашуусу // Кыргыз Республикасынын Укуктук маалыматтардын борборлоштурулган банкы. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/> (дата обращения: 02.03.2025).

¹ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3. Статья 18.12. Превышение скорости движения // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/> (дата обращения: 11.11.2025).

² Türkmenistanyň kodeksi Administratiw hukuk bozulmalary hakynda. 214-nji madda. Ulag serişdelerini sügüjiler tarapyndan hereket tizliginiň artdyrylmagy // Türkmenistanyň mejlisi. URL: <https://mejlis.gov.tm/> (дата обращения: 01.03.2025).

³ Кодекс Украины об административных правонарушениях от 7 декабря 1984 г. № 8073-X. Статья 122. Превышение установленных ограничений скорости движения, проезд на запрещающий сигнал регулирования дорожного движения и нарушение других правил дорожного движения // ИС «Параграф». URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 11.11.2025).

⁴ Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Моддаи 325. Риоя накардани суръати

рость движения транспортных средств на 20 км/ч, то это расстояние увеличится на 8,4 м и составит уже 33,3 м. При превышении установленной скорости движения транспортных средств на 60 км/ч указанное расстояние увеличится вдвое и составит 49,9 м. Нетрудно заметить, что расстояние, проходимое транспортным средством, существенно увеличивается, что ощутимо снижает безопасность дорожного движения.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что дороги часто граничат с территориями, на которых расположены социальные объекты, и другими местами массового пребывания людей. Увеличение скорости движения транспортного средства снижает возможность водителя обнаруживать угрозы, возникающие в зоне его периферического зрения [5].

Кроме того, логично предположить, что превышение установленной скорости движения транспортных средств сокращает запас времени, в пределах которого водитель может оценить ситуацию для принятия оптимального решения, а значит, снижает вероятность устранения угрозы.

Следует также обратить внимание на техническую сторону вопроса — превышение установленной скорости сказывается на длине тормозного пути, а также маневренности транспортного средства.

Нельзя не учитывать и то, что активными и при этом наиболее уязвимыми участниками дорожного движения являются пешеходы. Здесь стоит обратиться к авторитетным исследованиям, посвященным зависимости вероятности наступления смерти или причинения тяжкого вреда здоровью от скорости движения транспортного средства в момент столкновения. Согласно полученным результатам, вероятность наступления смерти при движении транспортного средства со скоростью 20 км/ч составляет 10 %, а со скоростью 60 км/ч приближается к 100 %. Вероятность причинения тяжкого вреда здоровью при столкновении с транспортным средством, двигающимся со скоростью 30 км/ч, составляет около 10 %; со скоростью 60 км/ч также приближается к 100 % [6]. Нечего говорить о последствиях столкновения транспортного средства и пешехода при превышении установленной скорости движения на величину более 20 км/ч, но не более 60 км/ч.

Несмотря на опасность превышения установленной скорости движения транспортных средств на величину более 20 км/ч, но не более 40 км/ч, быстро находятся аргументы против распространения ст. 264² УК РФ на такие нарушения ПДД РФ.

В 2024 г. было возбуждено 193,7 млн дел об административных правонарушениях, связанных с превышением скорости. Из них 95,3 % были возбуждены по факту превышения установленной скорости движения транспортных средств на величину более 20 км/ч, но не более 40 км/ч¹. Ученые справедливо утверждают, что массовая распространенность правонарушения является препятствием для его криминализации [7, с. 57]. Поэтому ответ на вопрос о расширении пределов действия ст. 264² УК РФ на указанное нарушение ПДД РФ должен быть отрицательным. Однако это не единственная причина — уголовная юстиция попросту не обладает ресурсами, которые позволили бы реализовать такой уголовно-правовой запрет. Сказанного уже достаточно, чтобы отказаться от этой идеи.

Количество нарушений ПДД РФ, выраженных в превышении установленной скорости движения транспортных средств на величину более 40 км/ч, но не более 60 км/ч, совершенных как впервые, так и повторно, существенно ниже. В 2024 г. их количество составило около 8,1 млн². Несмотря на то, что это число довольно внушительно, количество лиц, которые потенциально могут быть привлечены к уголовной ответственности, в случае расширения пределов действия ст. 264² УК РФ будет относительно невелико, ведь для этого правонарушение должно быть пресечено уполномоченным сотрудником полиции с помощью ФВФ, работающих в «ручном» режиме. Так, в 2021 г. уполномоченными сотрудниками полиции было пресечено около 44 000 таких нарушений ПДД РФ³.

Анализ правоприменительной практики позволил сделать вывод, что расширение пределов действия ст. 264² УК РФ на указанные нарушения ПДД РФ не вызовет «перегрузку» уголовной юстиции. Данный вывод основывается на следующих фактах:

¹ Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 году: информ.-аналит. обзор // Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://нцбдд.мвд.рф/> (дата обращения: 15.11.2025).

² Там же.

³ Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2021 году: информ.-аналит. обзор // Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://нцбдд.мвд.рф/> (дата обращения: 22.11.2025).

1) уголовно-процессуальное законодательство допускает возможность производства дознания по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 264² УК РФ, в сокращенной форме;

2) в подавляющем большинстве случаев по делам об указанных выше преступлениях применяется особый порядок принятия судебного решения;

3) при производстве дознания по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 264² УК РФ, как правило, складывается простая следственная ситуация, которая характеризуется непроблемностью, бесконфликтностью, отсутствием тактического риска и организационной неупорядоченности¹;

4) отсутствует необходимость в производстве следственных действий и иных процессуальных действий, требующих больших временных затрат.

Представляется, что расширение пределов действия ст. 264² УК РФ позволит в полной мере реализовать ее потенциал. Она будет предупреждать значительно больше нарушений ПДД РФ, связанных с превышением установленной скорости движения транспортных средств, не допуская при этом «перегрузки» уголовной юстиции и излишней криминализации, что закономерно повлечет снижение основных показателей аварийности. Кроме того, можно ожидать снижение их «заразительного» эффекта, когда водители, наблюдающие нарушение ПДД РФ, перенимают такую модель поведения.

Эффективность ст. 264² УК РФ в предупреждении нарушений, выраженных в выезде в нарушение ПДД РФ на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления, показала низкий уровень. За 2024 г. по чч. 1 и 2 ст. 264² УК РФ всего было осуждено 50 человек². На тот момент ФВФ, работающие в «ручном» режиме, уже не использовались, а значит, совершенные преступления были выражены в указанных выше нарушениях ПДД РФ. За этот же период с помощью ФВФ было выявлено 884,9 тыс. аналогичных нарушений ПДД РФ, совершенных как впервые, так и повторно³. Уже

исходя из этого можно констатировать низкую эффективность ст. 264² УК РФ.

Внимания заслуживает факт, что ежегодное снижение основных показателей аварийности ДТП, связанных с выездом в нарушение ПДД РФ на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления, остается незначительным даже после введения в уголовный закон ст. 264² УК РФ. В 2023 г. и во все было отмечено их увеличение — количество ДТП возросло на 1,8 %; погибших — на 8,37 %; раненых — на 1,96 %⁴.

В 2024 г. уполномоченными сотрудниками полиции было пресечено 49 % (около 433 тыс.) из всех выявленных нарушений ПДД РФ такого рода⁵. Административному наказанию в виде лишения права управления транспортными средствами за повторный выезд в нарушение ПДД РФ на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления было подвергнуто 10 511 человек⁶. С учетом приведенных статистических показателей возникает вопрос: возможно, законодателю в целях повышения эффективности ст. 264² УК РФ следует установить уголовную ответственность уже за повторные нарушения ПДД РФ?

В науке уголовного права нет согласия в вопросе, какой вид административной преюдиции (однократную или многократную) следует использовать при построении составов преюдицирующих преступлений. При отсутствии доминирующей позиции, которую единодушно поддерживали бы ученые, представляется верным не исключать как однократную, так и многократную преюдицию. А. Н. Добров и С. А. Баранова считают, что необ-

Российской Федерации. URL: <https://нцбдд.мвд.рф/> (дата обращения: 15.11.2025).

⁴ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023 году: информ.-аналит. обзор // Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации URL: <https://нцбдд.мвд.рф/> (дата обращения: 15.11.2025).

⁵ Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 году: информ.-аналит. обзор // Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://нцбдд.мвд.рф/> (дата обращения: 15.11.2025).

⁶ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 15.02.2025).

¹ Следственная ситуация // CrimLib. URL: <https://crimlib.info/> (дата обращения: 15.02.2025).

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 15.11.2025).

³ Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 году: информ.-аналит. обзор // Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел

ходимо учитывать состояние динамики и роста преступности, предполагаемые общественно опасные последствия, степень важности охраняемых общественных благ [8, с. 205]. Данная позиция предусматривает изучение вопросов, которые разрешаются при криминализации деяний, что представляется верным, ведь в этом случае речь идет как раз о ней.

Для разрешения обозначенной проблемы первоочередную необходимость приобретает определение наличия или отсутствия общественной опасности второго последовательно совершенного нарушения ПДД РФ (ч. 7 ст. 12.9, ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ). Деяния, составляющие объективную сторону составов административных правонарушений и преступлений, предусмотренных, соответственно, ч. 7 ст. 12.9, ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ и ч. 1 ст. 264² УК РФ, идентичны, а значит, нет отличий и в «зарядах» общественной опасности, которые они несут. Гораздо интереснее вопрос о разнице «зарядов» общественной опасности личности. Последняя, как уже было сказано ранее, познается через общественно опасное поведение, которое представляет собой юридически значимые противоправные акты [3, с. 64]. При оценке общественно опасного поведения может учитываться множество факторов, однако нормативное отражение в диспозиции нормы, предусматривающей ответственность за совершение преюдицирующего преступления, находят три его характеристики: качественная — общественная опасность противоправных актов, составляющих общественно опасное поведение; количественная — количество противоправных актов; временная — период между первым и последним противоправным актом. Последние две характеристики целесообразнее рассматривать в совокупности как плотность правонарушений — количество правонарушений, совершенных за определенный отрезок времени. Конфигурация данных характеристик определяет «заряд» общественной опасности личности.

Если сравнить характеристики общественно опасного поведения, которое отражено в признаках субъекта ч. 7 ст. 12.9, ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ и ч. 1 ст. 264² УК РФ, то можно прийти к неожиданным выводам. Качественная характеристика будет идентична, потому что их объективные признаки совпадают. Отличие состоит в плотности правонарушений. В первом случае лицо допускает два правонарушения в течение 1 года 6 месяцев. Данный период определен максимальным сроком наказания в виде лишения права управления транспортными средствами, который составляет

6 месяцев, и сроком административной наказанности — 1 год с момента исполнения наказания. Во втором случае лицо допускает три правонарушения за 2 года 6 месяцев. В данной ситуации к указанному выше сроку прибавляется 1 год, потому как привлечение к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 264² УК РФ возможно при наличии действующего наказания в виде лишения права управления транспортными средствами за совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 7 ст. 12.9, ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ, которое составляет 1 год.

Плотность противоправных актов в первом случае незначительно выше, чем во втором. Из сказанного следует, что при совершении правонарушения, предусмотренного ч. 7 ст. 12.9, ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ, лицо демонстрирует даже несколько большую общественную опасность, чем при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264² УК РФ. Конечно, нам могут возразить, ведь в одной ситуации очередному противоправному акту предшествует однократное привлечение к административной ответственности, а в другой — двукратное. Однако вид юридической ответственности не меняется, в связи с чем данное обстоятельство не может свидетельствовать о существенном увеличении общественной опасности личности. Таким образом, деяния, предусмотренные ч. 7 ст. 12.9, ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ и ч. 1 ст. 264² УК РФ, обладают почти идентичной общественной опасностью.

С учетом сказанного полагаем, что криминализация повторного факта нарушений ПДД РФ может рассматриваться как вполне реальный путь преодоления низкой эффективности ст. 264² УК РФ. Аргументы в защиту данной позиции будут схожи с теми, что мы приводили ранее, — в новой редакции ст. 264² УК РФ будет предупреждать значительно больше нарушений ПДД РФ, не допуская при этом «перегрузки» уголовной юстиции и излишней криминализации, что закономерно повлечет снижение основных показателей аварийности, а также «заразительного» эффекта таких нарушений.

Следующая проблема связана с тем, что законодатель в ч. 1 ст. 264² УК РФ строго не определил временную характеристику общественно опасного поведения — период, в течение которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, а поставил его в зависимость от срока наказания. Это в свою очередь привело к тому, что формально под действие ч. 1 ст. 264² УК РФ довольно часто попадают деяния, общественная опасность которых сомнительна.

Субъектом названного преступления является лицо, подвергнутое административному наказанию и лишенное права управления транспортными средствами за любое из деяний, предусмотренных ч. 7 ст. 12.9 и ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ. Указанный период «по умолчанию» равняется сроку административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами, который составляет 1 год. По истечении данного срока лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности.

Представляется, что вновь совершенное в течение 1 года нарушение ПДД РФ лицом, подвергнутым административному наказанию за повторное аналогичное нарушение, свидетельствует об общественной опасности личности, потому как высокая плотность таких деяний указывает на наличие антиобщественной установки. Однако в отдельных случаях указанный период может увеличиваться. Причиной тому может послужить, например, негативное поведение лица после его привлечения к административной ответственности, выраженное в неисполнении обязанности в течение трех рабочих дней сдать соответствующие документы в уполномоченный орган. В этом случае исчисление срока административного наказания приостанавливается до дня сдачи документов. Лицо может не исполнять такую обязанность на протяжении довольно длительного времени.

Общественная опасность личности проявляется в общественно опасном поведении, характеризующемся относительно высокой плотностью образующих его правонарушений. В случаях когда общественно опасное поведение составляют значительно удаленные друг от друга во времени противоправные акты, плотность правонарушений будет низкой. Низкая плотность правонарушений свидетельствует о небольшой общественной опасности личности. В этом случае и возникает вопрос о возможности признания деяния, содержащего признаки преюдицирующего преступления, малозначительным.

Так, из приговора Емельяновского районного суда Красноярского края от 23 января 2023 г. № 1-81/2023 следует, что постановлением мирового судьи от 10 декабря 2020 г. М. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде лишения права управления транспортными средствами (постановление вступило в силу 21 декабря 2020 г.). Обязанность по сдаче

в трехдневный срок соответствующих документов в уполномоченный орган не выполнил. 19 сентября 2022 г. М., будучи лицом, подвергнутым административному наказанию по ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ, допустил аналогичное нарушение ПДД РФ. Его действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 264² УК РФ¹.

В приведенном примере временной промежуток между предикатным административным правонарушением и деянием, образующим объективную сторону указанного преступления, был почти в два раза дольше, чем установленный законодателем «по умолчанию» период, в течение которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, а значит, есть основания задаться вопросом о возможности признания такого деяния малозначительным. Кроме того, заметим, что само по себе неисполнение обязанности по сдаче соответствующих документов в уполномоченный орган не свидетельствует о сохранении общественной опасности личности. Лицо может годами не садиться за руль транспортного средства перед очередным нарушением ПДД РФ либо управлять транспортным средством, не допуская нарушений.

Оставлять данную проблему без внимания нельзя, поскольку приведенный пример из судебной практики далеко не единственный². При этом вопросы, связанные с малозначительностью деяния в правоприменительной практике, вызывают сложности, а иногда вовсе не поднимаются (в том числе в приведенных судебных решениях). Особенно это актуально, когда речь идет о деяниях, содержащих признаки состава преюдицирующего преступления, которые граничат по степени обще-

¹ Приговор Емельяновского районного суда Красноярского края от 23 января 2023 г. № 1-81/2023 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.09.2025).

² Приговор Геленджикского городского суда Краснодарского края от 8 ноября 2022 г. по делу № 1-643/2022 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.09.2025); Приговор Белореченского районного суда Краснодарского края от 25 мая 2023 г. по делу № 1-260/2023 // Там же; Приговор Дербентского районного суда Республики Дагестан от 15 февраля 2023 г. № 1-17/2023 // Там же; Приговор Оричевского районного суда Кировской области от 15 июня 2023 г. № 1-49/2023 // Там же; Приговор Кузнецкого районного суда Пензенской области от 20 июня 2023 г. № 1-199/2023 // Там же; Приговор Можгинского районного суда Удмуртской Республики от 29 мая 2023 г. по делу № 1-173/2023 // Там же.

ственной опасности с административными правонарушениями.

Из вышесказанного следует, что законодателю необходимо установить строгий период, в течение которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности. В действующей редакции ч. 1 ст. 264² УК РФ такой срок «по умолчанию» составляет 1 год. В связи с этим полагаем возможным установить строгий временной промежуток сроком на 1 год с момента вступления в законную силу решения по делу о предикатном административном правонарушении.

Подводя итоги, заключим, что в действующей редакции ст. 264² УК РФ малоэффективна, содержит формулировки, которые могут вызвать в правоприменительной практике существенные затруднения.

В целях повышения эффективности уголовно-правовых запретов, предусмотренных ст. 264²

УК РФ, необходимо криминализировать повторный факт нарушений ПДД РФ, выраженных в превышении установленной скорости движения транспортных средств на величину более 40 км/ч или выезде в нарушение ПДД РФ на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления.

Для исключения в правоприменительной практике сложных вопросов, связанных с возможностью признания деяний, содержащих признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264² УК РФ, малозначительными в связи с низкой плотностью правонарушений законодателю следует установить строго определенный срок, в течение которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, — 1 год с момента вступления в законную силу решения по делу об административном правонарушении.

1. Богданов А. В. Административная преюдиция в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 251 с.

2. Мальков С. М. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами: возможные проблемы и прогнозы // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2022. С. 192—195.

3. Мирошниченко Д. В. Преюдиция в уголовном праве России: теоретико-прикладное исследование: монография. Москва: Юрлитинформ, 2022. 208 с.

4. Drivers' reaction time research in the conditions in the real traffic / P. Drożdźziel, S. Tarkowski, I. Rybicka, R. Wrona // Research gate. URL: <https://www.researchgate.net/> (дата обращения: 29.01.2025).

5. Influence of age, speed and duration of monotonous driving task in traffic on the driver's useful visual field / J. Rogé, T. Pébayle, E. Lambilliotte [et al.] // Science Direct. URL: <https://www.sciencedirect.com/> (дата обращения: 16.02.2025).

6. Exploration of vehicle impact speed injury severity relationships for application in safer road design / C. Jurewicz, A. Sobhani, J. Woolley [et al.] // Core. URL: <https://core.ac.uk/> (дата обращения: 18.02.2025).

7. Прокументов Л. М. Криминологические условия криминализации и декриминализации

1. Bogdanov A. V. Administrative prejudice in the criminal law of Russia. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2019: 251. (In Russ.).

2. Malkov S. M. Criminal liability for violating traffic regulations rules by a person subjected to administrative punishment and deprived of the right to drive vehicles: potential problems and predictions. In: Topical problems of fighting crime: issues of theory and practice. Proceedings of the XXV International scientific-practical conference, 7—8 April 2022, Krasnoyarsk. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2022: 192—195. (In Russ.).

3. Miroshnichenko D. V. Prejudice in the criminal law of Russia: theoretical and applied research. Monograph. Moscow: YurLitinform; 2022: 208. (In Russ.).

4. Drożdźziel P., Tarkowski S., Rybicka I., Wrona R. Drivers' reaction time research in the conditions in the real traffic. In: Research gate. Available from: <https://www.researchgate.net>. Accessed: 29 January 2025. (In Eng.).

5. Rogé J., Pébayle T., Lambilliotte E. (et al.) Influence of age, speed and duration of monotonous driving task in traffic on the driver's useful visual field. In: Science Direct. Available from: <https://www.sciencedirect.com>. Accessed: 16 February 2025. (In Eng.).

6. Jurewicz C., Sobhani A., Woolley J. (et al.) Exploration of vehicle impact speed injury severity relationships for application in safer road design. Core. Available from: <https://core.ac.uk>. Accessed: 18 February 2025. (In Eng.).

деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 4 (6). С. 56—62.

8. Добров А. Н., Баранова С. А. Институт административной преюдиции: понятие, сущность, техника // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93). С. 202—208.

Первухин Александр Сергеевич,
преподаватель кафедры уголовного права
Уральского юридического института
МВД России;
ann.alexandr@mail.ru

7. Prozumentov L. M. Criminological conditions of criminalization and decriminalization of acts. Tomsk State University Journal of Law, 56—62, 2012. (In Russ.).

8. Dobrov A. N., Baranova S. A. Institute of administrative prejudice: concept, essence, technique. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 202—208, 2020. (In Russ.).

Pervukhin Alexander Sergeevich,
lecturer at the department of criminal law
of the Ural Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia;
ann.alexandr@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 05.03.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.2

**КОМПАРАТИВИСТСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА
ОТ ДОВЕДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДО КОНЦА
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
НЕКОТОРЫХ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ**

Александр Сергеевич Сенцов**, *Валентина Александровна Волколупова,
*Владимир Георгиевич Волколупов******

* Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия, sentsov_1951@mail.ru

** Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия, volkolupovav@mail.ru

*** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, volkolupov_osr@rambler.ru

Аннотация. В отечественном уголовном праве и современной правоприменительной практике отдельные вопросы, относящиеся к правовой регламентации добровольного отказа от продолжения начатого преступления, решаются неоднозначно, и это отрицательно сказывается на эффективности данного уголовно-правового института, снижая его превентивное воздействие на преступность. К числу спорных вопросов относятся, например, следующие: а) необходимо ли (или необязательно) предотвращение исполнителем общественно опасных последствий при его отказе от продолжения начатого преступления; б) требуется ли установление в законе особых (дополнительных) условий к содержанию такого отказа в случаях, когда ранее начатое в соучастии преступление прекращает лишь один из исполнителей (при наличии нескольких исполнителей); в) обязательна ли нормативная регламентация дополнительных условий, необходимых для признания добровольного отказа со стороны отдельных соучастников (организатора, подстрекателя, а также пособника)?

Авторы на основе углубленного анализа соответствующих зарубежных уголовно-правовых норм, которые образуют институт добровольного отказа и устанавливают необходимые и достаточные основания, исключаящие уголовную ответственность (в некоторых странах — освобождающие от уголовной ответственности либо смягчающие наказание) лиц, прекративших начатое, но неоконченное преступление, аргументируют вывод о том, что отдельные нормативные положения, закрепленные в зарубежном уголовном праве, представляют интерес и для российского законодателя в плане возможной их имплементации в Уголовный кодекс Российской Федерации. В частности, заслуживает внимания позитивный зарубежный опыт законодательной регламентации условий, необходимых для добровольного отказа исполнителя (соисполнителя) от доведения до конца преступления, совершенного в соучастии. В работе сформулированы конкретные предложения по совершенствованию института добровольного отказа в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: компаративистские аспекты, зарубежное законодательство, уголовная ответственность, добровольный отказ, преступление, соучастники преступления

Для цитирования: Сенцов А. С., Волколупова В. А., Волколупов В. Г. Компаративистские аспекты правовой регламентации добровольного отказа от доведения преступления до конца в уголовном законодательстве некоторых стран ближнего зарубежья // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 76—83.

**COMPARATIVE MATTERS OF LEGAL REGULATIONS
OF VOLUNTARY RENUNCIATION TO COMPLETE A CRIME
IN SOME CIS COUNTRIES' CRIMINAL LEGISLATION**

Alexander Sergeevich Sentsov*, **Valentina Alexandrovna Volkolupova****,
Vladimir Georgievich Volkolupov***

* Volgograd Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia, sentsov_1951@mail.ru

** Volgograd Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia, volkolupovav@mail.ru

*** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, volkolupov_osr@rambler.ru

Abstract. In Russian criminal law and contemporary law enforcement practice some issues concerning the legal regulations of voluntary renunciation to complete the initiated crime are ambiguously dealt with. As a result, it negatively affects the work of a given penal institution and reduces its preventive effect on crime. Among the controversial issues used as an example are the following: a) is it essential or not obligatory for a perpetrator to prevent the socially dangerous consequences after the renunciation to complete the initiated crime? b) is it necessary to develop special (additional) legal conditions for the renunciation content in case of one of the perpetrators' refusal to complete a crime planned in complicity with others (if there are several perpetrators)? c) must there be legal regulations of additional conditions needed to admit the voluntary renunciation of one of the perpetrators (the organizer, the instigator or the accessory)?

The authors examine the relevant criminal law provisions of foreign countries in detail that form the voluntary renunciation institute. The provisions also establish necessary and sufficient grounds excluding criminal liability for the individuals who renounced to complete the initiated but inchoate crime. In some countries, they might be exempt from criminal liability or their punishment might be mitigated.

The authors also make a conclusion that some legal regulations stated in criminal law of foreign countries are of interest to a Russian law-maker in the context of their possibility to be implemented in the Criminal Code of the Russian Federation. In fact, special attention should be paid to positive foreign experience in legal regulations of conditions necessary for a perpetrator's (accessory's) voluntary renunciation to complete the crime planned in complicity with others. In the paper specific proposals to improve the voluntary renunciation institute in the Criminal Code of the Russian Federation are given.

Keywords: comparative matters, international legislation, criminal liability, voluntary renunciation, crime, crime accessories

For citation: Sentsov A. S., Volkolupova V. A., Volkolupov V. G. Comparative matters of legal regulations of voluntary renunciation to complete a crime in some CIS countries' criminal legislation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 76—83, 2025. (In Russ.).

Добровольный отказ от продолжения начатого преступления является традиционным институтом в российском уголовном праве. Он в определенной степени взаимосвязан с основанием уголовной ответственности и является одним из критериев отграничения неоконченного преступления от непреступного поведения. Начиная со второй половины XVIII в. и до настоящего времени в отечественном законодательстве предусмотрены особые льготные условия для лиц, которые приняли решение прекратить начатую преступную деятельность, руководствуясь собственными волей и убеждением, при отсутствии внешних препятствий для доведения преступления до конца.

К сожалению, можно отметить, что в действующем уголовном законодательстве России пра-

вовая регламентация института добровольного отказа вряд ли может быть признана идеальной, поскольку соответствующие уголовно-правовые нормы, образующие данный институт, имеют ряд недостатков. Это отрицательно сказывается на правоприменении и снижает его эффективность. К числу таких недостатков относится и отсутствие в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) оптимального законодательного определения самого понятия добровольного отказа, которое включало бы все его обязательные признаки. Нет единого подхода и к учету особенностей отдельных соучастников преступления при решении вопроса о возможности их добровольного отказа от продолжения деяния, начатого при соучастии.

В то же время превентивные возможности института добровольного отказа, по экспертным оценкам способного стать весьма эффективным средством предупреждения преступлений, также не получили должного внимания в практической деятельности [1—3].

В современной уголовно-правовой доктрине отдельные сложные вопросы, возникающие при толковании норм, регламентирующих условия добровольного отказа от продолжения начатого преступления не получают однозначного ответа, что порождает в научной литературе различные подходы к их решению и обуславливает оживленную полемику по этому поводу [4]. Больше того, отсутствует единая позиция даже относительно определения юридической природы рассматриваемого института, а также его уголовно-правовых последствий [5]. В теории уголовного права до сих пор сохраняются разногласия и в отношении целесообразности установления в законе дополнительных условий, необходимых для признания отказа добровольным на различных этапах преступной деятельности (особенно после совершения всех действий, достаточных, по мнению виновного, для достижения преступного результата, то есть при оконченном покушении) [6—8].

Для повышения эффективности уголовно-правовой регламентации института добровольного отказа от продолжения начатого, но неоконченного преступления, а также современной правоприменительной практики, на наш взгляд, вполне логичным и целесообразным является углубленное исследование позитивного опыта, накопленного в процессе формирования и применения данного института в зарубежном уголовном праве. На этой основе можно выявить перспективы заимствования его отдельных нормативных предписаний отечественным законодателем путем их включения в соответствующие нормы УК РФ.

В странах ближнего зарубежья, ранее входивших в состав Союза Советских Социалистических Республик в качестве союзных республик, регламентация института добровольного отказа и его правовых последствий во многом сходна, хотя имеются и отдельные особенности, обусловленные сложившейся правоприменительной практикой и национальными традициями, существующими в том или ином государстве.

За основу при формировании института добровольного отказа от продолжения начатого преступления в уголовном праве большинства стран ближнего зарубежья были взяты положения, содержащиеся в ч. 1 ст. 33 Модельного Уголовного

кодекса для государств — участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. (далее — Модельный УК)¹, согласно которым «добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовительных действий либо прекращение действия (бездействия), непосредственно направленного на совершение преступления, если лицо сознавало возможность доведения преступления до конца»².

Многие положения Модельного УК, рекомендованные его разработчиками государствам, входящим в СНГ, для использования в их национальном уголовном праве, были соответствующим образом скорректированы законодателями, исходя из политических, экономических и социальных условий, свойственных каждой стране, с учетом исторически сложившихся в ней правовых традиций и правоприменительной практики.

В частности, самостоятельные нормы о добровольном отказе от доведения преступления до конца содержатся в ст. 15 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (далее — УК Беларуси)³, в которой наряду с общими положениями нормативно закреплены дополнительные условия, необходимые для добровольного отказа отдельных соучастников преступления (организатора, подстрекателя, а также пособника). Так, в норме, предусмотренной в ч. 1 ст. 15 УК Беларуси, «добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовительных действий либо прекращение действия или бездействия, непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо сознавало возможность доведения преступления до конца»⁴. При этом ч. 2 ст. 15 УК Беларуси однозначно устанавливает, что «деяние, в отношении которого осуществлен добровольный отказ, не влечет уголовной ответственности»⁵.

¹ См.: Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17 февраля 1996 г.) (с изм. и доп.) // Информ.-правовой портал «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2566472/> (дата обращения: 15.09.2025).

² Там же.

³ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (ред. от 17.02.2025) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1977 (дата обращения: 15.09.2025).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

В частях 3 и 4 ст. 15 УК Беларуси закреплены условия, необходимые для признания добровольного отказа со стороны организатора, подстрекателя и пособника. В частности, для организатора и подстрекателя предусмотрено такое обязательное условие, как предотвращение этими лицами совершения преступления (в любом случае должно иметь место недоведение его исполнителем до конца). Если же, несмотря на принятые меры, преступление, тем не менее, было доведено исполнителем до конца, то добровольный отказ не исключает уголовную ответственность организатора и подстрекателя, но может быть учтен судом при назначении наказания как смягчающее обстоятельство. Однако в отношении пособника указанное условие добровольного отказа не является обязательным. Для пособника вполне достаточно того, чтобы он сам добровольно отказался от своего участия в начатом в соучастии преступлении и либо прекратил обещанное им исполнителю содействие, либо отказал ему в таком содействии, либо устранил результат и иные негативные последствия ранее оказанной исполнителю (или другому соучастнику) помощи. Таким образом, для пособника, предпринявшего все зависящие от него меры по предотвращению преступления, уголовная ответственность исключается и в том случае, если исполнитель все-таки довел преступление до конца.

В Азербайджанской Республике, Кыргызской Республике, Республике Казахстан, Республике Таджикистан, Республике Узбекистан уголовное законодательство регламентирует институт добровольного отказа в целом так же, как и УК Беларуси. В уголовных кодексах большинства стран СНГ в качестве конstitutивных признаков в понятии добровольного отказа выделены его добровольность и окончательность. Также нормативно закреплены и особенности добровольного отказа для отдельных соучастников преступления, сходные с указанными в ч. 4 и 5 ст. 31 УК РФ.

В Уголовном кодексе Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (далее — УК Кыргызстана)¹, давая легальное определение термина «добровольный отказ», законодатель указал, что осознание субъектом возможности завершения начатого преступного деяния предполагает наличие реальной основы для этой возможности. То есть

¹ См.: Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (ред. от 28.07.2025) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=136047 (дата обращения: 15.09.2025).

закон не признает добровольным отказ, если в сознании лица возможность завершения начатого им преступления не представлялась реальной, а была лишь абстрактной и неопределенной. Кроме того, в УК Кыргызстана установлены единые условия добровольного отказа организатора, подстрекателя и пособника, поэтому для указанных соучастников преступления он имеет место в том случае, «если эти лица своевременно предприняли все зависящие от них меры для предотвращения совершения преступления и общественно-опасные последствия при этом не наступили» (ч. 3 ст. 38)².

Согласно Уголовному кодексу Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ³ для признания отказа пособника добровольным последнему достаточно: а) прекратить ранее обещанное содействие, но сделать это (в отличие от пособника, действия которого квалифицируются в соответствии с положениями УК Беларуси) до момента, когда исполнитель начнет совершать покушение на преступление, т. е. до начала его непосредственного воздействия на соответствующий объект уголовно-правовой охраны; б) так же, как и в УК Беларуси, — до момента окончания преступления, но при этом пособнику необходимо полностью предотвратить последствия уже оказанной им помощи исполнителю (ст. 30.4).

В статье 26 Уголовного кодекса Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII (далее — УК Узбекистана)⁴ законодателем увеличен период, в течение которого лицу предоставлена возможность добровольно отказаться от продолжения начатого преступления. Так, добровольное прекращение умышленной преступной деятельности возможно не только в процессе подготовительных действий или при непосредственном совершении преступного деяния, но и после этого, когда все соответствующие действия (бездействие) уже выполнены, однако преступный результат еще не наступил (на стадии оконченого покушения). В данном случае отказ возможен, если лицо продолжает контролировать развитие причинной связи, проявляя при этом необходимую

² Там же.

³ См.: Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ (ред. от 28.06.2024) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2670 (дата обращения: 15.09.2025).

⁴ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII (ред. от 25.03.2025) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1013 (дата обращения: 15.09.2025).

активность для предотвращения наступления крайне вероятного для него преступного результата («отложенных» преступных последствий). Кроме того, в УК Узбекистана так же, как и в УК Кыргызстана, отсутствует дифференциация условий добровольного отказа от продолжения начатого преступления для разных категорий соучастников: «Добровольный отказ организатора, подстрекателя или пособника исключает ответственность за соучастие в преступлении, если лицо своевременно предприняло все зависящие от него меры для его предотвращения» (ст. 30)¹.

В отличие от уголовных кодексов большинства стран ближнего зарубежья, Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. № 2287-вс (далее — УК Грузии)² не содержит комплексного толкования термина «добровольный отказ от преступления». Тем не менее УК Грузии нормативно закрепляет два его конститутивных признака: «Лицо не подлежит уголовной ответственности, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца» (ч. 1 ст. 21)³. Это обстоятельство следует расценивать в качестве положительного момента, поскольку указанные признаки для рассматриваемого правового института действительно являются существенными. Согласно ч. 5 ст. 21 УК Грузии добровольный отказ не исключается и в том случае, когда лицом были совершены все необходимые, по его мнению, действия (бездействие), объективно (в типовой ситуации) достаточные для того, чтобы наступил желаемый преступный результат, т. е. на стадии оконченного покушения (как в УК Узбекистана), если лицо после этого добровольно предотвратило наступление общественно опасных последствий.

В части 3 ст. 21 УК Грузии установлены единые условия для признания добровольного отказа со стороны соучастников преступления (организатора, подстрекателя и пособника), который возможен, если эти лица каким-либо образом не позволили исполнителю или иному соучастнику довести совместно начатое ими преступление до конца. Кроме того, для физического пособника грузинский законодатель предусмотрел исчерпы-

вающий перечень действий, совершение которых безусловно рассматривается как добровольный отказ: а) отказ от выполнения обещанных деяний до начала совершения исполнителем преступления (т. е. исключительно на стадии приготовления к преступлению); б) изъятие у исполнителя предоставленных ему ранее орудий или средств до момента окончания преступления (что не исключает и случаи их фактического использования исполнителем, поскольку полноценное применение соответствующих орудий или средств возможно задолго до момента окончания преступления, например, при совершении длящихся или продолжаемых деяний, а это «нивелирует» саму суть добровольного отказа). В то же время психический (интеллектуальный) пособник, согласно УК Грузии, находится в равном положении с организатором и подстрекателем и обладает аналогичным правовым статусом: «Если организатор, подстрекатель и психический пособник своими действиями не смогли предотвратить окончание преступления исполнителем, принятые ими меры могут быть признаны судом смягчающими обстоятельствами при назначении наказания» (ч. 4 ст. 21)⁴.

Специфической особенностью регламентации добровольного отказа в Уголовном кодексе Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (далее — УК Молдовы)⁵ является включение соответствующих норм не в раздел, объединяющий положения о неоконченном преступлении, а в гл. VI «Освобождение от уголовной ответственности». В статье 56 УК Молдовы «Освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольным отказом от совершения преступления» законодатель тоже закрепил такие конститутивные признаки добровольного отказа, как добровольность и окончательность (ч. 2). Там же предусмотрены особенности добровольного отказа отдельных соучастников преступления (ч. 4). Однако в отличие от УК РФ, в котором правовым последствием добровольного отказа является исключение уголовной ответственности, молдавское законодательство в этом случае предусматривает лишь освобождение лица от уголовной ответственности.

¹ Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII (ред. от 25.03.2025).

² См.: Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. № 2287-вс (с изм. и доп. по сост. на 13.05.2025) // Законодательство стран СНГ — ИС Континент. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=37199724 (дата обращения: 15.09.2025).

³ Там же.

⁴ Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. № 2287-вс (с изм. и доп. по сост. на 13.05.2025).

⁵ См.: Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (ред. от 10.07.2025) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835 (дата обращения: 15.09.2025).

Уголовный кодекс Республики Армения от 27 мая 2021 г. № ЗР-199 (далее — УК Армении)¹ содержит специальную ст. 80, посвященную институту добровольного отказа от преступления. Примечательно, что данная статья, как и в УК Молдовы, находится в главе, которая регламентирует основания освобождения от уголовной ответственности (гл. 12).

Согласно ч. 2 ст. 80 УК Армении добровольным отказом от преступления признается как прекращение лицом приготовления к преступлению или покушения на преступление, так и предотвращение им возможных общественно опасных последствий совершенного деяния. Иными словами, по УК Армении добровольный отказ от преступления также возможен и на стадии оконченного покушения, что аналогично нормам уголовного законодательства Грузии и Узбекистана, рассмотренным ранее.

В соответствии с ч. 3 ст. 80 УК Армении, если добровольный отказ от преступления осуществляется в форме предотвращения возможных преступных последствий, лицо освобождается от уголовной ответственности в том случае, когда принятые им меры привели к предотвращению преступного результата, который охватывался его умыслом. Если же предотвратить общественно опасные последствия не удалось, то предпринятая попытка рассматривается лишь как обстоятельство, смягчающее наказание.

В УК Армении никаких особенностей добровольного отказа от продолжения начатого преступления для разных категорий соучастников (организатора, подстрекателя или пособника) не предусмотрено, поскольку соответствующие условия, как и в нормах уголовного законодательства Грузии, Кыргызстана и Узбекистана, являются унифицированными (едиными) для каждого из них (ч. 4 ст. 80), — в отличие от УК РФ. В то же время для физического пособника в УК Армении предусмотрен ряд характерных для него специальных условий добровольного отказа: а) изъятие у исполнителя предоставленного ему инструмента или средства; б) восстановление устраненного препятствия. Причем указанные действия физического пособника так же, как и в УК Грузии, безусловно признаются добровольным отказом, если

они были совершены до момента окончания исполнителем преступления (ч. 5 ст. 80).

В отличие от УК РФ и уголовного законодательства большинства стран ближнего зарубежья, УК Армении предусматривает особые условия добровольного отказа соисполнителя преступления. Так же, как и другие соучастники, он освобождается от уголовной ответственности, если посредством сообщения компетентным органам или иными принятыми мерами предотвращает доведение преступления другими соисполнителями до конца. Если действия соисполнителя, отказавшегося от продолжения преступления, оказались недостаточными и не предотвратили совершение преступления другим соисполнителем, то принятые им меры учитываются судом как обстоятельство, смягчающее наказание (ч. 6 ст. 80).

Подводя итоги проведенного нами компаративистского анализа зарубежного законодательства, регламентирующего институт добровольного отказа, сформулируем следующие основные выводы:

1. Правовая регламентация добровольного отказа от продолжения начатого преступления в законодательстве зарубежных стран имеет как сходства, так и различия. В частности, такие вопросы, как нормативное закрепление самого понятия добровольного отказа, а также его конститутивных признаков и обязательных условий, в том числе его специфических особенностей для отдельных соучастников преступления, наконец, правовые последствия добровольного отказа, — все это решается соответствующими законодателями по-разному.

2. В большинстве зарубежных стран добровольный, окончательный и своевременный отказ от продолжения начатого преступления исключает уголовную ответственность за уже совершенное лицом приготовление к нему или покушение на него. Так предусмотрено в УК большинства стран ближнего зарубежья. В то же время в некоторых странах добровольный отказ может иметь двойственную правовую природу и рассматриваться либо как обстоятельство, смягчающее наказание, либо как основание для освобождения лица от уголовной ответственности.

3. Накопленный в уголовном праве зарубежных стран опыт законодательного конструирования норм, образующих институт добровольного отказа, целесообразно учитывать и при дальнейшем совершенствовании соответствующих положений УК РФ. В частности, заслуживает внимания выделение в изученных уголовных законах различных вариантов добровольного отказа, например, закреп-

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Армения от 27 мая 2021 г. № ЗР-199 (ред. от 19.12.2024) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=144695 (дата обращения: 15.09.2025).

ление такой его разновидности, как предотвращение лицом возможных общественно опасных последствий при оконченном покушении на преступление. Заслуживает внимания российского законодателя и более предметная детализация норм, определяющих условия добровольного отказа для отдельных соучастников преступления (например, в УК Беларуси), а также нормативное закрепление обязательных условий для добровольного отказа исполнителя (соисполнителя) от доведения до конца преступления, совершаемого в соучастии (УК Армении).

С учетом результатов проведенного нами исследования зарубежного опыта правовой регламентации института добровольного отказа в уголовном законодательстве в порядке *de lege ferenda* предлагаем внести изменения в ст. 31 УК РФ и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 31. Добровольный отказ от продолжения начатого преступления

1. Добровольным отказом от продолжения начатого, но неоконченного преступления признается самостоятельное и окончательное прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления,

если лицо осознавало реальную возможность продолжения данного преступления и (или) доведения его до конца.

2. Лицо не подлежит уголовной ответственности за совершенное им неоконченное преступление (приготовление к преступлению или покушение на преступление), если оно добровольно отказалось от доведения его до конца.

3. При добровольном отказе лицо подлежит уголовной ответственности лишь за такое фактически совершенное им общественно опасное деяние, в котором содержится иной состав оконченного преступления.

4. Организатор преступления, подстрекатель к преступлению и соисполнитель преступления (при наличии нескольких соисполнителей) не подлежат уголовной ответственности, если эти лица добровольно прекратили свое участие в преступлении и своевременным сообщением органам власти или иным способом предотвратили доведение этого преступления до конца другими соучастниками. Если предпринятые ими меры не привели к предотвращению преступления, то они могут быть признаны судом обстоятельствами, смягчающими наказание».

1. Абдуллаев А. М., Таилова А. Г. Добровольный отказ от совершения преступления: вопросы правоприменительной практики // Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 258—260.

2. Ключев А. А. Проблемы понимания правовой природы добровольного отказа от совершения преступления // Российское правосудие. 2015. № 10 (114). С. 94—100.

3. Ширванян А. М. Правовое значение добровольного отказа от совершения преступления // Российский криминологический взгляд. 2012. № 2. С. 409—412.

4. Исрафилов И. М. Добровольный отказ от доведения преступления до конца: правовая природа и условия правомерности // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 2 (52). С. 101—105.

5. Сорокин А. И. Проблемы толкования признаков добровольного отказа от доведения преступления до конца // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Орел, 19 апр. 2022 г.). Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2022. С. 99—101.

1. Abdullayev A. M., Tayilova A. G. Voluntary renunciation to commit a crime: law enforcement issues. *Eurasian law journal*, 258—260, 2022. (In Russ.).

2. Klyuev A. A. Matters in understanding the legal nature of voluntary renunciation to commit a crime. *Russian justice*, 94—100, 2015. (In Russ.).

3. Shirvanyan A. M. Legal meaning of voluntary renunciation to commit a crime. *Russian criminological view*, 409—412, 2012. (In Russ.).

4. Israfilov I. M. Voluntary renunciation to complete a crime: legal nature and legitimacy conditions. *Journal of the Russian University of Cooperation*, 101—105, 2023. (In Russ.).

5. Sorokin A. I. Interpretation issues of voluntary renunciation to complete a crime. In: *Combating crime issues nowadays. Materials of all-Russian scientific practical conference*, 19 April 2022, Orel, Russia. Orel: Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V. V. Lyukyanov; 2022: 99—101. (In Russ.).

6. Dronova T. N. Voluntary crime renunciation: theory, law and law enforcement. *Dissertation of candidate of juridical sciences*. Kaliningrad; 2011: 312. (In Russ.).

6. Дронова Т. Н. Добровольный отказ от преступления: теория, закон и правоприменение: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2011. 312 с.

7. Ситникова А. И. Неоконченное преступление и его виды: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001. 190 с.

8. Токарева А. А. Правовая природа института добровольного отказа от преступления // Криминалистика. 2023. № 1 (42). С. 45—49.

7. Sitnikova A. I. Inchoate crime and its kinds. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2001: 190. (In Russ.).

8. Tokaryeva A. A. Legal nature of the voluntary crime renunciation institute. *Kriminalist*, 45—49, 2023. (In Russ.).

Сенцов Александр Сергеевич,

профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент; sentsov_1951@mail.ru

Волколупова Валентина Александровна,

доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент; volkolupovav@mail.ru

Волколупов Владимир Георгиевич,

доцент кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук; volkolupov_osr@rambler.ru

Sentsov Alexander Sergeevich,

professor at the criminal law, criminal procedure and criminalistics department of the Volgograd Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, candidate of juridical sciences, docent; sentsov_1951@mail.ru

Volkolupova Valentina Alexandrovna,

associate professor at the criminal law, criminal procedure and criminalistics department of the Volgograd Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, candidate of juridical sciences, docent; volkolupovav@mail.ru

Volkolupov Vladimir Georgievich,

associate professor at the criminal law department of the educational and scientific complex for the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences; volkolupov_osr@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 03.10.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 03.10.2025; approved after reviewing 06.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.34

**ПРИВЕДЕНИЕ В НЕГОДНОСТЬ ОБЪЕКТОВ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ
(СТАТЬЯ 215.2 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ):
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
И ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ**

Дмитрий Борисович Чернышев

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, Sledstvient404@mail.ru

Аннотация. Участвовавшие случаи хищений металлического оборудования с объектов жизнеобеспечения послужили причиной установления самостоятельного, в отдельной статье Уголовного кодекса Российской Федерации, уголовно-правового запрета для действий, связанных с созданием угрозы населению в результате повреждения указанных объектов. Целью исследования является рассмотрение проблем квалификации преступлений, предусмотренных ст. 215.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, и разработка рекомендаций по правильному применению этой нормы. На основании анализа нормативных правовых актов и материалов судебной практики изучены объективные и субъективные признаки рассматриваемого преступления. Особое внимание уделено характеристике и признакам предмета преступления — объектам жизнеобеспечения. Установлено, что большая часть таких преступлений совершается в сочетании с имущественными преступлениями. Кроме того, сделан вывод о том, что объект жизнеобеспечения должен быть на момент повреждения исправным и находиться в эксплуатации. Рассмотрены вызывающие затруднения в правоприменительной практике случаи отграничения данного преступления от смежных составов, в том числе преступлений против личности, собственности, общественной безопасности. Полученные в ходе исследования выводы подкрепляются примерами из обвинительных приговоров судов.

Ключевые слова: объект жизнеобеспечения, разрушение, повреждение, энергетика, связь, жилищно-коммунальное хозяйство, хищение

Для цитирования: Чернышев Д. Б. Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения (статья 215.2 Уголовного кодекса Российской Федерации): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 84—93.

**MAKING LIFE-SUPPORT FACILITIES USELESS
(ARTICLE 215.2 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION):
CRIMINAL LAW CHARACTERISTIC AND QUALIFICATION ISSUES**

Dmitry Borisovich Chernyshev

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, Sledstvient404@mail.ru

Abstract. The increased cases of theft of metal equipment from life-support facilities have become the result of establishing an independent, in a separate article of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal law prohibition for actions, related to the threat to the population as a result of the mentioned objects damage. The aim of the research is to examine the issues of crime qualification according to the Article 215.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, and to work out the recommendations concerning the appropriate application of this norm. On the basis of the analysis of normative legal acts and materials of judicial practice, the objective and subjective features of the analyzed crime have been studied. Particular attention is given to the characteristic and features of the subject of the crime — life-support facilities. It has been determined that most of such crimes are committed in combination with property crimes. The author also concludes that the life-support facility should be serviceable and function properly at the time of damage. The cases causing difficulties in law enforcement

practice to distinguish this crime from related offences are analyzed, including crimes against the person, property and public safety. The obtained results of the study are verified by the examples from court convictions.

Keywords: life-support facility, destruction, damage, power engineering, connection, housing and communal services, theft

For citation: Chernyshev D. B. Making life-support facilities useless (Article 215.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminal law characteristic and qualification issues. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 84—93, 2025. (In Russ.).

Уголовная ответственность за преступления, связанные с приведением в негодность объектов жизнеобеспечения, была введена в 2001 г.¹ в качестве ответной меры на ставшие массовыми случаи хищений металлического оборудования с указанных объектов, что приводило к сбоям в снабжении населенных пунктов электрической и тепловой энергией. Сложившаяся ранее практика применения для квалификации таких действий норм, входящих в гл. 21 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), не обеспечивала в полной мере охраны отношений в сфере общественной безопасности. Соответственно, выделение таких действий в самостоятельный состав преступления обусловлено повышенной общественной опасностью последствий вывода из строя объектов энергетики, электросвязи, жилищного и коммунального хозяйства, так как их нормальное и бесперебойное функционирование непосредственно связано с обеспечением населения жизненно важными ресурсами и услугами. Учитывая климатические особенности большей части территории России, любые нарушения в данной сфере могут потенциально привести к угрожающим населению авариям, а также формируют социальную напряженность и подрывают авторитет государственной власти в глазах народа.

Вопросам уголовной ответственности за приведение в негодность объектов жизнеобеспечения посвящен ряд научных исследований (в частности, А. В. Борбата, В. С. Ковригина). Вместе с тем анализ открытых данных судебной статистики о количестве лиц, осужденных по всем частям ст. 215.2 УК РФ, позволяет сделать вывод об отсутствии уверенной динамики по снижению количества данных преступлений. Так, в 2020 г. по всем частям ст. 215.2 УК РФ было осуждено 36 лиц, в 2021 г. — 27, в 2022 — 27, в 2023 — 32, в 2024 —

22 лица². Это свидетельствует об актуальности научного изучения вопросов, связанных с квалификацией данного преступления.

Рассматриваемая норма не случайно была отнесена законодателем к группе преступлений против общественной безопасности, так как действия, посягающие на нормальное обеспечение населения жизненно важными ресурсами угрожает неопределенно широкому кругу лиц, а не конкретным людям. В связи с этим посягательство на общественную безопасность прямо угрожает охраняемым правам и интересам каждого отдельного человека.

Непосредственным объектом преступного посягательства является та часть общественных отношений в сфере общественной безопасности, которая возникает в рамках нормального функционирования объектов энергетики, электросвязи, жилищного и коммунального хозяйства, а также других объектов жизнеобеспечения. В качестве факультативных объектов можно выделить общественные отношения в сфере защиты жизни и здоровья человека, собственности, экологии, общественного порядка.

Квалифицирующее значение имеет предмет преступления, который в результате противоправных действий разрушается, повреждается либо иным образом приводится в негодное для эксплуатации состояние.

Учитывая название нормы («Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения»), можно сделать вывод о том, что предметом преступления, предусмотренного ст. 215.2 УК РФ, может выступать любой объект, связанный с обеспечением жизнедеятельности населения, а указанные в начале текста диспозиции объекты (энергетики, электросвязи, жилищного и коммунального хозяйства) являются частными, наиболее распространенными его видами. Учитывая изложенное, начать рассмотрение предмета преступления следует с установления понятия и признаков объекта жизнеобеспечения.

¹ О внесении изменения и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: федер. закон от 19 июня 2001 г. № 83-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

² Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

Согласно п. 3.1.2 ГОСТ Р 22.2.12-2020 под объектом жизнеобеспечения населения принято понимать предприятия, организации или учреждения, деятельность которых направлена на решение вопросов первоочередного жизнеобеспечения населения, достаточного для сохранения жизни и поддержания здоровья людей при военных конфликтах, а также при чрезвычайных ситуациях¹. Обращает на себя внимание тот факт, что в качестве таких объектов законодатель определяет юридические лица, осуществляющие определенную деятельность по созданию условий жизнедеятельности населения. Вместе с тем используемые при описании общественно опасного деяния в диспозиции ст. 215.2 УК РФ термины «повреждение», «разрушение», «приведение в негодное для эксплуатации состояние», предполагающие причинение физического вреда, говорят о том, что данные деяния могут совершаться только в отношении материальных предметов, которыми юридические лица не являются. Из этого можно сделать вывод, что содержание понятия «объект жизнеобеспечения» для целей ст. 215.2 УК РФ следует понимать в более узком материальном значении, как отдельные здания (сооружения) или имущественные комплексы, а также находящиеся в них устройства, узлы, агрегаты и иное оборудование, обеспечивающие работу данных объектов, сбои в функционировании которых влекут нарушение нормальной деятельности объекта, включая его полную остановку и, как следствие, неоказание услуг жизнеобеспечения неопределенному кругу лиц [1].

Как было отмечено выше, приведенный в диспозиции нормы перечень конкретных объектов жизнеобеспечения не является исчерпывающим и включает лишь объекты, наиболее часто подвергающиеся преступным посягательствам.

Первый из этих видов — объекты энергетики, под которыми понимаются имущественные комплексы, с помощью которых осуществляется генерация и передача электрической энергии, в том числе объекты электросетевого хозяйства (линии электропередач, трансформаторное оборудование и т. д.) [2]. К объектам энергетики также относятся здания, сооружения и оборудования

объектов топливно-энергетического комплекса². В качестве примера можно привести приговор, вынесенный Златоустовским городским судом Челябинской области по п. «а» ч. 2 ст. 158, п. «а» ч. 2 ст. 215.2 УК РФ в отношении граждан С. и В. Судом установлено, что подсудимые в ночное время тайно демонтировали и похитили с действующей линии контактной сети медный кабель марки КВВГ 19*1,5, повредив таким образом объект энергетики — действующий моторный привод разъединителей контактной сети³.

Объекты электросвязи — это комплексы средств и сооружений электросвязи (включая оборудование), используемые при оказании услуг электросвязи, т. е. передаче и приеме сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам⁴. Согласно проведенному В. С. Ковригиным анализу судебной практики, наиболее часто предметом преступления, предусмотренного ст. 215.2 УК РФ, выступали такие объекты электросвязи, как кабели электросвязи (обеспечивающие телефонную связь и подключение к сети Интернет), распределительная кабельная сеть, телефонные колодцы и таксофоны [2]. В качестве примера можно привести приговор Ольского районного суда Магаданской области, вынесенный по ч. 1 ст. 215.2 УК РФ в отношении гр. Ф. Судом установлено, что подсудимый в ночное время с помощью бензопилы спилил пять деревянных опор воздушной телефонной линии связи, приведя таким образом объект электросвязи в негодное для эксплуатации состояние, лишив на четыре дня телефонной связи жителей близлежащего поселка⁵.

² О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора основных фондов (ОКОФ) ОК 013-2014 (СНС 2008): приказ Федер. агентства по техн. регулированию и метрологии от 12 декабря 2014 г. № 2018-ст (ред. от 10.11.2015) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

³ Приговор Златоустовского городского суда Челябинской области от 27 сентября 2016 г. по делу № 1-462/2016 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

⁴ О связи: федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

⁵ Приговор Ольского районного суда Магаданской области от 1 августа 2016 г. по делу № 1-72/2016 //

¹ ГОСТ Р 22.2.12-2020 Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Повышение устойчивости функционирования организаций в чрезвычайных ситуациях. Основные положения // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200175575/titles/7D60K4> (Дата обращения: 12.07.2025)

Жилищно-коммунальное хозяйство традиционно принято считать единым комплексом, вместе с тем специалистами жилищное и коммунальное хозяйство выделяется в хоть и связанные между собой, но отдельные сферы деятельности. Так, к жилищному хозяйству относится не жилой фонд как таковой, а лишь объекты, обеспечивающие нормальное и бесперебойное функционирование жилищного фонда. Коммунальное хозяйство в первую очередь связано с обеспечением населения коммунальными ресурсами и услугами (электрическая и тепловая энергия, холодная и горячая вода, вывоз бытовых отходов, водоотведение, газоснабжение и т. д.). К объектам коммунального хозяйства, выступающим в качестве предмета рассматриваемого преступления, принято относить инженерные коммуникации, приборы учета поставленных ресурсов и т. д. [2]. В качестве примера можно привести приговор Володарского районного суда Брянской области, вынесенный по п. «а» ч. 2 ст. 215.2 УК РФ в отношении гр. Т. (уголовное дело в отношении соучастников было выделено в отдельное производство). Судом установлено, что подсудимая для осуществления предпринимательской деятельности приобрела производственное здание, в помещении которого располагалась котельная, в зимнее время обеспечивающая население близлежащих домов тепловой энергией. Не намереваясь осуществлять деятельность, связанную с производством и поставкой коммунальных ресурсов, гр. Т. демонтировала котельную, а оборудование реализовала по цене лома. В результате указанных действий на период предстоящего отопительного сезона была прекращена подача тепла жителям многоквартирных домов, подключенных к данной котельной¹.

К другим объектам жизнеобеспечения, согласно сложившейся судебной практике, относятся мосты, больницы, объекты гидротехнической системы. Учитывая неопределенный характер используемой законодателем формулировки «или других объектов», можно предположить, что данный перечень является открытым, и отнесение конкретного предмета к объектам жизнеобеспечения остается на усмотрение правоприменителя [2]. В качестве примера можно привести приговор

Гурьевского городского суда Кемеровской области, вынесенный по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 3 ст. 158, п. «а» ч. 2 ст. 215.2 УК РФ в отношении П. и Т. Судом установлено, что подсудимые в целях хищения металлического лома срезали металлические фрагменты нижней части несущей конструкции пролетного строения мостового перехода, соединяющего два населенных пункта. Судом указанный мост был отнесен к «другим объектам жизнеобеспечения».

Важный признак, которым объект жизнеобеспечения должен обладать на момент совершения преступления, — это исправное и пригодное к функционированию состояние. Кроме того, он должен находиться в эксплуатации, т. е. фактически выполнять функции по обеспечению населения жизненно важными ресурсами и услугами широкого круга лиц, например жителей населенного пункта либо микрорайона². В случае если повреждения были причинены разрушенному, выведенному из эксплуатации объекту, такие действия не представляют угрозы общественной безопасности, в связи с чем не могут образовывать состава преступления, предусмотренного ст. 215.2 УК РФ.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 215.2 УК РФ, содержит в качестве обязательного признака только общественно опасное деяние, сформулированное в форме альтернативных действий, включающих разрушение, повреждение, приведение иным способом в негодное состояние, т. е. состав данного преступления формальный.

Следует отметить, что норма ст. 215.2 УК РФ является специальной по отношению к ст. 167 УК РФ. Вместе с тем, сравнивая их диспозиции, можно выявить терминологическое несоответствие перечисленных в них деяний. Так, если в ст. 167 УК РФ используется термин «уничтожение», то в ст. 215.2 УК РФ — «разрушение». Данные понятия, хотя и схожи, не являются тождественными. Главным отличием является степень причиненных объекту повреждений. Так, при уничтожении предмет либо перестает существовать полностью, либо в текущем состоянии он не подлежит восстановлению и не может быть использован по назначению. При этом разрушение предполагает сохранение возможности восстановления [3]. В то же время наряду с разрушением в диспози-

Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

¹ Приговор Володарского районного суда Брянской области от 1 июня 2016 г. по делу № 1-15/2016 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

² Обзор судебной практики Челябинского областного суда за третий квартал 2009 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

ции ст. 215.2 УК РФ указывается на повреждение, которое по своему содержанию тождественно представленному определению разрушения, т. е. приведение предмета в непригодное для использования по назначению состояние при сохранении возможности его восстановления [4]. Таким образом, при буквальном толковании содержания использованных законодателем при конструировании нормы терминов может создаться впечатление, что при перечислении альтернативных действий были использованы синонимы (разрушение и повреждение). В связи с этим полагаем, что в термин «повреждение» следует вкладывать значение «уничтожение», описанное в ст. 167 УК РФ, т. е. безвозвратную утрату предметом способности выполнять свои функции.

Как было отмечено, повреждение объекта жизнеобеспечения предполагает приведение его в частичную негодность, т. е. когда он в результате полученных повреждений не может быть использован по назначению, но в случае проведения ремонтно-восстановительных работ, требующих приложения сил и ресурсов, его полезные свойства могут быть восстановлены.

В качестве примера можно привести приговор Рыбинского городского суда Ярославской области, вынесенный по ч. 1 ст. 215.2 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ в отношении гр. Л. Судом установлено, что подсудимый в целях хищения имущества тайно проник в машинное помещение лифта, откуда похитил лифтовой блок, входящий в систему управления лифтом и предназначенный для контроля параметров его работы, а также трансформатор, входящий в систему управления лифтом и предназначенный для питания станции лифта электроэнергией, таким образом, повредил объект жилищного хозяйства — систему управления лифтом¹.

Приведение объекта жизнеобеспечения в негодное для эксплуатации состояние иным способом предполагает совершение субъектом любых действий (бездействий) в отношении объекта жизнеобеспечения, не являющихся напрямую разрушением или повреждением, в результате которых он приводится в негодное для эксплуатации состояние, повлекшее невозможность использования по назначению [5]. И. И. Бикеев связывает такие действия с сохранением объектом жизнеобес-

печения своей целостности и отсутствием (либо незначительностью) механических повреждений [6]. Указанные действия могут выражаться в устройстве препятствий в доступе к объекту жизнеобеспечения, например замусоривании воды водозаборного участка [7] и т. д. Не имеет значения для квалификации продолжительность времени, в течение которого объект жизнеобеспечения находился в таком состоянии, а также способ, которым объект приводится в негодное для эксплуатации состояние.

В качестве примера приведем приговор Старожиловского районного суда Рязанской области, вынесенный по п. «а» ч. 2 ст. 215.2 УК РФ в отношении гр. П. и Х. Судом установлено, что подсудимые в целях хищения с помощью топора и ножовки по металлу перерезали кабель связи, принадлежащий ПАО «Ростелеком», приведя таким образом в негодное для эксплуатации состояние объект электросвязи².

Отметим, что все описанные деяния предполагают приведение объекта жизнеобеспечения в негодное состояние, что еще раз подтверждает высказанный ранее тезис о том, что на момент совершения преступления он должен находиться в исправном и функционирующем состоянии.

Анализ правоприменительной практики показывает, что подавляющее большинство деяний, квалифицированных судами по ст. 215.2 УК РФ, были совершены в форме активных действий. Вместе с тем следует согласиться с мнением В. С. Ковригина о том, что данное преступление может совершаться в том числе путем бездействия, выраженного в неисполнении лицом, ответственным за поддержание объекта жизнеобеспечения в функционирующем состоянии, своих служебных обязанностей, повлекшего прекращение его работы [2].

Преступление следует считать оконченным с момента, когда объект жизнеобеспечения в результате противоправных действий утратил возможность использоваться по своему функциональному назначению. В случае если лицо совершило действия, направленные на приведение объекта жизнеобеспечения в негодное состояние, но не достигло своей цели по независящим от него обстоятельствам, такие действия следует квали-

¹ Приговор Рыбинского городского суда Ярославской области от 31 октября 2018 г. по делу № 1-385/2018 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

² Приговор Старожиловского районного суда Рязанской области от 31 мая 2019 г. по делу № 1-1/2019 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

фицировать как покушение на преступление, предусмотренное ст. 215.2 УК РФ.

Вина в совершении преступления, предусмотренного ст. 215.2 УК РФ, выражается в виде прямого умысла. Если деяние выражается в форме бездействия, то вина лица характеризуется осознанием обязанности совершать определенные действия, вытекающие из его служебного положения и нормативных актов, вероятности приведения объекта жизнеобеспечения в негодное состояние вследствие несовершения необходимых действий, а также наличия реальной возможности действовать в тех условиях.

Квалифицирующее значение имеет специальный мотив, указанный в диспозиции ч. 1 ст. 215.2 УК РФ, а именно корыстные или хулиганские побуждения.

Как отмечалось ранее, причиной введения рассматриваемой нормы в УК РФ послужили массовые случаи хищений металлических узлов и агрегатов с объектов жизнеобеспечения, приводившие к их повреждению и прекращению функционирования, в связи с чем данное преступление в большинстве случаев совершается именно с корыстным мотивом и напрямую сопряжено с хищением, о чем свидетельствуют приведенные ранее примеры. Несмотря на это корыстный мотив не ограничивается стремлением субъекта к получению прямой материальной выгоды (денег, имущества), но также может выражаться в иных формах. Так, имущественные комплексы, входящие в состав объектов жизнеобеспечения, могут выступать предметом конкурентной борьбы, и их повреждение является способом воспрепятствования деятельности для увеличения собственного присутствия на рынке. В качестве примера можно привести приговор Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре, вынесенный по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 215.2 УК РФ в отношении З., В. и П. Судом установлено, что подсудимый З., являясь директором организации ООО «Магистраль», осуществляющей строительство автомобильных дорог по муниципальным контрактам, решил устранить с рынка конкурирующую компанию — ООО «РУСТ». С этой целью он привлек подсудимых В. и П., которые по его просьбе осуществили розлив дизельного топлива на участках свежего асфальтного покрытия, выполненного ООО «РУСТ», что привело это покрытие в непригодное для использования состояние. При этом, как указал суд, гр. З при организации данных действий рассчитывал на последующее обогащение посредством беспрепятственного заключения контрактов с муниципальным

заказчиком, поскольку конкурент будет устранен — восстановление разрушенного дорожного полотна требует привлечения ООО «РУСТ» дополнительных собственных средств, приведет к потере деловой репутации и возможному банкротству предприятия¹.

Хулиганский мотив при совершении рассматриваемых преступлений в практике встречается исключительно редко, в сравнении с корыстным. В соответствии с позицией Верховного Суда Российской Федерации совершенными из хулиганских побуждений следует считать умышленные действия, которые совершены без повода либо с использованием незначительного повода². К совершению преступления лицо побуждает желание противопоставить себя обществу, самоутвердиться, проявить пренебрежение к сложившимся в обществе правилам и нормам поведения. Хулиганские действия обычно направлены на причинение вреда неопределенному кругу лиц. Примером может послужить приговор Ленинского районного суда Еврейской автономной области, вынесенный по п. «а» ч. 2 ст. 215.2 УК РФ в отношении Б. и Г. Судом установлено, что подсудимые, будучи в состоянии алкогольного опьянения, в общественном месте, выражая явное неуважение к обществу, из хулиганских побуждений, без повода куском шифера и доской с гвоздем проткнули водоналивной рукав дамбы, повредив таким образом объект жизнеобеспечения и приведя его в негодное для использования состояние³.

В случае если приведение в негодность объекта жизнеобеспечения произошло в процессе совершения лицом иных действий, грубо нарушающих общественный порядок, содержащих признаки хулиганства, такие действия следует квалифицировать по совокупности преступлений,

¹ Приговор Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре по делу № 1-455 от 30.04.2020, от 31.08.2020 № 1-59/2021 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

² О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

³ Приговор Ленинского районного суда Еврейской автономной области от 23 апреля 2020 г. по делу № 1-77/2020, от 23 ноября 2021 г. № 1-26/2022 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

предусмотренных ст. 215.2 и 213 УК РФ. В качестве примера приведем приговор Александровского районного суда Томской области, вынесенный по п. «а» ч. 1 ст. 213, ч. 1 ст. 215.2 УК РФ в отношении А. Судом установлено, что подсудимый, находясь в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения, произвел выстрел в направлении граждан, чем грубо нарушил общественный порядок и выразил явное неуважение к обществу, после чего с помощью ружья нанес несколько ударов по расположенному рядом с ним щиту электроуправления дизельгенераторной установки, приведя указанный объект энергетики в негодное для эксплуатации состояние¹.

Обратим внимание, что корыстные и хулиганские побуждения являются конкурирующими и взаимоисключающими мотивами. Иными словами, наличие в поведении лица одновременно двух указанных мотивов невозможно.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 215.2 УК РФ (за исключением п. «в» ч. 2), — общий, т. е. физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Часть 2 статьи 215.2 УК РФ содержит в качестве квалифицирующих признаков способ — приведение в негодность объектов жизнеобеспечения группой лиц по предварительному сговору, а также использование субъектом служебного положения.

Говоря о первом признаке, следует отметить, что общественно опасное деяние совершается путем совместных и согласованных действий двух и более лиц, договорившихся об этом заранее, до начала выполнения объективной стороны.

Субъектом в п. «в» ч. 2 выступает лицо, выполняющее организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции как в государственных и муниципальных организациях и учреждениях, так и в коммерческих компаниях. При этом для квалификации не достаточно лишь наличия служебного положения, необходимо, чтобы лицо фактически использовало какие-либо права, входящие в круг его служебных полномочий, для облегчения совершения преступления. В качестве примера приведем приговор, вынесенный Азовским городским судом Ростовской области по п. «в» ч. 2 ст. 215.2 УК РФ в отношении гр. Ш. Судом установлено, что подсудимый, являясь директором Управляющей организации ООО «УК Беловодье»,

дал указание подчиненным ему сотрудникам разрыть земельный участок, прилегающий к домовладениям потерпевших, а также отключить подачу холодной воды к домам. После чего по указанию гр. Ш. сотрудники его организации просверлили канализационные трубы, ведущие к домам потерпевших, и через образовавшиеся отверстия ввели в них монтажную пену, повредив таким образом систему водоотведения².

Часть 3 статьи 215.2 УК РФ предусматривает в качестве квалифицирующего признака наступление общественно опасных последствий в виде причинения смерти потерпевшему по неосторожности. Учитывая максимальный размер наказания, установленный данной нормой (до семи лет лишения свободы), она охватывает собой причинение смерти как одному, так и нескольким потерпевшим и дополнительной квалификации по ст. 109 УК РФ не требует. Вместе с тем смерть нескольких потерпевших должна находиться в причинно-следственной связи с одним деянием, связанным с приведением в негодность объектов жизнеобеспечения. Согласно данным судебной статистики за весь период действия рассматриваемой нормы, ни одного факта привлечения к уголовной ответственности по ч. 3 не было.

Преступление, предусмотренное ст. 215.2 УК РФ, следует отграничивать от смежных составов.

Наиболее близкой по содержанию является норма ст. 167 УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества». Как упоминалось ранее, ст. 215.2 УК РФ является специальной по отношению к ст. 167 УК РФ, главное отличие между ними следует проводить по признакам объекта. Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, являются общественные отношения, связанные с охраной собственности, а в ст. 215.2 УК РФ — общественная безопасность. Предметом общей нормы является любое имущество, а предметом рассматриваемого преступления — конкретные объекты жизнеобеспечения. Говоря о различиях в объективной стороне, следует отметить, что в ст. 167 УК РФ состав материальный, что предполагает в качестве обязательного признака наступление общественно опасных последствий — причинение значительного ущерба, для квалификации по ст. 215.2 УК РФ такой признак не требуется.

¹ Приговор Александровского районного суда Томской области от 23 января 2014 г. по делу № 1-2/14 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

² Приговор Азовского городского суда Ростовской области от 7 июня 2021 г. по делу № 1-37/2021 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

Как указывалось выше, преступление, предусмотренное ст. 215.2 УК РФ, является умышленным. В случае если лицо привело объект жизнеобеспечения в негодное состояние по неосторожности, такие действия, при наличии соответствующих признаков объективной стороны (способ — неосторожное обращение с огнем или иными источниками повышенной опасности), надлежит квалифицировать по ст. 168 УК РФ.

Другим смежным составом является террористический акт (ст. 205 УК РФ). Отграничение следует проводить по субъективной стороне преступления. Так, при совершении террористического акта возможно приведение в негодное состояние объектов жизнеобеспечения, однако целью указанных действий, согласно диспозиции ст. 205 УК РФ, должна выступать дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций, воздействие на принятие ими решений. При наличии такой цели повреждение объекта жизнеобеспечения охватывается составом преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, и дополнительной квалификации по ст. 215.2 УК РФ не требуется [8]. В качестве примера можно привести апелляционное определение Верховного суда Российской Федерации в отношении А., Г., З., Ф., Т., осужденных Приволжским окружным военным судом за совершение ряда террористических актов, в ходе одного из которых они посредством самодельного взрывного устройства повредили опору высоковольтной линии «Помары — Киндери» на территории Высокогорского района Республики Татарстан. Суд отметил, что указанные действия были совершены в целях дестабилизации социально-политической обстановки в стране и воздействия на политическое и военное руководство России к принятию решений о перераспределении военных и правоохранительных сил, принимающих участие в контртеррористической операции в Чеченской Республике и сопредельных регионах. В связи с этим данные действия были квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ¹. Аналогичным образом рассматриваемое преступление отграничивается от диверсии (ст. 281 УК РФ), которая предполагает в качестве цели подрыв экономической безопасности и (или) обороноспособности государства. В случае если

предметом диверсии стал объект жизнеобеспечения, такие действия полностью охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ, и не требуют дополнительной квалификации по ст. 215.2 УК РФ. В качестве примера приведем приговор Тюменского областного суда, вынесенный по пп. «а», «б» ч. 2 ст. 281 УК РФ в отношении гр. К. и Ю. Судом установлено, что подсудимые по заданию украинской разведки в целях нарушения перемещения воинских эшелонов совершили поджог релейного шкафа на перегоне «Утяшево — Тюмень»².

При отграничении от хулиганства следует обращать внимание на отсутствие в диспозиции ст. 213 УК РФ специальной цели — приведения объекта жизнеобеспечения в негодное состояние в целом, а не отдельных составных частей [9]. Вместе с тем, как отмечалось ранее, рассматриваемое преступление может совершаться в совокупности с хулиганством.

При отграничении рассматриваемого преступления от вандализма (ст. 214 УК РФ) следует учитывать степень негативного воздействия на предмет. Так, при вандализме происходит его осквернение, не приводящее в негодное для использования состояние. При совершении преступления, предусмотренного ст. 215.2 УК РФ, предмет полностью становится непригодным для использования [2]. В случае если объект жизнеобеспечения, находящийся в общественном месте, неправомерными действиями лица был приведен в непригодное состояние, а также на него были нанесены непристойные, оскорбительные или циничные надписи и рисунки, ухудшающие его эстетическое состояние, такие действия могут рассматриваться как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 214, 215.2 УК РФ.

В отдельных случаях объектом жизнеобеспечения может выступать нефтепровод, нефтепродуктопровод либо газопровод, ответственность за разрушение либо повреждение которого предусмотрена ч. 3 ст. 215.3 УК РФ. В данном случае конкуренция должна разрешаться в пользу ст. 215.3 УК РФ, так как она является более специальной по сравнению со ст. 215.2 УК РФ и предусматривает более строгую санкцию (до пяти лет лишения свободы).

¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2018 г. по делу № 203-АПУ 18-25 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

² Приговор Тюменского областного суда от 6 июня 2025 г. по делу № 2-4/2025 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. При квалификации преступления, предусмотренного ст. 215.2 УК РФ, определяющее значение имеет предмет преступного посягательства — объекты жизнеобеспечения, т. е. предприятия, организации или учреждения, деятельность которых направлена на решение вопросов первоочередного жизнеобеспечения населения, достаточного для сохранения жизни и поддержания здоровья людей. В то же время указанные объекты на момент совершения преступления должны находиться в исправном состоянии, и не имеет значения, функционировал объект на момент совершения преступления либо находился в законсервированном состоянии. Перечисленные в диспозиции нормы деяния объединены качественным

изменением предмета преступного посягательства из пригодного к эксплуатации состояния в непригодное. В связи с тем что большинство рассматриваемых преступлений совершаются в сочетании с хищениями (выступая либо как способ, либо как последствия противоправного изъятия имущества), такие действия следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 215.2 УК РФ, и соответствующей нормы гл. 21 УК РФ. От иных преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, а также основ конституционного строя и безопасности государства рассматриваемое преступление следует, прежде всего, отграничивать по признакам субъективной стороны.

1. Бикеев И. И. Некоторые вопросы квалификации приведения в негодность объектов жизнеобеспечения, нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов // Российская юстиция. 2008. № 2. С. 32—35.

2. Ковригин В. С. Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения: квалификация и дифференциация уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. 234 с.

3. Джангуразов М. А. Уничтожение или повреждение имущества как признаки состава преступления // Российский следователь. 2014. № 19. С. 31—35.

4. Мирончик А. С. Преступные уничтожение или повреждение чужого имущества: обоснованность криминализации, оптимизация законодательного описания, квалификация: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. 193 с.

5. Чернышев Д. Б. Преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2021. 230 с.

6. Бикеев И. И. Ответственность за преступления против общественной безопасности, связанные с незаконным обращением с материальными объектами повышенной опасности: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2008. 500 с.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. Москва: Проспект, 2021. 1349 с.

8. Борбат А. В. Квалификация террористического акта и его отличие от приведения в негодное объектов жизнеобеспечения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 59—61.

1. Bikeyev I. I. Some issues of qualification to make life-support facilities, oil pipelines, oil products and gas pipelines useless. Russian justice, 32—35, 2008. (In Russ.).

2. Covrigin V. S. Making life-support facilities useless: qualification and differentiation of criminal liability. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2024: 234. (In Russ.).

3. Dzhangurazov M. A. Destruction or damage of property as features of the body of the crime. Russian investigator, 31—35, 2014. (In Russ.).

4. Myronchik A. S. Criminal destruction or damage of foreign property: justification of criminalization, optimization of legislative description, qualification. Dissertation of candidate of juridical sciences. Krasnoyarsk; 2009: 193. (In Russ.).

5. Chernyshev D. B. Crime in the sphere of housing and communal services: criminal legal and criminological aspects. Dissertation of candidate of juridical sciences. Novosibirsk; 2021: 230. (In Russ.).

6. Bikeyev I. I. Responsibility for crimes against public safety related to the illegal handling of high-risk material objects: issues of theory and practice. Dissertation of doctor of juridical sciences. Kazan; 2008: 500. (In Russ.).

7. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical). Red. by A. I. Chuchayev. Moscow: Prospekt; 2021: 1349. (In Russ.).

8. Borbat A. V. Qualification of the terrorist act and its difference from making life-support facilities useless. Journal of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, 59—61, 2023. (In Russ.).

9. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рагоза, А. И. Чучаева. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Контракт: ИНФРА-М, 2008. 800 с.

Чернышев Дмитрий Борисович,
доцент кафедры уголовного права
Уральского юридического института
МВД России,
кандидат юридических наук;
Sledstvient404@mail.ru

9. Criminal law. Special part. Textbook. Red. by L. V. Inogamova-Hegai, A. I. Rarog, A. I. Chuchayev. The 2nd ed., cor. and add. Moscow: Contract: INFRA-M; 2008: 800. (In Russ.).

Chernyshev Dmitry Borisovich,
associate professor
at the department of criminal law
of the Ural Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
Sledstvient404@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.09.2025; одобрена после рецензирования 03.10.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 25.09.2025; approved after reviewing 03.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.139

**ПРОБЛЕМЫ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ**

Екатерина Сергеевна Азарова

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, aes2404@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие «судейское усмотрение» — недостаточно изученный элемент современной правовой культуры. Анализируются различия в подходах к определению и пониманию «судейского усмотрения» — важнейшего и в то же время «полулегального» уголовно-процессуального механизма. Автор выделяет ряд факторов, которые влияют на реализацию права на усмотрение судьями (другими субъектами процесса) в правоприменительной практике. Особое внимание уделяется роли судейского усмотрения в обеспечении справедливости и индивидуализации правосудия. Высказываются предложения относительно возможного законодательного закрепления понятия «судейское усмотрение» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Констатируется, что проблемам судебного усмотрения (как и праву на усмотрение иными субъектами процесса) в учебниках по уголовному процессу практически не уделяется внимания. Автор также рассматривает вопрос о праве на усмотрение иных субъектов уголовного процесса (дознавателя, следователя, прокурора, адвоката). Центральным практическим предложением является инициатива по законодательному закреплению дефиниции «усмотрение суда» путем дополнения ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации новым пунктом.

Ключевые слова: судейское усмотрение, правовая система, правоприменение, правовая культура, законодательство, справедливость, законность, ограничение усмотрения, злоупотребление правом, судебное решение, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, правосознание, индивидуализация правосудия, альтернативы в праве, судебное правотворчество

Для цитирования: Азарова Е. С. Проблемы судейского усмотрения в современной юридической доктрине // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 94—99.

**ISSUES OF JUDICIAL DISCRETION
IN ACTING LEGAL DOCTRINE**

Yekaterina Sergeyevna Azarova

Volgograd State University, Volgograd, Russia, aes2404@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the notion of "judicial discretion" which is not well-examined in present legal culture. The author analyzes the differences in approaches to define and to understand "judicial discretion" as the most important and at the same time "semi-legal" criminal procedure mechanism. The author presents a number of factors affecting the implementation of judges' (other members' of the procedure) right on the discretion in law enforcement practice. Particular focus is placed on the role of judicial discretion to ensure equity and individualization of justice. Proposals are made for the possible legislative fixation of the notion of "judicial discretion" in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It is pointed out that the aspects of judicial discretion (as well as the right to discretion by other members of the procedure) are hardly ever discussed in textbooks on criminal procedure. The author also considers the issue of the right to discrete by other subjects of criminal procedure (an interrogator, an investigator, a prosecutor, a barrister). The initiative to fix a definition of "judicial discretion" in a legal way by adding a new paragraph to the article 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is the main practical proposal.

Keywords: judicial discretion, legal system, law enforcement, legal culture, legislation, equity, legality, restriction of discretion, abuse of rights, judgment, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, legal consciousness, individualization of justice, law alternatives, judicial lawmaking

For citation: Azarova Ye. S. Issues of judicial discretion in acting legal doctrine. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 94—99, 2025. (In Russ.).

Автор — преподаватель учебной дисциплины «Уголовно-процессуальное право», в том числе проводит семинарские занятия со студентами, многие из которых уже занимаются практической деятельностью: работают дознавателями, следователями, помощниками прокуроров и адвокатов. Не будем скрывать очевидного: наиболее остро студенты-практики обсуждают проблемы, обусловленные существованием совершенно аморфного по своей структуре института «процессуальное усмотрение»: дознавателей, следователей и судей.

К сожалению, применительно к темам «Усмотрение в уголовном процессе» вообще и «Судейское усмотрение» в частности порекомендовать обучаемым какой-то определенный учебник по уголовному процессу нет никакой возможности, поскольку авторы этих книг данной темы стыдливо избегают.

Выход один — во-первых, анализировать с обучаемыми примеры из судебной практики, во-вторых, рекомендовать им прочтение смелых статей отдельных авторов.

Сложность современной правовой системы заключается не только в ее чрезмерной обширности [1, с. 27], но и в необходимости постоянного обновления и адаптации к быстро меняющимся социальным реалиям. Создание и утверждение новых правил поведения, способных сбалансировать интересы различных групп общества, — первостепенная задача правовой науки и практики. Особенно актуальной эта проблема становится в периоды кардинальных перемен в судопроизводстве, когда существующие нормы устаревают и возникает острая потребность в формировании новых регуляторов общественных отношений. В связи с этим повышение эффективности законодательской деятельности приобретает особое значение, поскольку именно законы являются фундаментом правовой системы и оказывают непосредственное влияние на все сферы жизни общества. Однако, несмотря на предпринимаемые законодателем усилия, многие законы оказываются неэффективными и требуют оперативной корректировки, что свидетельствует о необходимости поиска новых подходов к совершенствованию законодательного процесса.

Мы предлагаем рассмотреть вопрос о возможности применения судейского усмотрения уже в процессе законодательной деятельности и его потенциальном влиянии на качество принимаемых законов, с акцентом на специфике этого явления в контексте российского правотворчества.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о судейском усмотрении в законодательной деятельности, необходимо разграничить понятия «законодательный процесс», «правотворчество», «судейское усмотрение», «судебное (судейское) правотворчество».

Во-первых, законодательный процесс представляет собой более узкое понятие, охватывающее исключительно процесс разработки, принятия и вступления в силу законов [2, с. 190]. Правотворчество, напротив, охватывает более широкий спектр государственной деятельности, включая выработку, принятие или признание не только законов, но и иных нормативных правовых актов, таких как постановления правительства, приказы министерств и ведомств и т. д.

Во-вторых, законотворчество является исключительной компетенцией органов законодательной власти (правда, чисто теоретически), представленных на федеральном и региональном уровнях. В то же время другие органы государственной власти оказывают активное влияние на процесс принятия законов лишь в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020). Выработка же, одобрение или признание иных нормативных правовых актов может осуществляться другими органами государственной власти в пределах их компетенции [3, с. 116—128].

В-третьих, законодательный процесс — наиболее важное направление деятельности органов законодательной власти, в то время как выработка иных нормативных правовых актов осуществляется одновременно с другими функциями, возложенными на соответствующие органы.

В-четвертых, законы обладают высшей юридической силой и являются основой правовой системы государства, в то время как подзаконные нормативные правовые акты выступают производными от законов и принимаются для их конкретизации и исполнения.

Понятие «судейское усмотрение» (существует и категория — право на усмотрение иных участников процесса) — одно из наиболее дискуссионных в современной правовой науке и практике. В действующем законодательстве Российской Федерации отсутствует четкое определение данного понятия (его в принципе там быть не может), что создает определенные трудности при его применении. Судейское усмотрение, проявляющееся в Уголовно-процессуальном кодексе Российской

Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), может быть определено как аспект правоприменительной деятельности, в рамках которой судам предоставляется право действовать в соответствии со своим правосознанием.

Существуют различные (часто совершенно противоположные, а то и взаимоисключающие) точки зрения на сущность судейского усмотрения. Одни авторы, например председатель Верховного суда Израиля (1995—2006) Арон Барак (род. в 1936 г.), судейское усмотрение определяют как легитимное полномочие, предоставляемое лицу, обладающему судебной властью [4, с. 129], выбирать между несколькими законными альтернативами [5, с. 315].

Другие рассматривают его только как возможность реализации отдельных процессуальных решений [6, с. 117].

Третьи, например проф. Ю. В. Грачева, право судей на усмотрение в уголовном процессе решительно «зажимают в тисках» только применения отдельных норм уголовного права [7; 8]. Представляется, что ошибочность позиции проф. Ю. В. Грачевой обнаруживается уже в рамках анализа расширения, которое автором дается к понятию «усмотрение». Вчитаемся: «проблемы законотворчества, теории и практики». Считаем, что следовало бы писать «проблемы теории, законотворчества и практики». Мы исходим из того, что, по большому счету, первична теория, вторично законодательство, а что касается практики, то таковая в своей неумолимости уравнивает обе вышеназванные категории.

Подчеркнем, что в своих суждениях Ю. В. Грачева не одинока. Аналогичной точки зрения придерживаются, в частности, и Д. Н. Пархоменко [9, с. 78], К. В. Пронин [10, с. 21].

Некоторые соискатели ученых степеней (например, А. С. Игнатьев) в условиях «шаткости» доктрины «усмотрение», чтобы вывести себя из-под критики коллег, о судейском усмотрении пишут строго применительно к деятельности Конституционного Суда РФ [11, с. 127], которому, как известно, позволили (а может быть, и поручили) осуществить в уголовном процессе «тихую революцию» [12, с. 10].

Четвертая группа теоретиков в деле ограничения судейского усмотрения идет еще дальше: усмотрение они сужают, например, до права суда согласиться с согласием подсудимого с предъявленным ему обвинением [13, с. 264—270].

Начнем с того, что некоторые ученые-юристы (в частности, А. А. Никитин) в своих диссертаци-

онных исследованиях пытаются разрешить все проблемы судейского усмотрения исключительно в рамках общей теории права [14, с. 387]. Названный автор, в частности, возможность судейского усмотрения допускает только в рамках судебной правоприменительной деятельности (§ 4 гл. 3 диссертации), предлагая при этом не путать судейское усмотрение с прецедентом (§ 5 гл. 3 диссертации).

Примечательно, что в своих исследованиях большинство ученых практически полностью избегают анализа трудов процессуалистов в целом, специалистов в сфере уголовного процесса в частности. Отмечая степень разработанности темы, А. А. Никитин упоминает только представителей школ прошлых лет: М. С. Строговича (1894—1984) и И. Л. Петрухина (1926—2009), которые, как известно, если и не отрицали полностью возможность существования института «судейское усмотрение в уголовном судопроизводстве», то сужали его характеристики до неприличного минимума [14, с. 9].

В то же время А. А. Никитин все же рискнул дать определение судейскому усмотрению (положение, выносимое на защиту, № 12), он не скрывает, что таковое (судейское усмотрение) — плод «интеллектуально-практической волевой деятельности» судьи, и речь идет о «правотворчестве» (пусть и при определенных условиях). А. А. Никитин (а он, судя по всему, пишет об усмотрении «в мировом масштабе») признает за судами (в частности, Конституционным Судом РФ) также право на прецедент (!), который, правда, должен быть учтен законодателем, что вернет судейскую волю в привычное для россиян правовое поле. Как видим, данный автор «пытается усидеть сразу на двух стульях».

В современных условиях наиболее широко категорию «судейское усмотрение» трактует профессор Н. А. Колоколов, который в своих рассуждениях [15; 16], как правило, опирается на лозунг Б. Кардозо (1870—1938): «в целях достижения высшей справедливости» суды имеют возможность «варить адскую смесь из права и морали» [17, с. 10—13].

Особо примечателен тот факт, что Н. А. Колоколов честно называет вещи своими именами: оригинальные правовые позиции в его работах имеют ранг «засекреченных прецедентов» [18, с. 2—12].

Воззрения двух вышеназванных авторов получили свое развитие и в наших статьях, опублико-

ванных в журнале «Уголовное судопроизводство» [19; 20].

По нашему мнению, исходя из этимологии слова «усмотрение», означающего «заключение, мнение, решение, содержание которого субъект определяет самостоятельно», судебское усмотрение в праве следует рассматривать как решение, которое суд правомочен принимать по собственному убеждению и самостоятельно, в рамках, установленных законом.

Таким образом, судебное усмотрение предоставляет судьям возможность принимать индивидуальные решения в соответствии с законом и в целях обеспечения справедливости.

В связи с отсутствием четкого определения понятия «судейское усмотрение» в действующем законодательстве предлагается внести соответствующие изменения в УПК РФ. В частности, ст. 5 УПК РФ дополнить п. 63 следующего содержания: «Усмотрение суда — возможность судьи принимать решения на основе своего суждения и оценки обстоятельств дела, исходя из соответствия каждой альтернативы требованиям законности, разумности и справедливости».

Данное определение позволит устранить неопределенность в понимании и применении инсти-

тута судебного усмотрения, повысить предсказуемость судебных решений и укрепить доверие граждан к судебной системе.

Институт судебного усмотрения является неотъемлемым элементом современной правовой системы. Он позволяет учитывать индивидуальные особенности каждого конкретного дела, обеспечивать справедливость и гибко реагировать на изменяющиеся социальные реалии. Однако судебское усмотрение должно осуществляться в рамках закона, с соблюдением принципов разумности и соразмерности. Для предотвращения злоупотреблений необходимо четко регламентировать полномочия судей, обеспечить эффективный общественный контроль за деятельностью судебной системы и повышать профессиональную квалификацию судебных кадров. Законодательное закрепление понятия «судейское усмотрение», позволит, во-первых, легализовать данную разновидность процессуальной деятельности; во-вторых, устранить неопределенность в данной сфере и укрепить законность в правоприменительной практике.

Аналогичным образом предлагается закрепить в УПК РФ право на усмотрение дознавателя.

1. Зайцева Е. С. Пределы правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2024. 50 с.

2. Гук П. А. Судебное правоприменение в современной России: общетеоретический аспект и реалии практики. Пенза: Изд-во ПГУ, 2024. 198 с.

3. Актуальные проблемы очередного этапа судебной реформы: достижения, недостатки и перспективы: коллектив. междунар. моногр. / под ред. Т. К. Андреевой, В. В. Зайцева, О. В. Зайцева, Г. Д. Улетовой. Москва: Статут, 2024. 640 с.

4. Колоколов Н. А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. Москва: Юрист, 2010. 400 с.

5. Барак А. Судейское усмотрение. Москва: Норма, 1999. 376 с.

6. Максуров А. А. Актуальные проблемы судебного права. Москва: ИНФРА-М, 2024. 291 с.

7. Грачева Ю. В. Судейское усмотрение в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002. 32 с.

8. Грачева Ю. В. Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2011. 182 с.

1. Zaitseva Ye. S. Limits of the legal regulation. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Saint-Petersburg; 2024: 50. (In Russ.).

2. Guk P. A. Judicial law enforcement in modern Russia: general theoretical aspect and practice. Penza: Publishing house PSU; 2024: 198. (In Russ.).

3. Topical aspects of the further stage of judicial reform: achievements, disadvantages and perspectives. A collective international monograph. Red. by T. K. Andreyeva, V. V. Zaitsev, O. V. Zaitseva, G. D. Uletova. Moscow: Statut; 2024: 640. (In Russ.).

4. Kolokolov N. A. Judicial authority: from motto to understanding the reality. Moscow: Lawyer; 2010: 400. (In Russ.).

5. Barack A. Judicial discretion. Moscow: Norma; 1999: 376. (In Russ.).

6. Maksurov A. A. Topical aspects of judicial law. Moscow: INFRA-M; 2024: 291. (In Russ.).

7. Gracheva Yu. V. Judicial discretion in criminal law. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2002: 32. (In Russ.).

8. Gracheva Yu. V. Judicial discretion in the implementation of criminal law provisions: aspects of lawmaking, theory and practice. Abstract of

9. Пархоменко Д. Н. Усмотрение в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. 182 с.

10. Пронин К. В. Дискреционные полномочия суда в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. 25 с.

11. Игнатъев А. С. Усмотрение как правовая общетеоретическая категория и алгоритм его отраслевого анализа (на примере сферы судебного конституционного контроля): дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2015. 202 с.

12. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 10.

13. Машинникова Н. О. Усмотрение суда при рассмотрении уголовных дел при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2021. 301 с.

14. Никитин А. А. Правовое усмотрение: теория, практика, техника: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2021. 514 с.

15. Колоколов Н. А. Роль и место решений Конституционного Суда РФ в формировании конкретных судебных правовых позиций Верховного Суда РФ по отдельным вопросам // Конституционный судебный процесс: учебник / под науч. ред. Б. С. Эбзеева, Г. А. Гаджиева, Н. А. Колоколова; общ. ред. Л. Т. Чихладзе. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2025. С. 158—268.

16. Колоколов Н. А. Мздоимство, лихоимство: проблемы квалификации // Уголовное судопроизводство. 2025. № 2. С. 3—12.

17. Кардозо Б. Природа судебной деятельности. Москва: Статут, 2017. 112 с.

18. Колоколов Н. А. Засекреченный прецедент? Да нет, все-таки: «Дело Воробей» уже вылетело — не поймаешь! Анализируем образец смелого и исключительно принципиального судебного усмотрения — определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в отношении лица, поспешно осужденного за «хищение» автомобиля у своей сожительницы // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 2—12.

19. Азарова Е. С. К вопросу о принципиальности судебного усмотрения (анализ статьи Н. А. Колоколова «Засекреченный прецедент? Да нет, все-таки: „Дело Воробей“ уже вылетело — не поймаешь! Анализируем образец смелого и исключительно принципиального судебного усмотрения — определение Судебной коллегии

dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2011: 182. (In Russ.).

9. Parkhomenko D. N. Discretion in criminal law. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow, 2015: 182. (In Russ.).

10. Pronin K. V. Judicial discretion in criminal proceedings. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Chelyabinsk; 2010: 25. (In Russ.).

11. Ignatiyev A. S. Discretion as the legal general theoretical category and its algorithm of sectorial analysis (on the example of the sphere of judicial constitutional control). Dissertation of candidate of juridical sciences. Saint-Petersburg; 2015: 202. (In Russ.).

12. Bozhiyev V. P. The "Silent revolution" of the Constitutional Court in the criminal procedure of the Russian Federation. The Russian justice system, 10, 2000. (In Russ.).

13. Mashinnikova N. O. Judicial discretion in criminal cases with the consent of the accused with the charges presented. Dissertation of candidate of juridical sciences. Ulyanovsk; 2021: 301. (In Russ.).

14. Nikitin A. A. Legal discretion: theory, practice, technique. Dissertation of doctor of juridical sciences. Saratov; 2021: 514. (In Russ.).

15. Kolokolov N. A. Role and value of judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation to form specific legal judgments of the Supreme Court of the Russian Federation on individual issues. Constitutional judicial process. Textbook. Sci. red. B. S. Ebzeyeva, G. A. Gadzhiev, N. A. Kolokolov; gen. ed. by L. T. Chikhladze. 5th ed., rev. and add. Moscow: UNITI-DANA; 2025: 158—268. (In Russ.).

16. Kolokolov N. A. Bribery, extortion: qualification problems. Criminal proceedings, 3—12, 2025. (In Russ.).

17. Kardozo B. Essence of Judging. Moscow: Statut; 2017: 112. (In Russ.).

18. Kolokolov N. A. Is it a secret precedent? No, after all: "Vorobey case" has already flown out — you won't catch it! We analyze an example of bold and exceptionally conceptual judicial discretion, that is, the ruling of the Criminal Division of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the person to be hastily convicted for a car "heft" from his girl-friend. Criminal proceedings, 17—22, 2024. (In Russ.).

20. Azarova Ye. S. Further examination of judicial discretion in criminal proceedings: from the analysis of court judgments of precedent signifi-

по уголовным делам Верховного Суда РФ в отношении лица, поспешно осужденного за „хищение автомобиля у своей сожительницы“) // Уголовное судопроизводство. 2024. № 4. С. 17—22.

20. Азарова Е. С. Еще раз к вопросу о судебском усмотрении в уголовном судопроизводстве: от анализа судебных решений, имеющих прецедентное значение, к критике воззрений отдельных авторов // Уголовное судопроизводство. 2025. № 2. С. 20—24.

Азарова Екатерина Сергеевна,

доцент кафедры
уголовного права и процесса
Волгоградского
государственного университета,
кандидат юридических наук;
aes2404@yandex.ru

cance to criticism of the attitudes of certain authors. Criminal proceedings, 20—24, 2025. (In Russ.).

Azarova Yekaterina Sergeyevna,

associate professor at the department
of criminal law and procedure
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences;
aes2404@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 29.08.2025; одобрена после рецензирования 07.09.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 29.08.2025; approved after reviewing 07.09.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.12

**ПРОИЗВОДСТВО ПО ГРАЖДАНСКОМУ ИСКУ
В РАМКАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ**

Мадина Таукеновна Аширбекова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, madina.55@mail.ru

Аннотация. В статье подчеркивается безусловная важность своевременного и полного удовлетворения имущественных интересов лиц, потерпевших от преступления. Защита имущественных интересов потерпевших, включая компенсацию морального вреда, вытекает из назначения уголовного судопроизводства и, соответственно, в стадии предварительного расследования должна выражаться как одно из направлений процессуальной деятельности следователя и дознавателя. Поскольку одним из способов защиты имущественных интересов потерпевших от преступлений является гражданский иск, отмечается, что прямого требования, обращенного к субъектам должностного обвинения, разъяснять заинтересованным лицам их право на заявление гражданского иска, подлежащего рассмотрению в суде одновременно с уголовным делом, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит. Однако именно с разъяснения этого права потерпевших начинается реализация защиты имущественных интересов лиц, которым преступлением причинен тот или иной вид ущерба. В связи с этим предлагается дополнить ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации положением, предусматривающим, что потерпевшему должно разъясняться его право на заявление гражданского иска, оказывать содействие в составлении искового заявления, в том числе даваться необходимые пояснения относительно предмета и основания иска с обращением внимания на имеющиеся в деле доказательства, способные подтвердить обоснованность имущественных притязаний потерпевших и гражданских истцов. Учитывая, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем профильном постановлении применительно к отмеченным отношениям использует термин «производство по гражданскому иску», а также то, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации все же содержит определенную нормативную основу для заявления и разрешения гражданского иска в уголовном процессе, предлагается рассматривать производство по гражданскому иску как относительно обособленный вид процессуального производства в рамках процессуальной деятельности по осуществлению предварительного расследования.

Ключевые слова: потерпевший, гражданский иск, гражданский истец, наложение ареста на имущество, имущественные интересы

Для цитирования: Аширбекова М. Т. Производство по гражданскому иску в рамках предварительного расследования: некоторые проблемные аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 100—107.

**CIVIL CLAIM PROCEEDINGS
WHILE CONDUCTING PRELIMINARY INVESTIGATION:
SOME ISSUES**

Madina Taukenovna Ashirbekova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, madina.55@mail.ru

Abstract. The author of the given article points out absolute importance of timely and full satisfaction of the property interests of the crime victims. Protecting the property interests of the crime victims including compensation for moral damages results in imposing the criminal proceedings and, accordingly, it should be a focus of the investigator and interrogator's procedural activities while conducting preliminary investigation. Civil claims are

said to be one of the means of protecting the property interests of the crime victims. The author of the article notes that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not directly require prosecutors to explain their rights to the parties involved to file a civil claim that must be tried with a criminal case simultaneously. However, it is explaining this right to the crime victims that begins protecting the property interests of those who have suffered from damages of any kind. In this regard, the author of the given article offers to supplement Article 42 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with a provision stipulating that a crime victim should be informed of their right to file a civil claim and be assisted in making a claim statement. A crime victim should be given necessary explanations related to the subject matter and basis of the claim paying attention to the evidence available in the case that can support the validity of the property claims of the victims and civil complainants. The author of the article also offers to consider civil claim proceedings as a relatively specific type of procedural proceeding, while conducting the preliminary investigation, taking into account that:

— the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in its specialized resolution uses the term "civil claim proceedings" regarding the mentioned relations;

— the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does contain a specific regulatory basis for filing and solving a civil claim in the criminal proceedings.

Keywords: a victim, a civil claim, a civil complainant, seizing one's property, property interests

For citation: Ashirbekova M. T. Civil claim proceedings while conducting preliminary investigation: some issues. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 100—107, 2025. (In Russ.).

Нет сомнений, что к острым вопросам, возникающим в связи с производством по уголовному делу, относится не только установление оснований для уголовной ответственности лица за совершение того или иного преступления, но и определение оснований для его гражданско-правовой ответственности за ущерб, причиненный преступлением. Собственно, это вытекает из назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)), включающего при этом в первую очередь защиту прав и законных интересов лиц (физических и юридических), потерпевших от преступления (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Понятно, что ущерб (вред) может быть физический, моральный и имущественный, но во всех этих случаях потерпевшие ожидают возмещения, потому они и наделяются соответствующими процессуальными правами, участвуя в доказывании вида и размера ущерба (ч. 2 ст. 42, ст. 44 УПК РФ).

Надо отметить, что вопросы возмещения ущерба, причиненного потерпевшим преступлением, наиболее критичные, побуждающие к поиску оптимальных решений, поскольку заявленное в ст. 6 УПК РФ предназначение в этой части достигается не без сложностей. Так, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2024 г. было установлено, что ущерб, причиненный преступлениями, составил 628 млрд руб., а обеспечить его возмещение удалось на 346 млрд руб., т. е. на 55 %¹.

¹ Состояние надзора за следствием, дознанием и оперативно-разыскной деятельностью: секционное

О проблемах возмещения вреда потерпевшим говорится также в докладе о результатах деятельности за 2024 г. Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москальковой, где отмечается, что «потерпевшие жалуются на отказы обвиняемых в возмещении ущерба по разным причинам, а также на непринятие органами следствия и дознания мер по возмещению материального ущерба. Также они обращают внимание, что зачастую вопросы возмещения вреда разрешаются не в рамках уголовного процесса, а в порядке гражданского судопроизводства, что создает дополнительные трудности участия потерпевшего в процессах, а также их длительности»².

Нет сомнения, что основной формой удовлетворения имущественных интересов потерпевших является разрешение гражданского иска, заявляемого ими в рамках производства по уголовному делу. Казалось бы, что тут нет проблем, поскольку при установлении деликтных отношений ясно, что совершенно правомерно требовать возмещения причиненного ущерба и взыскивать его с лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, или же с лиц, несущих за них гражданско-правовую ответственность. При этом нормы УПК РФ вкупе с нормами Гражданского кодекса Российской Федера-

совещание 21 марта 2025 г. в Генеральной прокуратуре России. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/massmedia/news?item=101547915&ysclid=mgcomnzi9s238010810> (дата обращения: 17.07.2025).

² Москалькова Т. Н. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 г. // Рос. газ. 2025. 26 фев.

ции от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (далее — ГК РФ) в целом обеспечивают реализацию права потерпевших и гражданских истцов на удовлетворение их имущественных интересов. Тем не менее, как указано выше, проблемы все же есть и их часто отмечают ученые в своих исследованиях в аспекте регламентации порядка заявления и разрешения гражданского иска в уголовном процессе [1—3].

Имея в виду высказанные в науке уголовно-процессуального права суждения ученых по этому вопросу, стоит, полагаем, обратить внимание на два аспекта, связанных с гражданским иском в уголовном процессе: теоретический и правовой, которые, конечно, взаимосвязаны.

В теоретическом аспекте интерес представляет один из терминов, использованных в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», а именно понятие «производство по гражданскому иску»¹. Конечно, для судебных стадий рассмотрения уголовного дела тут удивительного ничего нет, да и сам термин — «природный» для гражданского процесса, по правилам которого гражданский иск, собственно, должен рассматриваться и разрешаться судом одновременно с самим уголовным делом, хотя и не во всех случаях, поскольку иск может быть оставлен без рассмотрения и передан для разрешения другому суду в порядке гражданского судопроизводства. Но для досудебного производства по уголовному делу данный термин — «производство по гражданскому иску» — представляет, как думается, интерес в плане постановки вопроса о некотором обособлении процессуального порядка, связанного как с самим заявлением гражданского иска, так и с его обеспечением.

Иначе говоря, использование Верховным Судом Российской Федерации понятия «производство по гражданскому иску» интересно в теоретическом аспекте тем, что в нем просматривается понимание процессуальной деятельности, связанной с заявлением гражданского иска в ходе предварительного расследования, как некоего обособленного правоприменительного цикла, результаты которого сами по себе не отражаются на выводах предварительного расследования, выражаемых в итоговых процессуальных актах последнего (по-

становление о прекращении уголовного дела, если его основания не требуют возмещения вреда; обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления). Наоборот: результаты доказывания обстоятельств вмененного лицу преступления, установление вида и размера причиненного им ущерба прямо влияют на предмет и основания гражданского иска в уголовном процессе. Потому уместен вопрос: а есть ли нормативная основа для того, чтобы можно было предполагать, что в рамках предварительного расследования возможно выделение «анклавом» производства по гражданскому иску? Собственно, это выводит на второй проблемный аспект — нормативное регулирование такого производства.

УПК РФ не содержит понятия гражданского иска в уголовном процессе, как это было в ст. 29 УПК РСФСР, несмотря на то что при этом не было норм относительно предмета и оснований иска, а самое главное, не был конкретизирован сам порядок его заявления на стадии предварительного расследования. Тем не менее положения ст. 29 УПК РСФСР были базовыми и в идеале могли бы дополниться иными конкретизирующими нормами. Что касается действующего УПК РФ, то он не содержит согласованных предписаний о том, что следователь или дознаватель должны разъяснять потерпевшему его право на заявление гражданского иска именно в рамках производства по уголовному делу. Так, с одной стороны, положения ч. 3 ст. 42 УПК РФ содержат требование разъяснять потерпевшему его право на возмещение причиненного ему ущерба, но каким именно способом это достигается в ходе производства по уголовному делу, названная норма не указывает. С другой стороны, ч. 4 ст. 213 УПК РФ содержит более конкретное положение о том, что следователь и дознаватель, прекращая уголовное дело (уголовное преследование), обязаны разъяснить потерпевшему, что он вправе заявить гражданский иск, но в порядке гражданского судопроизводства. О разрешении гражданского иска как средства возмещения вреда, причиненного преступлением, говорится и в ч. 4 ст. 42 УПК РФ, но применительно к компенсации морального вреда и также в порядке гражданского судопроизводства. Понятно, что законодательный прием выделения случаев для рассмотрения таких гражданских исков в порядке гражданского судопроизводства обусловлен межотраслевой природой института гражданского иска в уголовном процессе.

В то же время нельзя не признать, что положения чч. 1—3 ст. 44 УПК РФ дают нормативную ос-

¹ О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. // Рос. газ. 2020. 10 окт.

нову для разрешения гражданского иска именно в уголовном процессе. В этих нормах определяется, что наделение лица статусом гражданского истца связано с актом заявления лицом собственно гражданского иска, что возможно в определенный процессуальный период, т. е. после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия в судебном разбирательстве по этому делу в суде первой инстанции (ч. 2 ст. 44 УПК РФ). Думается, можно утверждать, что указание в законе на данный период — темпоральный признак, который определенным образом обособляет производство по гражданскому иску в общем «поток» производства по уголовному делу.

Однако указанный период не всегда побуждает потерпевших проявлять активность по заявлению гражданского иска именно в досудебном производстве по уголовному делу. Потерпевшие, часто не прибегающие к услугам профессиональных юристов в качестве своих представителей, полагают, что рассмотрение гражданского иска может происходить автоматически в судебном разбирательстве по уголовному делу в суде первой инстанции. Видимо, логика у них такая: если есть право на возмещение ущерба, причиненного им преступлением, то оно должно быть обеспечено, соответственно, следователем и дознавателем. Словом, ч. 3 ст. 42 УПК РФ, базово определяющая права потерпевшего, в том числе на возмещение ущерба, прямо не говорит, что такое возмещение достигается посредством гражданского иска, заявляемого в уголовном процессе. Возможно, это потому, что гражданский иск — не единственный способ возмещения ущерба: есть еще добровольное возмещение ущерба обвиняемым, если он сам выразит на это волеизъявление.

Установление довольно протяженного периода для заявления гражданского иска, как думается, не обязывает следователя и дознавателя срочно решать вопрос с принятием гражданского иска от заинтересованного лица, поскольку есть определенный запас времени и процессуальных возможностей в последующей стадии судебного разбирательства. Кроме того, как отмечалось выше, всегда есть альтернатива: если гражданский иск не будет рассмотрен в рамках основного производства по уголовному делу, то он может быть заявлен в порядке гражданского судопроизводства. В последнем случае мы получаем ситуацию, когда судьи в гражданском процессе, изрядно отягощенные собственными делами (известно, что у них довольно существенная нагрузка), вынуждены разбираться в обстоятельствах, позволяющих де-

лать выводы об основаниях возмещения того или иного вреда, причиненного лицу преступлением. Помимо этого, есть и перспектива того, что суд, рассматривающий уголовное дело, при отсутствии в нем гражданского иска должен, как указано в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г., разъяснить «потерпевшему право на обращение с гражданским иском, независимо от того, разъяснялось ли ему такое право органами предварительного расследования»¹.

Таким образом, установив вид и размер ущерба, причиненного преступлением лицу, обоснованно признавая такое лицо потерпевшим, следователь и дознаватель вполне могут не разъяснять ему право на подачу гражданского иска, поскольку, как уже отмечено выше, в законе нет прямого требования на этот счет. Конечно, можно исходить из положений ч. 1 ст. 11 УПК РФ, которая обращает к публичным субъектам требование разъяснять процессуальные права всем участникам процесса из числа частных лиц. Но это положение в ч. 1 ст. 11 УПК РФ выражено, что называется, «общим планом», хотя основания и порядок возмещения лицу вреда, связанного с нарушением его прав и свобод, допущенного судом и субъектами должностного обвинения, в названной статье выделяются, т. е. предусматриваются, пусть и с отсылкой на иные нормы, которые, впрочем, бланкетным образом не указаны (ч. 4 ст. 11 УПК РФ). Тем не менее в этих положениях есть нацеленность на возможное обращение заинтересованного лица с гражданским иском, но только в случае причинения ему имущественного ущерба и морального вреда действиями публичных субъектов уголовного процесса. Безусловно, в этой ситуации причиненный лицу имущественный ущерб и моральный вред иного «происхождения», потому в досудебном производстве такое лицо не признается гражданским истцом, а его имущественные требования разрешаются в порядке норм гл. 18 УПК РФ, как в случае, если такое лицо было реабилитировано, так и в случае, когда ущерб со стороны публичных субъектов причинен иному лицу, т. е. не наделенному правом на реабилитацию.

Возвращаясь к вопросу о заявлении гражданского иска в ходе досудебного производства в целях возмещения ущерба, причиненного действиями обвиняемого, заметим, что для потерпевших

¹ О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г.

подготовить гражданский иск без юридической помощи в большинстве случаев затруднительно. Нелегко это и для следователей, и для дознавателей, стремящихся в первую очередь завершить в установленные сроки производство по уголовному делу с составлением, соответственно, обвинительного заключения, обвинительного акта и обвинительного постановления. В этом и кроется причина того, что суды в гражданской юрисдикции вынуждены рассматривать гражданский иск, основания которого органично связаны с обстоятельствами преступления, и это при том, что преюдициальное значение имеют только приговоры, постановленные в общем порядке судебного разбирательства, а приговоры, постановленные в особом (сокращенном) порядке, а также постановления следователя, дознавателя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), соответственно, преюдициальной силой не обладают. Хотя относительно приговоров, постановленных в особом (сокращенном) порядке, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. указывается, что таковой порядок «не освобождает суд от обязанности исследовать вопросы, касающиеся гражданского иска, принять по нему решение. В частности, суд при постановлении обвинительного приговора вправе удовлетворить гражданский иск, если его требования вытекают из обвинения, с которым согласился обвиняемый, и не имеется препятствий для разрешения его судом по существу»¹. Заметим, что вывод следователя или дознавателя о причинении потерпевшему вреда должен вытекать из вмененного лицу обвинения, подтверждаться доказательствами, а также сопровождаться указанием конкретного вида вреда, что особенно важно, если есть основания утверждать, что по обстоятельствам дела физическому лицу причинены имущественный и моральный вред, а юридическому лицу — имущественный и репутационный. «Исковые требования о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда в уголовном процессе имеют различные правовые основания для их удовлетворения, порядок доказывания их размера и в последующем исполнения приговора в этой части» [4, с. 211].

На данное обстоятельство обратила внимание судебная коллегия Московского областного суда, отменив приговор суда первой инстанции в части

возмещения юридическому лицу имущественного ущерба в размере 2 597 273 000 руб., потерпевшему имущественного ущерба в размере 10 000 000, компенсации морального вреда потерпевшему в размере 5 000 000 руб. Ясно, что при такой картине ущерба потерпевшие жаждали не столько назначения сурового наказания осужденным, сколько собственно возмещения всех названных видов вреда². Однако в данном случае, как отметил суд, исковые требования заявлялись без учета разграничения видов вреда, в частности репутационного вреда для юридического лица, подлежащего удовлетворению разными гражданскими ответчиками из числа лиц, осужденных приговором суда первой инстанции. Данный пример из судебной практики показывает, насколько в целом может быть непростая ситуация с определением предмета и основания гражданского иска в уголовном процессе.

В связи с этим полагаем, что целесообразно дополнить ст. 42 УПК РФ новой частью 3.1, предусматривающей, что потерпевшему разъясняется его право на заявление гражданского иска, даются необходимые пояснения относительно предмета и основания иска, в том числе с обращением внимания на имеющиеся в деле доказательства, способные подтверждать обоснованность имущественных притязаний потерпевших и гражданских истцов. Кроме того, думается, что одновременно с этим потерпевшему могли бы вручаться бланки-образцы гражданского иска по наиболее распространенным ситуациям (кражи, мошенничество, компенсация морального вреда, возмещение расходов на лечение). Это вполне возможно, поскольку в ч. 2 ст. 474 УПК РФ (разд. 19 «Использование в уголовном судопроизводстве электронных документов и бланков процессуальных документов») содержится положение о возможности использования бланков процессуальных документов, изготовленных типографским или электронным способом.

В круг действий по производству по гражданскому иску в досудебном производстве входят действия следователя и дознавателя и по принятию мер к обеспечению гражданского иска или возможной конфискации имущества в качестве иной меры уголовно-правового характера (ст. 160.1 УПК РФ). Значимость положений ст. 160.1 УПК РФ в свете обеспечения имущественных интересов

¹ О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г.

² Определение судебной коллегии Московского областного суда от 25 апреля 2024 г. по делу № 22-2671/2024. URL: <https://sudf.cntd.ru/document/1305972210> (дата обращения: 10.05.2025).

лиц, потерпевших от преступления, бесспорна. Конечно, гражданский истец вправе требовать применения данной меры процессуального принуждения, заявляя соответствующее ходатайство согласно общим положениям п. 4 ч. 4 ст. 44 УПК РФ. Тем не менее если уж вести речь о производстве по гражданскому иску, то следует согласиться с предложением Ж. В. Самойловой о конкретизации и дополнении положений ч. 4 ст. 44 УПК РФ указанием на то, что гражданский истец вправе «заявлять ходатайства о принятии мер по обеспечению гражданского иска» [5, с. 304].

Реализуемые гражданским истцом действия по заявлению такого ходатайства и собственно действия следователя или дознавателя по разрешению этого ходатайства с наложением ареста на имущество гражданского ответчика, продлению срока такого ареста могли бы пониматься как элементы (действия и решения), наполняющие производство по гражданскому иску (ст. 115, 115.1, 116 УПК РФ).

Можно отметить, что подобные элементы производства по гражданскому иску отражены в совместном приказе Генпрокуратуры России и профильных министерств и ведомств от 29 марта 2016 г. № 182/189/153/243/33/129/800/220/105 «О порядке взаимодействия правоохранительных органов и иных государственных органов на досудебной стадии уголовного судопроизводства в сфере возмещения ущерба, причиненного государству преступлениями»¹ (далее — Приказ). Не излагая все содержание данного Приказа, нацеленного на защиту имущественных интересов государства, заметим, что в нем, кроме прочего, субъектам, ведущим предварительное расследование, предписывается «при наличии оснований незамедлительно извещать соответствующий государственный орган, орган местного самоуправления о возможности предъявления гражданского иска» (п. 1.1), в случае же непредъявления ими гражданского иска письменно уведомлять надзирающего проку-

рора «о характере и предполагаемом размере причиненного вреда для решения вопроса о предъявлении иска» (п. 1.4)². Кроме этого, п. 2.2 названного Приказа предписывает надзирающим прокурорам при «принятии решения в соответствии со статьями 221, 226 и 226.8 УПК РФ при наличии оснований, предусмотренных частью 3 статьи 44 УПК РФ, в обязательном порядке рассматривать вопрос о возможности предъявления гражданского иска в уголовном деле», а п. 2.3 указывает «направлять в следственный орган и орган дознания исковое заявление для приобщения его к материалам уголовного дела либо информировать следственный орган и орган дознания о необходимости представления дополнительных материалов»³.

Как видим, положения приведенного Приказа определенным образом конкретизируют имеющиеся в УПК РФ нормы о порядке заявления гражданского иска на предварительном расследовании, правда, если это касается ущерба, причиненного государству.

Однако защита имущественных интересов физических и юридических лиц возведена в УПК РФ на уровень принципа. В этом аспекте, думается, полезен опыт регулирования отношений, связанных с заявлением гражданского иска в уголовном процессе, представленный в УПК Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3.

УПК Республики Беларусь содержит гл. 17, названную «Гражданский иск в уголовном процессе»⁴. Ряд статей данной главы содержат регулирование отмеченных нами выше ситуаций с заявлением гражданского иска. К примеру, в ней устанавливается правило, что орган уголовного преследования разъясняет заинтересованным лицам «право предъявить гражданский иск, о чем составляется протокол или делается письменное уведомление» (ч. 2 ст. 150 УПК Республики Беларусь)⁵. Видится и публичное начало в порядке заявления гражданского иска, что выражается в том, что «если гражданский иск остался непредъявленным, суд при постановлении приговора вправе по собственной инициативе разрешить вопрос о возме-

¹ О порядке взаимодействия правоохранительных органов и иных государственных органов на досудебной стадии уголовного судопроизводства в сфере возмещения ущерба, причиненного государству преступлениями: приказ Генеральной прокуратуры № 182, МВД России № 189, МЧС России № 153, ФСБ России № 243, СК России № 33, ФСКН России № 129, ФТС № 800, ФСПП России № 220, Росфинмониторинга № 105 от 29 марта 2016 г. // Юридическая информационная система «Легалакт». URL: [xhttps://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-n-182-mvd-rossii-n-189](https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-n-182-mvd-rossii-n-189) (дата обращения: 10.04.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (с изм. и доп. по сост. на 17.02.2025) // Система «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 17.07.2025).

⁵ Там же.

нии вреда, причиненного преступлением» (ч. 8 ст. 149 УПК Республики Беларусь)¹.

Иными словами, ведем мысль к тому, чтобы в УПК РФ также сформировать блок нормативных положений, более детально регулирующих действия публичных субъектов и потерпевших в связи с заявлением гражданского иска, с его обеспечением, не говоря уже о должном уровне разъяснения потерпевшему права на заявление гражданского иска и содействия в этом. Подчеркнем, что отсутствие системности в расположении норм, регулирующих отношения, связанные с гражданским иском в уголовном процессе, стало отмечаться как погрешность юридической техники едва ли не во всех суждениях ученых [2, с. 128; 6].

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что есть предпосылки для введения в научный оборот понятия «производство по гражданскому иску в уголовном процессе», под которым должна пониматься *система реализуемых следователем и дознавателем в ходе досудебного производства процессуальных действий по разъяснению потерпевшему права на заявление гражданского иска, содействию потерпевшему в составлении искового заявления с учетом установленного вида и размера причиненного ему вреда преступ-*

лением, принятию решения о наделении лица процессуальным статусом гражданского истца, а также реализации мер по обеспечению гражданского иска.

Иными словами, речь идет о наполнении этого производства действиями и решениями как частных, так и публичных субъектов на основе соответствующих норм, конкретизирующих порядок разъяснения лицам, чьим интересам был причинен ущерб преступлением, права на заявление гражданского иска, фиксацию этого разъяснения в протоколе по белорусскому образцу, оказания содействия потерпевшему, участвующему без представителя-юриста, в составлении искового заявления посредством представления необходимых бланков-образцов. Безусловно, действующие нормы УПК РФ, касающиеся обеспечения гражданского иска (ст. 115, 115.1, 116, 160.1 УПК РФ), уже формируют правовую базу для производства по гражданскому иску как направления деятельности на стадии предварительного расследования. Данные нормы с учетом отмеченных выше конкретизирующих нормативных положений могли бы быть обособлены в отдельной главе УПК РФ с названием «Гражданский иск в уголовном деле».

1. Зайцев О. А., Потапов В. Д. Гражданский иск как правовое средство защиты прав и законных интересов личности на современном этапе развития уголовно-процессуальных отношений // Мониторинг правоприменения. 2020. № 4 (37). С. 33—37.

2. Корнелюк О. В., Лифанова М. В. Актуальные вопросы гражданского иска в уголовном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 10-3 (97). С. 127—129.

3. Осипова Н. В. Эволюция института гражданского иска в уголовном процессе — все еще только начинается // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2024. С. 223—229.

1. Zaytsev O. A., Potapov V. D. Civil claim as a legal means of protecting the rights and legitimate interests of an individual at the present stage of development of the criminal-procedural relations. *Monitoring law enforcement*, 33—37, 2020. (In Russ.).

2. Kornelyuk O. V., Lifanova M. V. Topical issues of civil claims in the criminal proceedings. *International journal of humanitarian and natural science*, 127—129, 2024. (In Russ.).

3. Osipova N. V. Evolution of the institution of civil claims in the criminal proceedings — everything is just beginning. In: *Topical problems of the criminal procedure: ways to solve. Collection of the materials of the V International sci. and practical conference. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 223—229, 2024. (In Russ.).

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (с изм. и доп. по сост. на 17.02.2025) // Система «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 17.07.2025).

4. Харитонов С. С., Шарапов С. Н. Гражданский иск в уголовном процессе: обращение к военно-судебной практике // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 209—213.

5. Самойлова Ж. В. О структуре гражданского иска в российском уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2023. № 3 (178). С. 303—304.

6. Сойникова М. В. Гражданский иск в уголовном процессе: история, современность, перспективы // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 10. С. 60—64.

Аширбекова Мадина Таукеновна,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
профессор кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии,
доктор юридических наук, доцент;
madina.55@mail.ru

4. Kharitonov S. S., Sharapov S. N. Civil claim in the criminal proceedings: an appeal to military judicial practice. Military law, 209—213, 2023. (In Russ.).

5. Samoylova Zh. V. On structure of a civil claim in the Russian criminal proceedings. Eurasian law journal, 303—304, 2023. (In Russ.).

6. Soynikova M. V. Civil claim in the criminal proceedings: history, modernity, prospects. Arbitration and civil procedure, 60—64, 2017. (In Russ.).

Ashirbekova Madina Taukenovna,

professor at the department
of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the internal bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
professor at the department
of criminal procedure
of the Saratov State Law Academy,
doctor of juridical sciences, docent;
madina.55@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.09.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 25.09.2025; approved after reviewing 06.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.34

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫЕ АСПЕКТЫ
ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 210.1
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ
В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ»**

Александр Петрович Божченко*, **Роман Георгиевич Ардашев****, **Николай Николаевич Китаев*****

* Военно-медицинская академия, Санкт-Петербург, Россия, bozhchenko@mail.ru

** Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, ardashevr@yandex.ru

*** Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия, valentusis@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу судебной практики по уголовным делам о совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии» Уголовного кодекса Российской Федерации. Установлено, что в последние годы стало расти число осужденных по данной статье, в связи с этим уменьшилось количество оправдательных приговоров. При повторном рассмотрении дел по апелляционным и кассационным жалобам судебное решение предыдущей инстанции, как правило, оставалось без изменения. Основные проблемы правоприменения ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации связаны с тем, что она не конкретизирует термины «высшее положение» и «преступная иерархия», не определяет момент окончания преступления, а также имеются трудности единообразного понимания, толкования и применения этой нормы. Постепенная адаптация приводит к сглаживанию юридических дефектов состава, однако этот процесс не способен решить все проблемные вопросы. Практическую ценность в этом могут иметь разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам данной категории.

Ключевые слова: вор в законе; квалификация преступления; организованная преступность; преступная иерархия; субъект преступления, предусмотренного ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации

Для цитирования: Божченко А. П., Ардашев Р. Г., Китаев Н. Н. Уголовно-процессуальные и оперативно-разыскные аспекты применения статьи 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Занятие высшего положения в преступной иерархии» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 108—119.

**CRIMINAL-PROCEDURAL AND DETECTIVE ASPECTS
RELATED TO APPLYING ARTICLE 210.1
"OCCUPYING THE TOP POSITION
IN THE CRIMINAL HIERARCHY"
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Alexander Petrovich Bozhchenko*, **Roman Georgiyevich Ardashev****, **Nickolay Nikolayevich Kitayev*****

* Military Medical Academy, Saint Petersburg, Russia, bozhchenko@mail.ru

** East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, ardashevr@yandex.ru

*** Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, valentusis@inbox.ru

Abstract. The given article deals with the analysis of judicial practice on the criminal cases provided for by Article 210.1 "Occupying the top position in the criminal hierarchy" of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors consider the number of persons to be convicted under this article to have been increased lately

that result in a decrease in the number of acquittal judgments. While re-trying cases on appeal and cassation appeals, the court decision of the previous juridical instance is generally unchanged. The key problems related to Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are due to the fact that the mentioned article does not specify the terms "top position" and "criminal hierarchy" as well as it does not define the moment to complete the crime. There are also some difficulties in unified understanding, interpreting and applying this norm. The gradual adaptation leads to smoothing out the legal defects of the body of the crime, but this process cannot solve all problems. The clarifications given by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on such cases may be of practical value in this matter.

Keywords: "vor v zakone / thief-in-law", crime classification, organized crime, criminal hierarchy, subject of the crime provided for by Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Bozhchenko A. P., Ardashev R. G., Kitayev N. N. Criminal-procedural and detective aspects related to applying Article 210.1 "Occupying the top position in the criminal hierarchy" of the Criminal Code of the Russian Federation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 108—119, 2025. (In Russ.).

В Российской Федерации общее количество преступлений в последние десятилетия постепенно снижается. Наиболее заметно уменьшение числа тяжких и особо тяжких преступлений: убийств, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, грабежей, разбоев, краж, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Так, если в 2009 г. их было зарегистрировано 796 224, то в 2022 г. — 536 997. Однако в 2019 г. их было еще меньше — 494 092. Возникший рост в последние годы в большей степени произошел за счет преступлений, совершенных лицами, ранее их совершавшими: если в 2009 г. таких преступлений было 531 798, то в 2019 г. — 617 914, а в 2022 г. — 625 743. Кроме того, произошел рост преступлений, совершенных в составе организованных групп: в 2009 г. — 28 568, в 2019 г. — 14 647, в 2022 г. — 24 470¹.

Необходимость борьбы с рецидивными и организованными формами преступности осознается на самом высоком политическом и законодательном уровнях страны, свидетельством чему является внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ): дополнение ст. 210 «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» ч. 4 (наказание за деяния, предусмотренные ч. 1, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии)²; включение по инициативе

Президента Российской Федерации³ новой ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии» (далее — ВП в ПИ)⁴.

С самого начала в адрес нововведенной уголовно-правовой нормы высказывались неоднозначные, противоречивые, а порой тенденциозные замечания по части трактовки элементов состава преступления и соотношения с другими близкими уголовно-правовыми нормами (о субъекте и объекте преступления, о приготовлении к преступлению и пр.), что, как предполагалось, может вызвать либо же неминуемо вызовет проблемы в практике ее правоприменения и негативно повлияет на эффективность всей системы противодействия организованным формам преступности [1, с. 29; 2, с. 3; 3, с. 40]. Встречались и более взвешенные позиции, однако основанные преимущественно на теоретических размышлениях и прогнозах [4, с. 40—46; 5, с. 156; 6, с. 253].

Цель и задачи настоящей статьи — проанализировать складывающуюся судебную практику по уголовным делам о совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ.

2009 г. № 245-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93373/ (дата обращения: 31.01.2025).

³ Путин вышел с инициативой: сажать за высшее положение в преступной иерархии. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/02/14/putin-vyshel-s-iniciativoy-sazhat-zavysshee-polozhenie-v-prestupnoy-ierarhii> <https://eadaily.com/ru/news/2019/02/14/putin-vyshel-s-iniciativoy-sazhat-zavysshee-polozhenie-v-prestupnoy-ierarhii> (дата обращения: 31.01.2025).

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: федер. закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321411/ (дата обращения: 31.01.2025).

¹ Показатели преступности России // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 31.01.2025).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 3 ноября

Материалом исследования служили данные судебной статистики Российской Федерации о назначенном наказании по итогам уголовного судопроизводства по ст. 210 и 210.1 УК РФ за период 2016—2023 г.¹, а также судебное определение Конституционного Суда РФ², кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ³, определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ⁴ и апелляционные определения Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ⁵ за период 2019—2023 гг. В качестве целевых показателей, выбираемых

¹ Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК. URL: stat.api-press.rf (дата обращения: 31.01.2025).

² Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2022 № 1490-О. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28062022-n-1490-o/> (дата обращения: 31.01.2025).

³ Кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.01.2022 № 5-УД21-147-А1. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18012022-n-5-ud21-147-a1/>; от 08.09.2022 № 57-УД22-10-А1. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08092022-n-57-ud22-10-a1/>; от 14.07.2022 № 32-УД22-9-А4. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-14072022-n-32-ud22-9-a4/>; от 23 ноября 2023 г. № 24-УД23-4-А3. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=789951#nqNMZZUT7DV9obdM> (дата обращения: 31.01.2025).

⁴ Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.08.2022 № 20-УД22-6А3. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16082022-n-20-ud22-6a3/>; от 11.08.2022 № 20-УД22-9-А3. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11082022-n-20-ud22-9-a3/>; от 22.09.2022 № 11-УД22-34-А4. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22092022-n-11-ud22-34-a4/> (дата обращения: 31.01.2025).

⁵ Апелляционные определения Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 24.06.2021 № АПЛ21-200. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/apelliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-24062021-n-apl21-200/>; от 21.04.2022 № АПЛ22-135. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/apelliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-21042022-n-apl22-135/> (дата обращения: 31.01.2025).

из судебных определений, выступали юридические доводы, используемые защитой, обвинением и судом, которые сопоставлялись с мнениями ученых и практикующих юристов, высказанными по этому вопросу на страницах научных изданий. В процессе исследования использованы хронологический и формально-юридический методы.

Анализ судебной практики показал:

— по ч. 1 ст. 210 (создание преступного сообщества, участие в собрании в целях совершения преступлений) имеет место снижение количества осужденных (в 2016—2018 гг. в среднем по 49 человек, в 2021—2023 гг. — по 28 человек);

— по ч. 2 ст. 210 (участие в преступном сообществе) снижалось с 2016 по 2019 г. (со 108 до 52), а затем росло с 2021 по 2023 г. (с 76 до 112);

— по ч. 3 ст. 210 (деяния, предусмотренные ч. 1 или ч. 2, совершенные с использованием своего служебного положения) после снижения к 2020—2021 гг. (до 3 человек) выросло к 2023 г. (до 15 человек);

— по ч. 4 ст. 210 (деяния, предусмотренные ч. 1, совершенные лицом, занимающим ВП в ПИ) за все время осуждено 2 человека (в 2018 и 2020 гг.);

— по ст. 210.1 первые осужденные появились в 2021 г. (8 человек), далее их количество увеличивалось (в 2022 г. — 20 человек, в 2023 г. — 33).

Суммарное количество ежегодно осужденных по указанным статьям после снижения с исходных 149—166 человек (в 2016—2018 гг.) до 99—127 (в 2019—2021 гг.) вновь стало расти до 134—202 (в 2022—2023 гг.). При этом впервые стало расти (рис.) число осужденных за занятие ВП в ПИ.

Примечательно, что на этом фоне уменьшилось количество оправдательных приговоров, причем все они были зарегистрированы лишь по ст. 210 (по ч. 1—5 случаев в 2019 г.; по ч. 2 — 1 случай в 2019 г., 23 случая в 2020 г. и 5 случаев в 2021 г.). В исследованной информационной базе не указано пока ни одного оправдательного приговора за занятие ВП в ПИ (по ч. 4 ст. 210 и по ст. 210.1), не считая отмены приговора и пересмотра дела.

Таким образом, если оценивать количественные показатели уголовной судебной практики, можно констатировать, что имеет место успешность президентской инициативы и последовавших за этим законодательных реформ в части репрессивного противодействия организованной преступности и особенно такой ее знаковой для российской общественности формы, как занятие ВП в ПИ («вор в законе», «положенец»).

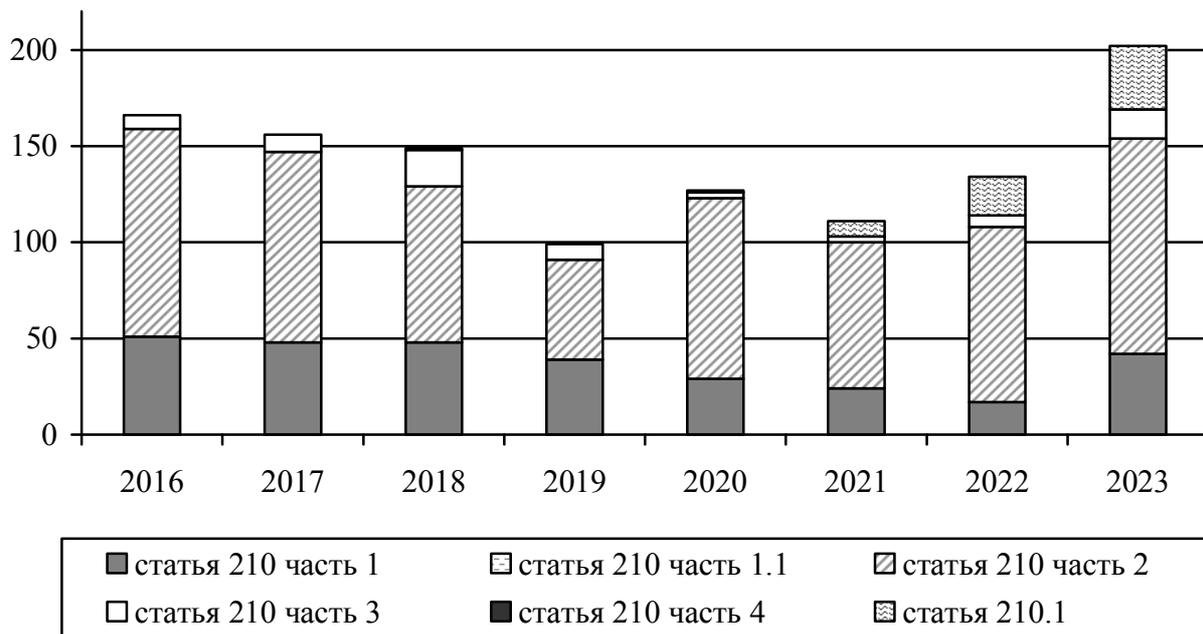


Рис. Количество осужденных по статьям 210 и 210.1 УК РФ в разные годы

Однако рост количества осужденных сам по себе еще не означает успешности предпринятых мер, поскольку может быть отражением совсем иных, порой с противоположным знаком процессов, например: неблагоприятной социально-экономической ситуации в стране, ведущей к фактическому увеличению количества совершаемых преступлений рассматриваемой категории; либо же поверхностного подхода среди правоохранителей и судей к борьбе с организованной преступностью и, как следствие, роста не фактического, а регистрируемого количества преступлений и вынесения необоснованных судебных решений.

Последний фактор представляет прямой интерес для настоящего исследования, в связи с чем нами проанализированы судебные определения по делам о совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. Целевыми показателями служили юридические доводы, используемые защитой, обвинением и судом для обоснования своей позиции.

Общее количество проанализированных судебных определений составило 11, из них: апелляционных определений Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ — 2; кассационных определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ — 8; определение Конституционного Суда РФ — 1. Во всех случаях рассматривались обращения (жалобы) осужденных (их защитников) к лишению свободы по ст. 210.1 УК РФ,

из них: только по указанной статье — 6; по указанной статье в сочетании с другими статьями УК РФ — 5 (по ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 126, ч. 3 ст. 33 и ч. 3 ст. 111 — 1; по ч. 2 ст. 111 — 1; по ч. 2 ст. 115, ч. 1 ст. 167, ч. 1 ст. 222 и ч. 2 ст. 228 — 1; по ч. 1 ст. 222 — 1).

Судебные решения были следующими: отказать в рассмотрении жалобы — в 1 случае (по оспариванию конституционности рассматриваемой статьи); оставить судебное решение предыдущей инстанции без изменения — в 9 случаях (по 2 апелляционным и по 7 кассационным жалобам); отменить приговор и возратить уголовное дело прокурору — в 1 случае (по кассационной жалобе).

1. Отказ в рассмотрении жалобы. Оспаривая конституционность ст. 210.1 УК РФ, адвокат в своей жалобе указал¹, что данная норма не соответствует Конституции РФ, ее диспозиция является неопределенной и позволяет привлекать к ответственности за деяние, которое в момент совершения не признавалось правонарушением, с чем можно согласиться. Действительно, она не конкретизирует ряд основополагающих терминов («высшее положение», «преступная иерархия») и не определяет момент окончания преступления как следствие.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2022 № 1490-О. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28062022-n-1490-o/> (дата обращения: 31.01.2025).

Это лишает граждан возможности осознать противоправность деяния, препятствует единообразному толкованию нормы.

Конституционный Суд РФ отметил, что представленные в жалобе материалы не подтверждали юридической оценки судом инкриминированного деяния и факта исчерпания средств судебной защиты. Жалоба не была принята к рассмотрению как не отвечающая критерию допустимости обращений в Конституционный Суд РФ. Поставленные вопросы, к сожалению, по формальным основаниям остались без разъяснения.

2. Доводы стороны защиты, оказавшиеся достаточными, по мнению суда кассационной инстанции¹, в результате чего судебное решение предыдущей (апелляционной) инстанции было отменено (дело возвращено прокурору):

— суд апелляционной инстанции указал, что мотивом преступления явилась корыстная или личная заинтересованность, однако доказательств не привел;

— приговор не содержит доказательств, что осужденный после введения ответственности по ст. 210.1 УК РФ, которая вступила в законную силу 12.04.2019, совершал действия, свидетельствующие о занятии им ВП в ПИ.

Судебная коллегия, соглашаясь с этими доводами, отметила, что согласно ч. 1 ст. 220 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) в обвинительном заключении следователь указывает существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы и другие обстоятельства, имеющие значение для дела. В рамках рассматриваемого дела все эти обстоятельства подлежали доказыванию, причем после 12.04.2019. Осужденный, как установлено, был наделен статусом «вор в законе» задолго до этого. Суд апелляционной инстанции не установил факты, свидетельствующие о том, что после 12.04.2019 осужденный не предпринял мер по прекращению своего статуса;

— в ходе предварительного следствия не установлено, каким образом осужденный осуществлял формирование у других лиц мнения о его принадлежности к ВП в ПИ, сбор и контроль средств, пропаганду криминальных традиций, покровительство и меры ответственности. Находясь в одиночной

камере, осужденный не имел возможности управлять преступным миром.

Судебная коллегия, сославшись на п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», в котором разъясняется, какие обстоятельства подлежат доказыванию при решении вопроса о субъекте преступления, указанного в ч. 4 ст. 210 УК РФ, указала, что данные разъяснения относятся и к ст. 210.1 УК РФ, поскольку субъектами обоих преступлений являются лица, занимающие ВП в ПИ.

Судебной коллегией было отмечено, что в исправительной колонии, куда был переведен осужденный, представителями пенитенциарной службы были предприняты меры по содержанию его в одиночной камере в целях противодействия его негативному влиянию на других лиц, отбывающих наказание, пресечения дальнейшей деятельности по пропаганде обычаев и правил криминальной субкультуры. В обвинительном же заключении не приведены конкретные функции и полномочия, которые осужденный осуществлял после 12.04.2019 и посредством которых поддерживал свой авторитет;

— подвергался сомнению вывод суда предыдущей инстанции относительно относимости к рассматриваемому делу записки («прогона»), обнаруженной в автомобиле осужденного, поскольку у него не было в собственности автомобиля, не установлено, кем она составлена и о ком в ней идет речь;

— подвергался сомнению вывод суда относительно телефонных переговоров — их участников и о ком в них шла речь, суд не установил;

— подвергались сомнению показания свидетелей, поскольку один из них отказался назвать источник осведомленности о статусе «вор в законе» у осужденного, показания другого противоречили точно установленным данным, исходя из которых он не мог быть вместе с осужденным в одной колонии в указанное время, третий дал показания, основанные на информации из Интернета, но при этом сам суд исключил ее из доказательств (фото-снимки).

Судебная коллегия полностью согласилась с этим доводом стороны защиты.

3. Доводы стороны защиты, оказавшиеся недостаточными, по мнению судов кассационной² и апел-

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.11.2023 № 24-УД23-4-А3. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=789951#nqNMZZUT7DV9obdM> (дата обращения: 31.01.2025).

² Кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.01.2022 № 5-УД21-147-А1. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe->

ляционной инстанций¹, в результате чего судебные решения были оставлены без изменения:

— не установлена дата окончания преступления — в 6 случаях из 9;

— довод об отсутствии сведений о лишении осужденного (приостановлении самостоятельно) криминального статуса нарушает принцип презумпции невиновности — в 1 случае.

По этим доводам Судебная коллегия пояснила², что оценивает все доказательства в совокупности как достаточные основания для оставления приговора в законной силе. Из показаний свидетелей, которым суд доверяет, следует, что осужденный после 12.04.2019 продолжал выполнять распорядительные функции (контролировал продукты и иные предметы «общака», подлежащие распределению в местах лишения свободы), лидирующую роль «положенца» с себя не снимал, на его место никто назначен не был.

На наш взгляд, ссылка на так называемую совокупность доказательств и выражение доверия к показаниям свидетелей без указания на иные (объективные) доказательства не являются достаточными контрдоводами. Опора исключительно на них может давать повод для усмотрения тенденциозности в работе судов.

opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18012022-n-5-ud21-147-a1/; от 08.09.2022 № 57-УД22-10-А1. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08092022-n-57-ud22-10-a1/>; от 14.07.2022 № 32-УД22-9-А4. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-14072022-n-32-ud22-9-a4/> (дата обращения: 31.01.2025).

¹ Апелляционные определения Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 24.06.2021 № АПЛ21-200. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/apelliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-24062021-n-apl21-200/>; от 21.04.2022 № АПЛ22-135. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/apelliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-21042022-n-apl22-135/> (дата обращения: 31.01.2025).

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.09.2022 № 11-УД22-34-А4. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22092022-n-11-ud22-34-a4/> (дата обращения: 31.01.2025).

В другом случае Судебная коллегия отметила³, что исследованные судом результаты проведенных оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ) свидетельствуют о том, что осужденный после освобождения из мест лишения свободы не отказался от статуса «вор в законе», не был лишен его другими лицами и продолжил осуществлять соответствующие функции после 12.04.2019;

— факт занятия лицом ВП в ПИ сам по себе не указывает на состав преступления — в 4 случаях.

Судебная коллегия в одном из случаев указала⁴: довод жалобы о том, что для привлечения к ответственности по ст. 210.1 УК РФ виновное лицо должно совершать определенные действия (определять сферы влияния преступных групп, планировать и координировать их действия, распорядиться «общаком» и т. д.), являются несостоятельными, поскольку это необходимо для квалификации действий по ч. 4 ст. 210 УК РФ, которая осужденному не инкриминируется. С таким контрдоводом мы полностью согласны, поскольку рассматриваемое преступление по конструкции объективной стороны является формальным и будет считаться оконченным в момент занятия лицом ВП в ПИ. Заметим, что в другом аналогичном случае мнение Судебной коллегии было противоположным⁵, с недостаточно обоснованной, на наш взгляд, ссылкой на п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», которая относится к субъекту преступления, указанного в ч. 4 ст. 210 УК РФ;

— осужденный не имел статуса «вор в законе» («положенец») — в 7 случаях;

³ Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.08.2022 № 20-УД22-6А3. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16082022-n-20-ud22-6a3/> (дата обращения: 31.01.2025).

⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11.08.2022 № 20-УД22-9А3. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11082022-n-20-ud22-9-a3/> (дата обращения: 31.01.2025).

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.11.2023 № 24-УД23-4-А3. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=789951#nqNMZZUT7DV9obdM> (дата обращения: 31.01.2025).

— в ходе предварительного следствия не установлено, каким образом осужденный занял ВП в ПИ, как осуществлял формирование у других лиц мнения о его принадлежности к данному положению, планирование и руководство преступной деятельностью — в 1 случае;

— участие осужденного в преступных событиях было спровоцировано правоохранительными органами, и далее события были искажены так, что он якобы совершал те или иные действия в своих интересах — в 2 случаях.

Раскрывая эти доводы, стороны защиты ссылались на то, что статус «вор в законе» якобы не согласуется с фактом отсутствия судимости у осужденного на момент задержания и по своему статусу такие лица не могут сотрудничать с правоохранительными органами, а подзащитный сотрудничал; кроме того, отмечалось, что на территории, где совершено преступление, был другой «положенец», а двух быть не могло¹.

Судебные коллегии, отвергая эти доводы, отмечали: судом апелляционной инстанции верно указано, что, исходя из занимаемого ВП в ПИ, осужденный фактически обладал соответствующими полномочиями. Он признавал свой статус в разговоре, состоявшемся после 12.04.2019, который надлежащим образом зафиксирован в ходе ОРМ, более того, после этой даты нанес себе «воровские» татуировки, что подтверждается выводами культурологической и судебно-медицинской экспертизы.

Версия о «сотрудничестве» проверялась при рассмотрении дела и была отвергнута как несостоятельная. Собрание криминально настроенных лиц и назначение «смотрящего» было организовано осужденным, более того, только благодаря наличию у него авторитета «вор в законе». Действия осужденного не носили вынужденный характер, оперативный работник на нем не присутствовал (таких сведений не представлено);

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 08.09.2022 № 57-УД22-10-А1. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08092022-n-57-ud22-10-a1/>; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11.08.2022 № 20-УД22-9А3. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11082022-n-20-ud22-9-a3/> (дата обращения: 31.01.2025).

— недопустимость признания о наличии статуса «вор в законе», записанного в ходе ОРМ, в отсутствие адвоката и без предупреждения о возможности использования против него самого — в 1 случае.

Судебная коллегия отметила², что все указанное не предусмотрено Законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и противоречит предназначению ОРМ;

— отказ в предоставлении переводчика с языка, который является родным для осужденного, — в 1 случае.

Судебная коллегия указала³, что осужденному после задержания были разъяснены его процессуальные права, в том числе давать показания на родном языке, при этом осужденный заявил, что в услугах переводчика не нуждается. Из протоколов судебных заседаний следует, что осужденный затруднений в изъяснении на русском языке не испытывал;

— подвергались сомнению выводы суда относительно относимости к рассматриваемому делу записок и писем («прогонов») — в 3 случаях.

Судебная коллегия, в частности, указывала⁴, что из так называемых «прогонов» свидетели из числа ранее судимых лиц узнали о присутствии осужденного на «воровской сходке», что подтверждается их показаниями, признанными допустимыми доказательствами. Записки исследованы в ходе экспертизы документов и лингвистической экспертизы, выводы их не вызывают сомнения;

— подвергались сомнению выводы суда относительно достоверности телефонных переговоров — в 2 случаях.

² Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.08.2022 № 20-УД22-6А3. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16082022-n-20-ud22-6a3/> (дата обращения: 31.01.2025).

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.07.2022 № 5-УД22-82-А1. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28072022-n-5-ud22-82-a1/> (дата обращения: 31.01.2025).

⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.09.2022 № 11-УД22-34-А4. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22092022-n-11-ud22-34-a4/> (дата обращения: 31.01.2025).

Судебная коллегия по одному из дел отметила¹, что постановлением районного суда было разрешено проведение комплекса ОРМ в отношении осужденного: прослушивание телефонных разговоров, детализация звонков, установление местонахождения телефона, контроль сообщений и интернет-приложений.

Более того, в результате было установлено, что в разговоре между осужденным и другим «вором» он не отрицал наличие у него такого же статуса, использовал характерное высказывание: «Сейчас придумали закон (статью 210.1 УК РФ), и, если какая-нибудь тема будет, я попаду сейчас, мне зачем это? Ну а помимо 210, то, что я уже статус занимаю, мне даже и за это дают срок». При этом в ходе разговора были названы имена, клички, позволяющие однозначно отнести их к фигурантам дела, а сам разговор имел место после 12.04.2019;

— подвергались сомнению показания свидетелей — в 7 случаях.

Раскрывая этот довод, стороны защиты ссылались на то, что виновность осужденного доказывалась показаниями свидетелей под псевдонимом, при этом не проверено наличие оснований для сохранения в тайне подлинных данных свидетелей. В показаниях ряда свидетелей не указан источник осведомленности, показания других даны со ссылкой на Интернет, не подтверждаются другими доказательствами или противоречивы. Один свидетель заявил, что его показания в ходе предварительного следствия были даны при оказании давления в целях принуждения к даче ложных показаний против осужденного, хотя он не знаком с ним. Показания другого свидетеля (о непричастности осужденного) остались без внимания суда. Показания свидетелей из числа сотрудников полиции идентичны, что говорит об их копировании, т. е. получении с нарушением закона.

Судебные коллегии, реагируя на эти доводы, отмечали, что выводы суда (в том или ином случае) подтверждаются совокупностью доказательств, каких-либо оснований не доверять показаниям свидетелей у суда не имелось — они дополняют друг друга, согласуются со всей совокупностью доказательств, свидетели допрошены с соблюдением требований Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации (далее — УПК РФ), с сохранением в тайне их личных данных, когда это требовалось с учетом предъявленного осужденному обвинения (в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 11 и ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

По вопросу о недопустимости использования данных из интернет-сайтов, содержащих сведения об осужденном как о криминальном авторитете (фотография, на которой он запечатлен вместе с известным «вором»), Судебная коллегия указала², что сам осужденный подтвердил, что на фотографии изображен он. Вопросы же соблюдения прав осужденного при обработке его персональных данных в Интернете находятся за пределами судебного разбирательства.

В ходе допроса свидетеля, отказавшегося от ранее данных показаний, на вопрос государственного обвинителя, оказывалось ли на него давление на предварительном следствии, он пояснил, что давление на него не оказывалось.

Нарушений закона не допущено и при фиксации показаний свидетелей из числа сотрудников правоохранительных органов. К тому же у допрошенных лиц отсутствовали основания для оговора осужденного, что подтвердил и он сам;

— технические, фоноскопические и прочие необходимые экспертизы для проверки достоверности аудио- и видеозаписей и других материалов не проводились (не назначались) — в 2 случаях;

— оспаривались заключения специалиста и выводы проведенных по делу экспертиз — в 3 случаях.³

Конкретизируя эти доводы, защита указывала³ на то, что приговор основан на предположениях, без проведения необходимых экспертиз, образцы для сравнительного исследования (голос осужденного, др.) получены с нарушением УПК РФ, экспертные выводы сделаны на основе неверных методик, специалист со стороны обвинения не яв-

² Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.08.2022 № 20-УД22-6А3. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16082022-n-20-ud22-6a3/> (дата обращения: 31.01.2025).

³ Кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.07.2022 № 32-УД22-9-А4. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-14072022-n-32-ud22-9-a4/>; от 18.01.2022 № 5-УД21-147-А1. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18012022-n-5-ud21-147-a1/> (дата обращения: 31.01.2025).

¹ Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.08.2022 № 20-УД22-6А3. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16082022-n-20-ud22-6a3/> (дата обращения: 31.01.2025).

ляется компетентным в вопросах «воровских» правил, а показания приглашенного стороной защиты специалиста в судебном заседании, свидетельствующие о невиновности осужденного, не получили оценку. Эти и другие подобные им претензии известны и неоднократно обсуждались на страницах научных изданий [7, с. 142; 8].

Вопреки приведенным выше доводам, судебные коллегии в каждом случае устанавливали допустимость заключений экспертов, которые были проверены судами предыдущей инстанции и сомнений не вызывают. При отобрании у осужденного образцов для сравнительного исследования (голоса, др.) требования ст. 202 УПК РФ не нарушены (они могли быть получены до возбуждения уголовного дела, в этом была необходимость, о чем вынесено постановление и составлен протокол). Доказательства, полученные по результатам ОРМ, обоснованно признаны судом допустимыми. Выводы экспертов базируются на научно обоснованных методиках, действовавших на момент проведения экспертиз.

Оценивая показания специалиста о лицах, занимающих ВП в ПИ, порядке их назначения, круге обязанностей и порядке взаимоотношений с нижестоящими участниками преступной среды, суд правильно определил поведение конкретных участников криминальной деятельности. Виновность осужденного подтверждается совокупностью доказательств, помимо экспертиз, еще и другими доказательствами, признанными допустимыми, анализ которых дан в приговоре. При этом показания приглашенного стороной защиты специалиста учтены;

— нарушение территориальной подсудности — в 3 случаях.

По мнению стороны защиты, с учетом того, что подзащитный не был судим, оснований для изменения территориальной подсудности уголовного дела не имеется¹. В другом случае в целях обеспечения независимости присяжных предлагалось назначить выездное судебное заседание по делу из другого региона².

¹ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 21.04.2022 № АПЛ22-135. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/apelliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-21042022-n-apl22-135/> (дата обращения: 31.01.2025).

² Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 24.06.2021 № АПЛ21-200. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/apelliatsionnoe-opredelenie->

Судебные коллегии, оставляя жалобы без удовлетворения, справедливо отмечали, что в соответствии п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ территориальная подсудность уголовного дела может быть изменена, если имеются риски, которые могут поставить под сомнение объективность и беспристрастность суда (обвиняемый имеет инструменты влияния на общественное мнение, деятельность государственных институтов на территории, подпадающей под юрисдикцию суда). Наличие возможности проведения видео-конференц-связи, развитое транспортное сообщение между регионами не создадут затруднений для допросов участников процесса, что позволит соблюсти разумные сроки рассмотрения дела;

— необъективность судьи и присяжных заседателей — в 3 случаях.

В двух случаях, по мнению стороны защиты, председатель Верховного Суда на территории субъекта Федерации ранее принимал решение о проведении ОРМ в отношении осужденного, что может повлиять на объективность и беспристрастность судебного разбирательства³. Однако, по смыслу УПК РФ, решения о порядке судебного контроля в досудебном производстве и решения по существу уголовного дела имеют различную фактическую основу; поэтому принятие судьей решения о проведении ОРМ не затрагивает вопросы виновности и наказуемости и, тем самым, не предопределяет содержание решения, которое будет вынесено в дальнейшем по вопросу о виновности лица, не делает судью зависимым от ранее принятого решения и не устраняет из дальнейшего производства по делу.

В третьем случае стороной защиты указывалось на сложности формирования беспристрастной коллегии присяжных заседателей, поскольку в средствах массовой информации неоднократно излагались недостоверные обстоятельства дела, негативно характеризующие осужденного⁴. Здесь

[apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-24062021-n-apl21-200/](https://ukrfkod.ru/pract/apelliatsionnoe-opredelenie-apelliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-24062021-n-apl21-200/) (дата обращения: 31.01.2025).

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.09.2022 № 57-УД22-10-А1. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08092022-n-57-ud22-10-a1/> (дата обращения: 31.01.2025).

⁴ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 24.06.2021 № АПЛ21-200. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/apelliatsionnoe-opredelenie->

в качестве контрдОВОДА Судебная коллегия отметила, что рассмотрение дела было назначено в составе судьи и коллегии из 8 присяжных заседателей, которые в соответствии с положениями ст. 339 УПК РФ решают вопросы доказанности деяний и виновности обвиняемых. Кроме того, из положений ст. 120 Конституции РФ следует, что судья и присяжные заседатели независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону.

Резюмируя изложенное выше, отметим существование различного толкования и применения рассматриваемой статьи судами, выносящими приговор по ней, рост количества и при этом явное преобладание обвинительных приговоров в последние годы, не всегда убедительную их аргументацию. При этом доводы стороны защиты в ряде случаев вполне обоснованны и требуют к себе внимательного отношения. Отклонение их по формальным основаниям либо же опровержение по общим основаниям, с использованием формулировок вроде «совокупность доказательств», «соответствие доказательств друг другу» или «не вызывает сомнения», на наш взгляд, не является убедительным и достаточным, дает основание для многочисленных обжалований выносимых судебных решений, затягивания судебных разбирательств, а в ряде случаев — усмотрения тенденциозности в работе судов.

Природа многих проблемных вопросов кроется в отсутствии дефиниций основных понятий («высшее положение», «преступная иерархия»), четкого определения момента окончания преступления, возможности, условий и форм отказа лица от своего положения. Здесь можно обратиться к уголовному законодательству и положительному опыту его применения других стран, таких как Армения, Грузия, Казахстан и Кыргызстан, в которых также предусмотрена ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии («вора в законе», «лица, занимающего лидирующее положение», «имеющего высший статус в преступной иерархии»), даны соответствующие определения либо же приняты специальные законы [9, с. 29—31].

Так, согласно закону Грузии «Об организованной преступности и рэкрете»¹, в котором впервые

были официально признаны «вор в законе», «воровская разборка», «воровской сход» и «воровское сообщество», даны определения соответствующих понятий, предусмотрена возможность ареста и осуждения лишь за членство в таком объединении. При этом использованы короткие, но, на наш взгляд, достаточно емкие и точные по содержанию дефиниции, в частности, «вор в законе» определяется как «лицо, которое в любой форме осуществляет управление или (и) организацию „воровского сообщества“ или с использованием методов деятельности „воровского сообщества“ осуществляет управление или (и) организацию определенной группы лиц», «воровское сообщество» — как «любая общность лиц, условившаяся осуществлять деятельность... путем устрашения, угроз, принуждения, принуждения под условием хранить молчание, „воровских сходов“ / „воровских разборок“, вовлечения малолетних в преступные деяния, совершения преступления, подстрекательства к совершению преступления, с использованием собственного криминального влияния или иными незаконными деяниями, целью которых является извлечение выгоды или иных преимуществ для себя или других лиц, получение / предоставление власти или (и) влияния».

Вне всякого сомнения, ст. 210.1 УК РФ актуальна, обладает позитивным потенциалом, в связи с чем, несмотря на недостатки, все же происходит ее постепенная адаптация в процессе правоприменения. Это приводит к сглаживанию юридических дефектов состава рассматриваемой статьи. Вместе с тем этот процесс сам по себе не способен решить все существующие проблемные вопросы. Принятие отдельного закона о противодействии организованной преступности (по примеру Грузии или Кыргызстана), на наш взгляд, было бы избыточной мерой. Применительно к нашей стране наибольшую практическую ценность могли бы иметь разъяснения Пленума Верховного Суда по делам данной категории, как это имело место в аналогичных ситуациях, когда «во избежание разнобоя»² требовалось обобщение судебной практики и руководящие разъяснения по вопросам применения законодательства, возникающим при рассмотрении судебных дел.

apeliatsionnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-24062021-n-api21-200/ (дата обращения: 31.01.2025).

¹ Об организованной преступности и рэкрете: Закон Грузии от 20.12.2005 № 2354. URL: <https://matsne.gov.ge/document/view/27814> (дата обращения: 31.01.2025).

² О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/11552/> (дата обращения: 31.01.2025).

1. Борков В. Н. Отграничение занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) от руководства преступным сообществом (ч. 4 ст. 210 УК РФ) // *Союз криминалистов и криминологов*. 2023. № 1. С. 24—30.

2. Лукьянов Е. В. Статья 210.1 УК РФ: недостатки конструирования нормы и вопросы обоснованности криминализации // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2024. № 1. С. 1—5.

3. Егорова Н. А., Егоров А. Г. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение дискуссии // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2020. № 1 (52). С. 34—44.

4. Занятие высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ): квалификация и расследование: монография / А. М. Багмет, В. В. Бычков, С. В. Харченко, В. А. Шурухнов. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. 204 с.

5. Бажутов С. А. Актуальные проблемы уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2024. № 3 (42). С. 155—161.

6. Косьяненко Е. В., Трухин М. А. Проблемы юридической регламентации нормы о занятии высшего положения в преступной иерархии // *Социология и право*. 2024. № 2 (16). С. 249—255.

7. Ардашев Р. Г., Туркова В. Н. Проблемные вопросы доказывания статуса «вора в законе» у обвиняемого при расследовании преступлений // *Закон и право*. 2019. № 6. С. 140—142.

8. Проблемы реализации в уголовном процессе принципов равноправия и состязательности (на примере возможности предъявления стороной защиты заключения специалиста) / А. П. Божченко, С. Л. Семенов, И. М. Никитин, Ю. В. Назаров // *Судебная медицина*. 2021. Т. 7, № 1. С. 41—47.

9. Сысолина Н. С. Опыт уголовно-правового противодействия лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, в странах романо-германской правовой семьи // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2024. № 4 (71). С. 26—32.

1. Borkov V. N. Delimitation of occupying the "top position" in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) from ruling a criminal community (Part 4 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Union of forensic technicians and criminologists*, 24—30, 2023. (In Russ.).

2. Lukyanov Ye. V. Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: the lacks in the construction of the norm and issues of the validity of criminalization. *International Research Journal*, 1—5, 2024. (In Russ.).

3. Yegorova N. A., Yegorov A. G. Criminal liability for occupying the "top position" in the criminal hierarchy: continuing the discussion. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 34—44, 2020. (In Russ.).

4. Bagmet A. M., Bychkov V. V., Kharchenko S. V., Shurukhnov V. A. Occupying the "top position" in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): qualification and investigation. *Monograph*. Moscow: Norma; INFRA-M, 2023: 204. (In Russ.).

5. Bazhutov S. A. Topical problems of criminal liability of persons occupying the "top position" in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Law and order: history, theory, practice*, 155—161, 2024. (In Russ.).

6. Kosyanenko Ye. V., Trukhin M. A. Problems of legal regulation of the norm on occupying the "top position" in the criminal hierarchy. *Sociology and Law*, 249—255, 2024. (In Russ.).

7. Ardashev R. G., Turkova V. N. Issues related to proving the status of "vor v zakone / a thief-in-law" of the accused, while investigating crimes. *Law and Right*, 140—142, 2019. (In Russ.).

8. Bozhchenko A. P., Semenov S. L., Nikitin I. M., Nazarov Yu. V. Problems of implementing adversarial principles and equality ones in the criminal proceedings (the possibility to present an expert conclusion by a defence party, taken as an example). *Journal of forensic medicine*, 41—47 2021. (In Russ.).

9. Sysolina N. S. Experience of criminal-legal counteraction to the persons occupying the "top position" in the criminal hierarchy in the countries of the Romano-Germanic legal family. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 26—32, 2024. (In Russ.).

Божченко Александр Петрович,
профессор кафедры
судебной медицины и медицинского права
Военно-медицинской академии,
доктор медицинских наук, профессор;
bozhchenko@mail.ru

Ардашев Роман Георгиевич,
начальник кафедры философии
и социально-гуманитарных дисциплин
Восточно-Сибирского института МВД России,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления
Иркутского государственного университета,
доктор философских наук,
кандидат юридических наук;
ardashevrg@yandex.ru

Китаев Николай Николаевич,
доцент кафедры юриспруденции
Иркутского национального
исследовательского технического
университета,
кандидат юридических наук, доцент;
valentusis@inbox.ru

Bozhchenko Alexander Petrovich,
professor at the department
of forensic medicine and medical law
of the Military Medical Academy,
doctor of medical sciences, full professor;
bozhchenko@mail.ru

Ardashev Roman Georgiyevich,
head of the department of philosophy
and social sciences and humanities
of the East Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
professor at the department
of public and municipal management
of the Irkutsk State University,
doctor of philosophical sciences,
candidate of juridical sciences;
ardashevrg@yandex.ru

Kitayev Nikolay Nickolayevich,
associate professor
at the department of jurisprudence
of the Irkutsk National Research
Technical University,
candidate of juridical sciences, docent;
valentusis@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 19.03.2025; одобрена после рецензирования 26.03.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 19.03.2025; approved after reviewing 26.03.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.14

**ПРИМЕНЕНИЕ ВИДЕОЗАПИСИ
КАК ЦИФРОВОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Михаил Александрович Бугера**, *Юрий Владимирович Третьяков**

* Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, ma.bugera@mail.ru

** Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, uriiopc2008@rambler.ru

Аннотация. В условиях цифровизации современного общества цифровые доказательства становятся неотъемлемой частью уголовного процесса, они могут служить ключевыми факторами в раскрытии преступлений, установлении фактических обстоятельств и идентификации подозреваемых. В настоящей статье комплексно исследуются различные аспекты применения видеозаписи как цифрового доказательства в современном уголовном процессе. Процесс цифровизации доказательств оценивается как постоянно расширяющийся, видеозапись играет в нем важную роль и обладает (по сравнению, например, с иными видами доказательств) неоспоримыми преимуществами, в частности беспристрастностью, объективностью, достоверностью. Безусловно, есть риски подделки, искажения данных, проблемы установления времени, места и даты съемки, что необходимо учитывать в оценке такого доказательства. Сделан вывод о том, что видеозапись как цифровое доказательство в уголовном процессе представляет собой важный инструмент, который способен существенно изменять результат расследования и судебного разбирательства.

В статье анализируются классификации видеозаписей по различным типам, характеризуются их процессуальные и фактические особенности, возможности применения с учетом предполагаемых рисков и перспектив.

Ключевые слова: видеозапись, цифровые доказательства, видеоматериалы, видеофиксация, видеосъемка

Для цитирования: Бугера М. А., Третьяков Ю. В. Применение видеозаписи как цифрового доказательства в современном уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 120—126.

**VIDEO RECORDING APPLICATION
AS DIGITAL EVIDENCE
IN MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Mikhail Alexandrovich Bugera**, *Yuri Vladimirovich Tretiyakov**

* Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia, ma.bugera@mail.ru

** Volgograd State University, Volgograd, Russia, uriiopc2008@rambler.ru

Abstract. Digital evidence is getting an essential component of the criminal proceedings in the context of the digitalization of modern society. It can be the key factor in crime detection, establishment of facts, identification of suspects. In this article, various aspects of video recording application as digital evidence in modern criminal proceedings are examined in a comprehensive manner. The digitalization of evidence is assessed as a constantly expanding process, video recording is much appreciated and it has indisputable advantages, particularly impartiality, objectivity, authenticity (for instance, in comparison with other types of evidence). Risks of forgery, data corruption, problems of time detection, location and date of video shooting should be taken into account, while assessing such evidence. The authors conclude that video recording as digital evidence in criminal proceedings is a crucial instrument, which can significantly change the results of investigation and judicial proceedings.

In the article, the classifications of video recordings on the basis of different types are analyzed, their procedural and factual particularities, possibilities of application are described taking into consideration the anticipated risks and prospects.

Keywords: video recording, digital evidence, video materials, video fixing, video shooting

For citation: Bugera M. A., Tretyakov Yu. V. Video recording application as digital evidence in modern criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 120—126, 2025. (In Russ.).

Актуальность глубоких и систематических исследований доказательств цифрового характера обусловлена пониманием их роли, возможностей и ограничений в современных условиях правоприменения.

Изучение видеозаписи как цифрового доказательства стало необходимым в связи с технологическим прогрессом и его влиянием на современный уголовный процесс. С увеличением объемов видеоданных, доступных благодаря современным технологиям, и изменением природы преступлений использование этого вида доказательств становится важным для обеспечения справедливости и защиты прав граждан и для установления истины по уголовному делу.

В последние годы наблюдается значительное увеличение интеграции видеозаписей в повседневную жизнь. Получили широкое распространение смартфоны, видеокамеры, системы видеонаблюдения и различные платформы для обмена видео, что создает огромный массив данных, который, конечно же, может быть использован и в доказывании по уголовным делам. Преступность становится все более технологичной и сложной, преступники используют различные способы уклонения от ответственности, а видеозаписи способны зафиксировать те факты, которые иначе остались бы незамеченными, и их правильная интерпретация может иметь буквально важнейшее значение.

Как писал в своей диссертации И. И. Литвин, «применение технических средств позволяет расширить границы чувственного этапа познания, фиксируя большее количество сведений и сохраняя их в оптимальном виде» [1, с. 75].

Это проявляется в том, что система внедрения современных цифровых технологий начинает опираться не на субъективную индивидуальную человеческую оценку, а на относительно объективную (по сравнению с человеческим восприятием) коммуникационную технологию, направленную на фиксацию определенных явлений и событий с исключением предвзятости, упущения деталей, отвлечения внимания, рассредоточения и т. п.

Судебная практика и действующее законодательство пытаются успеть за технологическими новшествами. Актуальность изучения видеозаписи как цифрового доказательства в современном уголовном процессе заключается в необходимости пересмотра стандартов допустимости доказательств и понимания влияния видеозаписей на уголовный процесс.

Современные технологии анализа видео, основанные на искусственном интеллекте, способны не только улучшать качество и скорость обработки данных, но и выявлять закономерности, которые могли бы быть упущены человеком.

Под цифровыми доказательствами в уголовном процессе понимается информация, полученная, обработанная или хранящаяся в цифровом формате, которая может быть использована для подтверждения или опровержения фактов и обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Цифровые доказательства принимают различные формы, включая текстовые документы, изображения, аудио- и видеозаписи, электронные письма, методические данные и т. д. Их содержание также может быть различным: от переписки и финансовых транзакций до сетевой активности.

Необходимость видеозаписи в уголовном процессе обусловлена, в том числе, возможностью запечатлеть динамику развития события, звуковой и визуальный ряд, логику и алгоритм, последовательность действий и прочие факты, имеющие значение для установления истины.

Как справедливо указывает Д. Р. Иваев, видеоматериалы позволяют следователям и экспертам-криминалистам воспринять события максимально точно, дают возможность формулировать выводы о достоверности и достаточности материалов, а также их допустимости для формирования доказательственной базы по уголовному делу [2, с. 179].

Мы видим, что видеозапись в уголовном процессе становится значимым инструментом, который способствует повышению прозрачности и эффективности следственных действий. Ее применение открывает новые горизонты, позволяет зафиксировать ход различных следственных действий в реальном времени, а также служит доказатель-

ством и помогает избежать возможных манипуляций. То есть это своего рода страховка для участников уголовного судопроизводства: она фиксирует все детали, что может быть важно для оценки обстоятельств уголовного дела.

Видеозапись как цифровое доказательство представляет собой зафиксированный в цифровом формате визуальный и аудиовизуальный материал, который может быть использован как доказательство по уголовному делу. Этот материал может включать записи с камер видеонаблюдения, мобильных устройств, видеорегистраторов и других источников.

Видеозаписи демонстрируют события в их хронологическом порядке, с визуальными и звуковыми деталями, что делает их мощным инструментом для понимания контекста случившегося. Поскольку видеоматериал чаще всего записан автоматически и менее подвержен субъективной интерпретации или предвзятости, он показывает факты максимально объективно.

Необходимость в экспертизе и анализе качества видеозаписи, ее подлинности или возможности манипуляций с ней становится важной задачей в современном уголовном процессе. Нужно обращать внимание и на сложность в установлении таких объективных характеристик видеозаписи, как время, место, дата съемки, поскольку цифровая запись легко может быть искажена, например, при помощи изменения даты и времени в настройках оборудования для съемки.

Массовое распространение средств видеозаписи привело к тому, что на них нередко фиксируются лица, совершившие преступления, причем во многих случаях — особо тяжкие (убийства, разбои, террористические акты). Это подтверждается практикой судебно-экспертных подразделений различных регионов России, где все чаще объектами судебной портретной экспертизы становятся не фотографии, а видеоизображения [3, с. 159].

Все эти проблемы легко решаются экспертной оценкой, а также анализом различных записей, сделанных одновременно разными источниками — например, целесообразно изучать записи с уличных камер, снимающих с разных ракурсов одно и то же место.

Для анализа видеозаписи назначают криминалистическую экспертизу, в исследование которой входят [4, с. 19]:

а) материальный носитель информации (облачные хранилища, накопители на жестких магнитных дисках, флеш-накопители, оптические диски, магнитные ленты и т. д.);

б) источник информации (обстоятельства, зафиксированные на видеозаписях и фотоснимках);

в) технология передачи информации (изображение как со звуковым сопровождением, так и без него) от источника к материальному носителю.

Классификация видеозаписей позволяет упростить процесс обнаружения, анализа и использования видеодоказательств в уголовном процессе. Каждый тип видеозаписи может иметь свои особенности, которые оказывают непосредственное влияние на его достоверность и допустимость.

Безусловно, видеозаписи различаются по множеству оснований, а их разделение по типам дает возможность установить их подлинность и выявить возможные недостатки. Например, по источнику информации видеозаписи классифицируются как сделанные камерами видеонаблюдения в общественных местах, скрытыми камерами видеозаписи, физическими лицами на мобильные телефоны и личные видеорегистраторы, а также записи как данные, полученные при оперативном видеонаблюдении, и т. п.

По целям использования видеозаписи можно разделить на следующие виды:

а) записи, которые документируют момент совершения преступления, позволяя правоохранительным органам получить доказательства непосредственных действий подозреваемых (записи с камер видеонаблюдения на месте происшествия);

б) записи, которые показывают поведение подозреваемых и (или) свидетелей до и после преступления, что может помочь в установлении мотива или контекста происшествия (записи с улиц или общественных мест, фиксирующие действия людей перед и после инцидента);

в) записи, используемые для глубокого анализа событий, например, для понимания динамики движений участников происшествия (автоматизированные системы распознавания лиц для идентификации подозреваемых).

По целям осуществления записи также различаются. Можно выделить следующие цели:

а) создание надежных документов, которые могут быть использованы в суде как доказательства совершения преступления;

б) постоянный мониторинг ситуаций или объектов, что позволяет правоохранительным органам своевременно реагировать на возможные нарушения;

в) обучение сотрудников правоохранительных структур, повышение эффективности их работы, анализ действий и стратегий.

Таким образом, видеозаписи могут иметь различные цели, что позволяет более эффективно применять их в уголовном процессе и повышать качество работы правоохранительных органов. Учет различных аспектов использования видеозаписей дает возможность строить более точные исследовательские и практические подходы к анализу поведения подозреваемых и (или) свидетелей и доказательству совершения преступлений.

Ученые обращают внимание, что любую аудио-, видеозапись можно легко модифицировать так, как этого захочет сам человек, например при помощи специальных программ, находящихся в свободном доступе. В результате этого обострилась проблема фальсификации доказательств, и следовательно, сложилось некое «недоверие» к фото-, аудио- и видеодоказательствам вины определенного субъекта [5, с. 71].

Отметим, что правильная классификация позволяет не только оптимизировать процесс доказывания в ходе предварительного расследования, но и обеспечить законность и справедливость судебных решений, опирающихся на доказательственную базу, формируемую с использованием соответствующих видеозаписей. Она способствует более точной интерпретации видеозаписей, что является критически важным для уголовного дела.

Конечно же, нужно учитывать, что важнейшую роль играют и те видеозаписи, съемка которых непосредственно осуществляется в ходе различных следственных действий, в том числе во время осмотра места происшествия, когда необходимо запечатлеть динамику событий, которые трудно детально описать в протоколе, например в случаях пожара, взрыва и других подобных событий, когда требуется быстрая и всесторонняя фиксация всей информации.

Применение видеозаписи во время обыска и иных следственных действий позволяет зафиксировать все действия и их результат, задокументировать процесс на всех его этапах. Это и предварительное информирование о проведении обыска, и фактические действия следователя. Такая фиксация служит гарантией соблюдения установленных законом правил и минимизирует риск злоупотребления с обеих сторон.

Видеозапись способствует улучшению качества процесса, на видео фиксируются предметы, обнаруженные в ходе обыска, место их обнаружения, что может сыграть ключевую роль в оценке их значимости для установления истины по уголовному делу.

Применение видеозаписи во время очной ставки — это также важный инструмент, способствующий улучшению качества данного следственного действия. Ведь очная ставка как одна из ключевых форм допроса предполагает сопоставление ранее полученных показаний, в которых имеются существенные противоречия. Применение видеозаписи в этом следственном действии обеспечивает непрерывную фиксацию всех действий и коммуникацию между участниками процесса. Фиксация момента, когда лица дают признательные показания или сообщают ложные сведения, позволяет более эффективно анализировать факты и выявлять возможные несоответствия. Участники процесса осознают, что их действия и слова детально документируются, что может способствовать большей открытости или как минимум большей честности в показаниях. Видеозапись может оказать на допрашиваемого и дисциплинирующее воздействие, особенно когда он, отказываясь от показаний, ведет себя вызывающе, допускает угрозы и оскорбления в адрес свидетелей и потерпевших, с которыми проводится следственное действие.

Безусловно, любое следственное действие, во время которого применялась видеозапись, гораздо проще анализировать, изучать, фиксировать нюансы невербального поведения участников и давать всем этим аспектам квалифицированную и полную оценку.

У видеозаписи в уголовном процессе также есть и иное, неочевидное, но очень важное значение: она может быть использована для обучения и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов. Анализ порядка проведения конкретных следственных действий на основе записей выявляет и систематизирует удачные практики, а, наоборот, ситуации, требующие корректировки и улучшения, будут более очевидными и понятными для обучающихся.

Полученные видеозаписи могут использоваться в других следственных действиях, например для предъявления в качестве доказательств при допросе, проведении опознания по видео-, фото- и изображениям объектов (особенно эффективно использование видеозаписи при опознании по функциональным признакам) [6, с. 93].

Значит, применение видеозаписей, в том числе на стадии предварительного следствия, открывает возможность фиксировать важную визуальную и звуковую информацию в процессе проведения различных следственных мероприятий.

Видеозаписи служат этой цели, потому что их использование должно гарантировать документи-

рование событий и при этом обеспечивать выразительность, что позволяет лучше понять содержание следственного действия. Они помогают проиллюстрировать взаимосвязь между различными объектами, а также акцентировать внимание на тех аспектах, которые имеют непосредственное криминалистическое значение.

Вместе с тем, конечно, в уголовном процессе видеозаписи активно используются и защитниками.

И. П. Кибардин предлагает ввести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) нормы о применении защитником технических средств, которые установят, что защитник, уведомляя лицо, производящее следственное действие или председательствующее в судебном заседании, о необходимости использования технических средств аудио- и видеозаписи, делает об этом заявление, подлежащее внесению в протокол [7, с. 99]. В целом это верная инициатива, направленная на оптимизацию процесса доказывания.

При применении видеозаписи в уголовном процессе есть ряд нюансов, на которых нам стоит остановиться подробнее. Косвенно мы уже упоминали, что видеозаписи могут иметь низкое качество или быть частично повреждены, что затрудняет их анализ и оценку. Например, записи с уличных камер бывают нечеткими или «зашумленными» (имеется в виду так называемый визуальный шум), что снижает их доказательственное значение. Разные устройства используют разные форматы записи, что часто создает трудности при изучении или предоставлении записи. Порой требуется конвертация форматов, что также увеличивает риск потери качества.

Крайне важно сохранить оригинальную видеозапись без изменений, чтобы избежать обвинений в подделке или манипуляциях с ее содержанием. Установка устаревшего или ненадежного оборудования при исследовании и изучении видеозаписи может привести к несоответствию результатов анализа записи реальному ее содержанию.

Отдельные авторы считают, что для оценки аудио- или видеодокумента с точки зрения достоверности его содержания необходимо оценить запись с позиции логичности и непротиворечивости ее содержания, ее соответствия иным доказательствам, уже имеющимся в материалах уголовного дела [8, с. 57]. Разделяя данное мнение, мы отметим, что соотнесение этих записей с другими доказательствами в уголовном деле способствует более объективному и обоснованному анализу.

Такой комплексный подход позволяет минимизировать риск ошибок и повышает надежность выводов.

Перспективы использования видеозаписи как цифрового доказательства — улучшение процесса сбора, анализа и предоставления видеодоказательств благодаря интеграции технологий, в том числе искусственного интеллекта.

Считаем перспективным использование технологии блокчейн для защиты видеозаписей от подделки и повышения доверия к этим данным, также каждая запись может сохраняться с пометкой о времени и месте съемки, что обеспечит достоверность доказательства. По нашему мнению, именно с использованием блокчейн технологий должны храниться видеозаписи, ставшие доказательствами по уголовному делу. Блокчейн функционирует как децентрализованная база данных, защищенных от подделки. Каждая запись будет иметь уникальный цифровой отпечаток, своего рода след, который является частью основной цепочки. Конечно, подделка возможна в любых условиях, но блокчейн защищен от этого более остальных. При этом любой доступ к таким записям будет сохраняться в истории, и в любой момент можно будет провести проверку, кто именно смотрел записи, кто их использовал, было ли такое использование санкционировано в установленном порядке.

Хранение видеозаписей в уголовных делах требует соблюдения определенных стандартов и процедур. Они должны быть в высоком качестве и формате, который обеспечит их сохранность. Наиболее распространенные сегодня форматы — это MP4, AVI, MOV.

В уголовном деле видеозапись на одноразовом дисковом носителе может храниться более десяти лет, на сохранность записанной информации не влияют электромагнитные поля. Видеозаписи также хранятся на жестких дисках, внешних накопителях или серверах. Записи, сделанные с помощью камер видеонаблюдения, чаще всего хранятся в специализированных системах, которые автоматически управляют данными.

Видеозапись в уголовном процессе должна быть защищена от изменений. Для этого могут использоваться различные механизмы и алгоритмы: криптография для подтверждения целостности данных, временные метки, указывающие дату и время записи, усложненный доступ к этим записям.

Видеозапись — это надежное и удобное доказательство. Она значительно ускоряет процесс

расследования, предоставляет точные и детализированные сведения о событиях и помогает выявить участников происшествия, формируя понимание произошедшего.

Таким образом, цифровые доказательства в уголовном процессе выступают важным элементом доказательственной базы, который не только расширяет возможности правоохранительных

органов, но и ставит перед ними новые вызовы в контексте обработки, оценки и представления указанных данных, а их правильное использование на основе тщательной проверки становится гарантией обеспечения законности и справедливости принимаемых решений.

1. Литвин И. И. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 75—76.

2. Иваев Д. Р. Роль видеозаписи в уголовном процессе // E-Scio. 2017. № 6 (9). С. 177—179.

3. Романова Е. В. Криминалистическое исследование фонограмм и видеозаписей в современном уголовном процессе // Научный электронный журнал «Меридиан». 2021. № 7 (60). С. 158—160.

4. Власов О. О. Классификация задач криминалистической экспертизы видеозаписей // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19, № 2. С. 14—25.

5. Попова Е. С. Фотоснимки, видеозаписи, фонограммы в системе доказательств в уголовном процессе // Центральный научный вестник. 2020. Т. 5, № 7-10 (96-99). С. 70—73.

6. Дмитриев А. В., Виноградов А. С. Оценка видеозаписи следственного действия в процессе доказывания по уголовным делам // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 4. С. 90—94.

7. Кибардин И. П. Особенности применения защитником аудио- и видеозаписи в современном уголовном процессе // Вестник. Государство и право. 2022. № 1 (32). С. 94—99.

8. Талынева З. З., Давыдова С. Р. К вопросу о доказательственном значении материалов аудио- и видеозаписи в уголовном процессе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 4 (82). С. 54—57.

Бугера Михаил Александрович,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
ma.bugera@mail.ru

1. Litvin I. I. Modern technical means and issues of their application at the pre-trial stages of criminal proceedings: dissertation of candidate of juridical sciences. Yekaterinburg, 2018, 75—76. (In Russ.).

2. Ivayev D. R. The role of video recording in criminal proceedings. E-Scio, 177—179, 2017. (In Russ.).

3. Romanova Ye. V. Forensic study of phonograms and video recordings in modern criminal proceedings. Scientific electronic journal "Meridian", 158—160, 2021. (In Russ.).

4. Vlasov O. O. Classification of tasks of forensic examination of video recordings. Theory and practice of forensic examination, 14—25, 2024. (In Russ.).

5. Popova Ye. S. Photos, video recordings, phonograms in the system of evidence in criminal proceedings. Central scientific journal, 70—73, 2020. (In Russ.).

6. Dmitriyev A. V., Vinogradov A. S. Assessment of video recordings of investigative action in the process of proving in criminal cases. Journal of legal and economic studies, 90—94, 2023. (In Russ.).

7. Kibardin I. P. Peculiarities of the application of audio and video recording by a defender in modern criminal proceedings. Journal. State and law, 94—99, 2022. (In Russ.).

8. Talyneva Z. Z., Davydova S. R. On the issue of evidentiary value of audio and video recordings in criminal proceedings. Journal of the Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 54—57, 2018. (In Russ.).

Bugera Mikhail Alexandrovich,
professor at the department
of criminal law and criminology
of the Krasnodar University
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
ma.bugera@mail.ru

Третьяков Юрий Владимирович,
доцент кафедры
уголовного права и процесса
Волгоградского государственного
университета,
кандидат юридических наук;
uriopc2008@rambler.ru

Tretiyakov Yuri Vladimirovich,
associate professor at the department
of criminal law and procedure
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences;
uriopc2008@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 07.08.2025; одобрена после рецензирования 16.08.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 07.08.2025; approved after reviewing 16.08.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.13

**И ВНОВЬ О ЦИФРОВИЗАЦИИ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА****Елена Александровна Зайцева**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, zaitceva-expert@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируются основные этапы цифровизации уголовного судопроизводства, прослеживаются тенденции и итоги реализации федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2007—2011 гг., которая заложила правовую основу и обозначила основные направления цифровизации именно в судебной системе российского государства. Показана роль информационно-коммуникационных ресурсов для обеспечения работы судов, продемонстрирована практика цифровизации уголовного судопроизводства в Республике Казахстан. Обращено внимание на потребность разработки Единой стратегии цифровизации всех видов судопроизводства на одной цифровой платформе — для синхронизации этих процессов, совместимости программного обеспечения и оборудования, используемого в различных ведомствах, органах, службах. Затронута проблема использования технологии искусственного интеллекта в экспертной практике и в деятельности судов. Аргументирован вывод о незаконности практики подготовки текстов приговоров с помощью технологии искусственного интеллекта в отсутствие нормативной основы такой практики, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также специально ориентированной на нужды судебной системы платформы для оформления судебных решений.

Ключевые слова: цифровизация уголовного судопроизводства, телекоммуникационные технологии, дистанционные следственные действия, технологии искусственного интеллекта

Для цитирования: Зайцева Е. А. И вновь о цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 127—132.

ON DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS ONCE MORE**Yelena Aleksandrovna Zaitseva**

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, zaitceva-expert@rambler.ru

Abstract. This article analyzes key stages of digitalization of criminal proceedings, traces trends and results of the implementation of the federal target program "Development of the judicial system of Russia" in 2007—2011, which laid the legal foundation and outlined the main directions of digitalization in the judicial system of the Russian state. The author shows the role of information and communication resources in supporting the courts functioning and presents the experience of digitalization of criminal proceedings in the Republic of Kazakhstan. The article highlights the need to develop a Unified strategy for digitalizing all types of legal proceedings on a united digital platform to synchronize these processes and ensure the compatibility of software and equipment used in various departments, bodies, and services. The issue of using artificial intelligence technology in forensic practice and in the court activity of is touched. The author substantiates the conclusion that the practice of preparing verdict texts by using artificial intelligence technology is illegal because of the absence of a regulatory base for such a practice, clarifications from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as a platform for the processing of court decisions specifically oriented to the needs of the judicial system.

Keywords: digitalization of criminal proceedings, telecommunication technologies, remote investigative actions, artificial intelligence technologies

For citation: Zaitseva Ye. A. On digitalization of criminal proceedings once more. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 127—132, 2025. (In Russ.).

Уголовно-процессуальная наука всегда реагирует на запросы практики, выверяя с ее потребностями основные направления научных исследований. Последнее десятилетие устойчиво характеризуется повышенным интересом к проблематике использования цифровых технологий во всех сферах жизни нашего общества — это данность современного бытия, которую не может игнорировать и наука уголовного процесса. Потому публикации на тему «цифры» в уголовно-процессуальных источниках стали весьма частыми, и «не пишет об этом только ленивый». Само собой разумеется, что указанная проблематика стала довлеть и на научно-представительских мероприятиях, задавая вектор дискуссии и предопределяя спектр интересов выступающих на разных площадках докладчиков.

При этом хотелось бы обратить внимание на то, как со временем усложняется проблемное поле, связанное с использованием цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. Изначально их потенциал оценивался авторами сквозь призму применения дистанционного формата участия субъектов уголовно-процессуальных отношений в заседаниях судов посредством информационно-коммуникационных систем (далее — ИКС), чему в немалой степени способствовало принятие в свое время федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2007—2011 г., предусматривавшей многовекторное развитие цифровых технологий для нужд судебного ведомства: создание единой информационной системы судов и Федеральной службы судебных приставов¹; организацию электронного архива Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) и создание ИКС КС РФ; формирование государственной автоматизированной системы «Правосудие» и интегрирование с ней ИКС Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) «Правосудие»; создание телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечивающей взаимодействие

арбитражных судов², судов общей юрисдикции и Судебного департамента при ВС РФ. Как видим, основной акцент в указанной программе был сделан прежде всего на цифровых коммуникациях, что вполне объяснимо, в первую очередь, масштабами российского государства, задающими устойчивый вектор развития дистанционных технологий. Ценность такого формата участия была со всей очевидностью подтверждена в период ковидных ограничений.

По мере развития этих трендов стала четче осознаваться потребность в создании оцифрованных архивов и всего делопроизводства — это диктовалось самой логикой дистанционного формата судопроизводственных процедур любой отраслевой принадлежности. Наличие позитивного опыта соседних государств позволяло уяснить основные направления реализации этой глобальной реформы и выявить их потенциал для российской правовой системы. Например, в Республике Казахстан с 2017 г. на основании Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности»³ осуществляется поэтапно внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство, что предусматривает возможность на основании мотивированного постановления лица, осуществляющего досудебное производство, использовать модуль «Электронное уголовное дело», значительно облегчающий ведение следственного производства и ознакомление с материалами уголовного дела заинтересованных лиц. По состоянию на май 2023 г. отмечается дополнение данного модуля эффективными приложениями: «ЕРДР Оффлайн», которое позволяет в дистанционном режиме осуществлять фиксацию в Едином реестре досудебных расследований хода следственных действий вне рабочего места следователя; «Е-сараптама», с помощью которого следователь может дистанционно назначать судебные экспертизы и получать результаты проведенных экспертных исследований; «Е-заң көмегі», которое

¹ По этому поводу мы ранее писали, что было бы разумным параллельно с этим шагом разработать на федеральном уровне Единую информационно-телекоммуникационную систему органов прокуратуры и суда — на основе технических каналов видео-конференц-связи, системы ГАС «Правосудие», с последующим подключением сходных систем территориальных органов внутренних дел [1, с. 115].

² Об успехах внедрения достижений цифровизации в системе арбитражных судов очень подробно пишет А. Р. Шарипова [2, с. 41—44].

³ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности: закон Республики Казахстан от 21 декабря 2017 г. № 118-VI. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35167041 (дата обращения: 31.10.2025).

облегчает следователю приглашение адвоката по назначению в режиме онлайн¹.

Подобный опыт необходимо детально изучать и с учетом его позитивности и результативности разрабатывать отечественное программное обеспечение (далее — ПО), позволяющее в режиме существования различных видов тайн, вовлеченных в уголовное судопроизводство, гарантировать сохранность информации при соблюдении установленных уголовно-процессуальным законом прав участников уголовного процесса².

Однако необходимо отдавать себе отчет в том, что уголовное судопроизводство является одним из важных направлений правоприменительной деятельности государственных органов России, что аналогичные потребности существуют и в других видах юрисдикционной деятельности. А это актуализирует разработку Единой стратегии цифровизации всех этих видов на одной цифровой платформе — для синхронизации указанных процессов, совместимости ПО и используемого в различных ведомствах, органах, службах оборудования. При этом критически важным видится обеспечение всех компонентов указанной системы отечественным ПО и оборудованием — в условиях санкционного давления и проблем реализации информационной безопасности. Использование разработок зарубежных специалистов в этой непростой обстановке грозит рисками получения ПО с «защитами» в них уязвимостями, что само по себе чревато непредсказуемыми последствиями в сфере обеспечения кибербезопасности функционирования крупных цифровых платформ.

Кроме того, весьма значимым с точки зрения вопросов цифровизации уголовного судопроизводства выступает внедрение в уголовно-процессуальную деятельность технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ). Справедливости ради отметим, что данная проблематика в последние годы привлекает внимание многих ученых-правоведов применительно к различным аспектам уголовно-процессуального познания, экспертной деятельности. Так, Е. Р. Россинская разрабатывает

концептуальные основы частной теории цифровизации судебно-экспертной деятельности [4; 5], где отдельным блоком выступает исследование возможностей использования ИИ с позиций в том числе потенциальных рисков такого внедрения [6].

Профессор Е. Р. Россинская верно акцентирует внимание на опасностях преувеличения возможностей ИИ в совокупности с игнорированием проблем корректности функционирования моделей, которые должны обучать конкретные субъекты, обладающие значительными знаниями в области IT-технологий и конкретных видов интеллектуальной деятельности (например, экспертной) [6, с. 157], ведь правильность решения задач посредством технологий ИИ (в частности, нейросетей) зависит не только от качества разработки соответствующих цифровых моделей, алгоритмов, но и от полноты и достоверности информации, которая должна быть сосредоточена в тематических базах данных датасетов [5, с. 28], а также от корректности самообучения тех или иных программ. Вместе с тем решение указанных масштабных задач требует участия специалистов соответствующей квалификации, совмещающих в себе познания из различных областей (по сути, речь идет о «редчайших экземплярах» сведущих лиц). И это только одна из проблем, подлежащих решению, на наличие которых обращает внимание профессор Е. Р. Россинская. Существуют и препятствия межведомственного взаимодействия, противоречивости методик различной ведомственной принадлежности и ряд других организационных препон, касающихся реализации идеи широкого внедрения ИИ-технологий в судебно-экспертную деятельность [5, с. 29].

Изучение отдельных свойств ИИ, выделенных на основе анализа О. Г. Дьяконовой (способность к самообучению; наличие определенной степени автономности) [7, с. 55], также высвечивает проблемное поле, демонстрирующее уязвимости технологий ИИ с точки зрения достоверности получаемой на их основе доказательственной информации.

Однако, несмотря на обозначенные очевидные риски, Е. Р. Россинская отмечает тревожную тенденцию в бесконтрольном использовании нейросетей при производстве экспертиз негосударственными экспертами [5, с. 29], что в условиях традиционного доверия правоприменителей к выводам судебной экспертизы чревато негативными последствиями для правильного разрешения уголовных дел на основе подобных, сомнительных заключений судебных экспертов.

¹ Цифровизация уголовного процесса // Сайт Акмата Есильского района Акмолинской области. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/aqmola-esil/press/article/details/124877?lang=ru> (дата обращения: 30.10.2025).

² Как это организовано в Республике Казахстан, где участники уголовного процесса могут через личный кабинет получить доступ к дозволенным (с учетом их статуса) документам для ознакомления, подать соответствующие жалобы, отводы и ходатайства (см.: [3, с. 129]).

Проблемы внедрения технологий ИИ в юрисдикционную деятельность нашли отражение и в судебной практике, что недавно стало достоянием юридической общественности. В частности, Судебная коллегия по уголовным делам Краснодарского краевого суда 21 августа 2025 г. вынесла апелляционное определение по жалобе осужденного Ф. и его защитника — адвоката А. М. Войстриковой, адвокатов К. В. Горишнего и А. В. Аванесяна в интересах осужденного В. на приговор Ейского городского суда Краснодарского края, которым Ф. был осужден по пп. «а», «в» ч. 5 ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Главный аргумент защиты — использование в тексте приговора суда технологий ИИ (автогенерации), наличие которых адвокаты подтверждали ссылкой на заключение специалиста-лингвиста. Лингвист утверждал, что приговор содержит смешение стилей, выявил несоблюдение жанровых особенностей текста приговора, отметил неуместность употребления ряда лексем, «пустую массивность текста», «бессмысленные» и «неестественные» конструкции. Как утверждают в многочисленных публикациях в СМИ, адвокат-защитник обратил внимание на «места в приговоре, где суд называет адвокатов „целой плеядой защитников“». Станным также показался фрагмент, где суд пишет, что подсудимые „чудесным образом“ участвовали в проверках, несмотря на „прекрасно организованный и подтвержденный распоряжением ГУ МВД по Краснодарскому краю зональный контроль“, „о котором суду поведала свидетель защиты“. Давая оценку одному из подсудимых, суд характеризует его как „решительное должностное лицо“»¹.

Автору настоящих строк приходилось в педагогической деятельности сталкиваться с похожими признаками при проверке письменных работ обучающихся. Факт использования сгенерированного ИИ текста в этом случае подтверждался при загрузке файла письменной работы в систему «Антиплагиат». Полагаем, специалист-лингвист вполне мог выявить путем профессионального анализа текста те самые признаки, которые указывают на использование технологий ИИ. Поэтому мы бы не оспаривали утверждение стороны защиты, подкрепленное авторитетным мнением лингвиста.

Тем не менее апелляционная инстанция не стала учитывать этот, казалось бы, формальный аспект

¹ В кубанских приговорах появился интеллект // Коммерсантъ. 2025. 14 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8120207> (дата обращения: 30.10.2025).

и привела в своем определении следующие контрдоводы: «Так, обжалуемый приговор суда изложен в ясных и понятных выражениях, в отсутствие непринятых сокращений и слов, неприемлемых в официальных документах. Выбранная судом стилистика изложения определенных умозаключений не влияет на законность принятого судом решения, не противоречит нормам Уголовно-процессуального закона РФ и постановления Пленума Верховного суда РФ от 29.11.2016 № 55 „О судебном приговоре“»².

Собственно, анализ текста определения суда второй инстанции показывает, что апелляционная инстанция сделала главный акцент на проверку допустимости, достоверности и достаточности доказательств, использованных судом для обоснования вины осужденного, на соблюдение состязательного режима исследования доказательств в присутствии сторон. Однако проверять обоснованность доводов стороны защиты об использовании фрагментов сгенерированного текста в приговоре суда апелляционная инстанция по какой-то причине не стала. При этом, зная инструментальные возможности апелляционного производства по проверке не вступивших в силу судебных решений, можем отметить, что в судебном следствии в данной инстанции не исключаются назначение судебных экспертиз и допросы специалистов.

Насколько правильной является данная позиция в условиях, когда использование технологий ИИ не регламентировано законом, когда нет соответствующего программного продукта, «заточенного» под потребности и специфику судебной деятельности, когда отсутствует адекватная наработанная судебная практика? Видится, что в этой ситуации апелляционная инстанция должна была проявить принципиальность, ведь речь идет о приговоре — акте правосудия, который должен отвечать всем высоким требованиям в части законности, обоснованности, мотивированности, справедливости и форма изложения которого должна соответствовать традиционным стандартам. Суду надлежало использовать специальные лингвистические знания для опровержения (подтверждения) доводов стороны защиты. Этот формальный аспект

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 21 августа 2025 г. URL: https://kraevoi--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=49d12441-61b4-42f8-8099-a8550bcb82f3&_deloid=4&_caseType=0&_new=4&_doc=1&_srv_num=1&_hideJudge=0 (дата обращения: 30.10.2025).

(использование ИИ) в условиях отсутствия легитимной практики и соответствующего программного продукта подрывает доверие простых граждан к системе правосудия, а у практикующих юристов вызывает обоснованное недоумение, ведь нейросеть, использованная в данном случае, не является специализированным программным обеспечением, «обученным» для нужд правосудия, с загруженной юридической лексикой и типичными речевыми оборотами, характерными для судебных актов. Это общедоступные ресурсы, самообучающиеся ежедневно на основе данных, загруженных в Сеть. Отсюда и «качество» итогового продукта, не соответствующего традиционным представлениям о приговоре как акте правосудия. Именно поэтому апелляционная инстанция должна была проверить доводы жалобы адвоката-защитника. Практике известна жесткая позиция ВС РФ в части так называемых флеш-приговоров — решений, подготовленных на основе представленных стороной обвинения файлов с обвинительным заключением (актом), где при сопоставлении этих документов с приговором можно выявить даже совпадения в орфографических

ошибках и знаках препинания. Пленум ВС РФ в п. 8 постановления от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» императивно сформулировал запрет: «Недопустимо перенесение в приговор показаний допрошенных по уголовному делу лиц и содержания других доказательств из обвинительного заключения или обвинительного акта без учета результатов проведенного судебного разбирательства»¹. И пока ВС РФ не обратил внимание на данную проблему в своем постановлении № 55, такие флеш-приговоры не были редкостью в уголовном судопроизводстве.

Возвращаясь к проблеме использования ИИ при подготовке текста приговора, выразим свою озабоченность данным фактом: указанным апелляционным определением Краснодарского краевого суда открывается серьезный прецедент, способствующий «наводнению» судебной практики подобными суррогатами. Думается, ВС РФ надлежит обратить внимание на эту нежелательную сторону цифровизации уголовного судопроизводства и высказать свое принципиальное мнение по указанной проблеме, выстроив судебное правоприменение в нужном русле.

1. Безмельницына Э. О., Зайцева Е. А. Участие прокурора в судах второй, кассационной и надзорной инстанций. Волгоград: ВА МВД России, 2011. 192 с.

2. Шарипова А. Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2022. 503 с.

3. Синкевич В. В. Цифровизация уголовного процесса: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 127—136.

4. Россинская Е. Р. Концепция частной теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 173—178.

5. Россинская Е. Р. Система теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19, № 3. С. 20—32.

1. Bezmelnitsyna E. O., Zaitseva Ye. A. Prosecutor's participation in the courts of second, cassation and supervisory instances. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2011: 192. (In Russ.).

2. Sharipova A. R. Conceptual foundations of inter-sectoral convergence in judicial proceedings on criminal cases. Dissertation of doctor of juridical sciences. Ufa: Bashkir State University; 2022: 503. (In Russ.).

3. Sinkevich V. V. Digitalization of criminal proceedings: foreign and domestic experience. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 127—136, 2022. (In Russ.).

4. Rossinskaya Ye. R. Concept of a particular theory of the digitalization of forensic expert activity. Bulletin of economic security, 173—178, 2022. (In Russ.).

5. Rossinskaya Ye. R. The system of digitalization theory of forensic activity. Theory and practice of forensic science, 20—32, 2024. (In Russ.).

¹ О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1.

6. Россинская Е. Р. Искусственный интеллект в судебной экспертизе: между инновациями и рисками // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы седьмой междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 5 июня 2025 г.). Екатеринбург: Центр содействия развитию криминалистики «КримЛиб», 2025. С. 155—161.

7. Дьяконова О. Г. К вопросу о понятии технологий искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3 (115). С. 52—63.

Зайцева Елена Александровна,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник
высшей школы Российской Федерации;
zaitceva-expert@rambler.ru

6. Rossinskaya Ye. R. Artificial intelligence in forensic examination: between innovations and risks. In: Technologies of the 21st century in jurisprudence. Materials of the Seventh international scientific and practical conference, 5 June 2025, Yekaterinburg. Yekaterinburg: Criminalistics development support Centre "CrimLib.info"; 2025: 155—161. (In Russ.).

7. Diyakonova O. G. On the issue on the concept of artificial intelligence technologies. Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 52—63, 2024. (In Russ.).

Zaitseva Yelena Aleksandrovna,

professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the Interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor,
honored worker
of the higher school of the Russian Federation;
zaitceva-expert@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 20.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.1

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ
КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА¹****Ирина Николаевна Чеботарева**

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, Cheb_irina@mail.ru

Аннотация. В статье с использованием системно-функционального подхода исследуются понятие, сущность и значение уголовно-процессуальных функций. Изучив существующие в российской доктрине уголовного процесса точки зрения, автор обосновывает ошибочность определения выполняемой участником уголовного судопроизводства функции посредством анализа имеющихся у него полномочий и приходит к заключению, что функция в уголовном процессе должна пониматься как направление деятельности, обуславливающее правовое положение ее субъектов. В статье констатируется, что в структуре уголовного судопроизводства, представляющего собой систему деятельности его участников, где каждый элемент имеет собственное назначение и специфические задачи, направленные на удовлетворение соответствующих потребностей системы в целом, уголовно-процессуальные функции выступают системообразующим компонентом. При традиционном делении функций на триаду — обвинение, защита, разрешение уголовного дела — за исходный элемент следует принимать обвинение, активирующее защиту и обуславливающее необходимость разрешения дела. Автор приходит к выводу, что такой подход позволяет рассматривать систему уголовно-процессуальных функций как структурную часть системы более высокого уровня — уголовно-процессуальной деятельности, являющейся элементом системы противодействия преступности, которая, в свою очередь, представляет собой часть системы обеспечения национальной безопасности, и анализировать место и роль основных уголовно-процессуальных функций (обвинения, защиты, разрешения уголовного дела) в таком ракурсе.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная функция, направления уголовно-процессуальной деятельности, основные уголовно-процессуальные функции, система функций, система уголовного процесса, национальная безопасность

Для цитирования: Чеботарева И. Н. Уголовно-процессуальные функции как системообразующий элемент уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 133—140.

**CRIMINAL PROCEDURE FUNCTIONS
AS A SYSTEM-FORMING ELEMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS****Irina Nickolayevna Chebotareva**

Southwest State University, Kursk, Russia, Cheb_irina@mail.ru

Abstract. The article deals with the concept, essence and meaning of the criminal procedure functions by using a system of functional approach. Having examined the points of view existing in the Russian doctrine of criminal procedure, the author justifies the fallacy of defining the function of a participant in criminal proceedings by analyzing his available powers. The author makes a conclusion, that the criminal procedure function should be considered as a line of activity determining the legal status of its subjects. In his article, the author states that in the structure of criminal proceedings criminal procedure functions act as a system-forming component. At the same time, the structure of criminal proceedings is a system of activities of its participants, where each element has its own purpose and specific tasks aimed at meeting the relevant needs of the system as a whole. In the traditional triad of functions (accusation, defense and solution of criminal case), the initial point should be the

© Чеботарева И. Н., 2025

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM — 2025—0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1

accusation activating the defense and necessitating the solution of the case. The author concludes that this approach makes it possible: to consider the criminal procedure functions as a structural part of a system of a higher level that is a criminal procedure activity, the last one being an element of crime counteraction in turn is a part of the national security system; and to analyze the place and role of basic criminal procedure functions (prosecution, defense, criminal case solution) in this context.

Keywords: criminal procedure function, lines of criminal procedure activity, basic criminal procedure functions, system of functions, system of criminal procedure, national security

For citation: Chebotareva I. N. Criminal procedure functions as a system-forming element of criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 133—140, 2025. (In Russ.).

Проблема уголовно-процессуальных функций не перестает быть актуальной и значимой в науке уголовного процесса. При всем многообразии мнений о том, что такое уголовно-процессуальная функция, сколько их в уголовном процессе, о субъектах, их реализующих, в отечественной доктрине до сих пор не выработано единого представления об уголовно-процессуальной функции, несмотря на то что дискуссии по данному вопросу ведутся уже много десятилетий. Ответ на него, представляется, имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку посредством анализа функций обвинения, защиты и разрешения дела можно описать функциональную структуру всего производства по уголовным делам, определить место и роль, сущность и значение в ней каждой из них. Решение проблемы с пониманием того, что представляет собой уголовно-процессуальная функция, позволит устранить вопросы не только уровня теории и практики уголовного процесса, но и более высокого государственно-правового уровня. Этого можно достичь не столько путем формирования понимания в общем интегрированном виде отдельных аспектов деятельности участников процесса, сколько путем представления направлений этой деятельности в виде взаимосвязанных элементов и их взаимодействия, обеспечив таким образом системное видение уголовно-процессуальной деятельности, целостной картины ее места в государственно-правовой действительности.

Неотъемлемая внутренняя связь функции с деятельностью участников уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальной доктрине в данный момент является признанной. Мнения разнятся в вопросе, чем является функция — направлением этой деятельности, видом деятельности, ее частью или чем-то другим. Наиболее распространенное на сегодняшний день определение понятия «уголовно-процессуальная функция» — основное направление деятельности участников уголовного судопроизводства — сформулировал М. С. Строгович [1, с. 181]. Авторы, связывающие

функцию с направленностью деятельности, проводя разную степень конкретизации и детализации признаков, характеризующих такую направленность, полагают, что функции непосредственно и прямо связаны со специальным назначением и ролью участников уголовно-процессуальной деятельности. При этом большинство авторов полагают, что основные направления уголовно-процессуальной деятельности участников процесса выражают их назначение [2, с. 54—55; 3, с. 23; 4, с. 16; 5, с. 16], а другие — что назначение участников определяет основные направления их процессуальной деятельности [6, с. 24].

Прежде чем определиться, какая из представленных позиций более верна с точки зрения избранного в данной статье подхода к исследованию вопроса процессуальных функций, следует заметить, что развитие теории уголовно-процессуальных функций происходило под влиянием идей о необходимости использования метода системно-функционального анализа, для которого понятие функции является центральным. Под функцией понимается назначение (роль) одного из элементов некоторой целостности по отношению к другому или к целостности (системе) в целом [7, с. 1098].

Уголовное судопроизводство в отечественной науке традиционно рассматривается как социальная система с присущими ей элементами и связями, внутренней и внешней средой функционирования. Это система, по мнению А. А. Козявина, представляет собой диалектическое единство ее элементов, она является урегулированной нормами права, целенаправленной и систематизированной по видам и стадиям деятельностью, связанной с возбуждением, расследованием, рассмотрением и разрешением уголовных дел, предполагающей наличие у ее участников определенных процессуальных функций [8, с. 50].

Система, согласно общей теории систем (и уголовный процесс в данном случае не является исключением), может расчленяться на подсистемы и элементы абсолютно различными способами, в зависимости от того, какой подход используется

исследователем. В свою очередь функциональное описание системы может быть представлено различными моделями функций исходя из того, какой элемент системы принимается за исходный. Что также зависит от аспекта ее рассмотрения, решения конкретной исследовательской или практической задачи. Уголовный процесс как деятельность представляет собой объединение подсистем, каждая из которых есть совокупность уголовно-процессуальных действий органов и лиц. Можно рассматривать уголовный процесс как систему стадий, систему производств, а можно как систему направлений деятельности его участников или по-другому. Метод системного анализа позволяет проследить внутренние взаимосвязи этих подсистем. Рассматривая уголовный процесс как целостную систему деятельности, обладающую определенной структурой, каждый элемент которой имеет собственное назначение и выполняет специфические функции, направленные на удовлетворение соответствующих потребностей системы, можно проанализировать место и роль уголовно-процессуальных функций в структуре этой системы (уголовного процесса в целом). Направления процессуальной деятельности (уголовно-процессуальные функции) представляют собой структурные элементы по отношению к целому — системе процессуальной деятельности.

За исходный элемент системы уголовно-процессуальных функций при традиционном делении их на триаду — обвинение, защита, разрешение уголовного дела — в юридической литературе принято принимать обвинение, поскольку именно оно обуславливает существование остальных — защиты и разрешения дела [9, с. 423]. Следует заметить, что именно такое деление отражает специфику уголовного процесса как деятельности по установлению виновности или невиновности обвиняемого по предъявленному ему обвинению и вынесению судом законного, обоснованного и справедливого решения по делу. Поэтому указанные направления деятельности являются системообразующими, позволяющими отличить уголовный процесс от других систем, сущность которых составляет юридический процесс. Система трех функций — обвинение, защита и разрешение дела — закреплена в действующем уголовно-процессуальном законе (ч. 2 ст. 15, п. 45 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)). Она распределяет участников на стороны и суд, наделив их соответствующими правами (полномочиями) и обязанностями.

Правильное осознание участниками процесса направления своей деятельности (функции, которую они выполняют) лежит в основе ее законности — реализации прав и осуществлении обязанностей в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законом, стабильности системы уголовного процесса. Несмотря на законодательное закрепление функциональной направленности деятельности участников уголовного судопроизводства, можно наблюдать недопонимание с их стороны своего назначения и роли в процессе производства по уголовному делу. Примером неверного понимания судом своей функции в уголовном судопроизводстве — функции разрешения уголовного дела — может служить уголовное дело, ставшее предметом рассмотрения Второго кассационного суда общей юрисдикции (кассационное определение от 30 мая 2023 г. № 77-1812/2023¹). В данном случае суд первой инстанции вопреки требованию ч. 1 ст. 275 УПК РФ не предоставил возможность допросить в судебном разбирательстве подсудимого первым защитнику (и другим участникам со стороны защиты), а потом государственному обвинителю и участникам со стороны обвинения, как это установлено в УПК РФ. Сначала подсудимого допросил председательствующий, выяснил у него имеющие значение для дела обстоятельства совершения преступления, а адвокату-защитнику предоставил возможность допросить своего подзащитного только после перерыва в судебном заседании. Суд кассационной инстанции увидел в этом существенное нарушение уголовно-процессуального закона и отменил приговор, направил дело на новое рассмотрение. Следует заметить, что данное дело не является исключительным, свидетельством чему служат и другие решения судов кассационной инстанции по аналогичным нарушениям (например, кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19 ноября 2024 г. № 77-2963/2024²). Кассационный суд в таких делах обращает внимание на нарушение судом

¹ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 мая 2023 г. № 77-1812/2023 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.11.2025).

² Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19 ноября 2024 г. № 77-2963/2024 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.11.2025).

не только требования состязательности судебного разбирательства, но и беспристрастности суда.

Примером неверного трактования выполняемой в процессе функции и судом, и государственным обвинителем может служить уголовное дело, рассмотренное Третьим кассационным судом общей юрисдикции (кассационное определение от 1 февраля 2022 г. № 77-395/2022¹). В данном деле государственный обвинитель фактически отказался от реализации своей функции, а суд «подменил сторону обвинения», выполнил несвойственную ему функцию обвинения. Как следует из кассационного определения, в судебном заседании государственный обвинитель заявил, что у него нет вопросов к свидетелям. Таким образом, обвинитель отказался допрашивать свидетелей и тем самым отказался представлять суду доказательства обвинения. Суд в сложившейся ситуации сам начал допрос свидетелей об известных им обстоятельствах совершения преступления, установил факты, входящие в предмет доказывания, которые впоследствии положил в основу обвинительного приговора. Такими действиями суд нарушил требование ч. 2 ст. 14 УПК РФ о том, что бремя доказывания лежит на стороне обвинения, и ч. 3 ст. 15 о том, что суд не должен выступать ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты, а должен лишь создавать условия для выполнения сторонами обязанностей и реализации прав. Нередки ситуации, когда государственные обвинители не оглашают обвинительное заключение в начале судебного следствия. Между тем такое оглашение не только определяет пределы судебного разбирательства, обеспечивает право подсудимого знать, в чем его обвиняют, но и является показателем независимости и беспристрастности суда, позволяет участникам, реализующим функцию защиты, возразить на обвинение и представить свою позицию. Вышестоящими судами данная практика признается грубым нарушением закона, влекущим отмену приговора (например, это нашло отражение в кассационных определениях Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 апреля 2022 г. № 77-2022/2022² и Третьего кассаци-

онного суда общей юрисдикции от 20 декабря 2022 г. № 77-3296/2022³).

Безусловно, суд в отечественном уголовном судопроизводстве может занимать активную роль при рассмотрении уголовного дела и у него есть для этого соответствующие полномочия, позволяющие ему разрешить уголовное дело и вынести законный, обоснованный и справедливый приговор, но он не должен подменять собой стороны, выполнять их функции вместо них. Одновременно каждая из сторон должна выполнять свою особую функцию, не перекладывая ее на суд.

Проблемы с пониманием своей роли в уголовном процессе его участниками отчасти обусловлены неразрешенностью на теоретическом уровне вопроса о понятии уголовно-процессуальной функции, ее места и роли в системе уголовного процесса.

Каждый элемент системы — это единица, выделяемая именно по функциональным признакам, т. е. по признаку того, что она делает, какова ее роль в достижении цели системы. С точки зрения системы важно в первую очередь не то, что лежит в основе элемента, как справедливо утверждала Л. Б. Алексеева, а то, что он делает, чему служит в рамках целого [9, с. 423]. Из этого следует, что направление деятельности участника процесса (процессуальная функция) не определяется его ролью и назначением в процессе производства по уголовному делу, а наоборот — наличие функции обуславливает необходимость появления того или иного участника процесса.

В практической плоскости это означает, что, поскольку уголовно-процессуальные функции прочно связаны с деятельностью — реализацией прав и обязанностей участниками уголовного процесса, эти процессуальные права и обязанности должны быть определены исходя из того, для чего нужен тот или иной участник в производстве по уголовному делу (сообразно тому, какую функцию он в нем выполняет), а не наоборот — набор таких прав и обязанностей является критерием определения функциональной принадлежности участника процесса. Назначение участника уголовного судопроизводства, отведенная ему в этом

¹ Кассационное определение от 1 февраля 2022 г. № 77-395/2022 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.11.2025).

² Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 апреля 2022 г. № 77-2022/2022 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.11.2025).

³ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20 декабря 2022 г. № 77-3296/2022 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.11.2025).

процессе роль обуславливают деятельность, которую он осуществляет, т. е. реализацию им прав (полномочий), которыми его наделил законодатель, и исполнение обязанностей. Другими словами, направление деятельности участника процесса (уголовно-процессуальная функция) вытекает из его предназначения в уголовном судопроизводстве, а не определяет его. При таком подходе правовые статусы участников уголовного процесса должны формироваться исходя из того, какая роль отведена им в процессе, какую функцию они в нем выполняют, функция должна определять правовое положение. Как писал А. А. Козявин, необходимо следовать от целей к функциям и деятельности, а не наоборот — от деятельности к функциям и целям [8, с. 77].

Четкое законодательное закрепление в УПК РФ целей и задач как уголовного судопроизводства в целом (вместо или вместе с определением его назначения (ст. 6 УПК РФ)), так и участников, выполняющих функцию обвинения, защиты и разрешения дела, позволит во многом устранить имеющиеся проблемы у субъектов уголовно-процессуальной деятельности с пониманием своего функционального предназначения.

В доктрине уголовного процесса есть и другой подход к определению выполняемой участником функции — путем анализа имеющихся у него полномочий. Так, в юридической литературе можно встретить мнение, что функция — это основная обязанность или виды деятельности, осуществляемые участниками уголовного судопроизводства в соответствии с их правами и обязанностями [10, с. 187—188]. Обусловленность уголовно-процессуальной функции правовым статусом участника процесса (правами и обязанностями), как верно отмечают исследователи данного вопроса, является причиной расширения перечня процессуальных функций, признания возможности выполнения одним участником нескольких функций [11, с. 70]. При таком подходе количество функций может соотноситься с количеством участников уголовного судопроизводства, а само понятие «функция» сводиться к прагматическому ее пониманию — «функционирование», «жизнедеятельность» (лицо реализует имеющиеся у него права и обязанности, а значит, «функционирует» в уголовном процессе). Функции в данном случае «приписываются» участникам процесса, а не участники «распределяются» по функциям (как, представляется, это следует делать); определяются функции участников уголовного судопроизводства,

а не уголовно-процессуальные функции. В таком значении употребляется данное понятие авторами, например, когда характеризуется «функция специалиста» [12]. В данном случае набор полномочий, прав, обязанностей определяет, какую функцию выполняет тот или иной участник процесса. В этой интерпретации категории «уголовно-процессуальная функция» фактически совпадает с понятием «правовой статус участника» (если рассматривать ее в статичном состоянии как права и обязанности (полномочия), которыми наделяется законом тот или иной участник уголовного процесса) и / или «реализация прав» (если рассматривать ее в динамическом состоянии как деятельность по реализации этих прав и обязанностей (полномочий)). Абсолютно верно отмечает В. М. Бозров по этому поводу: «Если мы словом „функция“ будем именовать любые действия всех участвующих в деле лиц от эксперта, дающего показания по поводу данного им заключения, или свидетеля, дающего заведомо ложные показания, до специалиста, производившего освидетельствование, то зачем пользоваться термином „функция“? От таких действий никакой направленности не наблюдается, и вполне можно обойтись вопросами о правах и обязанностях участвующих в деле лиц» [13, с. 22]. Действительно, рассматриваемый подход лишает самостоятельного теоретического и практического значения категорию «уголовно-процессуальная функция», сводя ее к лингвистической конструкции, выступающей синонимом таких понятий, как полномочия, обязанности, круг деятельности, в их разного рода обобщении по отдельным признакам и группировании применительно к различным субъектам.

Упрощение категории «уголовно-процессуальная функция» ведет к необоснованному снижению ее теоретической и практической значимости. Представляется, следует разграничивать уголовно-процессуальные функции в целом (применительно к уголовному процессу как деятельности) и функции его отдельных участников (применительно к уголовно-процессуальной деятельности отдельных участников) так, как это, например, делает Д. М. Берова, предложившая выделять «общие уголовно-процессуальные функции» и «функции субъектов уголовно-процессуальной деятельности» [14, с. 14].

В свое время С. А. Альперт справедливо отмечал, что «термин уголовно-процессуальная функция применяется для характеристики не отдельных процессуальных действий либо роли того или иного

субъекта процесса, а более широкого и емкого понятия, каким является направление в процессуальной деятельности» [15, с. 15].

Определение уголовно-процессуальной функции как основного направления деятельности позволяет рассматривать данную категорию на более высоком уровне — как системообразующий элемент уголовного судопроизводства. Правы те авторы, которые указывают, что «понятие процессуальных функций в судопроизводстве является базовым и определяющим» [16, с. 113], «процессуальные функции „скрепляют“ уголовно-процессуальную деятельность в единое целое, обеспечивают единство уголовного процесса» [17, с. 107]; «уголовно-процессуальные функции уголовного преследования, защиты, осуществления правосудия обладают генерирующим, системообразующим характером» [18, с. 9—10].

Системный подход к исследованию уголовно-процессуальных функций обязует учитывать требования общей теории систем, согласно которой каждый объект в процессе его исследования должен рассматриваться как большая и сложная система и одновременно как элемент более общей системы. Для любой системы характерна не только внутренняя среда, но и внешняя.

Уголовный процесс, представляя собой деятельность правоохранительных органов и их должностных лиц, будучи структурным элементом системы противодействия преступности, является фактором обеспечения национальной безопасности государства. Путем применения уголовных и уголовно-процессуальных средств государство осуществляет императивный контроль над лицами, посягнувшими на охраняемые уголовным законом общественные отношения, противодействует и пресекает их деструктивную деятельность, а также предупреждает ее. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» повышение эффективности деятельности правоохранительных органов по защите основ конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, обеспечение реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступления способствуют обеспечению государственной и общественной безопасности как стратегическому национальному приоритету, а укрепление законности и правопорядка является одной из целей его обеспечения. В связи с этим надлежащее правовое регулирование уголовно-процессуальной деятельности в целом и правоохранительных

органов в данной сфере в частности, надлежащую правореализацию можно рассматривать как одно из условий действенного функционирования системы обеспечения национальной безопасности, противодействия ее угрозам.

При таком подходе система уголовно-процессуальных функций, будучи частью системы уголовного процесса, является элементом системы противодействия преступности и частью системы обеспечения национальной безопасности, противодействия ее угрозам. Они выступают внешней средой по отношению к системе уголовно-процессуальной деятельности. Характеризуя эту среду, следует отметить, что в 2024 г., согласно данным официальной статистики МВД России, опубликованной в сборнике «Состояние преступности в России за январь — декабрь 2024 года», было зарегистрировано почти два миллиона (1,91 млн) преступлений. Это на 1,8 % меньше, чем в 2023 г., однако почти половина из них (929,7 тыс.) остались нераскрытыми, что на 2 % больше, чем в 2023 г. Из приведенных данных следует, что, несмотря на снижение количества зарегистрированных преступлений, можно наблюдать рост числа тех, которые остались нераскрытыми, что свидетельствует о необходимости повышения эффективности функционирования системы противодействия преступности, частью которой является уголовный процесс как система функционально-обусловленной деятельности должностных лиц органов государственной власти.

Подводя итог исследованию, сформулируем некоторые выводы.

Анализ уголовно-процессуальной функции как основного направления деятельности участников уголовного судопроизводства позволяет рассматривать данную категорию на более высоком уровне — как системообразующий элемент уголовного судопроизводства. Направления процессуальной деятельности представляют собой структурный элемент по отношению к целому — системе процессуальной деятельности. За исходный элемент системы уголовно-процессуальных функций при традиционном делении их на триаду — обвинение, защита, разрешение уголовного дела — в юридической литературе принято понимать обвинение, поскольку именно оно обуславливает существование остальных — защиты и разрешения дела.

Определение выполняемой участником функции посредством анализа имеющихся у него полномочий приводит к отождествлению понятия «уголовно-процессуальная функция» с полномо-

чиями, обязанностями, кругом деятельности участников, лишает самостоятельного теоретического и практического значения данную категорию. Следует разграничивать уголовно-процессуальные

функции применительно к уголовному процессу в целом и функции его отдельных участников (применительно к уголовно-процессуальной деятельности отдельных участников).

1. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. Москва, 1968. 468 с.

2. Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Ленинград, 1963. 171 с.

3. Рахунув Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. Москва, 1961. 277 с.

4. Володина Л. М. Назначение, функции и задачи уголовного судопроизводства // Известия АлтГУ. 2015. № 2 (86). С. 14—18.

5. Макарова З. В. Профессиональная защита подозреваемых, обвиняемых. Санкт-Петербург, 2008. 338 с.

6. Нажимов В. П. Об основных уголовно-процессуальных функциях и законах психологии // Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам: сб. науч. тр. Вып. 2. Калининград, 1983. С. 23—35.

7. Социология: энцикл. / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенков, Г. В. Евелькин [и др.]. Минск, 2003. 1312 с.

8. Козьявин А. А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства. Москва, 2010. 272 с.

9. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / В. Б. Алексеев, Л. Б. Алексеева, В. П. Божьев [и др.]; под ред.: А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. Москва, 1989. 640 с.

10. Исаенко В. Н. Государственное обвинение в системе уголовно-процессуальных функций // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1 (98). С. 183—193.

11. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). Москва, 2003. 144 с.

12. Махов В. Н. Развитие функций специалиста в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2013. № 2. С. 121—126.

13. Бозров В. М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть. Екатеринбург, 2012. 96 с.

1. Strogovich M. S. Course of the Soviet criminal procedure. Basic principles of the Soviet criminal procedure science. Moscow; 1968: 468. (In Russ.).

2. Elkind P. S. Essence of the Soviet criminal procedure law. Leningrad; 1963: 171. (In Russ.).

3. Rakhunov R. D. Participants in criminal procedural activities under Soviet law. Moscow; 1961: 277. (In Russ.).

4. Volodina L. M. Purpose, functions and tasks of criminal proceedings. *Izvestiya of AltSU*, 14—18, 2015. (In Russ.).

5. Makarova Z. V. Professional protection of suspects and accused. Saint Petersburg; 2008: 338. (In Russ.).

6. Nazhimov V. P. On the basic criminal procedure functions and laws of psychology. In: *Issues of the administration of justice in criminal matters. Collection of scientific works. Issue 2.* Kaliningrad; 1983: 23—35. (In Russ.).

7. *Sociology: encyclopedia. Comp. by A. A. Gritsanov, V. L. Abushenkov, G. V. Yevelkin (et al.).* Minsk; 2003: 1312. (In Russ.).

8. Kozyavin A. A. Social purpose and functions of criminal proceedings. Moscow; 2010: 272. (In Russ.).

9. Alekseyev V. B., Alekseyeva L. B., Bozhyev V. P. (et al.) *Course of the Soviet criminal procedure. General part.* Red. by A. D. Boikov, I. I. Karpets. Moscow; 1989: 640. (In Russ.).

10. Isaenko V. N. State prosecution in the system of criminal procedural functions. *Topical problems of Russian law*, 183—193, 2019. (In Russ.).

11. Mikhailovskaya I. B. Purposes, functions and principles of Russian criminal proceedings. Moscow; 2003: 144. (In Russ.).

12. Makhov V. N. Development of specialist's functions in the criminal procedure of the Russian Federation. *Journal of the RUDN University. "Legal Sciences" series*, 121—126, 2013 (In Russ.).

13. Bozrov V. M. Fundamentals of the theory of criminal procedural functions. General part. Yekaterinburg; 2012: 96. (In Russ.).

14. Berova D. M. Fundamentals of the theory of functionalism in criminal proceedings. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Krasnodar; 2011: 48. (In Russ.).

14. Берова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2011. 48 с.

15. Альперт С. А. Обвинение в советском уголовном процессе: учеб. пособие. Харьков, 1974. 38 с.

16. Смирнов А. В. Баланс процессуальных функций и формы предварительного расследования // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1 (75). С. 113—120.

17. Бурмагин С. В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия: монография. Москва, 2021. 720 с.

18. Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальные функции. Ижевск, 2002. 240 с.

15. Alpert S. A. Accusation in the Soviet criminal procedure. Textbook. Kharkov; 1974: 38. (In Russ.).

16. Smirnov A. V. Balance of procedural functions and forms of preliminary investigation. Law-governed state: theory and practice, 113—120, 2024. (In Russ.).

17. Burmagin S. V. Judicial proceedings and decisions in the criminal justice system. Monograph. Moscow; 2021: 720. (In Russ.).

18. Zinatullin Z. Z., Zinatullin T. Z. Criminal procedural functions. Izhevsk; 2002: 240. (In Russ.).

Чеботарева Ирина Николаевна,

доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Юго-Западного государственного
университета,
кандидат юридических наук, доцент;
Cheb_irina@mail.ru

Chebotareva Irina Nickolayevna,

associate professor
at the department
of criminal procedure and criminology
of Southwest State University,
candidate of juridical sciences, docent;
Cheb_irina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.07.2025; одобрена после рецензирования 31.07.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 21.07.2025; approved after reviewing 31.07.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.985.7:343.6

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ****Андрей Сергеевич Волков*, Алексей Николаевич Фролов****

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

* volkov-krim@yandex.ru

** frolov_a73@mail.ru

Аннотация. В настоящее время Интернет стал инструментом для достижения различных преступных целей. Социальные сети упрощают сохранение анонимности, создание фейковых аккаунтов и поиск конкретных групп пользователей, соответствующих определенным критериям. Главным образом рискуют дети и подростки, в отношении которых совершаются развратные действия. В статье рассматриваются особенности допроса лиц, подозреваемых в совершении преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних с использованием сети Интернет. Авторы отмечают, что расследование таких преступлений имеет свою специфику, обусловленную личностью жертвы и мотивами преступников. И если особенности допроса потерпевших по данной категории преступлений ранее рассматривались, то особенности допроса подозреваемого рассматриваются впервые. В статье приводится примерный перечень вопросов подозреваемому с учетом того, что объектами исследования в основном являются электронные следы, которые, как правило, не несут какого-либо идентификационного значения. Перечисляются организационные мероприятия, которые надлежит выполнить следователю перед проведением допроса подозреваемого. Авторы обосновывают свою позицию, касающуюся привлечения специалиста-психолога к допросу подозреваемого, и делают выводы, что эффективное расследование преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет, возможно только с применением специальных знаний из различных отраслей науки.

Ключевые слова: преступления против половой неприкосновенности, преступления с использованием сети Интернет, расследование половых преступлений

Для цитирования: Волков А. С., Фролов А. Н. Организационно-тактические особенности допроса подозреваемого при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 141—146.

**ORGANIZATIONAL AND TACTICAL PECULIARITIES
OF INTERROGATING THE SUSPECT,
WHILE INVESTIGATING OFFENCES
AGAINST SEXUAL INVIOABILITY OF JUVENILES
COMMITTED VIA THE INTERNET****Andrey Sergeyevich Volkov*, Alexey Nikolayevich Frolov****

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

* volkov-krim@yandex.ru

** frolov_a73@mail.ru

Abstract. Nowadays the Internet has become a means of achieving different criminal objectives. Social networking service makes it easier to maintain anonymity, create fake accounts and search specific groups of users who meet certain standards. Children and teenagers involved in abusive sexual acts are mostly to be at risk. The

article focuses on the peculiarities of interrogating individuals suspected of committing offences against sexual inviolability of juveniles via the Internet. The authors point out the investigation of such offences is unique due to the victim's identity and perpetrators' motives. In addition, if the specifics of interrogating victims of these crimes was previously taken into account, the peculiarities of interrogating suspects are being considered for the first time. In the article, there is an illustrative list of questions to the suspect, taking into consideration that the objects of investigation are mainly electronic traces, which are of no identification value as a rule. Organizational activities are listed for the investigator to perform before interrogating the suspect. The authors make the points to justify their position to involve an expert in criminal psychology to interrogate the suspect, and conclude that effective investigation of offences against sexual inviolability of juveniles committed via the Internet, is possible only by using professional experience from various branches of science.

Keywords: offences against sexual inviolability, crimes committed via the Internet, sexual offences investigation

For citation: Volkov A. S., Frolov A. N. Organizational and tactical peculiarities of interrogating the suspect, while investigating offences against sexual inviolability of juveniles committed via the Internet. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 141—146, 2025. (In Russ.).

Проблема формирования личности ребенка давно вышла за границы одного государства. В связи с этим в Конвенции о правах ребенка 1989 г. установлено, что ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения, а также в ней провозглашены основные права ребенка на жизнь, здоровье, на защиту его от любых форм агрессии и эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление. В том числе ст. 34 данной Конвенции возлагает на государства-участники обязанность защищать ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения, применяя для обеспечения его половой неприкосновенности все необходимые для этого меры¹.

В настоящее время с каждым днем заметен прирост числа преступлений, совершенных с использованием глобальной сети Интернет, социальных сетей и пиринговых сетей голосовых услуг. Статистика МВД России показывает увеличение числа преступлений, совершенных с использованием сети Интернет, на 23,2 % за прошлый 2024 г. по сравнению с 2023 г.² Учитывая небольшое снижение количества зарегистрированных преступлений, можно с уверенностью сделать вывод, что преступность перебралась в Интернет, и это касается не только мошеннических действий, но и развратных действий, совершаемых в отношении

несовершеннолетних. Принимая во внимание особенность ведения учета совершенных преступлений, нельзя определить точное их количество, так как эти преступления не отделяются от общего числа зарегистрированных правонарушений.

Интернет в настоящее время стал инструментом для достижения преступных целей. Правонарушители используют его не только для подготовки преступлений, выбирая жертв и собирая о них данные, но и для непосредственного совершения противоправных действий. Социальные сети упрощают сохранение анонимности, создание фейковых аккаунтов и поиск конкретных групп пользователей, соответствующих определенным критериям.

Особенно рискуют дети и подростки (до 16 лет), которые часто ведут себя беспечно в сети Интернет. «Как правило, они проявляют неосмотрительное виктимное поведение, охотно вступая в контакт с незнакомцами, раскрепощенно обсуждая интимные темы и пересылая свои откровенные фото- и видеоизображения» [1, с. 180].

Так, в Свердловской области 30-летний житель Екатеринбурга М. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 135 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) (развратные действия, совершенные в отношении лица, заведомо не достигшего 14-летнего возраста). Зная, что переписывается с несовершеннолетней, злоумышленник отправлял ей файлы, содержащие предложения и фотоснимки, «направленные на формирование беззастенчивого непристойного поведения» [2, с. 22].

В зарубежных странах для обозначения действий совершеннолетнего лица, направленных на установление в Интернете доверительного контакта

¹ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2025).

² Состояние преступности в России за январь — декабрь 2024 г.

с ребенком с целью склонить его к вступлению в сексуальную связь, используется термин «кибер-груминг», или «онлайн-груминг». Этим понятием охватываются действия, как преследующие цель получения педофилом сексуального удовлетворения, так и направленные на вовлечение ребенка в коммерческую сексуальную эксплуатацию [2, с. 23].

В своем исследовании Е. И. Пырьева, Н. В. Попова и С. И. Хвостова справедливо отмечают, что «механизмы выявления ненасильственных бесконтактных посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних правоохранительными органами еще не выявлены до конца, так как имеют сложность, которая связана с охраняемой законом неприкосновенностью частной жизни, тайной переписки, телефонных и иных сообщений» [3, с. 230].

Расследование сексуальных преступлений в Интернете, направленных против несовершеннолетних, имеет свою специфику, обусловленную как личностью жертвы, так и мотивами преступников, поэтому особенностям проведения отдельных следственных действий с участием подозреваемых (обвиняемых) необходимо уделять особое внимание.

Допрос подозреваемого при расследовании преступлений имеет большое значение и множество аспектов. Это одно из следственных действий, которое способно изменить направление расследования и повлиять на исход дела. При допросе подозреваемого следователь получает версию произошедшего от самого подозреваемого, уточняются детали преступления, устанавливаются мотивы и цели преступления, круг причастных к преступлению лиц, местонахождение вещественных доказательств, наличие алиби, выясняется позиция подозреваемого по отношению к совершенному преступлению (признание или непризнание виновности) и т. д.

В целом допрос подозреваемого представляет собой сложный процесс, который требует от следователя высокой квалификации, опыта и глубоких знаний психологии. И даже в ситуациях, когда допрашиваемый подозреваемый не скрывает обстоятельства совершенного преступления, следователь должен получать и фиксировать информацию о преступлении, опираясь на научные основы применения тактико-криминалистических приемов и рекомендаций.

В рамках подготовки к допросу нужно провести всестороннее изучение личности подозреваемого. Необходимо собрать всю возможную информацию

о личности подозреваемого, так как владение такой информацией позволяет следователю не только более качественно подготовиться к допросу, но и расширить представление о круге лиц, имеющих отношение к расследуемому преступлению.

Несомненно, выяснение «технических» обстоятельств совершенного преступления является основополагающим в получении доказательств по уголовному делу. Тем не менее получить ответы на все необходимые вопросы от подозреваемого возможно только при установлении с ним психологического контакта, что не всегда удается.

Проведенный анализ практики расследования уголовных дел по преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет, выявил наличие у следователей определенных сложностей при допросе подозреваемых. Опрос следователей показал, что более 70 % испытывали трудности с установлением психологического контакта при допросе подозреваемого, с использованием специальных терминов и определением тактических приемов допроса.

Как правило, у подозреваемых по данным преступлениям есть жизненные проблемы, касающиеся психического состояния, а также социальной сферы. Допрос такого лица необходимо начинать с выяснения его личности, обстоятельств жизни, нужно узнать, что его беспокоит, какие трудности у него имеются. Конечно, такие подозреваемые, несмотря ни на что, не вызывают сострадания и понимания в социуме, в том числе у следователя, что может негативно сказаться на установлении общего контакта в ходе допроса. Это является главной ошибкой для следователя. Выяснив у подозреваемого обстоятельства, касающиеся наличия вышеуказанных личностных проблем, следователь должен убрать из своего сознания имеющиеся предубеждения в отношении подозреваемого, понять проблемы подозреваемого, оказав ему как моральную, так и иную поддержку. Только в этом случае с допрашиваемым лицом можно наладить психологический контакт и в ходе производства его допроса получить информацию, имеющую весомое значение для следствия, что позволит облегчить дальнейшую работу следователя при выполнении следственных и процессуальных действий с участием подозреваемого (обвиняемого).

К допросу подозреваемого при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с исполь-

зованием сети Интернет, целесообразно привлечь специалиста-психолога.

При подготовке к допросу консультативная помощь специалиста позволит правильно определить перечень вопросов, направленных на получение данных, характеризующих личность и мотивы действий допрашиваемого, и последовательность постановки вопросов перед ним.

Участие специалиста-психолога при допросе позволит вести наблюдение за допрашиваемым лицом, что даст возможность специалисту составить психологический портрет личности, а следователю более полно изучить личность подозреваемого, определить истинные мотивы действий подозреваемого, наличие или отсутствие психологических расстройств личности. Участвующий в допросе специалист-психолог с разрешения следователя может задавать вопросы допрашиваемому относительно обстоятельств, способствующих установлению причин его девиантного поведения.

В последующем следователь может получить от специалиста-психолога заключение специалиста (ч. 3 ст. 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)) на основании результатов его наблюдения за поведением допрашиваемого при допросе или показаний специалиста (ч. 4 ст. 80 УПК РФ) по вопросам, интересующим следователя, относительно характеристики личности и отдельных обстоятельств совершенного преступления, подлежащих доказыванию по делу (ст. 73 УПК РФ). Ими могут быть обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, действия относительно как способа совершения развратных действий, так и последующих действий с изображениями пострадавших от преступных действий, в случаях если осуществлялась запись онлайн-трансляции в сети Интернет.

При отсутствии возможности непосредственного участия специалиста-психолога в допросе рекомендуется применение средств видеозаписи или удаленное подключение к следственному действию специалиста-психолога через средства видеоконференц-связи. По результатам участия в допросе от специалиста также могут быть получены указанные выше виды доказательств.

Для установления психологического контакта с подозреваемым интересен прием предлагает Е. Н. Быстряков, который считает, что «в помещении, где будет проводиться допрос (очная ставка), необходимо наличие компьютерной техники, что позволяет наладить психологический контакт с допрашиваемыми лицами, применив такой прием,

как предъявление доказательств с компьютерной составляющей» [4, с. 81].

Учитывая особенности рассматриваемого вида преступлений, а именно то, что в процессе расследования в качестве основного источника доказательств используются электронные следы, которые, как правило, не несут какого-либо идентификационного значения в отличие, к примеру, от следов рук либо объектов биологического происхождения на оргтехнике, лицу, осуществляющему предварительное следствие, нужно выбрать верную тактику в постановке и последовательности вопросов в ходе допроса лица, совершившего преступление. Большую роль при допросе подозреваемого, в первую очередь, имеет выяснение у него принадлежности того или иного мобильного телефона, притом что сим-карта такого гаджета может быть зарегистрирована на совершенно постороннее лицо либо вовсе не иметь персональной регистрации. Необходимо устанавливать в ходе допроса, как часто он использует тот или иной телефон, находится ли он у него постоянно при себе, а главное, установить нахождение при нем, в его одежде (где именно), в автомобиле, в какое время и в каком месте. При этом напрямую не следует задавать вопрос о нахождении телефона при подозреваемом в конкретное время и в определенном месте, поскольку, как показывает практика, на такой вопрос допрашиваемый сообщает в своем ответе ложные сведения, выстраивая версии о похищении телефона, его утрате либо передаче другому лицу.

Наличие или отсутствие телефона на месте совершения преступления еще не может свидетельствовать о присутствии или отсутствии на этом месте его пользователя (особенно при тщательной подготовке и осведомленности преступников о современных возможностях работы с электронными следами).

В ходе допроса подозреваемого в совершении преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних с использованием сети Интернет в первую очередь у допрашиваемого лица важно выяснить следующее:

— наличие аккаунтов в социальных сетях, дата регистрации аккаунтов и их имена, информация, указанная о себе (фотографии, возраст и др.), лица, с которыми общался в социальных сетях, темы общения, знал ли возраст лиц, с которыми общался на сексуальные темы, по каким критериям осуществлялся подбор лиц для общения (территориальный критерий, внешний вид и т. д.) [5, с. 93], когда и при каких обстоятельствах подозреваемый

познакомился с потерпевшим (потерпевшими), какую информацию о себе подозреваемый сообщил потерпевшему, какую информацию о себе сообщил потерпевший подозреваемому;

— поддерживал ли он общение с интернет-пользователями с помощью программы двусторонней связи, просил или в принудительном порядке заставлял интернет-собеседников обнажать свое тело перед веб-камерой, совершать акт мастурбации, каким образом происходила мотивация выполнения тех или иных действий со стороны несовершеннолетних (денежное вознаграждение, угроза распространения порочащих сведений и т. д.), видели ли его лица, с которыми он вел онлайн-общение, или он специально скрывал его, слышали ли они его голос, демонстрировал ли своим собеседникам свои половые органы, совершал ли он с ними, используя видео или фото, какие-либо манипуляции, сохранял ли он фотоснимки или видеозаписи, сделанные в ходе общения со своими собеседниками; какие программы были им использованы для записи экрана, планировал ли подозреваемый в дальнейшем встретиться с несовершеннолетним в реальной жизни, когда и с какой целью;

— используя какие технические средства, он осуществлял выход в глобальную сеть, когда и где он их приобретал, кто помимо него самого пользуется данными гаджетами, всегда ли он пользовался для выхода в сеть Интернет собственными техническими устройствами или пользовался компьютером с рабочего места, компьютерного клуба либо кафе, где имелся выход в Интернет;

— услугами какого провайдера он пользовался для выхода в Интернет;

— имеются ли у него в памяти персонального компьютера, мобильного устройства, на флеш-карте и других электронных носителях порнографические материалы, где он их приобрел или откуда он их загрузил, имеются ли среди них материалы с изображением несовершеннолетних, имеются ли среди них материалы порнографического характера с изображением несовершеннолетних, которые были сделаны самим подозреваемым;

— вел ли подозреваемый личный дневник, записную книжку, где фиксировал информацию

о лицах, с кем вел переписку, а также пароли и иную информацию;

— направлялись ли им указанные материалы порнографического содержания лицам, с кем осуществлял общение в сети, когда именно, для каких целей и каким образом, является ли он членом сообщества, где отправляют друг другу фотографии и видеозаписи обнаженных несовершеннолетних, не является ли он администратором одной из таких групп (сообществ);

— загружал ли он указанные материалы порнографического характера в открытый доступ глобальной сети.

Приведенный перечень вопросов, подлежащих выяснению, не является исчерпывающим, следователю необходимо исходить из каждой конкретной следственной ситуации, которые могут быть различными. Определение вариантов вопросов и тактических приемов при допросе подозреваемого остается на усмотрение следователя. Уголовно-процессуальный закон не предусматривает применения научных рекомендаций, касающихся использования тактических приемов в каждой конкретной ситуации, в силу их разнообразия и постоянного развития [6, с. 111]. В случае же использования подозреваемым специальных терминов, которые не знакомы следователю, он должен задавать уточняющие вопросы подозреваемому с целью полного понимания механизма совершенного преступления или пригласить специалиста.

Таким образом, считаем необходимым отметить, что лицо, осуществляющее допрос подозреваемого при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет, должно хорошо знать современные информационные технологии, психологию, должно быть морально, а также психологически подготовленным и устойчивым, а в момент производства допроса подозреваемого с учетом сложившихся событий и обстоятельств совершенного им преступления и обстоятельств, ему предшествующих, невзирая на свои моральные и социальные устои, проявить выдержку, наладив психологический контакт при общении с подозреваемым.

1. Алиева Е. А. Сеть Интернет как средство совершения развратных действий // Пробелы в российском законодательстве. 2027. № 4. С. 180—182.

1. Aliyeva Ye. A. The Internet as a means of committing abusive sexual acts. Gaps in Russian legislation, 180—182, 2027. (In Russ.).

2. Сочилина Е. Н., Коворотуша И. В. Общая характеристика преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // Научный портал МВД России. 2028. № 4. С. 21—24.

3. Пырьева Е. И., Попова Н. В., Хвостова С. И. Организационно-тактические особенности расследования развратных действий, совершаемых против несовершеннолетних через сеть Интернет // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2022. № 3. С. 208—214.

4. Быстрыков Е. Н., Иванов А. Н., Климов В. А. Расследование компьютерных преступлений: учеб. пособие. 2-е изд., стер. Саратов: Саратов. гос. акад. права, 2001. 112 с.

5. Иващенко М. А. Организационные основы расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети Интернет // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 1. С. 88—95.

6. Иващенко М. А. Тактика осмотра места происшествия и обыска при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети Интернет // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 1. С. 107—111.

Волков Андрей Сергеевич,

доцент кафедры криминалистики
Саратовской государственной
юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент;
volkov-krim@yandex.ru

Фролов Алексей Николаевич,

старший преподаватель
кафедры криминалистики
Саратовской государственной
юридической академии;
frolov_a73@mail.ru

2. Sochilina Ye. N., Kovorotusha I. V. General description of offences against sexual inviolability of juveniles committed via the Internet. Scientific portal of the Ministry of the Interior of Russia, 21—24, 2028. (In Russ.).

3. Pyriyeva Ye. I., Popova N. V., Khvostova S. I. Organizational and tactical peculiarities of investigation of abusive sexual acts committed against juveniles via the Internet. Journal of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 208—214, 2022. (In Russ.).

4. Bystryakov Ye. N., Ivanov A. N., Klimov V. A. Investigation of computer crimes. Textbook. 2nd ed., ster. Saratov: Saratov State Law Academy; 2001: 112. (In Russ.).

5. Ivashchenko M. A. Organizational basis for the investigation of offences against sexual inviolability and sexual freedom of juveniles committed via the Internet. Journal of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 88—95, 2022. (In Russ.).

6. Ivashchenko M. A. Tactics of crime scene examination and search, while investigating offences against sexual inviolability and sexual freedom of juveniles committed via the Internet. Journal of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 107—111, 2021. (In Russ.).

Volkov Andrey Sergeevich,

associate professor at the department
of criminalistics
of the Saratov State Law Academy,
candidate of juridical sciences, docent;
volkov-krim@yandex.ru

Frolov Alexey Nikolayevich,

senior lecturer at the department
of criminalistics
of the Saratov State Law Academy;
frolov_a73@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.07.2025; одобрена после рецензирования 07.07.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 01.07.2025; approved after reviewing 07.07.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.985.7:343.7

**НЕПРАВОМЕРНЫЙ ОБОРОТ ДЕЙСТВУЮЩИХ
ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА (ДРОППЕРСТВО)
КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ****Игорь Николаевич Волосевич**

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, 89151333377in@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются криминалистические аспекты дропперства — новой формы преступной деятельности, получившей широкое распространение в условиях цифровизации экономики и криминализованной Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ. Подчеркивается, что дропперство вышло за пределы кибермошенничества и активно используется в схемах отмывания преступных доходов, распространения наркотиков, финансирования терроризма и экстремизма. Поскольку дропперство стало неотъемлемым элементом преступной экономики, автор обосновывает необходимость научного исследования и разработки самостоятельной криминалистической методики раскрытия и расследования неправомерного оборота действующих электронных средств платежа (дропперства), учитывающей его устойчивую структуру, цифровую специфику, удаленный характер координации и сложности в правовой квалификации. Указывается на пробелы в законодательстве, в частности отсутствие охвата криптовалютных операций, а также на недостаточную подготовку следственных и оперативных органов к противодействию данному явлению. Статья представляет собой теоретическую основу для формирования нового направления в криминалистике в сфере цифровой преступности.

Ключевые слова: неправомерный оборот действующих электронных средств платежа (дропперство), электронные средства платежа, кибермошенничество, криптовалюта, цифровая экономика, криминалистика, методика раскрытия и расследования

Для цитирования: Волосевич И. Н. Неправомерный оборот действующих электронных средств платежа (дропперство) как объект криминалистического анализа: постановка проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 147—156.

**ILLEGAL TRAFFICKING
OF ACTING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT (DROPPING)
AS A SUBJECT OF CRIMINALISTICS ANALYSIS:
IDENTIFICATION OF A PROBLEM****Igor Nikolayevich Volosevich**

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, 89151333377in@gmail.ru

Abstract. This article deals with the criminalistics aspects of dropping, that is a new form of criminal activity having become widespread in the context of the digitalization of the economy and criminalized by Federal Law No. 176-FZ of June 24, 2025. It is emphasized that dropping has been beyond cyber fraud and is actively used in schemes of criminal incomes laundering, drug trafficking, and terrorism and extremism financing. Since dropping has become an integral element of the criminal economy, the author substantiates the need for research and development of an independent criminalistics methodology to solve and investigate illegal trafficking of acting electronic means of payment (dropping), taking into account its stable structure, digital specifics, remote nature of coordination and difficulties in legal qualification. The author points out gaps in the legislation, in particular, absence of crypto-currency transactions coverage, as well as the insufficient training of investigative and detective bodies to counteract this phenomenon. The article provides a theoretical basis to form / develop a new direction in criminalistics in the sphere of digital crime.

Keywords: illegal trafficking of acting electronic means of payment (dropping), electronic means of payment, cyber fraud, cryptocurrency, digital economy, criminalistics, methods to solve and investigate

For citation: Volosevich I. N. Illegal trafficking of acting electronic means of payment (dropping) as a subject of criminalistics analysis: identification of a problem. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 147—156, 2025. (In Russ.).

24 июня 2025 г. по инициативе Президента Российской Федерации¹ принят Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ², внесший существенные изменения в ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), дополнив ее четырьмя новыми частями (3—6), направленными на криминализацию неправомерного использования электронных средств платежей. Это потребовало как теоретической, так и практической переоценки объекта охраны, особенностей преступных деяний и задач следственной и оперативно-разыскной деятельности. Системное толкование обновленной ст. 187 УК РФ показывает, что в ее пределах фактически сосуществуют две самостоятельные группы составов преступлений, различающиеся по ряду ключевых характеристик: части 1, 2 отражают классическую модель преступного оборота поддельных средств платежей, тогда как чч. 3—6 сконцентрированы на неправомерном обороте действующих платежных инструментов в цифровой среде.

Части 3—6 ст. 187 УК РФ, введенные Законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ, обозначили новый вектор уголовно-правового регулирования, сосредоточенного на неправомерных действиях с легальными средствами платежей, совершенных либо их официальными держателями, либо третьими лицами, не имеющими права пользования. Это нововведение обусловлено необходимостью реагирования на устойчивую преступную практику передачи банковских карт, криптокошельков, логинов, паролей и иных реквизитов третьим лицам

¹ В ходе Итогов года 19 декабря 2024 г. Владимир Путин предложил ввести уголовную ответственность для дропперов. «Есть предложение усилить не только контроль, но и ответственность этих людей, которые, на самом-то деле, являются соучастниками этих преступлений. Формально они вроде бы ничего не делают, но они понимают, для чего открываются карты на их имя. Есть предложение и уголовную ответственность за такую деятельность определить», — сказал Президент РФ // Полная стенограмма Итогов года с Владимиром Путиным, 19 декабря 2024 г. URL: <https://www.kp.ru/daily/27675/5027011/> (дата обращения: 14.07.2025).

² О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508353/ (дата обращения: 14.07.2025).

для осуществления финансовых операций с преступными целями. Отметим, что именно эта группа норм впервые в российском уголовном законодательстве нормативно закрепила ответственность за поведение, свойственное фигурантам, известным в киберпреступной среде как «дропперы».

Ключевое отличие этой группы составов заключается в отсутствии признаков подделки и наличии неправомерного доступа к реальным платежным инструментам, как правило через схемы обналачивания, отмывания доходов, финансирования преступной деятельности. Объектом преступления выступает установленный законодательством правовой режим использования платежных средств, а также стабильность цифрового финансового оборота. Введенные нормы направлены на подавление инфраструктуры преступных схем, в которых действия «дропперов» являются техническим, но критически важным звеном, обеспечивающим вывод денежных средств в наличную или криптовалютную форму.

Таким образом, на уровне объективной стороны наблюдается значимое различие: в частях 1, 2 уголовно наказуемыми являются действия, направленные на создание и оборот поддельных платежных инструментов, тогда как в чч. 3—6 — неправомерное использование законных средств в нарушение установленного порядка. При этом если первые требуют доказательства подделки и / или технической подготовки, то вторые предполагают анализ поведенческой модели фигуранта, его связи с организаторами схем, цифровых следов и степени вовлеченности в преступную деятельность.

С криминалистической точки зрения это разграничение предполагает и различный подход к методике расследования. Если по чч. 1, 2 сохраняются элементы традиционной криминалистической практики, то по чч. 3—6 необходима разработка новой специализированной методики, ориентированной на анализ цифровых следов, мониторинг финансовых транзакций, моделирование преступных цепочек, а также психологическую типологию дропперов. Учитывая удаленный характер координации и транснациональность преступных схем, значительное внимание должно уделяться также анализу данных, полученных от операторов связи, финансовых организаций, криптовалютных бирж и DeFi-платформ [1].

Обновленная редакция ст. 187 УК РФ фактически объединила под одним номером две различные категории преступлений, различающиеся по предмету, способу, субъекту, форме вины и правоприменительному подходу. Правильное их разграничение является не только задачей теоретико-правового анализа, но и необходимым условием формирования эффективной криминалистической и следственной методики, способной отвечать вызовам цифровой преступности XXI в.

Поправки направлены на криминализацию новых форм неправомерного использования электронных средств платежа, в частности дропперства, распространившегося в сфере киберпреступности, наркопреступности, мошенничества, терроризма и экстремизма.

Современные реалии цифровой экономики привели к активному использованию электронных средств платежа как в легальном, так и в преступном обороте. Одной из типичных схем, используемых преступниками, стало дропперство — передача банковских карт или данных доступа третьим лицам, часто за вознаграждение, в целях обналичивания и перевода незаконно полученных денежных средств.

Слово «дроппер» (англ. dropper) происходит от английского глагола to drop — «бросать», «оставлять», «сбрасывать». В дословном переводе dropper означает «тот, кто сбрасывает» или «оставляющий». Первоначально термин dropper использовался в области информационной безопасности и обозначал вредоносную программу, основная задача которой — доставить (drop) на устройство жертвы другое вредоносное программное обеспечение (например, трояна или шпионскую программу). Такой dropper сам по себе может не наносить ущерб, но служит «транспортом» для основного вредоносного кода. Позднее термин был заимствован криминальной средой, особенно в кибермошенничестве и банковских преступлениях. В этом контексте дроппером называют человека, который получает, хранит или обналичивает незаконно полученные денежные средства.

Сегодня «дроппер» — это лицо, которое передает или сдает свой банковский счет, карту, телефонный номер, криптокошелек и т. п. третьим лицам.

В то же время уголовное законодательство Российской Федерации не содержит понятия «дропперство», а использует точную юридическую формулировку — «неправомерный оборот средств платежей», в том числе в редакции, дополненной Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ.

Именно эта формулировка должна быть положена в основу как научных, так и методических подходов. Употребление неофициальных терминов допустимо исключительно в пояснительных целях по ходу изложения, но не как базовая категория научного анализа. Более того, подобный подход аналогичен ситуации, при которой мы не называем методику расследования грабежей «методикой расследования гоп-стопа» или не обозначаем экономические преступления как «беловоротничковую преступность» в юридических документах. В научной и практической юридической деятельности недопустимо подменять правовые термины модными или публицистическими клише — это нарушает принцип терминологической точности и снижает юридическую обоснованность предлагаемой методики.

Учитывая изложенное, можно сделать обоснованный вывод, что разрабатываемая криминалистическая методика должна носить название, строго соответствующее формулировке, закрепленной в уголовном законодательстве. Поскольку Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ дополнил ст. 187 УК РФ чч. 3—6, вводящими уголовную ответственность за различные формы неправомерного использования действующих электронных средств платежа, именно эта конструкция представляет собой нормативную и содержательную основу соответствующего вида преступной деятельности.

Таким образом, корректным, юридически обоснованным и научно точным наименованием предлагаемой криминалистической разработки будет «Методика расследования неправомерного оборота действующих электронных средств платежа».

Такое название отражает существо преступного деяния, установленного в чч. 3—6 ст. 187 УК РФ; исключает жаргонные и неформальные обозначения (например, «дропперство»), не имеющие нормативного закрепления; обеспечивает понятийную преемственность между уголовно-правовой характеристикой преступления и криминалистической методикой его расследования; способствует унификации научного и практического подхода к классификации преступлений в сфере цифровой финансовой деятельности.

Именно под таким наименованием данная методика должна разрабатываться, внедряться в следственную практику и включаться в программы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Однако в рамках данной статьи, чтобы терминологически не перегружать текст, мы вместо словосочетания «непра-

вомерный оборот действующих электронных средств платежа» будем использовать термин «дропперство».

Следующий ключевой вопрос, который необходимо решить после криминализации дропперства, — это формирование криминалистической методики раскрытия и расследования дропперства, что обусловлено, на наш взгляд, рядом следующих факторов.

Во-первых, дропперство — сравнительно новый вид преступной деятельности, активно применяемый в схемах по обналачиванию и легализации преступных доходов, особенно в киберпреступной среде. Указанный процесс отличается ярко выраженной технологичностью, распределенным характером управления и высокой степенью конспирации. Лица, выполняющие функции дропперов, часто не профессиональные преступники и могут быть легко подменяемыми, что существенно осложняет выявление и доказывание состава преступления.

Во-вторых, в настоящее время дропперство не имеет устоявшейся криминалистической характеристики. Оно представляет собой особую форму соучастия в преступной деятельности, при этом методы вербовки, использования и маскировки дропперов существенно отличаются от классических форм соучастия. В связи с этим возникает необходимость системного описания типичных способов совершения дропперства, механизма образования следов, особенностей цифровых доказательств, а также поведенческих моделей подозреваемых и иных структурных элементов, составляющих криминалистическую методику.

В-третьих, расследование дропперства требует комплексного подхода, включающего как следственные, так и оперативно-разыскные инструменты. Это особенно актуально на этапах выявления преступления (например, через финансовый мониторинг), идентификации лиц, вовлеченных в преступную схему, документирования цифровой активности, а также при допросах подозреваемых и свидетелей. Практика показывает, что без унифицированной методики следственные действия проводятся фрагментарно и часто не обеспечивают нужного уровня доказательственной базы.

В-четвертых, в научной и учебной литературе до сих пор отсутствует разработанная криминалистическая методика расследования дропперства. Сделанный нами обзор последних диссертационных исследований, защищенных по тематике инновационных хищений, показывает, что тема дроппер-

ства там рассмотрена фрагментарно [2—4]. Этот пробел особенно чувствуется в образовательной подготовке оперативных сотрудников и следователей, поскольку существующие программы ориентированы на традиционные формы мошенничества и не учитывают особенностей преступлений в цифровой среде.

Согласно проведенному анализу научной литературы по материалам сайтов www.elibrary.ru и cyberleninka.ru, одним из первых специалистов в области оперативно-разыскной деятельности, упомянувших о рассматриваемой нами форме совершения преступления, является В. Б. Батоев, исследовавший оперативно-разыскное противодействие мошенническим действиям с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [5]. Работы В. Б. Батоева внесли важный вклад в формирование основ криминалистической характеристики дропперства через описание роли технических исполнителей в организованных преступных схемах, обоснование необходимости комплексного доказательства их участия, выдвижение предложений по выявлению признаков фиктивности кредитных операций. Несмотря на отсутствие цифровой специфики, изложенное может рассматриваться как теоретическая база, на которую целесообразно опереться при разработке современной методики расследования преступлений, предусмотренных чч. 3—6 ст. 187 УК РФ.

Структурированию криминалистической методики расследования дропперства уделено внимание в ряде учебных пособий А. А. Лукьяновой [6], коллективом авторов из Барнаульского юридического института МВД России [7], которые демонстрируют начальное понимание феномена дропперства и его роли в преступных схемах, связанных с кредитами.

Представленные учебные пособия внесли существенный вклад в формирование криминалистических основ, касающихся расследования преступлений, связанных с дропперством, хотя термин «дроппер» в явном виде в ряде фрагментов отсутствует либо используется в рамках общего описания преступных схем.

Тем не менее анализ содержания пособий позволяет выделить ряд положений, которые непосредственно коррелируют с задачами разработки и реализации методики расследования дропперской деятельности, особенно в контексте современных изменений уголовного законодательства.

Прежде всего заслуживает внимания систематическое описание типовых форм участия третьих

лиц в схемах неправомерного кредитования, оформления займов по поддельным или номинальным документам, а также последующего обналичивания или перевода средств. Авторы уделяют особое внимание анализу механизмов вовлечения таких лиц в преступную деятельность, что создает основу для криминалистической типологии дропперов как фигурантов, действующих по указанию третьих лиц в условиях неполной осведомленности о масштабах или последствиях совершаемых операций. Этот подход особенно актуален с учетом изменений в ст. 187 УК РФ, криминализирующих передачу электронных средств платежа и доступов к ним в корыстных целях.

Значительным вкладом авторов пособий в криминалистическую типологию является описание особенностей сбора доказательственной базы, акцент на анализе данных, получаемых из банковских систем, цифровых платформ и операторов сотовой связи. Представленные методические приемы раскрытия схем с участием подставных лиц, в частности моделирование финансовых потоков, реконструкция маршрута движения средств, выявление несоответствий между формальным владельцем и фактическим пользователем платежного инструмента, полностью применимы к расследованию преступлений, совершаемых дропперами. Эти положения пособий опережают свое время, закладывая структуру методики еще до формальной законодательной фиксации ответственности за дропперство.

Важной особенностью подхода авторов является рассмотрение вопросов субъективной стороны — степени осознанности, мотивации, корыстной заинтересованности номинального фигуранта, что критически важно при квалификации по новым частям ст. 187 УК РФ. Пособия содержат рекомендации по тактике допросов, анализу поведения подозреваемого, выявлению признаков зависимости, давления со стороны организаторов, что может быть использовано при построении доказательственной линии.

Несмотря на то что в пособии не представлена самостоятельная структура криминалистической методики расследования дропперства в терминах 2025 г., авторы закладывают ее фактический фундамент. Имеются положения, которые прямо предвосхищают современные подходы: внимание к цифровым следам, анализ действий фигуранта в платежной системе, моделирование преступной схемы и рекомендации по документированию операций, совершенных с использованием чужих или фиктивных реквизитов.

Указанные учебные пособия являются важным теоретико-методическим источником, содержащим элементы методики расследования дропперства в латентной форме. Они отражают осознание необходимости адаптации следственных подходов к современным реалиям киберпреступности и цифровых мошеннических схем, в том числе с участием технических исполнителей, играющих роль дропперов. Учитывая последующие изменения законодательства, положения данных пособий представляют собой ценную основу для актуализированной разработки криминалистической методики расследования преступлений, совершенных с использованием электронных средств платежа и привлечения посредников.

В-пятых, в современных условиях особую важность приобретает вопрос о необходимости разработки отдельной криминалистической методики расследования дропперства, обусловленный тем, что организаторы данной преступной деятельности, как правило, находятся за пределами Российской Федерации и фактически недоступны для правоохранительных органов. Такая ситуация требует переосмысления как задач расследования, так и используемых криминалистических инструментов.

Дропперство сегодня представляет собой устойчивый элемент транснациональных преступных схем, в которых исполнители на территории России выполняют указания удаленных координаторов. Последние, пользуясь анонимностью цифровых каналов связи, криптовалютных транзакций и юрисдикционной недоступностью, остаются вне досягаемости следственных органов. При этом именно через фигуру дроппера осуществляется реализация ключевого этапа преступной схемы — обналичивание или перевод незаконно полученных средств. В этих условиях становится невозможным применение традиционных методик расследования, ориентированных на установление всей преступной цепочки вплоть до организатора. Следствие нередко вынуждено ограничиваться лишь фигурантами-исполнителями, в силу чего возникает потребность в специализированной методике, позволяющей эффективно документировать и доказывать вину дроппера как самостоятельного участника преступной схемы.

Разработка такой методики должна учитывать ряд принципиальных особенностей. Прежде всего необходимо создать обобщенную криминалистическую характеристику дропперства — типовые способы совершения преступлений, модели вовлечения лиц, формы конспирации, используемые

платформы (мессенджеры, даркнет, платежные системы), а также виды цифровых следов, которые могут быть зафиксированы и использованы в качестве доказательств. Учитывая, что в большинстве случаев дропперы действуют по удаленному указанию и через технические средства, центральное место в методике должна занимать работа с цифровыми доказательствами: анализ переписки, IP-логов, истории транзакций, устройств и аккаунтов.

Кроме того, особое внимание должно уделяться тактике допросов и психологической типизации дропперов. Значительная часть таких лиц не воспринимает себя в качестве преступников, полагая, что выполняют незначительную «техническую работу». В этих условиях важно уметь грамотно формулировать вопросы, выстраивать допрос с опорой на конкретные доказательства и анализировать поведенческие особенности фигуранта. Методика также должна включать типологию форм вербовки дропперов — от «удаленной работы» и подставных вакансий до вовлечения через схемы «легкого заработка» в Интернете.

В-шестых, одним из ключевых аргументов в пользу разработки отдельной методики расследования дропперства является различие в темпах и характере изменений между кибермошенничеством и дропперством. Если первое представляет собой быстро меняющееся, высокоадаптивное явление, то второе, напротив, сохраняет устойчивую структуру, методы и формы реализации. Это делает дропперство более предсказуемым и, следовательно, подходящим для формирования устойчивого алгоритма расследования.

Кибермошенничество развивается стремительно. Схемы обмана пользователей меняются буквально ежемесячно [8]. Используются новые технологии: генерация фальшивых сайтов, deepfake, фишинг и смишинг, а также методы социальной инженерии с применением искусственного интеллекта. Мошенники постоянно адаптируются под меры противодействия, модернизируют способы вовлечения жертв и скрытия следов преступлений. Это делает методики по их раскрытию крайне ситуативными и непредсказуемыми, требующими постоянного обновления и адаптации.

В противоположность этому дропперство как форма участия в преступной деятельности сохраняет стабильность. Сценарии вовлечения дропов практически не меняются: предложения «легкого заработка», оформление банковских карт, передача логинов и паролей, обналчивание или транзит средств через физические и цифровые каналы.

Функции дропа, будь то обналщик, транзитник или заливщик, устойчивы, повторяемы и хорошо поддаются классификации.

Эта стабильность и предсказуемость дропперства позволяют сформировать типовую криминалистическую модель поведения дропа, разработать четкие алгоритмы обнаружения его действий, идентификации степени вовлеченности и связи с организаторами преступной схемы. В отличие от методик, реагирующих на постоянно эволюционирующие формы мошенничества, методика расследования дропперства может быть выстроена как относительно универсальный и долговечный инструмент.

Таким образом, создание отдельной методики раскрытия и расследования дропперства необходимо в силу его стабильной структуры и воспроизводимости. Такая методика позволит систематизировать подход к выявлению и документированию преступной деятельности дропов, оптимизировать работу следователей и криминалистов, обеспечить правовую дифференциацию между умышленными и неосознанными действиями фигурантов и выработать единые стандарты квалификации. В условиях, когда киберпреступность трансформируется, а дропперство остается ее постоянной инфраструктурной составляющей, системная криминалистическая работа с этим явлением становится особенно актуальной.

В-седьмых, одним из ключевых оснований для разработки самостоятельной криминалистической методики расследования дропперства является многоотраслевая преступная применимость дропа. Как показывают современные научные исследования, эта криминальная роль воспроизводима не только в схемах кибермошенничества [9; 10], но и при легализации преступных доходов [11], в распространении наркотиков [12—14], а также в финансировании экстремистской и террористической деятельности [15].

Если в случае мошенничества дроп используется для сокрытия следов финансовых транзакций, то в наркобизнесе он выступает как участник логистической цепочки по обналчиванию и транзиту доходов от сбыта запрещенных веществ, не прикасаясь к самим веществам, но обеспечивая устойчивость преступного потока. Такая трансформация функционала дропа указывает на его универсальность и интеграцию в организованную преступность.

Применение дропов в разнородных сферах преступности (финансовой, наркотической, террористической и т. д.) подчеркивает, что дропперство:

— не является чисто киберпреступлением;
— имеет сквозной характер — используется как инфраструктурный элемент в сложных преступных схемах¹;

— требует разных тактических подходов к установлению умысла, роли, осведомленности субъекта.

Отсюда — унифицированные методики расследования мошенничества или незаконного оборота наркотиков не способны в полной мере учитывать специфику действий дропа. Необходим отдельный алгоритм расследования, позволяющий: классифицировать роль дропа (транзитник, обналщик, заливщик [16]); устанавливать степень осведомленности и вовлеченности; связывать цепочки транзакций и логистики с конечными фигурантами преступной группы.

Только отдельная методика, ориентированная на мультифункциональную роль дроппера, позволит эффективно противодействовать современным транснациональным формам преступности.

Следует подчеркнуть, что актуальность отдельной методики объясняется не только внутренними потребностями следственной практики, но и внешнеполитическим контекстом. В ситуации международной напряженности, санкционного давления и деградации механизмов правовой помощи с рядом зарубежных стран возможность выхода на организаторов преступной деятельности существенно ограничена. Российские правоохранительные органы часто лишены возможности направлять запросы, получать информацию от иностранных банков, платежных систем или владельцев сервисов. В таких условиях именно внутренняя методическая и доказательственная работа приобретает определяющее значение.

Таким образом, когда организаторы дропперских схем находятся за рубежом и остаются вне досягаемости российских правоохранительных органов, разработка и внедрение отдельной криминалистической методики расследования дропперства становится необходимым условием эффективного уголовного преследования. Такая методика позволит структурировать действия оперативников и следствия, повысить доказательственную состоятельность дел даже без установления организаторов и обеспечить надлежащую правовую оценку действиям исполнителей. Это,

в свою очередь, будет способствовать снижению привлекательности дропперства как «безопасного» способа участия в преступлении и укреплению принципа неотвратимости наказания в сфере цифровой преступности.

Подведя итоги, отметим, что вывод о необходимости разработки методики раскрытия и расследования неправомерного оборота действующих электронных средств платежа обусловлен совокупностью факторов, отражающих как криминалистическую специфику данного преступления, так и существующие пробелы в научной и практической системе противодействия ему.

Во-первых, неправомерный оборот действующих электронных средств платежа представляет собой относительно новую форму преступной деятельности, активно используемую в цифровых схемах обналаживания и легализации преступных доходов. Это требует учета высокой технологичности, распределенного характера координации и маскировки, а также особенностей цифровой инфраструктуры, в рамках которой совершаются такие преступления.

Во-вторых, данный вид преступления не получил на сегодняшний день полноценной криминалистической характеристики. Методы вовлечения, маскировки и использования лиц, передающих средства платежа или доступ к ним третьим лицам, принципиально отличаются от классических моделей соучастия, что требует формирования новых типологий, отражающих специфику таких фигурантов.

В-третьих, эффективное противодействие данному явлению возможно лишь при комплексном подходе, объединяющем следственные и оперативно-разыскные инструменты: анализ цифровых следов, мониторинг финансовых операций, работа с цифровыми платформами и психологическая оценка подозреваемых.

В-четвертых, в действующей учебной и научной литературе отсутствует целостная методика, посвященная расследованию неправомерного оборота электронных средств платежа. Имеющиеся разработки носят фрагментарный характер и не учитывают специфики правоприменительной практики, сложившейся после принятия Федерального закона от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ.

В-пятых, транснациональный характер рассматриваемого преступления, при котором организаторы схем, как правило, находятся за пределами юрисдикции Российской Федерации, требует переориентации усилий следствия на локальных исполнителей. Это невозможно без специализи-

¹ Дропперы: связующее звено преступной цепи // Уралсиб: журнал для клиентов и партнеров. URL: <https://journal.uralsib.ru/hse/research/4> (дата обращения: 14.07.2025).

рованного методического инструментария, адаптированного под выявление, фиксацию и доказывание их роли в преступной схеме.

В-шестых, относительная устойчивость и воспроизводимость подобных схем, в отличие от динамичных форм кибермошенничества, позволяют говорить о возможности создания универсальной криминалистической методики, применимой в широком спектре уголовных дел.

В-седьмых, многоотраслевая применимость данной формы преступности — от финансовых преступлений до наркобизнеса, а также ее использование в схемах финансирования экстремистской

и террористической деятельности подтверждают необходимость создания такой методики, которая могла бы быть адаптирована к различным видам преступной деятельности с единым криминалистическим ядром.

Все вышеперечисленное в совокупности свидетельствует о высокой научной и практической значимости разработки самостоятельной криминалистической методики раскрытия и расследования неправомерного оборота действующих электронных средств платежа как одного из наиболее актуальных направлений в борьбе с цифровой и транснациональной преступностью.

1. Гельдибаев М. Х., Мурсалимов А. Т. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сфере P2P-кредитования // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 48—54.

2. Мира К. А. Установление механизма хищений чужого имущества с использованием информационных технологий: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 245 с.

3. Машлякевич В. А. Расследование мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2024. 240 с.

4. Кулаевский А. В. Алгоритмизация деятельности следователя по установлению лица, совершившего дистанционное мошенничество: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2025. 250 с.

5. Батоев В. Б. Оперативно-разыскное противодействие мошенническим действиям с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22). С. 144—149.

6. Лукьянова А. А. Доказывание и юридическая оценка действий лица, совершившего хищение с использованием электронных средств платежа: учеб. пособие. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2023. 48 с.

7. Расследование хищений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: учеб. пособие / Н. А. Архипова, О. В. Кругликова, А. В. Шебалин [и др.]. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2023. 91 с.

8. Сухарев М. С. Дистанционные хищения как постоянно меняющийся вид преступности // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». 2025. № 1. С. 117—125.

1. Geldibaev M. Kh., Mursalimov A. T. Criminal-legal characteristics of fraud in the sphere of P2P lending. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii, 48—54, 2024. (In Russ.).

2. Mira K. A. Identification of the mechanism of theft of other persons' property by using information technology. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2022: 245. (In Russ.).

3. Mashlyakevich V. A. Investigation of fraud committed using telephone communications. Dissertation of candidate of juridical sciences. Barnaul; 2024: 240. (In Russ.).

4. Kulaevsky A. V. Algorithmization of the investigator's activities to identify the person having committed remote fraud. Dissertation of candidate of juridical sciences. Barnaul; 2025: 250. (In Russ.).

5. Batoyev V. B. Detective counteraction to fraudulent actions by using information and telecommunication technologies. Investigation of crimes: problems and ways to solve them, 144—149, 2018. (In Russ.).

6. Lukyanova A. A. Proving and legal assessment of the actions of the person to have committed theft by using electronic means of payment. Textbook. Barnaul: The Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 2023: 48. (In Russ.).

7. Arkhipova N. A., Kruglikova O. V., Shebalin A. V. (et al.) Investigation of thefts to be committed by using information and telecommunication technologies. Textbook. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2023: 91. (In Russ.).

8. Sukharev M. S. Remote thefts as a constantly changing type of crime. Journal of the Russian New University. Series "Man and Society", 117—125, 2025. (In Russ.).

9. Витвицкая С. С., Витвицкий А. А., Исакова Ю. И. Охрана имущественных отношений в банковской сфере: гражданско-правовые, уголовно-правовые и криминологические аспекты // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. № 2 (4). С. 52—60.

10. Ахатова А. М. Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. Т. 34, № 6. С. 1075—1083.

11. Фокин А. Д. Современные проблемы превенции легализации доходов, полученных преступным путем в процессе совершения мошеннических действий в сфере недвижимости // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности: сб. докл. XIV Моск. юрид. недели (Москва, 26—29 нояб. 2024 г.). В 6 ч. Ч. 6. Москва: Изд. центр Ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 163—168.

12. Гура С. С., Ханова И. В. Вопросы квалификации незаконного сбыта наркотических средств с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 24—31.

13. Казачек Т. А. Ответственность «дропа» за участие в незаконном обороте наркотиков // Актуальные проблемы противодействия преступности в России и пути их решения: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 21 марта 2024 г.). Москва: Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2024. С. 96—100.

14. Биккинин И. А., Савельев Е. М. Практика привлечения к ответственности представителей младшей ступени в иерархии наркобизнеса // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 10-3. С. 505—508.

15. Макарова О. А., Волчецкая Т. С. Глава 4. Профилактика терроризма и экстремизма на современном этапе // Терроризм и экстремизм как угроза национальной безопасности: криминологическое противодействие и профилактика. Калининград: Балтийск. федер. ун-т им. И. Канта, 2024. С. 139—165.

16. Чеклаукова Е. Л. Дропперство в банковском секторе // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2025. № 12. С. 372—373.

9. Vitvitskaya S. S., Vitvitsky A. A., Isakova Yu. I. Protection of property relations in the banking sphere: civil, criminal and criminological aspects. Legal order and legal values, 52—60, 2024. (In Russ.).

10. Akhatova A. M. A drop as an accomplice to crimes to be committed by using information and telecommunication networks: problems of criminal-legal assessment and law enforcement. Journal of the Udmurt University. Series "Economics and Law", 1075—1083, 2024. (In Russ.).

11. Fokin A. D. Topical problems of preventing legalization of incomes to be obtained illegally, while committing fraudulent activities in the real estate sphere. In: Russian legal system: searching national identity. Collection of reports of XIV Moscow law week (Moscow, November 26—29, 2024). Moscow: Publishing Center of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL); 2025: 163—168. (In Russ.).

12. Gura S. S., Khanova I. V. Issues of qualification of illegal sale of narcotic drugs by using electronic or information and telecommunication networks (including the Internet). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 24—31, 2023. (In Russ.).

13. Kazachyev T. A. Liability of a "drop" for participation in illegal drug trafficking. In: Topical problems of combating crime in Russia and ways to solve them. Collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conf. (Moscow, March 21, 2024). Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2024: 96—100. (In Russ.).

14. Bikkinin I. A., Savelyev Ye. M. Practice of bringing to justice members of the junior level in the drug business hierarchy. Journal of the Altay Academy of Economics and Law, 505—508, 2022. (In Russ.).

15. Makarova O. A., Volchetskaya T. S. Chapter 4. Prevention of terrorism and extremism at present. In: Terrorism and extremism as a threat to national security: forensic counteraction and prevention. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University; 2024: 139—165. (In Russ.).

16. Cheklaukova Ye. L. Dropping in the banking sector. Modern technologies and scientific and technical progress, 372—373, 2025. (In Russ.).

Волосевич Игорь Николаевич,
доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;
89151333377in@gmail.com

Volosevich Igor Nickolayevich,
associate professor at the department
of detective activities and special techniques
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
89151333377in@gmail.ru

Статья поступила в редакцию 18.10.2025; одобрена после рецензирования 26.10.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 18.10.2025; approved after reviewing 26.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.144.5

**ПОЛИГРАФ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ****Ольга Александровна Попова**Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, napishiole@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена применению полиграфа в процессе доказывания. Затронут исторический аспект использования инструментальных методов выявления лжи в уголовном судопроизводстве. Исследованы проблемные вопросы признания судом доказательственного значения психофизиологических экспертиз. Обращено внимание на то, что, несмотря на нормативное закрепление данного вида экспертиз, в подавляющем большинстве суды не принимают его результаты в качестве доказательств по уголовным делам, освещены причины формирования выявленной судебной практики. Исследованы аргументы, выдвигаемые учеными и практиками, против использования результатов психофизиологических исследований с применением полиграфа в доказывании. Сделан вывод, что часть из этих аргументов утратила актуальность. Акцентируется внимание на возможности использования полиграфа в доказывании. Значимость для доказывания полученных результатов судебно-психологических экспертиз с применением полиграфа должна оцениваться уполномоченными на то участниками уголовного судопроизводства в каждом отдельном случае в совокупности с другими собранными по делу доказательствами. Предлагается дополнить перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями, включив в него судебную психофизиологическую экспертизу с применением полиграфа по уголовным делам и при проверке сообщений о преступлениях.

Ключевые слова: полиграф, психофизиологическая экспертиза, экспертиза с применением полиграфа, оценка доказательств

Для цитирования: Попова О. А. Полиграф в уголовном судопроизводстве: проблемы и перспективы использования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 157—166.

**POLYGRAPH IN CRIMINAL PROCEEDINGS:
PROBLEMS AND PROSPECTS TO USE****Olga Alexandrovna Popova**Volograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, napishiole@rambler.ru

Abstract. This article deals with the use of polygraph in the evidentiary process. It examines the historical aspect to use instrumental lie detection methods in criminal proceedings. The article studies the issues for court to admit the evidentiary value of psycho-physiological examinations. Despite the regulatory fixation of this type of examination, attention is paid to the fact that overwhelming majority of courts do not accept its results as evidence in criminal cases. The reasons to form identified judicial practice are also discussed. The arguments presented by scientists and practitioners against the use of polygraph psycho-physiological examination results in evidence process are examined. The author makes a conclusion that some of these arguments have lost their topical nature. Attention is focused on the potential use of the polygraph in evidence process. The significance of the results obtained by polygraph forensic psychological examination for evidence should be assessed by authorized participants in criminal proceedings in each individual case, in combination with other evidence collected in the case. It is proposed to expand the list of types of forensic examinations made exclusively by state forensic organizations to include forensic psycho-physiological examinations by using a polygraph in criminal cases and when verifying crime reports.

Keywords: polygraph, psycho-physiological examination, polygraph examination, evidence assessment

For citation: Popova O. A. Polygraph in criminal proceedings: problems and prospects to use. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 157—166, 2025. (In Russ.).

С древнейших времен люди выявили взаимосвязь между воспроизведением вслух недостоверной информации и реакциями человеческого организма, как будто сопротивляющегося производимой лжи. Среди последних ими были отмечены появление сухости во рту, повышенное потоотделение, изменение цвета лица, пульса и частоты дыхания, нарушение концентрации внимания, непроизвольные мышечные сокращения при выполнении сопутствующих действий. Эти признаки стали использовать с целью изобличения преступников, внедряя различные инструментальные методы выявления ложных показаний. Перечисленные реакции диагностировались различными способами: удержанием риса во рту (в Китае), обнюхиванием допрашиваемого или наблюдением за его руками, удерживающими хрупкие птичьи яйца (в Африке), прослушиванием ритма, отбиваемого испытуемым в ходе допроса (Индия), изучением мимики, цвета лица и иных внешних признаков (облизывание губ, покраснение лица или его бледность, дрожащий голос) [1, с. 6—7; 2, с. 104]. Результаты такой диагностики нередко служили основанием для вывода о виновности или невинности испытуемого.

Несмотря на то что в средние века отказались от применения испытаний в уголовном судопроизводстве, наблюдения, начатые на заре цивилизации и продолженные отдельными исследователями, нашли свое экспериментальное обоснование в современном мире. Так, в конце XIX — начале XX в. в Италии, Великобритании, США стали применяться научные способы выявления лжи, основанные на фиксации изменений объема частей тела, кровяного давления, частоты сердцебиения кожно-гальванического сопротивления [1, с. 8]. Были изобретены приборы, позволяющие фиксировать указанные реакции человеческого организма.

В 1927 г. советский ученый А. Р. Лурия описал основанный на быстроте двигательной реакции испытуемого на слова-раздражители экспериментально-психологический метод обнаружения причастности к преступлению, справедливо отметив, что он является одним из перспективных объективных методов криминалистики [3]. Однако в СССР исследования А. Р. Лурии были объявлены лженаучными, а деятельность по внедрению полиграфа в правоприменительную практику прекращена. При этом зарубежные ученые продолжили работу над «детектором лжи», в результате чего в ряде штатов США к середине 60-х гг. пошлого века уже сложилась практика его применения в процессе

доказывания. В России же к внедрению аппаратных методов выявления скрываемых обстоятельств вернулись лишь к началу 90-х гг.

К 1994 г. в системе МВД России были приняты первые нормативные правовые акты, регламентирующие порядок использования полиграфа при опросе граждан, деятельность полиграфологов, основания и условия проведения опроса с применением полиграфа в оперативных подразделениях МВД России¹ и получения допуска на право работы с полиграфными устройствами². Результаты такого опроса не имели доказательственного значения и могли быть применены лишь для выдвижения версий и определения направлений расследования. При этом потребность в использовании специальных психофизиологических исследований в доказывании сохранялась, совершенствовались методики их проведения, накапливался опыт специалистов-полиграфологов, что позволяло значительно повысить достоверность получаемых данных. Время наиболее активного использования результатов психофизиологических экспертиз и исследований в судах (ежегодно более 200) пришлось на начало 2010-х гг. [4, с. 8]

В 2017 г. данный вид исследований был закреплен в Перечне родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации³. Таким образом, заключение эксперта, полученное в установленном законом порядке, стало возможным использовать в качестве доказательства по уголовному делу.

Проведенное нами изучение судебной практики выявило проблему непринятия результатов психофизиологической экспертизы в качестве доказа-

¹ Об утверждении Инструкции о порядке использования полиграфа при опросе граждан: приказ МВД России от 28 декабря 1994 г. № 437дсп. Документ опубликован не был.

² Об обеспечении внедрения полиграфа в деятельность органов внутренних дел: приказ МВД России от 12 сентября 1995 г. № 353 (утратил силу в связи с изданием приказа МВД России от 4 августа 2022 г. № 587) // СТРАС «Юрист». Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

³ О внесении изменений в приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»: приказ МВД России от 18 января 2017 г. № 15 // СТРАС «Юрист». Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

тельств по уголовным делам, несмотря на ее нормативное закрепление.

При этом в период с 2018 г. по первое полугодие 2023 г. только в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России в общей сложности проведено порядка 8 тыс. психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа [5, с. 4]. Однако наблюдается значительное сокращение числа приговоров, в которых результаты психофизиологических экспертиз были приняты в качестве доказательств (в 2017 г. — 61, в 2018 г. — 63, в 2019 г. — 51 [4, с. 10], в 2024 — 2, в 2025 — 3).

По результатам изучения судебных решений по уголовным делам, размещенных на интернет-ресурсе «Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт)»¹, в 2024 г. было выявлено 20 обращений к суду по вопросам, касающимся проведения психофизиологических исследований, в 2025 г. их число составило 33. Со стороны защиты за последние два года поступило 14 ходатайств о проведении в отношении подсудимых психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа, представлено для включения в число доказательств 5 полученных защитниками заключений специалиста, 3 заключения и 3 справки психофизиологического исследования, 2 заключения психофизиологической экспертизы и 1 заключение «полиграфической» экспертизы², 1 специалист-полиграфолог по инициативе защиты дал показания в суде. Ни одно ходатайство защиты о проведении исследований и о приобщении доказательств удовлетворено не было.

Со стороны обвинения в указанный период было представлено в качестве доказательств 7 заключений психофизиологических экспертиз, 5 заключений «специалиста психофизиологического исследования», 10 «заключений специальных психофизиологических исследований», 2 допроса специалиста-полиграфолога, из которых судом были признаны доказательствами лишь 5 заключений и показания специалиста.

Сложившуюся ситуацию нельзя назвать приемлемой ввиду того, что отказ от производства судебных психофизиологических экспертиз с при-

менением полиграфа (далее — СПФЭ) и использование ее результатов лишь в качестве основы для построения следственных версий влечет необоснованное сужение пределов доказывания. В результате СПФЭ могут быть получены сведения о том, является или нет участник процесса, в отношении которого производится экспертиза, носителем информации о конкретном событии (его деталях) [6, с. 8], которые служат источником доказательства его причастности или непричастности к совершенному преступлению. Неиспользование закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) возможностей для собирания и проверки доказательств препятствует реализации назначения уголовного судопроизводства в разумный срок.

Высокая эффективность применения полиграфа для получения доказательственной информации при производстве СПФЭ была отмечена Генеральной прокуратурой России еще в 2005—2006 гг. в информационных письмах (№ 28-05/06-05 от 16 ноября 2005 г. и № 28-15-05 от 14 февраля 2006 г.), которые содержали обзор практики применения полиграфа при расследовании преступлений и положительные примеры использования полученных результатов в доказывании по уголовным делам [5, с. 3].

Ввиду того что среди юристов до настоящего времени не сформировалось единого мнения, можно ли использовать результаты психофизиологических исследований в процессе доказывания по уголовным делам, представляется целесообразным рассмотреть приведенные судьями, учеными и правоприменителями аргументы против такого использования и высказать некоторые возражения.

Аргумент 1. Несоответствие требованиям, предъявляемым к экспертным заключениям. Отправным пунктом формирования негативного отношения судов к результатам психофизиологических экспертиз стало Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 34-О12-12, ссылка на которое была включена п. 5.2.1 в Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2012 г., при этом в обоснование решения было положено спорное толкование норм УПК РФ, запрещающее «использование в качестве доказательств психофизиологических исследований... в ходе предварительного следствия, как несоответствующее требованиям, предъявляемым к экс-

¹ Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 17.09.2025).

² Апелляционное постановление Пермского краевого суда № 22К-261/2024 22К-8257/2023 от 17 января 2024 г. по делу № 3/10-9/2023. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/QJQe4dBtz4g1> (дата обращения: 18.09.2025).

пертным заключениям»¹. Несогласие с приведенной позицией высказали как практики, так и ученые [4, с. 9].

Во-первых, при составлении заключения СФПЭ эксперт руководствуется общими требованиями, изложенными в ст. 25 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»² и в пп. 28—31 Инструкции по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации³.

Во-вторых, за время, прошедшее с момента принятия данного судебного решения, разработан ряд рекомендаций по производству СФПЭ, в которых также изложены требования к содержанию заключения по результатам проведенного психофизиологического исследования и приведены образцы заключений [6, с. 23, 42—66; 7, с. 22—23, 34—43]. Более того, ЭКЦ МВД России в 2020 г. был подготовлен обзор «Рекомендации по совершенствованию составления заключений экспертов экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России по психофизиологическим исследованиям в отношении лиц с применением полиграфа» [8]. Таким образом, в настоящее время требования к составлению заключений СФПЭ достаточно разработаны и ими можно руководствоваться при их оценке.

Аргумент 2. «Установление... достоверности показаний путем назначения и проведения судебной экспертизы (психологической, психолого-психиатрической, какой-либо иной)... на научной основе в настоящий момент невозможно» [9]. Данный аргумент был сформулирован в документе,

ставшем основой для отказа в принятии в качестве доказательств заключений психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа, — информационном письме «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы», подготовленном в 2016 г. для следователей, судей, прокуроров, судебных психологов ведущими специалистами в области судебной психологии и психиатрии [9].

Приведенный аргумент вполне обоснован авторитетными учеными, но не является препятствием к использованию результатов СФПЭ в качестве доказательств, хотя и служит судам в качестве основания признания их недопустимым доказательством (например, «проверка объективности показаний с использованием „полиграфа“ уголовно-процессуальным законом не предусмотрена»⁴, «заключения эксперта психофизиологической судебной экспертизы с использованием системы „Полиграф“... по существу являются оценкой доказательств лицом, не уполномоченным на то законом»⁵, «заключения даны по вопросам, отнесенным к компетенции суда, а не специалиста»⁶, «исследование не согласуется с принципом свободы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве»⁷).

Утверждение, что эксперт-полиграфолог оценивает доказательства, нельзя признать верным. В процессе исследования эксперт оценивает не доказательства и не проверяет достоверность показаний, как полагают многие [10; 11], а лишь изучает реакции организма человека на значимую для него информацию. В компетенцию эксперта-полиграфолога входит лишь выявление осведомленности подэкспертного о юридически значимом событии и не более того [4, с. 10; 5, с. 20].

¹ Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2012 года, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 3 апреля 2013 г. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/15120> (дата обращения: 17.06.2025).

² О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 18.04.2025).

³ Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 // СТРАС «Юрист». Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

⁴ Приговор Дзержинского районного суда г. Волгограда № 1-398/2023 1-7/2024 от 29 января 2024 г. по делу № 1-398/2023. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/hxdlAmNlCxBj> (дата обращения: 17.06.2025).

⁵ Приговор Ростовского областного суда № 2-24/2023 2-4/2024 от 25 января 2024 г. по делу № 2-24/2023. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Ro3kXJ1S5YXJ> (дата обращения: 17.06.2025).

⁶ Приговор Советского районного суда г. Брянска № 1-149/2023 1-536/2022 от 18 декабря 2023 г. по делу № 1-427/2022. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/SnTGOmnuDUmq> (дата обращения: 17.06.2025).

⁷ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) № 22-347/2025 от 20 марта 2025 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/XMBZW6oeuwLp> (дата обращения: 18.09.2025).

Методики производства СПФЭ однозначно за-
прещают постановку «правовых вопросов, связан-
ных с оценкой собранных в ходе предварительно-
го или судебного следствия доказательств (в том
числе с оценкой достоверности показаний участ-
ников процесса)» [12, с. 7] и акцентируют внима-
ние на том, что их разрешение относится к исклю-
чительной компетенции лица (органа), осуществ-
ляющего расследование, прокурора, суда [6, с. 9].

*Аргумент 3. «Законом не предусмотрено при-
нятие результатов такой экспертизы в каче-
стве доказательства по уголовному делу»¹.*

Вопреки утверждениям судов законом преду-
смотрена возможность производства по делу су-
дебных экспертиз, а виды и роды данных экспер-
тиз в УПК РФ не перечислены. Заключение экс-
перта, подготовленное в результате производства
им психофизиологической экспертизы, как и лю-
бой другой, является доказательством в соответ-
ствии с п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ и также, как и все
доказательства, подлежит проверке и оценке в ус-
тановленном порядке.

*Аргумент 4. «Уголовно-процессуальный закон
не предусматривает законодательной возмож-
ности применения полиграфа в уголовном про-
цессе»².*

Полиграф при производстве экспертизы явля-
ется оборудованием, при помощи которого эксперт
делает заключение. Согласно п. 4 Наставления
по организации экспертно-криминалистической
деятельности в системе МВД России к основным
функциям экспертно-криминалистических подраз-
делений в числе прочего относится государствен-
ная судебно-экспертная деятельность, примене-
ние технических средств и специальных знаний
в уголовном судопроизводстве³. Поэтому утвер-

ждение судов, что законом не предусмотрено ис-
пользование полиграфа, не вполне корректно, так
как уголовно-процессуальный закон не описывает
используемые экспертами технические средства,
применяемые при производстве экспертиз, в том
числе те, которые безоговорочно принимаются
судами.

*Аргумент 5. «Психофизиологическое исследо-
вание (проверка на полиграфе) не является над-
лежащим источником доказательств по уголов-
ному делу и не может использоваться в качестве
такового»⁴.* Эта безапелляционная часто исполь-
зуемая судами мотивировка, не подкрепленная
дополнительными аргументами, не представляется
убедительной.

Мнения практиков и ученых по поводу доказа-
тельного значения специальных психофизио-
логических исследований различны, при этом
аргументы также разнообразны: одни исследуют
методики применения полиграфа и делают выво-
ды об отсутствии научной основы для получения
достоверных выводов в результате проверок [9],
другие рассматривают значимость для доказыва-
ния полученных результатов и находят ее ничтож-
ной [10; 11].

Так, в судебных решениях отмечается: «прове-
денные исследования не отличают научная и прак-
тическая состоятельность, они не проверяемы»⁵,
«для психофизиологического исследования с ис-
пользованием полиграфа отсутствуют научно
обоснованные методики»⁶.

Действительно, следует поддержать мнение
судов, а также крупнейших специалистов в судеб-
ной психологии и психиатрии [9], высказывающих
обоснованные опасения в научной обоснованно-
сти используемых различными экспертами мето-
дик, в том числе авторских. Тем более, что с вве-

¹ Апелляционное постановление Астраханского обла-
стного суда № 22-1340/2024 от 20 августа 2024 г. по делу
№ 1-11/2024. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/owMloj1utRI3>
(дата обращения: 17.06.2025).

² Апелляционное постановление Саратовского област-
ного суда № 22-1706/2024 от 5 августа 2024 г. по делу
№ 1-28/2024. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/aO0MxzgdZ8NV>
(дата обращения: 17.06.2025); Приговор Набережно-
челнинского городского суда Республики Татарстан
№ 1-1038/2024 1-113/2025 от 19 февраля 2025 г. по делу
№ 1-1038/2024. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/lybgg5OxH4oN>
(дата обращения: 18.09.2025).

³ Об утверждении Наставления по организации экс-
пертно-криминалистической деятельности в системе
МВД России: приказ МВД России от 11 января 2009 г. № 7
(ред. от 09.03.2023) // СТРАС «Юрист». Режим доступа:
для зарегистрированных пользователей.

⁴ Апелляционное постановление Липецкого област-
ного суда № 22-189/2024 от 27 февраля 2024 г. по делу
№ 1-57/2023. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/hUAJpjh2gjV>
(дата обращения: 17.06.2025); Приговор Железнодорож-
ного районного суда г. Улан-Удэ Республики Бурятия
№ 1-22/2025 1-517/2024 от 5 февраля 2025 г. по делу
№ 1-22/2025. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ulyeYmFvKdR>
(дата обращения: 18.09.2025).

⁵ Приговор Советского районного суда г. Брянска
№ 1-149/2023 1-536/2022 от 18 декабря 2023 г. по делу
№ 1-427/2022. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/SnTGOmnuDUmq>
(дата обращения: 17.06.2025).

⁶ Приговор Губкинского городского суда Белгород-
ской области № 1-136/2024 1-22/2025 от 22 апреля 2025 г.
URL: <http://sudact.ru/regular/doc/K9YdHasP7voK> (дата
обращения: 18.09.2025).

дением в уголовный процесс такого вида доказательств, как заключение специалиста, которое может фактически предоставлять любой участник уголовного судопроизводства, вопрос обострился: адвокаты, пользуясь правами, предоставленными им пп. 2, 3 ч. 1 ст. 53 и п. 2¹ ст. 58 УПК РФ, стали предъявлять в уголовном процессе в качестве доказательств заключения специалистов-полиграфологов, подготовленные вне государственных экспертных учреждений. Несомненно, необходимо принимать меры к тому, чтобы не дать сомнительным выводам энтузиастов-новаторов, не являющихся ведущими учеными в данной области, приобрести статус доказательств по уголовным делам.

Поэтому в 2018 г. государственными судебно-экспертными организациями уже были разработаны и внедрены методики проведения СПФЭ [6; 12], в 2021 г. подготовлен ряд информационных материалов, дополнительно разъясняющих вопросы составления заключений экспертов, участие переводчика в производстве СПФЭ, выявления противодействия, а также определяющих ограничения при назначении и производстве СПФЭ¹. Кроме того, в 2024—2025 гг. на заседании Научно-практической секции ЭКЦ МВД России рекомендованы к использованию в практической деятельности информационное письмо «Психологические и методические аспекты применения полиграфа в рамках оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности» [13] и научно-практическое пособие «Возможности психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию в ходе расследования отдельных видов преступлений» [5].

Таким образом, научное обеспечение производства СПФЭ в системе МВД России следует признать достаточным для обеспечения возможности использования заключений экспертов-полиграфологов в качестве доказательств по уголовным делам.

Аргумент 6. Вероятностный характер выводов эксперта.

Ученые утверждают: «Точность дифференциации воспроизведения „пережитых“ и „не пережитых“ событий... составляет от 70 до 90 %, но она недостаточна для принятия однозначного экспертного решения» [9]. Опираясь на их выводы, суды мотивируют отказ принимать в качестве

доказательств результаты СПФЭ тем, что они «носят вероятностный характер»².

Действительно, вероятностный вывод не имеет решающего значения в доказывании, ввиду того, что согласно ч. 3 ст. 15 УПК РФ все сомнения толкуются в пользу обвиняемого. Поэтому следователи не стремятся назначать экспертизы, не дающие однозначного вывода.

Тем не менее вероятностный вывод может способствовать формированию внутреннего убеждения участников уголовного судопроизводства, осуществляющих оценку доказательств. Это мнение поддерживают Р. И. Могутин и М. В. Субботина: «Отсутствие стопроцентной гарантии достоверности результатов применения полиграфа не может служить причиной, исключающей их процессуальную значимость» [1, с. 33].

В настоящее время в упомянутых выше Рекомендациях по совершенствованию составления заключений экспертов экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России по психофизиологическим исследованиям в отношении лиц с применением полиграфа описан порядок постановки категорических выводов по результатам СПФЭ (как положительных, так и отрицательных) [8, с. 17—20].

Вопрос значимости полученных в результате СПФЭ сведений для доказывания должен решаться применительно к рассматриваемому делу.

Например, не принимая результаты психофизиологического исследования с применением полиграфа, Набережночелнинский городской суд Республики Татарстан акцентировал внимание на оценке относимости предъявленного доказательства, отметив, что «указанное доказательство по своему содержанию непосредственно не связано с фактическими обстоятельствами произошедшего»³.

Ахматовский районный суд г. Грозного Чеченской Республики, напротив, признал в приговоре

¹ Документы доступны для ознакомления в ведомственных информационных системах МВД России.

² Приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан № 1-1038/2024 1-113/2025 от 19 февраля 2025 г. по делу № 1-1038/2024. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/lybgg5OxH4oN> (дата обращения: 18.09.2025); Приговор Верховного Суда Республики Мордовия № 22-248/2025 от 8 апреля 2025 г. по делу № 1-153/2024. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/J4maR7Eh9uWV> (дата обращения: 18.09.2025).

³ Приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан № 1-1038/2024 1-113/2025 от 19 февраля 2025 г. по делу № 1-1038/2024.

относимость принятого им в качестве доказательства заключения специалиста психофизиологического исследования с применением полиграфа, согласно которому подсудимая располагала информацией касательно деталей присвоения денежных средств потерпевшей и имела цель по своему усмотрению распорядиться денежными средствами, которые путем обмана получила от потерпевшей¹.

Кировскому районному суду Ставропольского края в качестве доказательства было представлено заключение специалиста, согласно которому «в ходе исследования с применением полиграфа в отношении ФИОЗ были выявлены психофизиологические реакции, обусловленные его информированностью об обстоятельствах причинения телесных повреждений Потерпевший № 1... <...> Информация, которой располагает ФИОЗ, вероятно, была получена им в момент совершения действий, приведших к падению Потерпевший № 1»². Суд, оценивая вероятностный вывод специалиста, в совокупности с другими доказательствами, отметил, что все они «соответствуют требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом, полностью согласуются с другими доказательствами по настоящему уголовному делу, сомнений у суда не вызывают, и поэтому (суд) признает их допустимыми и достоверными доказательствами, подтверждающими виновность ФИОЗ в совершении преступления»³.

Аргумент 7. Вероятность экспертных ошибок при трактовке информативных признаков реакций.

Вероятность совершения экспертом ошибки существует всегда. Эта проблема, касающаяся не столько СПФЭ, достаточно исследована [14]. Применительно к рассматриваемому виду экспертизы важно отметить, что специалистами выявлена возможность возникновения у участников уголовного судопроизводства ложных воспоминаний, вследствие чего применение контент-анализа показаний теряет смысл [9]. Это, несомненно, очень важный момент, и именно поэтому оценка

показаний — прерогатива не эксперта, а определенных в законе участников уголовного судопроизводства, которые в процессе расследования или судебного разбирательства должны установить, чем вызваны обнаруженные экспертом реакции: желанием ввести их в заблуждение или «ложными воспоминаниями», сформировавшимися под воздействием обсуждения события с другими лицами, освещением его в прессе или иными причинами. Для проведения такой оценки могут быть получены и другие доказательства, например, как верно отметила Я. В. Комиссарова, такие, как показания специалиста «о научной, методической и фактической обоснованности выводов эксперта, признаках искажения показаний, в том числе их обусловленности ложными воспоминаниями» [15].

Кроме того, ЭКЦ МВД России закреплены квалификационные требования к полиграфологу [6, с. 9—12], освещены вопросы предупреждения экспертных ошибок при производстве СПФЭ и экспертам-полиграфологам даны соответствующие рекомендации [8]. Таким образом, приняты необходимые меры по недопущению экспертных ошибок.

Аргумент 8. Нарушение прав обвиняемого давать и не давать показания.

Рассматривая вопрос применения полиграфа в доказывании, также нельзя не остановиться на соблюдении принципов уголовного судопроизводства. С одной стороны, давать показания — это право, а не обязанность подозреваемого или обвиняемого (п. 2 ч. 4 ст. 46 и пп. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность (ч. 2 ст. 14 УПК РФ). В то же время сведения, сообщенные им в процессе производства судебной экспертизы, не являются показаниями, а отказ подозреваемого и обвиняемого от проведения в отношении него экспертизы законом не предусмотрен, поэтому экспертное исследование подозреваемого или обвиняемого с применением полиграфа автоматически вынуждает его доказывать свою невиновность.

Конечно, такой подход недопустим. Поэтому для проведения СПФЭ закреплен принцип добровольности: «Отказ от участия в ПФЭИ не может служить основанием для принятия каких-либо мер, ущемляющих права обследуемого, предусмотренные действующим законодательством, и не является свидетельством сокрытия лицом запрашиваемой информации» [6, с. 13]. Таким образом, право не свидетельствовать против себя при производстве СПФЭ не нарушается.

¹ Приговор Ахматовского районного суда г. Грозного Чеченской Республики № 1-117/2024 1-18/2025 от 26 марта 2025 г. по делу № 1-47/2024. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/qNFwjaJGmuUj> (дата обращения: 18.09.2025).

² Приговор Кировского районного суда Ставропольского края № 1-203/2024 1-42/2025 от 10 марта 2025 г. по делу № 1-203/2024. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Yfy6DgqhjVQ9> (дата обращения: 18.09.2025).

³ Там же.

Цель использования полиграфа — не изобличение лица в совершении уголовно наказуемого деяния, а установление истины, «сведение к минимуму следственных и судебных ошибок» [16, с. 170]. Полученная в результате экспертного исследования информация может носить не только обвинительный, но и оправдательный характер и должна рассматриваться лишь в совокупности со всеми собранными доказательствами по делу.

Так, заместитель прокурора Октябрьского района г. Липецка в обоснование ходатайства о прекращении уголовного дела в отношении ФИО47 указал: «Непричастность ФИО47 также подтверждается психофизиологическим исследованием с помощью устройства „Полиграф“ от 26 октября 2023 г., согласно которому у последней были выявлены психофизиологические реакции с определенной степенью вероятности свидетельствующие о том, что она не скрывает значимую информацию по расследуемому делу»¹.

Приведенные выше данные исследования показывают, что в последние два года инициаторами психофизиологических исследований с использованием полиграфа выступают не столько субъекты, ведущие расследование, сколько сторона защиты, что вполне согласуется с утверждением Е. И. Замылина, что «применение... полиграфа в ходе получения показаний от лица, необоснованно подозреваемого в совершении преступления, предоставляет возможность рассеять в отношении него подозрения» [16, с. 167].

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. С позиции уголовного процесса нет препятствий для использования результатов СПФЭ в процессе доказывания при соблюдении участниками уголовного судопроизводства принципов оценки доказательств.

2. Проблема, связанная с оценкой достоверности полученных доказательств, — отсутствие общепризнанных методик производства экспертиз с применением полиграфа — в настоящее время разрешена: научное обеспечение производства СПФЭ в системе МВД России следует признать достаточным для обеспечения возможности использования ее заключений в качестве доказательств по уголовным делам.

3. При возникновении сложностей в оценке заключения, полученного в результате СПФЭ, для разъяснений может быть привлечен специалист.

4. Значимость для доказывания полученных результатов СПФЭ должна оцениваться уполномоченными на то участниками уголовного судопроизводства по каждому конкретному уголовному делу индивидуально, в совокупности с другими собранными по делу доказательствами.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что потребность практики в использовании полиграфа в доказывании сохраняется. Использование в доказывании заключений психофизиологических экспертиз, проведенных с применением полиграфа, при соблюдении принципов презумпции невиновности и свободы оценки доказательств позволяет расширить доказательственную базу и должно способствовать реализации назначения уголовного судопроизводства: уголовному преследованию виновных, отказу от уголовного преследования невиновных.

В целях обеспечения достоверности результатов СПФЭ предлагается дополнить перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями², включив в него судебную психофизиологическую экспертизу с применением полиграфа по уголовным делам и при проверке сообщений о преступлениях.

1. Могутин Р. И., Субботина М. В. Использование полиграфа в раскрытии и расследовании преступлений: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2005. 84 с.

1. Mogutin R. I., Subbotina M. V. Using a polygraph while solving and investigating crimes. Textbook. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2005: 84. (In Russ.).

¹ Апелляционное постановление Липецкого областного суда № 22К-266/2025 от 3 марта 2025 г. по делу № 3/12-54/2024. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/UkXpUaRdSjgK> (дата обращения: 18.09.2025).

² О перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями: распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р (ред. от 31.10.2023) // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400600/ (дата обращения: 18.09.2025).

2. Закатов А. А., Замылин Е. И. Заведомо недостоверная информация в ходе расследования и проблемы борьбы с ней (исторический экскурс) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 1 (20). С. 103—110.

3. Лурия А. Р. Психология в определении следов преступления // Юридическая психология: сайт. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/luriya/02.htm> (дата обращения: 17.06.2025).

4. Семенов В. В. Использование результатов исследований с применением полиграфа в доказывании по уголовным делам // Российский следователь. 2020. № 10. С. 8—12.

5. Возможности психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию в ходе расследования отдельных видов преступлений: науч.-практ. пособие. Ч. 1 / С. А. Пропастина, М. И. Шавкунова, К. Ю. Варик [и др.]. Москва: ЭКЦ МВД России, 2025. 200 с.

6. Порядок назначения и проведения психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в системе МВД России: метод. рекомендации. Москва: ЭКЦ МВД России, 2018. 70 с.

7. Возможности и порядок производства психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России: информ. письмо. Москва: ЭКЦ МВД России, 2017. 47 с.

8. Рекомендации по совершенствованию составления заключений экспертов экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России по психофизиологическим исследованиям в отношении лиц с применением полиграфа: обзор. Москва: ЭКЦ МВД России, 2020. 25 с.

9. О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы: информ. письмо / С. А. Смирнова, Е. В. Макушин, А. Я. Аснис [и др.] // Теория и практика судебной экспертизы: науч.-практ. журн. 2016. № 3 (43). С. 64—73. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2016_n3/82922 (дата обращения: 17.06.2025).

10. Николук В. В., Диваев А. Б. «Экспертиза достоверности» показаний в свете действующего уголовно-процессуального закона // Уголовное судопроизводство. 2022. № 1. С. 22—27. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

2. Zakatov A. A., Zamylin Ye. I. Knowingly fake information in investigating and problems to fight it (historical excursion). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 103—110, 2012. (In Russ.).

3. Luriya A. R. Psychology in identifying traces of a crime. In: Legal psychology. Site. Available from: <http://yurpsy.com/files/biblio/luriya/02.htm>. Accessed: 17 June 2025. (In Russ.).

4. Semenov V. V. Applying the results of examinations by using a polygraph in criminal cases proving. Russian Investigator, 8—12; 2020. (In Russ.).

5. Propastina S. A., Shavkunova M. I., Varik K. Yu. (et al.) Possibilities of psycho-physiological examinations and tests by using a polygraph, while identifying circumstances subject to prove during the investigation of certain types of crimes. Scientific and practical manual. Part 1. Moscow: Forensic Science Center of the Ministry of the Interior of Russia; 2025: 200. (In Russ.).

6. The procedure related to assigning and making psycho-physiological expertise and examinations by using a polygraph in the system of the Ministry of the Interior of Russia. Methodological recommendations. Moscow: Forensic Science Center of the Ministry of the Interior of Russia; 2018: 70. (In Russ.).

7. The capabilities and procedure related to making psycho-physiological expertise and examinations by using a polygraph in the forensic units of the Ministry of the Interior of Russia. Information letter. Moscow: Forensic Science Center of the Ministry of the Interior of Russia; 2017: 47. (In Russ.).

8. Recommendations to improve the preparation of the expert opinions of the forensic units of the territorial bodies of the Ministry of the Interior of Russia on psycho-physiological examinations related to the individuals to be taken a polygraph test. An overview. Moscow: Forensic Science Center of the Ministry of the Interior of Russia; 2020: 25. (In Russ.).

9. Smirnova S. A., Makushin Ye. V., Asnis A. Ya. (et al.) On illegality to assess reliability of testimony by making forensic examination. Information letter. Theory and practice of forensic examination: scientific and practical journal, 64—73, 2016. Available from: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2016_n3/82922. Accessed: 17 June 2025. (In Russ.).

10. Nikolyuk V. V., Divayev A. B. "Examination of reliability" of testimony in the aspect of the acting criminal procedure law. Criminal proceedings, 22—27, 2022. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". Access mode: for registered users. (In Russ.).

11. Исаенко В. Н. Экспертная оценка показаний в уголовном судопроизводстве // Законность. 2020. № 2. С. 55—59. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

12. Межведомственная методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа / Ин-т криминалистики Центра спец. техники ФСБ РФ, ЭКЦ МВД России, Главное управление криминалистики СК РФ, 111 Главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз М-ва обороны РФ. Москва, 2018. 30 с.

13. Пропастина С. А., Баракова Е. А., Меркулова Р. А. Психологические и методические аспекты применения полиграфа в рамках оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности: информ. письмо. Москва: ЭКЦ МВД России, 2024. 45 с.

14. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. Москва: Проспект, 2023. 544 с.

15. Комиссарова Я. В. Ложные воспоминания: проблемы оценки показаний участников уголовного судопроизводства // Российский судья. 2023. № 4. С. 22—28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

16. Замылин Е. И. «Психологизация» криминалистической тактики: от простейших наблюдений за внешними проявлениями индивида до научной «детекции лжи» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 161—173.

Попова Ольга Александровна,

заместитель начальника кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент; napishiole@rambler.ru

11. Isayenko V. N. "Expert assessment of testimony in criminal proceedings". Legality, 55—59, 2020. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". Access mode: for registered users. (In Russ.).

12. Interdepartmental methodology to make forensic psycho-physiological examinations by using a polygraph. The Institute of Forensic Science of the Special Equipment Center of the Federal Security Service of the Russian Federation, the Forensic Science Center of the Ministry of the Interior of Russia, the Main Department of Forensic Science of the Investigative Committee of the Russian Federation, The 111th Main State Center for Forensic Medical and Criminalistics Examinations of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Moscow; 2018: 30. (In Russ.).

13. Propastina S. A., Barakova Ye. A., Merkulova R. A. Psychological and methodological aspects to use a polygraph during detective and criminal-procedural activities. Information letter. Moscow: Forensic Science Center of the Ministry of the Interior of Russia; 2024: 45. (In Russ.).

14. Forensic Science: typical mistakes. Red. by Ye. R. Rossinskaya. Moscow: Prospect; 2023: 544. (In Russ.).

15. Komissarova Ya. V. False memories: problems to assess the testimony of participants in the criminal proceedings. Rossiysky Judge, 22—28, 2023. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". Access mode: for registered users. (In Russ.).

16. Zamylin Ye. I. "Psychologization" of forensic tactics: from the simplest observations of an individual's visual signs up to scientific "lie detection". Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 161—173, 2024. (In Russ.).

Popova Olga Alexandrovna,

deputy head of the department of investigative activity organization of the educational and scientific complex for preliminary investigation in the internal affairs bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent; napishiole@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 23.10.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 23.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.132

**СРЕДСТВА НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ****Наталья Алексеевна Соловьева***, **Елена Вильгельмовна Вологина****,
Людмила Владимировна Попова***

* Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, natalisoul13@mail.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, vologina-e@mail.ru

*** Волгоградский институт бизнеса, Волгоград, Россия, lygmila.2015@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена средствам невербальной коммуникации и их использованию субъектом расследования в процессе установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Установлено, что такими средствами являются телесный контакт, пространственная ориентация и дистанция между общающимися, их внешний вид, положение или поза, выражение лица, жестикуляция, взгляд субъектов общения и пр. Сделан вывод, что грамотное, вдумчивое использование перечисленных средств способствует скорейшему установлению прочного психологического контакта, побуждая допрашиваемого делиться важной для следствия информацией. Определено, что субъекту расследования необходимо не только уметь считывать невербальные маркеры коммуникации других людей, но и подавать собственные, вызывающие доверие у других участников уголовного процесса. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что мастерство невербального общения способствует профессиональному росту субъекта расследования и должно рассматриваться не как самостоятельный факультативный элемент, а как необходимая часть единого, целостного подхода к установлению всех обстоятельств уголовно наказуемого деяния. Такая комплексность придает процессу расследования дополнительные возможности и в конечном счете обеспечивает скорейшее достижение целей уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: следователь, предварительное расследование, коммуникация, общение, невербальная коммуникация

Для цитирования: Соловьева Н. А., Вологина Е. В., Попова Л. В. Средства невербальной коммуникации в деятельности следователя // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 167—174.

**MEANS OF NON-VERBAL COMMUNICATION
IN THE ACTIVITIES OF AN INVESTIGATOR****Natalia Alekseyevna Soloviyeva***, **Yelena Vilgelmovna Vologina****, **Lyudmila Vladimirovna Popova*****

* Volgograd State University, Volgograd, Russia, natalisoul13@mail.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, vologina-e@mail.ru

*** Volgograd Institute of Business, Volgograd, Russia, lygmila.2015@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the means of non-verbal communication and their use by the subject of an investigation in the process of identifying circumstances to prove in a criminal case. It is established that such means include physical contact, spatial orientation and distance among communicants, their appearance, position or posture, facial expression, gestures, glance of the subjects of communication, etc. It is concluded that competent, thoughtful use of the listed means contributes to the rapid establishment of a strong psychological contact, encouraging the interrogated person to share information important for the investigation. It is determined that the subject of an investigation must be able not only "to read" (= to understand) other people's non-verbal communication markers, but also demonstrate their own ones, inspiring confidence among other participants in the criminal process. As a result of the study, the authors conclude that mastery of non-verbal communication contributes to the professional promotion of the subject of an investigation and should be considered not as an independent, optional element, but as a necessary part of a unified, holistic approach to identify all the circum-

stances of a criminal case. This comprehensive approach provides additional opportunities for the investigation process and ultimately ensures the speedy achievement of the goals of criminal proceedings.

Keywords: investigator, preliminary investigation, communication, non-verbal communication

For citation: Soloviyeva N. A., Vologina Ye. V., Popova L. V. Means of non-verbal communication in the activities of an investigator. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 167—174, 2025. (In Russ.).

В настоящее время в науке и обществе наблюдается заметный рост интереса к вопросам невербальной коммуникации в области психологии и лингвистики.

Проблематика невербальной коммуникации не оставляет равнодушными и специалистов в области юриспруденции. Важность невербальных средств общения на различных стадиях уголовного судопроизводства, особенно во время допроса, была освещена в работах таких ученых, как А. Н. Васильев [1], Л. М. Карнеева [1], Г. Г. Доспулов [2], С. Ю. Якушин [3] и Г. А. Зорин [4]. Их исследования поднимают ключевые аспекты невербальной коммуникации, показывая, как невербальные сигналы могут повлиять на процесс следствия и обнаружение истинных намерений свидетелей и подозреваемых. Однако, к сожалению, часто обсуждение значимости невербальной коммуникации ограничивается лишь общими утверждениями и судебно-следственная практика не всегда предполагает их активное внедрение.

В полной мере соглашаемся с теми исследователями-криминалистами, которые утверждают, что процесс производства по уголовному делу не сводит исключительно к получению тех или иных доказательств виновности конкретного лица или лиц [5—7]. Хотя эта цель, очевидно, является основополагающей в деятельности субъекта расследования, на пути к ее достижению перед ним возникает множество задач, которые, на первый взгляд, не имеют прямого отношения к основной цели, однако их решение существенно способствует ее реализации. А. Н. Васильев в своей работе правильно указывает, что результаты анализа изменений как в поведении, так и в мимике участника уголовного процесса в ходе допроса последнего крайне ценны в первую очередь для организации и осуществления его последующих допросов, и, следовательно, фиксация таких наблюдений представляется весьма важной деятельностью [1, с. 123]. Более того, правильное понимание следователем поведения любого участника процесса во многом зависит от его наблюдательности и опыта, что добавляет глубины и нюансов в расследование. Общеизвестно, что одной и той же фразе, произнесенной, например, подозреваемым или

обвиняемым в ходе его допроса, можно придать совершенно разные смысловые значения в зависимости от используемой допрашиваемым лицом интонации и характера его жестуляции. Вопрос использования лицом, ведущим расследование, средств невербальной коммуникации имеет несколько ключевых аспектов. Первый из них, который можно обозначить как декодирование, связан с тем, как именно невербальная составляющая помогает правильно интерпретировать слова допрашиваемого участника уголовного процесса. Важность данного аспекта обусловлена тем, что в результате проведенных исследований в психологии однозначно доказано, что невербальное общение в подавляющем большинстве случаев имеет приоритет над вербальным. Такой приоритет заключается в специфике восприятия передаваемой информации: если вербальная коммуникация направлена на трансляцию, в первую очередь, значений, то невербальные сигналы лучше отображают смысловую их нагрузку и чувства человека, что делает их крайне важными для лица, ведущего расследование. Невербальная коммуникация представляет собой глубинное проявление смыслового мира личности и служит непосредственным способом трансляции ее субъективных значений [8, с. 123].

Как правило, именно невербальное поведение человека считается более значимым и основополагающим, чем вербальное. Это связано с тем, что простые обыватели, являющиеся в большинстве случаев допрашиваемыми лицами, чаще всего придают большее значение эмоциям, которые передаются через невербальные сигналы, такие как интонация или мимика, чем тем, что выражается словами.

В процессе осуществления производства по конкретному уголовному делу лицо, ведущее расследование, не только опирается на объективные факты, но и стремится понять субъективное отношение конкретных участников уголовного процесса (например, потерпевшего, свидетеля, подозреваемого лица или обвиняемого) к указанным фактам, что, очевидно, крайне важно для скорейшего установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию. В частности, знание о личных

смыслах и восприятии таких участников уголовного процесса приобретает наибольшую значимость в условиях конфликтов, нередко возникающих в ходе следствия. Именно в таких ситуациях существенно увеличивается степень важности средств невербальной коммуникации, которые дают возможность субъекту расследования исследовать внутренние установки и чувства таких участников уголовного процесса, а также лучше понять их позицию.

Однако важно обратить внимание и на другой аспект использования невербальных средств — это кодирование, которое подразумевает применение невербальных сигналов для оказания определенного психологического влияния на вышеуказанных лиц. Этот аспект тоже имеет большое значение в работе лица, ведущего расследование, по той простой причине, что сочетание вербального влияния с невербальными знаками существенно усиливает мощь и, соответственно, эффективность влияния, оказываемого на конкретного индивидуума — участника уголовного процесса.

Вместе с тем будет неверным считать, что применение невербальной коммуникации в ходе осуществления уголовного судопроизводства в основном ограничивается лишь конфликтными ситуациями. На самом деле ее потенциальное использование в границах тех или иных стадий уголовного процесса намного богаче. Тем не менее специфика именно коммуникации в условиях существующего конфликта, возникшего в ходе производства предварительного расследования, обуславливает целесообразность использования такого рода средств в первую очередь в таких случаях, когда эмоциональная составляющая и личные переживания выходят на передний план (а такие ситуации в следственной практике не редкость).

На данный момент в теории психологии или криминалистики не существует единой общепризнанной классификации инструментов невербальной коммуникации.

В теории криминалистики одним из первых ученых, выделившим группу неречевых средств общения, стал Г. А. Зорин, который сыграл значительную роль в развитии указанного направления исследований именно в криминалистическом аспекте [4].

Г. А. Зорин, развивая концепцию применения метода интерпретации информации в ходе следственных действий, предложил обратить внимание на анализ неречевых средств общения, которые могут существенно дополнить понимание ситуации и состояния участников общения, что

позволяет в том числе составить более полный и качественный протокол допроса того или иного участника уголовного процесса.

В основу нашей работы мы положили классификацию невербальных средств общения, составленную М. Аргайлом, так как, по нашему мнению, его подход к анализу невербальной коммуникации наиболее полон, что важно в контексте работы следователя [6]. В этой классификации выделяются четыре ключевых элемента, каждый из которых не только открывает новые горизонты для понимания человеческого взаимодействия вообще, но и демонстрирует важные аспекты невербальной коммуникации для использования в профессиональной деятельности следователя.

Телесный контакт. Этот аспект имеет огромное значение в межличностном взаимодействии. Он выражается в следующих общеизвестных формах физического взаимодействия людей: прикосновения, толчки, рукопожатия и пр. Различные проявления телесного контакта могут выражать абсолютно разное, зачастую диаметрально противоположное значение: поддержку, контроль или, наоборот, пренебрежение, агрессию. В связи с этим следователю крайне важно видеть, уметь правильно интерпретировать и использовать в своей профессиональной деятельности указанные формы человеческого взаимодействия. Так, когда очевидец преступления выказывает посредством легкого толчка пренебрежение к потерпевшему, это может говорить о том, что он вряд ли будет давать исчерпывающие показания в отношении преступника. А это, в свою очередь, должно быть учтено следователем при планировании и проведении допроса указанного лица.

Дистанция между общающимися. Расстояние, которое люди оставляют между собой в момент их коммуникации, несет в себе массу информации об их отношениях. Исследования показывают, что люди, находящиеся ближе друг к другу, как правило, имеют более позитивные взаимоотношения. Если кто-то из собеседников начинает увеличивать дистанцию, это говорит о его желании закончить разговор или о том, что этот человек испытывает дискомфорт, его отношение к другому собеседнику меняется на негативное. Следовательно, анализируя поведение различных участников уголовного процесса, например потерпевшего, свидетеля или подозреваемого, может сделать важные выводы об их эмоциональном состоянии и отношении к происходящему. Так, сокращение дистанции во время общения между потерпевшим и подозреваемым может свидетельствовать о на-

чале примирения между ними. Такое сближение может указывать на изменение характера их взаимодействия, когда в их взаимоотношениях начинает появляться понимание или даже прощение. Эмоциональный климат в таких ситуациях меняется, и следовательно, внимательно наблюдая за этими проявлениями, может попытаться определить, как именно эти участники уголовного процесса подходят к разрешению конфликта, что здесь: искреннее раскаяние и прощение или же сугубо вынужденная материальная компенсация причиненного вреда.

Взаимное расположение собеседников. Эта характеристика показывает взаимоотношения между собеседниками, а также может способствовать установлению желаемых отношений между коммуницирующими людьми. Например, близкие друзья могут сидеть практически бок о бок, что создает атмосферу доверия и открытости, в то время как оппоненты, находящиеся в конфликте, склонны занимать позиции напротив друг друга. Ориентация может сообщать о динамике отношений и указывать на наличие или отсутствие согласия между участниками коммуникации. Знание специфики такого рода невербальных сигналов дает возможность следователю не только правильно осознавать взаимоотношения между тем или иным участником уголовного процесса, но и способствовать в установлении психологического контакта с каждым из них, что очевидно ценно в процессе получения интересующей следствия информации. В качестве примера можно рассмотреть ситуацию, когда следователь предлагает участнику уголовного процесса занять место не напротив него за столом, а сбоку. Этот подход способствует сокращению дистанции между ними и устраняет определенный «барьер», создаваемый служебным столом. Кроме того, следователь естественным образом оказывается вполборота по отношению к допрашиваемому. Все это способствует созданию более спокойной и доверительной атмосферы. В таких условиях допрашиваемый становится более склонным к открытости, что в конечном счете ускорит процесс получения необходимой следствию информации и увеличит вероятность ее достоверности.

Внешний вид. Он охватывает множество элементов, начиная от одежды и заканчивая общим стилем самовыражения личности. Внешний вид формирует общую картину, позволяя окружающим делать выводы о человеке еще до начала общения. Эти визуальные сигналы могут как помогать, так и мешать в межличностном взаимодействии,

создавая первое впечатление и вызывая оценочные суждения о человеке. Так, лицо, ведущее расследование, в силу специфики своего должностного положения должно придерживаться делового стиля одежды (классический костюм или строгое платье), что способствует восприятию его окружающими как профессионального, серьезного и ответственного человека. И это имеет крайне важное значение в ходе производства предварительного расследования, так как следователь должен восприниматься всеми участниками уголовного процесса серьезно. Вместе с тем этот образ, вызывая уважение, может создать дистанцию во взаимоотношениях с отдельными участниками уголовного процесса, и в связи с этим следователю важно использовать невербальные сигналы, например открытые жесты и дружескую улыбку, чтобы смягчить первую формальность и наладить контакт.

Положение и поза также играют важную роль в невербальной коммуникации, аналогично мимике. Однако они во многом зависят от культурного уровня индивида и его жизненного опыта. Кроме того, существуют определенные социальные нормы и условности, которые определяют, какую позу следует занять в зависимости от наличествующей к настоящему времени конкретной ситуации. Поза служит своеобразным зеркалом межличностных отношений и может свидетельствовать об определенном социальном статусе человека. Следователю важно помнить, что она изменяется в зависимости от эмоционального состояния личности, при этом контролировать позу значительно сложнее, чем мимику или интонацию голоса. Общеизвестно, что если подозреваемый сидит, скрестив руки на груди и при этом отводит взгляд, его поза указывает на дискомфорт или недовольство в ходе допроса или иного следственного действия. А в случае, если допрашиваемый избегает взгляда и постоянно поправляет волосы, то такое поведение может указывать на неуверенность. Кроме того, если допрашиваемый часто меняет позу, перемещается или нервничает, это может служить индикатором стресса или тревоги.

Все это должно в полной мере учитываться субъектом расследования при осуществлении дальнейшей профессиональной деятельности. Однако следователю важно и самому использовать указанные знаки невербальной коммуникации для достижения своих профессиональных целей. Так, наклонившись немного вперед к допрашиваемому, следователь будет сигнализировать о заинтересованности и внимании к его словам, а кивки

головой будут побуждать допрашиваемого продолжать говорить, создавая атмосферу взаимодействия и поддержки. Видя, что допрашиваемый нервничает, субъект расследования может отодвинуться назад и скрестить руки на коленях, чтобы показать, что он не представляет угрозы. Важно, чтобы такие изменения были естественными и не создавали ощущения манипуляции.

Выражение лица. Мимика также имеет большое значение в коммуникации. Чаще всего с ее помощью люди пытаются замаскировать негативные эмоции или неприязнь, вместе с тем отдельные нюансы эмоционального состояния крайне затруднительно контролировать. Например, такие составляющие мимики, как расширение зрачков во время сильных эмоций, потливость при волнении или внезапное выражение подавляемых чувств, могут выдавать внутренние переживания индивида. Лицу, ведущему расследование, важно помнить, что мимика имеет очень сильную связь с речью: слушая, люди зачастую невольно комментируют воспринимаемую информацию своими незначительными малозаметными движениями — бровей, губ, которые, как правило, могут выражать испытываемое ими удивление, согласие или недовольство. Указанное есть не что иное как форма «обратной связи», которая поступает от следователя к допрашиваемому и в которой последний, учитывая его процессуальный статус, часто крайне нуждается, в том числе и для определения степени достоверности и объема своих показаний. Поэтому субъект расследования должен сделать все для сведения ее к минимуму или в определенных случаях целенаправленно использовать данное средство невербальной коммуникации. Ведь мимика в процессе допроса может существенно повлиять как на восприятие сказанного, так и на взаимодействие между следователем и допрашиваемым лицом. Так, когда допрашиваемый рассказывает о трудной ситуации или эмоциях, следователь может использовать сочувствующее выражение лица. Легкая нахмуренность бровей и улыбка могут помочь показать, что он понимает и сопереживает, что может побудить допрашиваемого быть более открытым и честным.

Если же допрашиваемый сообщает что-то неправдоподобное или вызывающее сомнения, следователь может слегка приподнять брови, использовать выражение удивления или даже недоверия, что может побудить допрашиваемого уточнить свои слова или объяснить свои действия.

Жестикуляция. Жесты, как еще один важный элемент невербального общения, также играют

существенную роль в передаче информации. Большое количество значимой информации передается лицом именно посредством определенных движений рук, хотя другие части тела, такие как голова или ноги, могут использоваться для этой же цели, но движения ими, как правило, менее выразительны. Жесты, как и мимика, тесно связаны с речью и помогают говорящему наиболее полно и правильно донести свои мысли до адресата, расставляя необходимые акценты в процессе их коммуникации. Так, движения рук говорящего могут усилить убедительность сказанного им или, наоборот, выдать неискренность. Например, когда свидетель активно использует жесты, такие как открытые руки или наклон вперед, это может подчеркнуть искренность и уверенность в своих словах. В случае если допрашиваемый говорит о радостных событиях, но при этом демонстрирует закрытые жесты, это может свидетельствовать о недостоверности передаваемых им сведений.

Взгляд является одним из ключевых элементов в установлении межличностных отношений и коммуникации между людьми, в том числе между следователем и другими участниками уголовного процесса. Выражение глаз тесно связано с тем, что мы говорим, и служит важным дополнением к речевой коммуникации. Следователь, умеющий правильно интерпретировать взгляд собеседника, может правильнее и быстрее «диагностировать» его эмоции и намерения. Так, прямой и уверенный взгляд может сигнализировать о честности и уверенности в своих словах. Когда свидетель дает правдивые показания или когда потерпевший или подозреваемый искренне испытывают определенные эмоции, их взгляд может быть открытым; все они будут поддерживать зрительный контакт, что делает показания последних более убедительными. С другой стороны, если свидетель отвечает на вопрос, не глядя в глаза следователю, это может означать, что он неискренен или пытается что-то скрыть от следствия. Быстрое моргание или частая смена направления взгляда могут свидетельствовать о том, что допрашиваемый чувствует себя неуютно или обманывает.

Звуковые характеристики речи также имеют важное значение в коммуникации. Одну и ту же информацию индивид может донести до собеседников, используя разнообразные методы, например изменение высоты голоса, акцентирование на отдельных словах или изменение ритма речи в ходе разговора. Говоря о звуковых характеристиках речи, специалисты выделяют просодические явления, которые влияют на смысловое

содержание конкретной реплики, и паралингвистические явления, которые передают сопутствующую информацию. К первой группе явлений относятся интонация, ударение и ритмика, в то время как ко второй относятся явления, способствующие идентифицировать эмоциональное состояние говорящего, его характер и социальную принадлежность [8, с. 148]. И здесь субъект расследования должен уметь улавливать и различать любые изменения данных явлений, чтобы не только своевременно получить всю транслируемую информацию, но и успеть на нее адекватно среагировать.

Развитие навыков невербального общения требует от следователя значительных усилий, однако обладание ими существенно повысит эффективность его работы в успешном сборе как доказательственной, так и криминалистически значимой информации, что в конечном счете влияет на результативность производства по уголовному делу. В связи с этим одним из важных аспектов деятельности субъекта расследования является умение наблюдать и анализировать невербальные сигналы участников уголовного процесса как в ходе производства процессуальных действий, так и вне его процессуальной деятельности. Указанное включает в себя понимание общих паттернов и умение быстро адаптироваться к произошедшей трансформации имеющейся следственной ситуации, принимая во внимание не только индивидуальные ее особенности, но и общий контекст. Так, не все люди одинаково реагируют на стрессовые ситуации: одни начинают активно жестикулировать, в то время как другие начинают вести себя более скованно.

Еще один важный аспект рассматриваемой деятельности субъекта расследования — умение контролировать собственное невербальное поведение. Субъекту расследования важно не только уметь правильно читать сигналы других людей, но и полностью контролировать себя, чтобы самому подавать такие невербальные сигналы, которые должны способствовать установлению доверия к нему других участников уголовного процесса. Так, спокойная и уверенная манера поведения может способствовать более искреннему и открытому разговору, а демонстрация активного слушания, например наклон к собеседнику и использование одобрительных жестов, может значительно повысить вероятность того, что собеседник откроется и начнет делиться важной информацией [9, с. 437].

Представляется целесообразным отметить, что наряду с иными невербальными сигналами сама

речь следователя играет важную роль в повышении результативности коммуникации; грамотно сформулированные корректные вопросы, лишённые высокомерия, могут побудить допрашиваемого активнее делиться со следствием важной информацией.

Кроме того, следователю, осуществляющему коммуникацию с подозреваемым или свидетелем вне зависимости от того, происходит это в рамках его уголовно-процессуальной деятельности или нет, необходимо помнить, что его поза, жесты, выражение лица и пр. могут предопределить характер отношения к нему собеседников, в том числе как к авторитетной фигуре. Например, уверенная, открытая поза с прямой осанкой будет способствовать созданию впечатления силы и доверия, в то время как «закрытые позы», характеризующиеся скрещенными руками или ногами, бегающий взгляд не будут способствовать установлению психологического контакта.

Следует подчеркнуть, что невербальное общение представляет собой сложный инструментарий, требующий вдумчивого и целесообразного использования. А это, в свою очередь, зависит от готовности лица, ведущего расследование, постоянно анализировать как свое поведение, так и поведение окружающих. Такой анализ будет способствовать развитию интуиции и способности прогнозировать действия и эмоции участников уголовного процесса, что крайне важно в комплексной и динамично меняющейся атмосфере предварительного расследования.

Лицу, ведущему расследование, важно обладать хорошо развитыми навыками наблюдения, это, очевидно, обеспечит быструю реакцию на изменения в эмоциональной сфере допрашиваемого лица, что позволяет своевременно поправлять ход допроса. Указанная способность приобретает особую значимость в ситуации, когда нужно добраться до тщательно скрываемой, болезненной для допрашиваемого, но важной для следствия информации.

Мастерство невербального общения обогащает профессиональные навыки субъекта расследования, его необходимо рассматривать не как самостоятельный факультативный элемент, а как необходимую часть единого, целостного подхода к установлению всех обстоятельств уголовно наказуемого деяния, которая придает процессу расследования дополнительные возможности и в конечном счете обеспечивает скорейшее достижение целей уголовного судопроизводства.

В заключение можно отметить, что навыки невербального общения являются важной составляющей работы следователя, способствующей формированию более глубоких, доверительных отношений с различными участниками уголовного процесса, постоянное совершенствование которых,

а также уместное и грамотное их применение могут значительно повысить эффективность следственных действий и, как следствие, способствовать скорейшему достижению целей уголовного судопроизводства.

1. Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений. Москва: Юрид. лит., 1970. 208 с.

2. Доспулов Г. Г. Процессуальные и психологические основы допроса свидетелей и потерпевших на предварительном следствии: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1968. 19 с.

3. Якушин С. Ю. Тактические приемы и критерии их допустимости при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1983. 217 с.

4. Зорин Г. А. Проблемы применения специальных логико-психологических методов при подготовке и проведении следственных действий: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1991. 480 с.

5. Мельников В. Ю., Джамалова Б. Б., Саидов М. О. Проблемы доказывания по уголовным делам: учебник / Рост. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2020. 432 с.

6. Мазюк Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве. Москва: Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН, 2009. 216 с.

7. Бирюков С. Ю., Бобовкин М. В., Шматов М. А. Общая характеристика экстремизма и анализ современного состояния борьбы с преступлениями экстремистской направленности // Правовая парадигма. 2020. Т. 19, № 2. С. 13—20.

8. Асмолов А. Г., Фейгенберг Е. И. Некоторые аспекты исследования невербальной коммуникации: за порогом рациональности // Психологический журнал. 1989. Т. 10, № 6. С. 58—66.

9. Предварительное следствие: учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности «Юриспруденция» / Е. Н. Арестова, В. В. Артемова, В. И. Батюк [и др.]. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 783 с.

1. Vasiliyev A. N., Karneyeva L. M. Interrogation tactics in crime investigation. Moscow: Legal Literature; 1970: 208. (In Russ.).

2. Dospulov G. G. Procedural and psychological foundations of interrogating witnesses and victims during preliminary investigation. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Alma-Ata; 1968: 19. (In Russ.).

3. Yakushin S. Yu. Tactical techniques and criteria for their admissibility in crime investigation. Dissertation of candidate of juridical sciences. Kazan; 1983: 217. (In Russ.).

4. Zorin G. A. Problems to apply special logical and psychological methods while preparing for and conducting investigative actions. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 1991: 480. (In Russ.).

5. Melnikov V. Yu., Dzhamalova B. B., Saidov M. O. Problems to prove in criminal cases. Textbook. Rostov institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia). Rostov-on-Don: Science and Education Foundation; 2020: 432. (In Russ.).

6. Mazyuk R. V. Institute of criminal prosecution in Russian Criminal Proceedings. Moscow: Institute of scientific information on social sciences of the Russian Academy of Sciences; 2009: 216. (In Russ.).

7. Biryukov S. Yu., Bobovkin M. V., Shmatov M. A. General characteristics of extremism and analysis of the current state of the fight against extremism-related crimes. Legal paradigm, 13—20, 2020. (In Russ.).

8. Asmolov A. G., Feigenberg Ye. I. Some aspects of the study of non-verbal communication: beyond the threshold of rationality. Psychological journal, 58—66, 1989. (In Russ.).

9. Arestova Ye. N., Artyomova V. V., Batyuk V. I. (et al.) Preliminary investigation. Textbook for cadets and students of educational institutions of higher professional education of the Ministry of the Interior of Russia on the specialty "Jurisprudence". Moscow: UNITY-DANA; 2017: 783. (In Russ.).

Соловьева Наталья Алексеевна,
профессор кафедры
уголовного права и процесса
Волгоградского
государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент;
natalisoul13@mail.ru

Вологина Елена Вильгельмовна,
доцент кафедры
предварительного расследования
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
vologina-e@mail.ru

Попова Людмила Владимировна,
доцент кафедры
частного и публичного права
Волгоградского института бизнеса,
кандидат юридических наук, доцент;
lygmila.2015@yandex.ru

Soloviyeva Natalia Alekseyevna,
professor at the department
of criminal law and procedure
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences, docent;
natalisoul13@mail.ru

Vologina Yelena Vilgelmovna,
associate professor at the department
of preliminary investigation
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
vologina-e@mail.ru

Popova Lyudmila Vladimirovna,
associate professor at the department
of private and public law
of the Volgograd Institute of Business,
candidate of juridical sciences, docent;
lygmila.2015@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.07.2025; одобрена после рецензирования 25.07.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 20.07.2025; approved after reviewing 25.07.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.102

**ЭЛЕКТРОННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ:
ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Владимир Юрьевич Жандров

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, vaisvladimir74@gmail.com

Аннотация. Использование криминалитетом преимуществ информационно-телекоммуникационных технологий требует адаптации методов оперативно-разыскной деятельности к новым условиям документирования. Нашедшее свое отражение в практике международно-правового регулирования электронное наблюдение становится перспективным инструментом противодействия киберпреступности, но при этом остается в состоянии правовой неопределенности в российском правовом поле. Этим определяется цель исследования — на основе анализа международно-правовых актов, зарубежного законодательства и практики его применения определить оптимальную модель формализации электронного наблюдения в российском праве.

Общую правовую основу обособления электронного наблюдения в качестве самостоятельной формы негласного контроля создают ратифицированные Россией международно-правовые акты и документы Организации Объединенных Наций. Их положениями допускается перехват информации путем использования технических средств, а также удаленный доступ к сведениям, хранящимся на электронных носителях.

При всем разнообразии подходов к правовому регулированию электронного наблюдения в США и странах Западной Европы (Великобритании, Германии и Франции) общим является его законодательная формализация в качестве самостоятельного метода расследования с подробно регламентированной процедурой применения, включающей судебный и институциональный контроль. Совершенствование оперативно-разыскной деятельности в условиях цифровизации может быть достигнуто путем нормативного закрепления электронного наблюдения в российском законодательстве, что позволит достичь сопоставимости с зарубежными практиками, укрепить правовые гарантии прав человека и упорядочить правоприменение при получении цифровых доказательств.

Ключевые слова: оперативно-разыскное мероприятие, методы оперативно-разыскной деятельности, киберпреступность, электронное наблюдение, цифровые доказательства, информационно-телекоммуникационные технологии

Для цитирования: Жандров В. Ю. Электронное наблюдение: проблема правовой определенности в условиях цифровизации оперативно-разыскной деятельности (сравнительное исследование) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 175—187.

**ELECTRONIC SURVEILLANCE:
THE PROBLEM OF LEGAL CERTAINTY IN THE CONTEXT
OF DIGITALIZATION OF DETECTIVE ACTIVITIES
(A COMPARATIVE STUDY)**

Vladimir Yuriyevich Zhandrov

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, vaisvladimir74@gmail.com

Abstract. To apply the advantages of information and telecommunications technologies by the criminal community requires the adaptation of detective methods to new documentation requirements. Electronic surveillance, being an element in the international legal regulation, is becoming a promising tool to counteract cyber-

crime, but remains in legal uncertainty conditions in the Russian legal context. This fact determines the purpose of this study based on an analysis of the international legal acts, foreign legislation, and its application. It means to identify the optimal model for formalizing electronic surveillance in Russian law.

General legal basis to identify electronic surveillance as an independent form of covert control is provided by international legal instruments and UN documents ratified by Russia. Their provisions permit the interception of information by using technical means, as well as remote access to information stored on electronic devices. Despite the diversity of approaches to the legal regulation of electronic surveillance in the United States and Western European countries (the United Kingdom, Germany, and France), the common thing is its legislative formalization as an independent investigative method with a detailed procedure for application, including judicial and institutional control. To improve detective activities in the context of digitalization can be achieved by normative fixation of electronic surveillance in Russian legislation. It makes possible to achieve comparability with international practices, strengthen legal guarantees of human rights, and streamline law enforcement while getting digital evidence.

Keywords: detective operations, detective methods, cybercrime, electronic surveillance, digital evidence, information and telecommunications technologies

For citation: Zhandrov V. Yu. Electronic surveillance: the problem of legal certainty in the context of digitalization of detective activities (a comparative study). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 175—187, 2025. (In Russ.).

Современный этап развития правовых систем и транснационального взаимодействия по вопросам обеспечения безопасности от криминальных угроз актуализирует поиск новых подходов, отвечающих наблюдаемой трансформации преступности в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий. Меняющиеся условия требуют от государств использования комплексных, технологически оснащенных и институционально встроенных подходов. Как справедливо отмечают Ю. А. Лапунова и А. Ю. Бегунов, «цифровое пространство является специфической средой осуществления ОРД, и ее ключевые элементы принципиально отличаются от осуществления ОРД в физической среде» [1, с. 259]. На этом фоне все более широкое признание получает так называемое электронное наблюдение — перспективный инструмент выявления и документирования преступной активности в информационно-телекоммуникационной среде, требующий теоретического обоснования и институционального признания в качестве самостоятельного метода оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД). Данная тенденция обусловлена не только технологической трансформацией коммуникационной среды, но и необходимостью выстраивания правовой определенности в применении скрытых средств цифрового контроля, на что обращалось внимание в литературе [2, с. 82].

Общую правовую основу легитимации электронного наблюдения создают *международно-правовые акты*. Так, в ст. 20 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснацио-

нальной организованной преступности 2000 г.¹ и ст. 50 Конвенции против коррупции 2003 г.² указано на необходимость развития специальных методов расследования (англ. special investigative techniques), включая электронное наблюдение как самостоятельную форму скрытого контроля. Важным ориентиром для институционализации форм деятельности, основанных на цифровом контроле, имеют и положения разд. 34 «Электронное наблюдение» Модельного закона Организации Объединенных Наций о взаимной правовой помощи по уголовным делам (ред. 2022 г.)³. В документе прямо предусмотрена возможность использования электронных форм наблюдения в рамках международного сотрудничества, включая не только технический перехват информации, но и иные

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml?ysclid=msuv4joae0660309046 (дата обращения: 11.07.2025).

² Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml?ysclid=mscv95nfxs855961268 (дата обращения: 11.07.2025).

³ Модельный закон о взаимной правовой помощи по уголовным делам: подготовлен ООН (UNODC) на основе редакции 2007 г. с поправками 2022 г. // ООН: офиц. сайт. URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/COP11/CRP/CTOC_COP_2022_CRP.4_E.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

формы удаленного доступа, фиксации и хранения данных. В частности, упоминаются: организация трансграничного наблюдения за коммуникациями с согласия запрашиваемого государства; разрешение на использование программных средств для скрытого получения данных с устройств, расположенных на территории другого государства; возможность осуществления технического мониторинга в режиме реального времени; сохранение перехваченной информации в условиях, гарантирующих ее юридическую допустимость. И хотя какого-либо международного определения понятия «специальные методы расследования» не существует [3, с. 404], указанные положения подчеркивают, что электронное наблюдение рассматривается не как вспомогательный или сугубо национальный инструмент, а как признанная в международной практике форма оперативного реагирования на угрозы, исходящие из цифрового пространства.

Особенностью электронного наблюдения является высокая степень его технологической зависимости. Если классические методы опираются преимущественно на человеческий фактор, то последнее реализуется через взаимодействие с информационно-телекоммуникационными системами, предполагает использование инструментов киберразведки, анализ цифровых следов и обработку больших данных. Его методологическая специфика заключается в сочетании негласности, направленности на цифровую среду и способности формировать структурированный массив оперативной информации, обладающей потенциальной доказательственной ценностью.

Законное применение рассматриваемого метода допускается не только в фазе оперативного реагирования, но и на этапе уголовного преследования в качестве процессуально значимого средства уголовного судопроизводства. Таким образом, международная правовая практика наполняет электронное наблюдение достаточно обширным содержанием, охватывающим как доктринально-оперативный, так и процессуальный аспекты получения, фиксации и использования информации.

На уровне правового пространства регионального объединения государств — *Совета Европы* — электронное наблюдение также признается особым методом расследования. Ключевым межгосударственным актом, закрепляющим правовую основу для его применения, выступает Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Будапештская конвенция, 2001 г.). В статьях 20 и 21 данного международного договора прямо указана

допустимость сбора трафика и перехвата содержания информации в режиме реального времени. Эти положения институционализируют использование технических средств контроля как составной части законных мер расследования трансграничных преступлений, что объективно закрепляет статус электронного наблюдения как правомерного метода международного уголовного расследования¹.

По аналогии с общемировым уровнем правовая практика региональной организации государств Западной Европы относит электронное наблюдение к разновидности специальных методов расследования, используемых в условиях скрытности и повышенной сложности доказывания преступлений коррупционного и организованного характера. Согласно ст. 23 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27 января 1999 г.)² и разъяснительному п. 114 к ней государствам-участникам предписывается принимать меры, способствующие сбору доказательств в условиях «пакта молчания» между преступниками. Среди таких мер перечисляются прослушивание телефонных разговоров, подслушивание, перехват телекоммуникаций, доступ к компьютерным системам и т. д.³ И хотя термин «электронное наблюдение» напрямую в положениях международного договора не используется, указанные меры по своей сути составляют его технологическую и правовую основу. Подчеркивается, что использование перечисленных средств вмешательства требует строгого соблюдения принципов законности, соразмерности и подотчетности и должно сопровождаться правовыми и институциональными гарантиями, включая судебный контроль и национальное регулирование применения.

Аналогичная концепция прослеживается и в правовой системе *Европейского союза*, где электрон-

¹ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). URL: <https://rm.coe.int/1680081561> (дата обращения: 17.06.2025).

² Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в Страсбурге 27.01.1999). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121544/5d2208398ec5fd926e0284b33f661990ddbf235c/ (дата обращения: 12.07.2025).

³ Explanatory Report to the Criminal Law Convention on Corruption (ETS № 173). Strasbourg: Council of Europe, 1999. P. 28—29, § 114. URL: <https://rm.coe.int/16800cce44> (дата обращения: 19.06.2025).

ное наблюдение интегрируется в более широкую категорию специальных методов расследования. В рамках многостороннего правового сотрудничества государств особое значение приобретает инициатива SIRIUS¹. Проект представляет собой совместную инициативу Европола, Евроюста и Фронтекса (агентства Европейского союза (далее — ЕС), отвечающие за координацию и поддержку усилий стран — членов ЕС по охране внешних границ Шенгенской зоны), направленную на поддержку правоохранительных органов стран ЕС в вопросах получения цифровых доказательств от иностранных онлайн-сервисов (англ. Online Service Providers, OSPs), включая социальные сети, мессенджеры и облачные платформы, в условиях трансграничных расследований. SIRIUS обеспечивает развитие стандартов правового взаимодействия, консультативную и методическую поддержку, а также инструменты, облегчающие обращение к поставщикам цифровых данных в обход традиционных и часто длительных процедур.

Как следует из отчета Европола за 2019 г.², правоохранительные органы в первую очередь запрашивают регистрационную информацию, IP-адреса, метаданные, контент переписки и платежные сведения, т. е. именно те категории цифровых данных, которые традиционно ассоциируются с методами электронного наблюдения. Таким образом, практика, институционализируемая через механизм SIRIUS, подтверждает легитимность и правоприменительную значимость электронного наблюдения как метода транснационального расследования.

Спецификой применения электронного наблюдения в правовом пространстве ЕС является подчиненность требованиям защиты персональных данных. В частности, положения Общего регламента по защите данных (GDPR)³ и Директивы (ЕС) 2016/680⁴, касающейся обработки персональных

данных в правоохранительной сфере, формируют правовые рамки, в которых электронное наблюдение допускается как инструмент, находящийся под контролем закона и ограниченный требованиями защиты прав человека.

Так, в п. 49 GDPR прямо указывается, что государственные органы вправе осуществлять мониторинг и перехват коммуникаций для обеспечения сетевой и информационной безопасности, при условии соблюдения принципов строгой необходимости и пропорциональности. Эти же принципы получают развитие и в Директиве 2016/680, ст. 6 которой определяет законность обработки данных в целях предотвращения, расследования и пресечения преступлений, а ст. 10 устанавливает особые условия для работы с чувствительными категориями информации, допуская их использование только при наличии дополнительных правовых гарантий и в строго определенных целях.

Кроме того, пп. 4 и 71 GDPR устанавливают, что защита достоинства личности и ограничение автоматизированного вмешательства являются обязательными условиями, а профилирование допускается только при наличии законных оснований и соответствующих гарантий. Таким образом, вопреки отсутствию прямого указания на «электронное наблюдение», сущностные характеристики данного метода — скрытность, мониторинг, обработка цифровых следов и использование технических средств — институционализованы в праве ЕС как допустимые и значимые методы работы, применяемые исключительно в условиях надлежущего контроля и с учетом принципов демократического правопорядка.

Дополнительное развитие региональной позиции прослеживается в прецедентной практике *Европейского суда по правам человека* (далее — ЕСПЧ, Суд). Так, в решении по делу *Klass and Others v. Germany* (1978 г.) Суд впервые признал, что скрытое наблюдение за коммуникациями допустимо в демократическом обществе при наличии адекватных правовых гарантий и процедур контроля, обеспечивающих пропорциональность вмешательства целям правопорядка⁵.

eur-lex.europa.eu/eli/dir/2016/680/oj (дата обращения: 17.06.2025).

⁵ Case of *Klass and Others v. Germany*, application № 5029/71, judgment of 6 September 1978 (Series A № 28) // European Court of Human Rights. § 48—50. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:%22001-57510%22}%20AND%20%22Paragraph48%22> (дата обращения: 17.06.2025).

¹ SIRIUS — условное название проекта, используемое в официальных документах Европола.

² Europol. SIRIUS EU Digital Evidence Situation Report 2019. European Union Agency for Law Enforcement Cooperation. URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-documents/sirius-eu-digital-evidence-situation-report-2019> (дата обращения: 17.06.2025).

³ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation). Recital 49. URL: <https://www.privacy-regulation.eu/en/recital-49-GDPR.htm> (дата обращения: 17.06.2025).

⁴ Directive (EU) 2016/680 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016. Art. 6, 10. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2016/680/oj> (дата обращения: 17.06.2025).

В деле *Liberty and Others v. the United Kingdom* (2008) Суд пришел к выводу, что отсутствие в британском законодательстве четких и публичных правил, регулирующих перехват международных коммуникаций, нарушает ст. 8 Европейской конвенции, несмотря на формальное наличие санкционирующего механизма. Подчеркивается, что вмешательство в частную жизнь может быть правомерным лишь при наличии закона, который определенным образом ограничивает дискреционные полномочия властей, обеспечивает надлежащие процедурные гарантии и предоставляет возможность эффективного контроля¹. Тем самым Суд институционализировал электронное наблюдение как правомерный метод только при условии, что оно регулируется детальной, доступной и предсказуемой правовой архитектурой.

В решении по иску *Roman Zakharov v. Russia* (2015 г.) ЕСПЧ указал, что государственная система массового перехвата нарушает ст. 8 Европейской конвенции, если она не сопровождается эффективными механизмами надзора, прозрачности и индивидуализированной авторизации. Однако при этом Суд подчеркнул: сам факт применения электронных методов наблюдения не противоречит международным правовым стандартам, если соблюдены требования законности, необходимости и пропорциональности вмешательства².

Таким образом, западноевропейская практика не отвергает электронное наблюдение, но оценивает его допустимость через призму правовой формы и процедурных гарантий. В этом контексте правовое признание метода складывается из трех взаимосвязанных компонентов: 1) наличия законодательного регулирования; 2) судебного или иного внешнего контроля; 3) средств обжалования или компенсации. В практике ЕСПЧ эти принципы выражены наилучшим образом, благодаря чему электронное наблюдение признается инструментом, совместимым с демократическими стандартами при условии наличия «достаточно точной и предсказуемой правовой базы».

Исследовательский интерес представляет опыт отдельных государств, закрепляющих электрон-

ное наблюдение как допустимый и юридически значимый метод в собственных правовых системах.

В США основополагающим актом, определяющим содержание и пределы электронного наблюдения, выступает Закон о наблюдении в целях внешней разведки³ (*Foreign Intelligence Surveillance Act of 1978*⁴, далее — FISA), который дает четкое определение понятию данного метода, требующего получения специального ордера FISC даже для целей национальной безопасности.

Уже само название закона концептуализирует электронное наблюдение как самостоятельный элемент разведывательной деятельности, отличающийся от разрозненных технических операций. В § 101 (f) FISA содержится развернутое и юридически значимое определение *electronic surveillance*, охватывающее четыре ключевых случая: 1) перехват содержания проводных или радиосообщений с использованием технических средств; 2) установка электронных устройств наблюдения в целях сбора информации о поведении лица в США, если от этого лица в обычной ситуации ожидалась бы конфиденциальность; 3) целенаправленное наблюдение за объектом с территории США без использования прямой прослушки, если в аналогичной ситуации потребовался бы ордер; 4) любые формы тайного сбора информации, подпадающие под

³ Официальное название акта — *Foreign Intelligence Surveillance Act of 1978*, что дословно переводится как «Закон о внешней разведке, осуществляемой посредством электронного наблюдения, 1978 года» или в кратком варианте — «Закон о наблюдении за иностранной разведкой». Однако юридически корректным и в то же время более точным переводом следует считать «Закон о наблюдении в целях внешней разведки». Это обусловлено тем, что сам закон регулирует проведение электронного наблюдения (*electronic surveillance*) внутри территории США для получения разведывательной информации о деятельности иностранных держав, их агентов и организаций. Он не только допускает перехват коммуникаций, но и описывает процедуры, полномочия, минимизацию ущерба для граждан США и систему судебного контроля (включая создание специального суда — FISA Court). В тексте закона это название формулируется в преамбуле: «This Act may be cited as the „Foreign Intelligence Surveillance Act of 1978“» (см.: Public Law 95-511—ОСТ. 25, 92 Stat. 1783. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-92/pdf/STATUTE-92-Pg1783.pdf> (дата обращения: 12.07.2025)).

⁴ *Foreign Intelligence Surveillance Act of 1978*. Public Law 95-511. Title I. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title50/chapter36&edition=prelim> (дата обращения: 19.06.2025).

¹ *Liberty and Others v. the United Kingdom*, № 58243/00, Judgment of 1 July 2008 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-87207> (дата обращения: 18.06.2025).

² *Case of Roman Zakharov v. Russia* [GC], application № 47143/06, judgment of 4 December 2015 // European Court of Human Rights. § 227—234. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-159324> (дата обращения: 17.06.2025).

действия первого, второго или третьего случая¹. Таким образом, электронное наблюдение по FISA охватывает как перехват цифровых и аналоговых коммуникаций, так и визуальное наблюдение, техническое вторжение, сбор метаданных и прочих следов активности — при условии, что они осуществляются негласно в интересах национальной безопасности.

Закон требует обязательного судебного контроля за большинством форм электронного наблюдения. Согласно § 105 FISA санкция на его проведение выдается специальным Судом по надзору за внешней разведкой (англ. Foreign Intelligence Surveillance Court, FISC), который рассматривает обращения разведывательных и контрразведывательных органов на предмет их соответствия критериям необходимости, обоснованности и законности². При этом § 111 FISA закрепляет обязанность Министерства юстиции США регулярно представлять отчетность Конгрессу о масштабах, содержании и результатах использования электронного наблюдения, что является гарантией институционального контроля над деятельностью спецслужб³. Следовательно, в системе права США электронное наблюдение рассматривается как комплексный, строго регламентированный метод разведывательной и правоохранительной деятельности, находящийся под контролем закона, суда и парламента.

Значительное развитие институциональных форм электронного наблюдения отмечается и в правовой системе **Великобритании**. Закон о полномочиях в сфере расследований 2016 г. (Investigatory Powers Act 2016⁴, IPA) закрепляет возможность

использования целенаправленного вмешательства в работу оборудования (англ. targeted equipment interference) и массового перехвата (англ. bulkinterception), легализуя как персонифицированные, так и тотальную формы цифрового контроля при условии соблюдения строгих процедур авторизации.

Закрепленное ч. 5 акта целенаправленное вмешательство в работу оборудования заключается в санкционированном скрытном вмешательстве в цифровые устройства (включая компьютеры, смартфоны и иные носители), позволяющее получать доступ к содержанию, метаданным и системной информации. Ордер на такие действия может быть выдан лишь при соблюдении условий законности, соразмерности и необходимости и требует утверждения уполномоченным судебным органом⁵.

В частях 6.1—6.3 IPA регулируется практика массового сбора данных связи (англ. bulkacquisition of communications data) и вмешательство в работу оборудования (англ. bulkequipment interference) — масштабного, негласного сбора цифровых данных, включая перехват телекоммуникационного трафика, извлечение информации из облачных сервисов, сетевых хранилищ и локальных устройств. Такие формы наблюдения предназначены для целей национальной безопасности, предотвращения терроризма и тяжких преступлений⁶. Контроль за соблюдением процедур осуществляется в соответствии с ч. 7 закона, устанавливающей институциональные гарантии, включая должность Уполномоченного по вопросам наблюдательной деятельности (англ. Investigatory Powers Commissioner), а также механизмы правового пересмотра и отчетности перед парламентом⁷.

В целом британская модель электронного наблюдения охватывает как индивидуализированные, так и массовые формы технического контроля, которые прямо институционализированы в правовой системе как методы, соотносимые с понятием специальных следственных действий.

Национальное право **Германии** демонстрируют различную степень формализации электронного наблюдения как самостоятельного метода.

¹ Foreign Intelligence Surveillance Act of 1978: Public Law 95-511. § 101(f) // United States Statutes at Large. Vol. 92. Washington: U.S. Government Publishing Office, 1978. P. 1785—1786. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-92/pdf/STATUTE-92-Pg1783.pdf> (дата обращения: 17.06.2025).

² Foreign Intelligence Surveillance Act of 1978: Public Law 95-511. § 105 // United States Statutes at Large. Vol. 92. P. 1788—1790. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-92/pdf/STATUTE-92-Pg1783.pdf> (дата обращения: 17.06.2025).

³ Foreign Intelligence Surveillance Act of 1978: Public Law 95-511. § 111 // United States Statutes at Large. Vol. 92. P. 1791. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-92/pdf/STATUTE-92-Pg1783.pdf> (дата обращения: 17.06.2025).

⁴ Investigatory Powers Act 2016. UK Public General Acts. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/25/contents/enacted> (дата обращения: 19.06.2025).

⁵ Investigatory Powers Act 2016. UK Public General Acts. Part 5, § 99—104. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/25/part/5> (дата обращения: 17.06.2025).

⁶ Ibid. Part 6, Chapters 1—3, § 119—190. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/25/part/6> (дата обращения: 17.06.2025).

⁷ Ibid. Part 7, § 196—229. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/25/part/7> (дата обращения: 17.06.2025).

Конкретно в § 100a Уголовно-процессуального кодекса страны (StPO) закреплено право следственных органов на перехват телекоммуникаций при наличии судебного решения, включая внедрение в ИТ-системы подозреваемых, что квалифицируется как «принудительное средство, применяемое в уголовном процессе» (нем. Zwangsmittel)¹ в рамках как процессуального, так и доследственного производства.

StPO прямо регулирует возможность негласного перехвата и записи телекоммуникаций по решению суда при расследовании тяжких преступлений. В тексте закона для обозначения такой меры используется термин Telekommunikationsüberwachung, который в германской юридической практике соответствует понятию электронного наблюдения. Он охватывает не только классический перехват коммуникаций без ведома участников, но и использование технических средств внедрения в информационные системы в целях извлечения незашифрованной информации. Закон допускает, что могут быть перехвачены и текущие телекоммуникации, и сведения, хранящиеся на устройствах обвиняемого, если они могли бы быть получены в момент передачи в публичной сети.

В § 100a StPO определен перечень преступлений, в отношении которых возможно применение наблюдения, и включает технические, правовые и организационные гарантии: от требований минимизации вмешательства до обязательной судебной санкции и защиты конфиденциальности.

Таким образом, в немецком уголовно-процессуальном праве электронное наблюдение закреплено как процессуально регламентированный и институционально признанный метод расследования, обладающий правовым статусом и встроенный в систему надзора и ответственности.

Французский Кодекс внутренней безопасности (франц. Code de la sécurité intérieure, CSI) предусматривает возможность доступа к данным связи, включая удаленный доступ к устройствам, при наличии соответствующего уведомления уполномоченного органа². В такой форме электронное наблюдение прямо институционализировано как часть системы разведывательных и правоохранительных мер.

Закон различает административные меры, применяемые до возбуждения уголовного дела (в том числе в целях предотвращения террористических актов), и меры судебного характера, санкционируемые в рамках уголовного преследования. В частности, ст. L. 854-1—L.854-9 регулируют порядок проведения наблюдения за международными электронными коммуникациями, включая скрытый доступ к содержимому сообщений, метаданным, а также данным, передаваемым через трансграничные телекоммуникационные каналы. Эти действия допускаются при наличии санкции премьер-министра и последующего контроля со стороны независимого органа — Национальной комиссии по контролю за разведывательной деятельностью (CNCTR), а также подлежат возможному обжалованию в Государственный Совет (франц. Conseil d'État)³.

Кроме того, ст. L. 232-1—232-2 позволяют органам внутренней безопасности обрабатывать и использовать данные телекоммуникационного трафика в целях предотвращения терроризма, что отражает интеграцию электронного наблюдения в стратегию обеспечения национальной безопасности⁴. В законе подчеркивается, что такие меры — не просто технические процедуры, а нормативно санкционированные методы сбора разведывательной информации. Следовательно, правовая традиция континентальной Европы, включая Францию, подтверждает тенденцию восприятия электронного наблюдения как институционально оформленного метода, применяемого в оперативно-разыскной и разведывательной деятельности.

Таким образом, в современной международной правовой парадигме электронное наблюдение воспринимается не просто как отдельный вспомогательный технический прием получения информации. Установленные правовые рамки формируют его как структурированный обладающий процедурной формализацией и нормативной определенностью метод, встроенный в институциональную систему правосудия и национальной безопасности. Он не конкурирует, а дополняет существующую систему, предоставляя правоохранительным органам инструменты работы в цифровой среде,

¹ Strafprozessordnung (StPO). § 100a. Telekommunikationsüberwachung. BGBl. I S. 581, zuletzt geändert 2023. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/___100a.html (дата обращения: 19.06.2025).

² Code de la sécurité intérieure. Livre VIII, art. L. 851-1 — L. 853-1. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGISCTA000027989748/> (дата обращения: 19.06.2025).

³ Code de la sécurité intérieure. Art. L854-1 — L854-9 // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000025503132/LEGISCTA000032026434/ (дата обращения: 18.06.2025).

⁴ Code de la sécurité intérieure. Art. L232-1—L232-2 // Légifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGISCTA000027895205/> (дата обращения: 18.06.2025).

которая становится основным полем преступной активности XXI в.

Представленные в сравнительно-правовом анализе модели зарубежных государств демонстрируют разнообразие подходов к правовому признанию электронного наблюдения, однако объединяются в понимании необходимости его формализации, судебной обзорности и нормативной ограниченности. Международные договоры, судебная практика Европейского суда по правам человека, правовые позиции Совета Европы и ЕС, а также национальные законодательства таких государств, как США, Великобритания, Германия и Франция, последовательно не только закрепляют электронное наблюдение в качестве допустимого и правомерного инструмента технологического воздействия, но и рассматривают его как полноценный обладающий обособленной юридической значимостью метод оперативной и разведывательной деятельности.

Система международных и национальных стандартов направлена на обеспечение прозрачного, контролируемого и соразмерного применения электронного наблюдения, допустимости его использования на основе правовой регламентации и процедурной определенности. Особую значимость имеет тот факт, что электронное наблюдение не противопоставляется правам человека, а интерпретируется в качестве средства, допустимого при соблюдении принципа соразмерности вмешательства в частную жизнь и обеспечения эффективного контроля. Его нормативное оформление, судебная обзорность и институциональная интеграция позволяют утверждать, что оно стало неотъемлемой частью современной правовой архитектуры, способной обеспечивать как национальную, так и международную безопасность в условиях цифровой трансформации.

На фоне складывающегося мирового тренда следует признать — в отечественной теории до сих пор отсутствует формализованное признание электронного наблюдения как метода ОРД, что затрудняет решение задач противодействия киберпреступности. Как было показано выше, в международной модели электронное наблюдение охватывает весь комплекс действий — от сбора информации до ее использования в доказывании, что позволяет рассматривать его как полноценный, юридически значимый метод расследования, встроенный в систему процессуальных и институциональных гарантий. В российской же правовой системе оно преимущественно ограничивается стадией добывания сведений, предназначенных

для последующей проверки в рамках уголовного дела, и воспринимается, главным образом, как совокупность технических приемов, применяемых в рамках ОРД, без придания ему статуса самостоятельного метода, применимого в уголовно-процессуальном контексте. Это объясняется особенностями отечественной модели разграничения ОРД и уголовного процесса, в рамках которой ОРД предшествует процессуальной стадии, а методы расследования нормативно не классифицируются как самостоятельная правовая категория. В результате электронное наблюдение в России остается методологически встроенным в категорию технических средств ОРД, без выраженного процессуального контекста. Такой подход создает определенный разрыв между российской и международной правовыми доктринами. Указанное различие требует дальнейшего теоретического осмысления и, возможно, законодательной адаптации в контексте гармонизации отечественного законодательства с международными стандартами.

В этой связи важным представляется теоретический анализ электронного наблюдения, позволяющий определить его сущностные черты и отграничить от иных форм оперативной деятельности.

Некоторые авторы специальные методы расследования, включая электронное наблюдение, рассматривают в смысловой идентичности и тождественной сопоставимости с оперативно-разыскными мероприятиями [4, с. 92; 5, с. 120; 6; 7]. Полагаем, такой подход не вполне отвечает теоретической основе для разграничения методов и мероприятий.

Электронное наблюдение представляет собой совокупность оперативно-разыскных действий, направленных на скрытное дистанционное наблюдение, фиксацию, перехват и анализ цифровой информации, циркулирующей в информационно-телекоммуникационной среде. Как метод ОРД оно отличается от отдельных оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ) тем, что предполагает более широкую, структурированную систему действий, интегрирующих в себе как наблюдательные, так и аналитические элементы. Такая совокупность тактических и технических приемов выходит за пределы одного ОРМ и охватывает их комплекс — от анализа открытых источников до взаимодействия с конфиденциями, находящимися в виртуальной среде, и внедрения программных средств контроля. Метод электронного наблюдения реализуется не только осуществлением таких мероприятий, как наблюдение, снятие информации с технических каналов связи,

прослушивание телефонных переговоров, получение компьютерной информации, но и способностью выступать как надсистема, объединяющая и направляющая отдельные мероприятия в единую тактическую концепцию. В этом контексте разработка понятия электронного наблюдения как метода ОРД является не столько произвольным конструктом, сколько результатом объективного развития предмета и метода оперативной науки.

На сегодняшний день в российском правовом поле отсутствует прямое упоминание электронного наблюдения в качестве самостоятельного метода ОРД. В то же время накопление исследовательского материала и трансформационные процессы в системе подзаконных актов и правоприменительной практике демонстрируют устойчивую тенденцию к институционализации данного метода в качестве правомерного инструмента, обладающего как оперативной, так и потенциальной значимостью для получения доказательств в новых технологических условиях. Сложившаяся неопределенность ставит вопрос, должна ли правовая система России прямо признать электронное наблюдение в качестве метода ОРД, и при положительном ответе определить оптимальную для этого форму.

Полагаем, что институциональное оформление электронного наблюдения возможно в рамках трех базовых моделей, каждая из которых имеет как преимущества, так и правовые риски.

Первая модель — «законодательная». Предложение о целесообразности законодательного закрепления термина «электронное наблюдение» уже высказывалось в литературе [8]. Принятие данной модели предполагает внесение прямого дополнения в Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — закон «Об ОРД»), утверждающего электронное наблюдение в качестве отдельного и правомерного средства сбора информации. Законодательное решение позволит нормативно закрепить правовую природу метода, его дефиницию, определить условия, цели и допустимые пределы применения. Рассматриваемая модель обеспечит высокий уровень правовой определенности и надлежащую степень соответствия принципам законности, правовой ясности и предсказуемости, установленным, в частности, в практике ЕСПЧ (дела *Kruslin v. France*¹, *Huvig v.*

*France*² и *Zakharov v. Russia*³). Однако для реализации данной модели потребуются серьезная нормативная работа, включающая согласование с положениями Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), а также нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ и федеральными законами о защите персональных данных и связи.

Вторая модель — «подзаконная». Альтернативой законодательному регулированию может стать разработка и утверждение подзаконных нормативных актов — ведомственных инструкций, административных регламентов или положений, в которых электронное наблюдение будет описано как допустимая форма получения информации. Такой подход гибок и позволяет быстрее адаптироваться к технологическим изменениям. Вместе с тем, по сравнению с законодательной моделью, он обладает меньшей степенью правовой легитимности. В частности, формализация метода через подзаконные акты без надлежащего упоминания в законе «Об ОРД» может быть расценена как противоречащая принципу правовой определенности и создавать риски признания доказательств, полученных с помощью электронного наблюдения, недопустимыми в уголовном процессе. Кроме того, применение методов, затрагивающих права на тайну связи и неприкосновенность частной жизни, требует законодательного регулирования в силу положений ст. 23—25 Конституции РФ.

Третья модель — «судебная». Этот способ базируется на признании электронного наблюдения правомерным методом через формирование устойчивой судебной практики. Постепенное закрепление его допустимости и законности может происходить через постановления Верховного Суда РФ, обзоры судебной практики, а также закрепляться в тексте решений Конституционного Суда РФ, устанавливающих допустимые пределы вмешательства в частную жизнь. Примером подобной модели является развитие института оперативного эксперимента и результатов негласного аудио- и видеоконтроля, допустимость которых изначально

¹ *Kruslin c. France*, № 11801/85, judgment of 24 April 1990 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-62183> (дата обращения: 21.06.2025).

² *Huvig v. France*, № 11105/84, judgment of 24 April 1990 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57627>(дата обращения: 21.06.2025).

³ *Roman Zakharov v. Russia*, № 47143/06, judgment of 4 December 2015 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-159324> (дата обращения: 21.06.2025).

но не была прямо прописана в законе. Тем не менее уязвимостью такого подхода станет сохранение правовой неопределенности, что может привести к противоречиям в правоприменительной практике, особенно в условиях отсутствия единых критериев допустимости электронного наблюдения в качестве источника доказательств.

Как видно, каждая из предложенных моделей институционализации электронного наблюдения сопряжена с рядом существенных правовых рисков, требующих специального внимания.

Прежде всего законодательное или подзаконное закрепление метода может вступить в потенциальное противоречие с положениями ст. 23 и 24 Конституции РФ, гарантирующими право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений. Эти положения имеют характер непосредственного действия и подлежат безусловному соблюдению со стороны всех органов государственной власти, включая правоохранительные структуры. Без надлежащих правовых гарантий такие вмешательства могут квалифицироваться как непропорциональные и произвольные, нарушающие базовые принципы конституционного правопорядка.

Отсутствие четко регламентированного механизма судебного контроля за проведением электронного наблюдения также остается одним из наиболее уязвимых элементов действующей системы. В свое время ЕСПЧ в упоминавшемся выше деле *Zakharov v. Russia* прямо указал на наличие «широких дискреционных полномочий правоохранительных органов» и недостаточную институциональную защищенность прав граждан, чьи коммуникации могут подвергаться перехвату. В этом решении Суд пришел к выводу, что система массового технического контроля в России на тот период не соответствовала требованиям «необходимости в демократическом обществе», поскольку не обеспечивала эффективного и независимого надзора, а применяемые меры носили чрезмерный характер по отношению к поставленным целям.

Наконец, с внедрением электронного наблюдения в качестве формализованного метода ОРД неизбежно возникнет вопрос о допустимости полученных с его помощью данных в уголовном процессе. Действующее законодательство в ст. 75 УПК РФ устанавливает для этого жесткие критерии и предусматривает запрет на использование доказательств, полученных с нарушением закона. Поскольку цифровые следы, получаемые в ходе электронного наблюдения, обладают особой тех-

нической спецификой (в том числе возможностью изменения, трудностью верификации источника и др.), для обеспечения их правовой значимости необходим пересмотр ряда процессуальных норм, а также внедрение дополнительных стандартов идентификации, фиксации и хранения такой информации.

В силу указанного институционализация электронного наблюдения потребует не только юридического признания, но и внедрения полноценной системы гарантий, способных обеспечить баланс между эффективностью правоохранительной деятельности и защитой конституционных прав личности.

С учетом проведенного анализа правовых подходов, действующих в ряде европейских государств и в Соединенных Штатах Америки, возможно выдвинуть ряд нормативных рекомендаций по включению электронного наблюдения в российское законодательство как самостоятельного метода ОРД.

Во-первых, следует нормативно закрепить понятие электронного наблюдения как отдельного метода, предполагающего скрытое или негласное получение, запись, хранение и анализ цифровой информации, передаваемой по каналам связи или хранящейся на электронных носителях. Такая дефиниция уже содержится, например, в американском Законе о наблюдении в целях внешней разведки (FISA), где термин *electronic surveillance* охватывает широкий спектр форм доступа к информации без ведома лица, включая удаленное вторжение в системы и перехват сообщений¹.

Во-вторых, правовая модель должна включать исчерпывающий перечень тяжких преступлений, при расследовании которых применение электронного наблюдения как метода ОРД допустимо. Аналогичный подход закреплен, в частности, в § 100a Уголовно-процессуального кодекса Германии (StPO), где телекоммуникационное наблюдение возможно лишь при наличии подозрения в совершении особо опасных деяний, включая терроризм, организованную преступность, коррупцию и тяжкие преступления против личности². Такое

¹ Foreign Intelligence Surveillance Act of 1978. Public Law 95-511. Title I. § 101. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-92/pdf/STATUTE-92-Pg1783.pdf> (дата обращения: 21.06.2025).

² Strafprozessordnung (StPO). § 100a Telekommunikationsüberwachung. BGBl. I S. 581, zuletzt geändert 2023. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/_100a.html (дата обращения: 21.06.2025).

ограничение необходимо для обеспечения принципа пропорциональности вмешательства в частную жизнь.

В-третьих, обязательное судебное разрешение на проведение мероприятий по электронному наблюдению должно стать краеугольным камнем всей системы правовых гарантий. Без такой меры, как подчеркивается в практике Европейского суда по правам человека, невозможно обеспечить демократически допустимый уровень контроля над действиями правоохранительных органов¹.

В-четвертых, должна быть нормативно установлена процедура технической и юридической аутентификации полученных данных. Это предполагает не только криптографическую защиту, но и формализованные правила логирования, хеширования, хранения и представления цифровых следов, что позволяет гарантировать их допустимость и доказательственную силу в суде. Например, в изданном ЕС Руководстве по работе с цифровыми доказательствами для практиков подчеркивается важность строгого соблюдения процедурной непрерывности при обращении с электронными данными. В частности, указывается, что надлежащее документирование всех этапов доступа, хранения и анализа цифровой информации (англ. chain of custody) является необходимым условием ее допустимости в суде². Это обусловлено тем, что цифровые доказательства, в силу своей нематериальной природы, подвержены риску несанкционированного изменения, потери или подделки. Таким образом, международные стандарты требуют от правоохранительных органов наличия технической инфраструктуры и правовых регламентов, обеспечивающих достоверность и воспроизводимость цифровой информации, полученной в ходе электронного наблюдения.

Наконец, в-пятых, необходимым элементом должна стать система институционального контроля за применением электронного наблюдения, включающая как внутриведомственные, так и независимые механизмы надзора, например в форме парламентских комиссий или уполномоченных комиссаров. Такая модель уже реализована в законодательстве Великобритании (Investigatory Powers Act 2016), предусматривающем работу Инспекто-

рата по надзору за полномочиями (Investigatory Powers Commissioner)³.

Таким образом, институционализация электронного наблюдения обусловлена диалектической логикой научного анализа. Интеграция философского, правового и сравнительно-правового подходов позволяет сформировать теоретическую основу для признания его методом ОРД, обладающим всеми необходимыми для этого признаками (устойчивость, вариативность, тактическая самостоятельность, техническая обеспеченность) и ориентированного на цифровую среду как пространство оперативного интереса. В статусе метода ОРД электронное наблюдение требует комплексного нормативного и организационного оформления, соответствующего как требованиям национального конституционного порядка, так и международным стандартам в области прав человека и уголовного судопроизводства.

Разворачивающиеся в рамках российской криминальной ситуации новые криминальные угрозы объективно требуют включения данного метода в инструментарий, используемый для выявления, пресечения и расследования преступлений. Особенно остро данная проблема проявляется в цифровую эпоху, когда значительная часть юридически значимой информации формируется посредством скрытого доступа к электронным устройствам, цифровым сервисам и телекоммуникационным потокам. При отсутствии четкой правовой формы и процедурных рамок такой способ получения данных остается уязвимым с точки зрения допустимости в уголовном процессе и вызывает сомнения относительно его юридической устойчивости. Кроме того, в отсутствие прямого нормативного закрепления электронного наблюдения в качестве самостоятельного метода ОРД сохраняется состояние правовой неопределенности, которое затрудняет формирование последовательной следственно-судебной практики.

Для России наиболее эффективной представляется гибридная модель, сочетающая законодательное закрепление электронного наблюдения в законе «Об ОРД» с детальной регламентацией технических и процедурных аспектов в подзаконных актах, при обязательном условии установления независимого судебного и институционального контроля.

¹ Roman Zakharov v. Russia, № 47143/06, judgment of 4 December 2015.

² Manual on Digital Evidence for Practitioners — EU Judicial Cooperation. April 2019. P. 6—9. URL: <https://www.ejn-crimjust.europa.eu/ejn/libcategories/EN/95/> (дата обращения: 19.06.2025).

³ Investigatory Powers Act 2016 // UK Public General Acts. Part 8. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/25/contents/enacted> (дата обращения: 21.06.2025).

Признание электронного наблюдения методом ОРД должно базироваться не только на необходимости правового закрепления, но и на внутренней логике системного подхода к оперативной информации. Метод не сводится к контролю за информацией: он структурирует и объективирует сведения, формирует логически завершенные следы поведения субъекта, что принципиально отличает его от технических способов сбора данных. Электронное наблюдение требует соблюдения особых процедур верификации, аутентификации и фиксации, что делает его юридически значимым лишь при наличии соответствующего процессуального и ведомственного регламента. Только при соблюдении этих условий возможно признание электронного наблюдения в качестве полноценного метода ОРД, способного обеспечить оперативную эффективность, не нарушая при этом фундаментальные права личности.

Таким образом, институционализация электронного наблюдения не является факультативной задачей, но представляет собой необходимое условие процесса цифровизации ОРД. Формализация данного метода в законодательстве, включение его в нормативную систему Российской Федерации не просто допустимо, но и необходимо, поскольку будет способствовать укреплению правовых гарантий, упорядочиванию правоприменительной практики и формированию единой доктрины допустимости цифровых доказательств. При этом критически важным остается соблюдение условия его интеграции в систему гарантий, соразмерных уровню вмешательства в частную сферу, позволяющее выдержать баланс между публичным интересом обеспечения безопасности и защитой конституционных прав личности.

1. Лапунова Ю. А., Бегунов А. Ю. Полемика о концептуальных основах цифровой оперативно-розыскной деятельности // Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сб. науч. тр. / под ред. В. С. Овчинского. Москва: ИНФРА-М, 2021. С. 255—260.

2. Шаров В. И. Оперативно-розыскные мероприятия в сети Интернет // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 82—87.

3. Жданов Ю. Н., Овчинский В. С. Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной организованной преступностью и терроризмом: специальные методы расследования, электронные доказательства, цифровые технологии // Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сб. науч. тр. / под ред. В. С. Овчинского. Москва: ИНФРА-М, 2021. С. 403—427.

4. Машковцев А. А., Моляров Е. А. Электронное наблюдение как современный способ оперативно-розыскного документирования преступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4 (57). С. 91—99.

5. Кольцов Д. В. Виды «специальных методов расследования» универсального уровня. Оперативно-розыскной взгляд // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68). С. 118—130.

6. Соколов Ю. Н. Информационные технологии электронного наблюдения в расследовании преступлений // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 128—135.

1. Lapunova Yu. A., Begunov A. Yu. Discussion related to the conceptual foundations of digital detective activities. In: Detective activities in the digital world. Collection of scientific papers. Red. by V. S. Ovchinsky. Moscow: INFRA-M; 2021: 255—260. (In Russ.).

2. Sharov V. I. Detective activities on the Internet. Society and Law, 82—87, 2018. (In Russ.).

3. Zhdanov Yu. N., Ovchinsky V. S. International cooperation in the fight against transnational organized crime and terrorism: special investigative methods, electronic evidence, digital technologies. In: Detective activities in the digital world. Collection of scientific papers. Red. by V. S. Ovchinsky. Moscow: INFRA-M; 2021: 403—427. (In Russ.).

4. Mashkovtsev A. A., Molyarov E. A. Electronic surveillance as a modern method of detective documentation of crimes. 2021, 91—99, 2024. (In Russ.).

5. Koltsov D. V. Types of "special investigative techniques" at the universal level. Detective view. Works of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia, 118—130, 2023. (In Russ.).

6. Sokolov Yu. N. Information technologies of electronic surveillance in crime investigation. "Black holes" in Russian legislation, 128—135, 2010. (In Russ.).

7. Golubev V. V. Internet and detective activities. Legislation, 71—78, 1999. (In Russ.).

7. Голубев В. В. Интернет и оперативно-розыскная деятельность // Законодательство. 1999. № 11. С. 71—78.

8. Харевич Д. Л. О толковании термина «электронное наблюдение» в применении к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности // Юстиция Беларуси. 2010. № 4. С. 48—52.

8. Kharevich D. L. On the interpretation of the term "electronic surveillance" as applied to the UN Convention against Transnational Organized Crime. Justice of Belarus, 48—52, 2010. (In Russ.).

Жандров Владимир Юрьевич,

доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;
vaisvladimir74@gmail.com

Zhandrov Vladimir Yuriyevich,

associate professor at the department
of detective activities and special equipment
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
vaisvladimir74@gmail.com

Статья поступила в редакцию 25.07.2025; одобрена после рецензирования 03.08.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 25.07.2025; approved after reviewing 03.08.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 351.746.1

**ВОЗРОЖДЕНИЕ СМЕРША:
КОНТРАЗВЕДКА В ЭПОХУ ГИБРИДНЫХ УГРОЗ**

Алексей Николаевич Симонов

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, rallysim57@mail.ru

Аннотация. В условиях роста внешнеполитической напряженности и расширения географии специальной военной операции актуализируется вопрос создания специализированного органа, способного эффективно противостоять диверсионно-разведывательной деятельности, организуемой иностранными государствами. В статье рассматривается возможность институционализации современной структуры, аналогичной Главному управлению контрразведки «Смерш», действовавшему в 1943—1946 гг., с учетом правовых, организационных и этических ограничений демократического правового государства. Автор обосновывает необходимость формирования нового органа, обладающего военными, разведывательными, контрразведывательными, оперативно-разыскными, следственными и дисциплинарными полномочиями, действующего под контролем государственных и гражданских институтов. Анализируются современные вызовы, включая гибридные угрозы, диверсии на стратегических объектах и информационно-психологические операции, а также поднимается вопрос соответствия такой структуры принципам разделения властей. Делается вывод о допустимости создания нового органа, который имеет полномочия на проведение военной, разведывательной, контрразведывательной, оперативно-разыскной и следственной деятельности, а также дисциплинарный контроль за действиями командного состава армии, в том числе на новых территориях, в тылу и на территориях иных государств, и непосредственно подчинен Президенту Российской Федерации и Совету безопасности. Существование такого чрезвычайного органа возможно только при условии его полной правовой регламентации, прозрачности и подотчетности обществу.

Ключевые слова: Смерш, контрразведка, национальная безопасность, диверсия, гибридная война, оперативно-разыскная деятельность, разделение властей, антикоррупционный контроль, специальные службы, правовое государство

Для цитирования: Симонов А. Н. Возрождение Смерша: контрразведка в эпоху гибридных угроз // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 188—195.

**THE REVIVAL OF SMERSH:
COUNTERINTELLIGENCE IN THE ERA OF HYBRID THREATS**

Alexey Nickolaevich Simonov

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, rallysim57@mail.ru

Abstract. In the context of increase of foreign policy tensions and expansion of geography of special military operations, the issue to establish a specialized body capable to counteract effectively sabotage and intelligence activities organized by foreign states has become topical. The author considers the possibility of institutionalizing a modern structure similar to the Main Directorate of Counterintelligence "Smersh", operating in 1943—1946, taking into account the legal, organizational and ethical constraints of a democratic law-governed state. The author substantiates the necessity to establish a new body having got military, intelligence, counterintelligence, investigative and disciplinary powers, operating under the control of state and civilian institutions. Existing challenges including hybrid threats, sabotage at strategic sites, and information and psychological operations are analyzed. The problem of whether such a structure complies with the principles of separation of powers is touched on. The author makes a conclusion related to possibility to establish a new body having the authority to carry out military, intelligence, counterintelligence, detective and investigative activities. Besides, it exercises a disciplinary control over the actions of the army command staff, including in new territories, in the rear and in the territories of other states. This mentioned body is directly subordinate to the President of the Russian Federation and the Security

Council. The existence of such an emergency body is possible only if it is fully legally regulated, transparent and accountable to society.

Key words: Smersh, counterintelligence, national security, sabotage, hybrid warfare, detective activities, separation of powers, anti-corruption control, special services, law-governed state

For citation: Simonov A. N. The revival of Smersh: counterintelligence in the era of hybrid threats. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 188—195, 2025. (In Russ.).

С ростом внешнеполитической напряженности и расширением географии специальной военной операции на Украине в российском обществе активизировались дискуссии о необходимости организации специальной службы, наделенной правом разведывательной, контрразведывательной и оперативно-разыскной деятельности (ОРД), аналогичной Главному управлению контрразведки «Смерш», действовавшему в 1943—1946 гг. для борьбы с диверсиями и террористическими актами, организуемыми украинскими специальными службами на территории Российской Федерации¹. Данная статья ставит целью обоснование актуальности подобной инициативы с позиций современных вызовов и угроз национальной безопасности.

Актуальность возрождения структуры, подобной Смершу, в современной России формируется в ответ на комплекс внутренних и внешних вызовов, обострившихся в условиях продолжающейся специальной военной операции и геополитической нестабильности. Главным из них является усиление диверсионно-разведывательной деятельности как на фронте, так и в глубоком тылу. Власти фиксируют увеличение числа терактов, подрывов инфраструктуры и попыток внедрения агентурной сети на территории Российской Федерации. Отдельные случаи, такие как подрыв грузового состава на Байкало-Амурской магистрали, атака беспилотных летательных аппаратов (далее — БПЛА) на аэродромы с носителями ядерного оружия, убийство генералов (И. А. Кириллов, Я. Я. Москалик и др.) и общественных деятелей, поддерживающих проведение специальной операции (Д. Ду-

гина, В. Татарский и др.), иллюстрируют пробелы в работе спецслужб, что побуждает к переосмыслению контрразведывательной системы в целом.

На этом фоне все чаще звучат мнения о необходимости создания нового института, способного превентивно и эффективно выявлять враждебные элементы, прежде всего на новых территориях. Ситуация в этих регионах осложнена наличием «спящих» ячеек украинской агентуры, оставленных до ухода вооруженных сил Украины. Как отмечают эксперты, такие группы способны передавать информацию о размещении российских войск, координировать атаки с помощью БПЛА и устранять гражданских администраторов. При этом даже при задействовании ресурсов ФСБ, военной контрразведки и МВД объем работы превышает их оперативные возможности.

В этой связи исторический опыт Смерша, организации, созданной в 1943 г. для борьбы с диверсантами и шпионами в условиях тотальной войны, вновь приобретает значимость. Структура действовала параллельно с другими спецслужбами, не дублируя, а усиливая их работу. За счет агентурной сети и методов скрытого наблюдения Смерш демонстрировал высокую результативность, в том числе на оккупированных территориях. Аналогичная модель с поправкой на современные условия может быть реализована и сегодня. Она предполагает создание независимой вертикали с оперативной автономией и строгой подотчетностью руководству государства.

Особое внимание заслуживает вопрос подготовки кадров. Современные вызовы требуют от сотрудников контрразведки сочетания разнотипных навыков: аналитических, боевых, оперативно-разыскных и следственных. Однако таких универсальных специалистов, способных одновременно вести наружное наблюдение, участвовать в задержаниях и проводить допросы, в системе практически нет. Как правило, эти функции разделены между различными подразделениями. Возрождение Смерша предполагает, как минимум, формирование слаженной команды из специалистов разного профиля, готовых действовать в экстремальных условиях.

¹ Михаил Мягков: «Сегодня необходимо возродить службу контрразведки „СМЕРШ“» // Российское военно-историческое общество: сайт. URL: <https://rvio.histrf.ru/activities/news/mihail-myagkov-segodnya-neobhodimovozrodit-sluzhbu-kontrrazvedki-smersh> (дата обращения: 01.07.2025); Смерть шпионам: зачем Россия возрождает легендарную спецслужбу времен Великой Отечественной // Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/ZX3YjsmRjApyXTqb> (дата обращения: 01.07.2025); Военный эксперт Коротченко: «Возрождение „Смерш“ необходимо для борьбы с диверсантами» // URA.RU. URL: <https://ura.news/news/1052561084> (дата обращения: 01.07.2025).

Немаловажен и социальный аспект: недоверие населения, особенно на новых территориях, остается серьезным препятствием. Люди опасаются сотрудничать с российскими органами, боясь мести со стороны Украины и считая ситуацию нестабильной. Решение этой проблемы невозможно без формирования системы гражданского взаимодействия, аналогичной той, что существовала в СССР, когда органы государственной безопасности работали с трудовыми коллективами и общественными организациями. Без такой поддержки со стороны гражданского сектора любая контрразведка рискует остаться изолированной и малоэффективной.

Однако если обратиться к постановлению Государственного комитета обороны № 3222СС/ОВ с утверждением положения о ГУ КР «Смерш» НКО СССР 21 апреля 1943 г. (далее — Постановление) [1, с. 623—626], то можно увидеть, что перед Смершем¹ были поставлены те же задачи, что и перед современной военной контрразведкой. Особенным этот орган делало то, что согласно п. Ж ст. 1 раздела второго Постановления он выполнял специальные задания народного комиссара обороны и что в его полномочия входили агентурно-осведомительная работа, следствие и производство следственных действий, а также негласная возможность использования войсковой разведки в своих целях.

Однако, на наш взгляд, особую актуальность возрождению Смерша придает ее институционально сформировавшаяся на основе указанной

нормативной базы функция наблюдения за действиями высшего командного состава Красной армии в ходе боевых операций, наличие которой установлено современными историками [2].

Это направление в современных условиях можно рассматривать как важный элемент антикоррупционного и дисциплинарного контроля в вооруженных силах.

Во-первых, структура Смерша была непосредственно подчинена Верховному главнокомандованию (Ставке и лично И. В. Сталину), а не Генеральному штабу или местным командирам. Это обеспечивало ее институциональную независимость и давало возможность объективно фиксировать случаи злоупотребления полномочиями, халатности, сокрытия потерь, нецелевого использования ресурсов, уголовной и должностной преступности среди личного состава. В условиях тотальной войны, когда ресурсы были критически ограничены, подобная деятельность играла ключевую роль в сохранении боеспособности армии.

Во-вторых, офицеры Смерша обладали правом проверки оперативных решений командиров в контексте возможного предательства, сговора с врагом или потери политической надежности. Хотя на практике такие проверки иногда воспринимались как давление, они одновременно сдерживали необоснованные кадровые назначения, схемы укрытия дезертиров, списания вооружения и имитацию боевых успехов.

В-третьих, Смерш играл важную роль в борьбе с хищениями, особенно при снабжении армейских группировок. Контроль за передвижением тыловых грузов, приемкой оружия, эвакуацией и распределением трофейного имущества снижал уровень коррупции на местах. Нередки были случаи, когда офицеры контрразведки выявляли сговор между снабженцами и командирами частей, пытавшимися использовать ресурсы армии в личных целях.

Таким образом, можно утверждать, что Смерш как институт военной безопасности не только выявлял шпионов и диверсантов, но и играл роль своеобразной антикоррупционной службы в Красной армии. Его независимый статус, доступ к закрытой информации и право на самостоятельное расследование позволяли оперативно пресекать злоупотребления среди высшего командного состава, что особенно важно в условиях военного времени, когда коррупция может привести к стратегическим поражениям.

В связи с этим отдельного анализа заслуживает и мятёж ЧВК «Вагнер», произошедший в июне

¹ На Смерш возлагаются следующие задачи:

а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной армии;

б) борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной армии;

в) принятие необходимых агентурно-оперативных и иных (через командование) мер к созданию на фронтах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агенты противника через линию фронта с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов;

г) борьба с предательством и изменой Родине в частях и учреждениях Красной армии (переход на сторону противника, укрывательство шпионов и вообще содействие работе последних);

д) борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах;

е) проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника;

ж) выполнение специальных заданий народного комиссара обороны.

2023 г. По мнению ряда экспертов (А. Земцева и др.)¹, если бы существовала структура с задачами оперативного контроля и предотвращения внутриэлитных конфликтов, подобных событий удалось бы избежать. Данные функции исполнял Смерш в годы войны, когда наряду с выявлением вражеской агентуры следил за внутренней дисциплиной в армии и сообщал о потенциальных рисках командованию.

Введение подобного серьезного инструмента обеспечения безопасности с такими широкими полномочиями, как у Смерша, требует серьезной научной проработки в части воздействия на устойчивость институтов публичной власти.

Неслучайно, что все чаще в теории ОРД стали появляться мнения [3; 4] о высокой роли принципов разделения властей и полномочий в природе специальных служб и правоохранительных органов. В частности, А. И. Мелихов, рассматривая ОРД с позиций национальной безопасности, указывает, что ОРД представляет собой не только действенный инструмент скрытой реализации государственной функции по обеспечению безопасности в сфере противодействия криминальным угрозам, но и управляемый, допустимый риск для народной власти [5, с. 14]. Она выступает как рациональный баланс между необходимым уровнем защищенности и допустимыми средствами его достижения. С одной стороны, ОРД обеспечивает власти доступ к своевременной и оперативно значимой информации, необходимой для реагирования на криминальные вызовы и эффективного управления обществом. С другой стороны, предусмотренные правовые ограничения на объем и характер полномочий субъектов ОРД позволяют избежать формирования условий, которые могли бы негативно повлиять на состояние национальной безопасности. Таким образом, благодаря нормативному ограничению влияния оперативных субъектов на процессы обеспечения безопасности достигается недопущение чрезмерной концентрации властных ресурсов, а сама ОРД объективно характеризуется как вид деятельности, сопряженный с риском, но обладающий встроенными механизмами его сдерживания.

Для оценки идеи возрождения Смерша, уполномоченного на проведение разведывательной, контрразведывательной и оперативно-разыскной деятельности, необходимо проанализировать соответствие данной инициативы основополагающим

демократическим институтам и правовым принципам разделения властей и правового государства. Главной гарантией демократического режима является реальное разделение властей: законодательной, исполнительной и судебной, — а также существование системы сдержек и противовесов, призванной препятствовать узурпации власти одним институтом. В современных условиях скатывания Украины до уровня тоталитарного государства в противовес следует акцентировать внимание на верховенстве закона, институциональной подконтрольности и прозрачности государственных органов, а также на недопустимости слияния спецслужб с исполнительной вертикалью без надлежащего контроля со стороны гражданского общества и судебной системы.

Исходя из этого, идея возрождения Смерша может вызывать обоснованную правовую тревогу по нескольким основаниям.

Во-первых, Смерш исторически был структурой с высокой степенью закрытости и автономии, действовавшей вне норм конституционного права и обладавшей широкими внесудебными полномочиями. Возвращение такой модели без корректировки под стандарты правового государства может привести к концентрации власти в руках спецслужб, минуя систему правосудия, что противоречит современным демократическим принципам.

Во-вторых, для удержания идеологического превосходства между Россией и ее геополитическими и военными противниками важен институциональный баланс, при котором каждая ветвь власти выполняет свою функцию и не посягает на полномочия другой. В этом контексте структура типа Смерша, обладающая правом оперативной деятельности, задержаний, допросов и влияния на командные решения, может нарушить границы между исполнительной и судебной властью, особенно если она будет действовать в закрытом режиме и вне надзора прокуратуры.

В-третьих, современная организация публичной власти требует необходимости общественного контроля над деятельностью государственных органов. Возрождение Смерша в форме «внеправовой» или квазисекретной службы рискует полностью выпасть из пространства гражданского диалога и транспарентности, что ведет к снижению легитимности всей государственной системы.

Таким образом, идея создания современного аналога Смерша может быть признана допустимой только при соблюдении ряда критически важных условий:

¹ Смерть шпионам: зачем Россия возрождает легендарную спецслужбу времен Великой Отечественной.

— строгая правовая регламентация деятельности службы;

— четкое разграничение полномочий между органами безопасности и судебной властью;

— парламентский и общественный контроль;

— невозможность использования структуры в качестве инструмента политических репрессий.

Без этих механизмов инициатива по возрождению Смерша будет представлять угрозу основам правового государства и может стать фактором **деволюции конституционного порядка**, ослабления принципа разделения властей и усиления авторитарных черт в государственном управлении.

Наши геополитические противники уже преподносят информацию о возрождении Смерша в качестве доказательства возрождения в России тоталитарной «империи зла» в целях формирования негативного образа Российской Федерации на международной арене [6]. На протяжении многих лет либеральная [7; 8] и зарубежная общественность [9] формировала образ Смерша как карательного органа, «новой опричнины» [10]. В настоящее время это серьезный аргумент в информационной войне.

Риски функционирования такого государственного органа, как Смерш, и моделирование последствий его деятельности в современных условиях пока также мало изучены. Эксперт по истории Смерша А. А. Зданович отмечает, что в мемуарах отечественных маршалов и генералов — участников войны¹ практически нет упоминаний о работе этого органа, что лишает нас объективной экспертной оценки современников. По состоянию на 1 июля 2025 г. в научной электронной библиотеке www.elibrary.ru по запросу поиска ключевого слова «Смерш» в названии, тексте и ключевых словах публикаций найдено 237 источников, из них в 2021 г. написано 11 статей, в 2022 — 15, в 2023 — 30 и в 2024 — 25. Указанная статистика свидетельствует о нарастании научного интереса к деятельности данного силового органа. Однако большинство статей написано по его истории. Попытки оценить современную ценность этого инструмента обеспечения национальной безопасности, к сожалению, единичны [11—13].

Таким образом, идея возрождения Смерша в современной интерпретации, вероятно, требует переосмысления по форме и содержанию. Глав-

ное в этой инициативе — не воспроизведение исторического «бренда», а формирование инструмента, способного эффективно отвечать на вызовы гибридной войны, при этом сохраняя правовые и этические ориентиры.

Отметим, что необходимость создания специализированной контрразведывательной службы продиктована не только обострившимися угрозами, но и институциональной неадекватностью существующей системы отражения угроз национальной безопасности, принявших криминально-диверсионный характер. Эффективно противостоять им мешает, как это ни парадоксально, сложившаяся система сдержек и противовесов в сфере деятельности специальных служб и правоохранительных органов, не допускающая трансграничную деятельность. При этом существующие силовые ведомства — ФСБ, МВД, Росгвардия — действуют в рамках разрозненной юрисдикции и не всегда обладают необходимой оперативной маневренностью.

Поясним на примере. В последние два года органы транспортной полиции фиксируют рост диверсионной активности, направленной против объектов железнодорожной инфраструктуры. Наблюдается систематическое вмешательство в работу технических средств автоматизации, в первую очередь — поджоги релейных и батарейных шкафов, отвечающих за безопасность движения поездов. Эти действия создают реальные риски аварийных ситуаций и транспортных коллапсов.

Особенностью выявленных преступлений является их координация со стороны иностранных структур, прежде всего украинских спецслужб. Отдельные случаи (например, попытка подрыва тяговой подстанции на участке Южно-Уральской железной дороги 5 января 2023 г.) говорят о наличии устойчивых каналов связи между исполнителями и внешними кураторами, а также о предварительном распределении ролей и финансировании. Эти факты свидетельствуют о прямом участии внешних акторов в подрыве транспортной безопасности России.

Одним из новых вызовов становится активное вовлечение несовершеннолетних граждан в диверсионную деятельность. Установлены случаи, когда подростки были привлечены к поджогам объектов транспортной инфраструктуры под воздействием информации, распространяемой через социальные сети и мессенджеры. Отдельного внимания заслуживает использование медийного и цифрового пространства в качестве инструмента провокаций. Информационные кампании направ-

¹ Смерш: мифы и факты. Александр Зданович // Цифровая история. URL: <https://rutube.ru/video/4fa39ae27de5c49f99858e47161cf93a/?ysclid=mj9xdgqxzw797666857> (дата обращения: 01.07.2025).

лены не столько на оправдание совершенных преступлений, сколько на прямую мотивацию граждан к участию в них путем обещания денежного вознаграждения, апелляции к политическим или идеологическим лозунгам, а также создания имиджа «сопротивления». Это позволяет квалифицировать данные действия как элементы гибридной войны, где информационное воздействие сопряжено с прямыми деструктивными последствиями.

Российская судебная система квалифицирует данные действия как диверсии, нередко — с отягчающими обстоятельствами, связанными с вовлечением несовершеннолетних или выполнением указаний иностранных организаций. В суде, как правило, устанавливают, что подсудимый, действуя по заданию неустановленного следствием лица, в целях повреждения объектов транспортной инфраструктуры совершил поджог релейного шкафа с оборудованием, необходимым для безопасного движения поездов. Уголовное дело в части организации диверсии выделяется в отдельное производство и приостанавливается с минимальной возможностью быть когда-либо раскрытым, поскольку органы следствия и оперативные подразделения в условиях паралича системы «Интерпол» не имеют возможности проводить следственные и оперативно-разыскные мероприятия на территории военных и геополитических противников.

К тому же сам инструментарий существующей отдельно друг от друга военной, оперативно-разыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельности в условиях ведения гибридной войны не эффективен в плане профилактики, предупреждения и раскрытия данных криминальных угроз национальной безопасности. Расследование требует разведывательной работы по выявлению центров информационно-психологических операций (ЦИПО) вооруженных сил Украины, их кол-центров (где осуществляется мошенничество в отношении граждан России и их дальнейшая вербовка) и военных мер по их уничтожению. В противном случае борьба ведется с последствиями ущерба национальной безопасности России, а не с устранением угроз.

Исторический опыт Смерша в условиях Второй мировой войны показывает, что эффективность этого органа основывалась на институциональной автономии, прямом подчинении Верховному главнокомандованию, широком спектре полномочий — от агентурной разведки до следственных мероприятий и нанесения ракетных ударов. Его функ-

ция по наблюдению за действиями высшего командного состава выступала не только контрразведывательным, но и антикоррупционным и дисциплинарным механизмом. Подобные функции особенно актуальны сегодня в условиях нестабильности на новых территориях и в тылу.

В связи с этим нами предлагается примерная модель специализированного органа национальной безопасности, обладающего разведывательными, контрразведывательными, оперативно-разыскными, следственными и дисциплинарными функциями, действующего в условиях специального правового режима проведения специальной операции на всей территории России и иностранных государств. Структура должна иметь следующие особенности:

1. **Непосредственное подчинение Президенту РФ и Совету безопасности.** Новый орган должен функционировать как автономная структура, не входящая в состав МВД, ФСБ, СВР или Минобороны, что обеспечивает ее институциональную независимость и снижает конкуренцию за зоны ответственности.

2. **Полномочия на проведение военной, разведывательной, контрразведывательной, оперативно-разыскной и следственной деятельности,** в том числе на новых территориях, в тылу и на территориях иных государств.

3. **Дисциплинарный контроль за действиями командного состава армии** в целях предотвращения злоупотреблений и обеспечения дисциплины.

Создание органа с такими широкими полномочиями возможно только при условии:

- жесткой правовой регламентации деятельности и подотчетности;
- парламентского и прокурорского контроля;
- запрета на внесудебные действия и политическое преследование;
- гарантированной гражданской транспарентности через общественные советы и информационные каналы.

В противном случае возрождение структуры типа Смерша может быть воспринято как отход от принципов правового государства и усиление авторитарных тенденций, что в условиях международного информационного давления может использоваться против России как элемент дискредитации.

Таким образом, инициатива по созданию современной структуры типа Смерша обретает практическую и теоретическую значимость лишь при условии соблюдения баланса между эффективностью и правовой легитимностью. Новый орган национальной безопасности как адаптированная

модель — это не попытка репродукции репрессивной практики прошлого, а прагматичный ответ на вызовы гибридной войны, обеспечивающий превентивную безопасность, институциональную сдержанность и общественную поддержку. Без должной правовой оболочки и контроля такая структура рискует стать угрозой для самого конституционного порядка.

С указанными полномочиями новый контрразведывательный орган национальной безопасности

1. Лубянка: Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МВД — КГБ. 1917—1991: справочник / сост.: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. Москва: Материк [и др.], 2003. 766 с.

2. Греков Н. В. Наблюдение военной контрразведки за действиями высшего командного состава Красной армии в ходе боевых операций 1941—1945 гг. // Вопросы истории. 2023. № 12-3. С. 20—43.

3. Захарцев С. И., Сальников В. П. Правовой прогресс — новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. 2016. № 4. С. 171—188.

4. Мелихов А. И. Реализация конституционных принципов разделения властей и единства системы государственной власти (на примере оперативно-разыскной деятельности) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3 (58). С. 159—167.

5. Мелихов А. И. Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности в процессе оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2023. 58 с.

6. Rogers J. Death to spies. Putin resurrects Joseph Stalin's "secret weapon" the feared SMERSH spy-catchers who purged Soviet Russia. URL: <https://www.the-sun.com/news/10041985/putin-resurrects-smersh-spy-catchers-stalin-soviet-russia/> (дата обращения: 01.07.2025).

7. Петров Н. В. Палачи: они выполняли заказы Сталина. Москва: Новая газета, 2011. 317 с.

8. Петров Н. В. По сценарию Сталина: роль органов НКВД — МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы, 1945—1953 гг. Москва: РОССПЭН: фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 351 с.

9. Рогут Д. Отношение советских органов безопасности к Армии Крайовой (июль 1944 — январь 1945 г.) // Historia Provinciae: журнал региональной истории. 2020. Т. 4, № 4. С. 1303—1351.

может конкурировать в зоне своей ответственности с объединенными специальными службами и вооруженными силами наших геополитических противников под маской прокси-армии неонацистских украинских властей, как когда-то Смерш был создан для равной конкуренции с Главным управлением имперской безопасности нацистской Германии.

1. Lubyanka: Bodies of the VChK — OGPU — NKVD — NKGB — MVD — KGB. 1917—1991. Reference book. Comp. by A. I. Kokurin, N. V. Petrov. Moscow: Materik [et al.]; 2003: 766. (In Russ.).

2. Grekov N. V. Surveillance of military counterintelligence on the actions of the senior command staff of the Red Army during combat operations in 1941—1945. Questions of History, 20—43, 2023. (In Russ.).

3. Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. Legal progress as a new philosophical and legal definition. The world of politics and sociology, 171—188, 2016. (In Russ.).

4. Melikhov A. I. . Implementation of the constitutional principles of separation of powers and unity of the state power system (on the example of detective activities). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 159—167, 2021. (In Russ.).

5. Melikhov A. I. Conceptual foundations to ensure national security in the process of detective activities of the internal affairs bodies. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Volgograd; 2023: 58. (In Russ.).

6. Rogers J. Death to spies. Putin resurrects Joseph Stalin's "secret weapon" the feared SMERSH spy-catchers who purged Soviet Russia. Available from: <https://www.the-sun.com/news/10041985/putin-resurrects-smersh-spy-catchers-stalin-soviet-russia/>. Accessed: 1 July 2025. (In Eng.).

7. Petrov N. V. Executioners: they carried out Stalin's orders. Moscow: Novaya Gazeta; 2011: 317. (In Russ.).

8. Petrov N. V. According to Stalin's scenario: the role of the NKVD — MGB of the USSR in the sovietization of the countries of Central and Eastern Europe, 1945—1953. Moscow: ROSSPEN; B. N. Yeltsin Presidential Center Foundation; 2011: 351. (In Russ.).

10. Birstein V. Smersh: Stalin's Secret Weapon. London: Biteback Publishing, 2013. 528 p.

11. Зданович А. А. Незримая грань Великой Победы: вклад органов «Смерш» в операции по освобождению европейских стран и разгром фашистской Германии. Москва: Кучково поле, 2025. 480 с.

12. Зданович А. А. Лаврентий Павлович Берия: враг народа или слуга Отечества? Взгляд из настоящего // Советская эпоха: актуальные взгляды, оценки и события: учеб. пособие. Москва: Моск. пед. гос. ун-т, 2024. С. 201—230.

13. Мозохин О. Б. Три сценария следствия и организация судебного процесса по делу министра Министерства государственной безопасности СССР В. С. Абакумова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 3 (59). С. 71—86.

9. Rogut D. Attitude of the Soviet security agencies towards the Krajowa (National) Army (July 1944 — January 1945). *Historia Provinciae: Journal of the regional history*, 1303—1351, 2020. (In Russ.).

10. Birstein V. Smersh: Stalin's Secret Weapon. London: Biteback Publishing; 2013: 528. (In Eng.).

11. Zdanovich A. A. The Invisible facet of the Great Victory: the contribution of the SMERSH organs to the operations for the liberation of European countries and the defeat of Nazi Germany. Moscow: Kuchkovo Pole; 2025: 480. (In Russ.).

12. Zdanovich A. A. Lavrenty Pavlovich Beria: Is he an enemy of the people or servant of the Fatherland? A View from the Present. In: *The Soviet Era: existing views, assessments and events. Textbook*. Moscow: Moscow Pedagogical State University; 2024: 201—230. (In Russ.).

13. Mozokhin O. B. Three investigation scenarios and organization of the trial in the case of the Minister of State Security of the USSR V. S. Abakumov. *News of higher educational institutions. Volga region. Humanities*, 71—86, 2021. (In Russ.).

Симонов Алексей Николаевич,

доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;
rallysim57@mail.ru

Simonov Alexey Nickolaevich,

associate professor at the department
of detective activities and special equipment
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
rallysim57@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.09.2025; одобрена после рецензирования 13.09.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 05.09.2025; approved after reviewing 13.09.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 341.4

**ПРЕДСТАВИТЕЛИ МВД РОССИИ
В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Оксана Сергеевна Колосович**, *Марина Сергеевна Колосович, *Эльдар Кяримович Кутуев******

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, 1019810198@mail.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, 270619@mail.ru

*** Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, kutuev@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируется эволюция института представительства в контексте международного сотрудничества по уголовным делам. Рассматривается правовое положение и функциональная роль сотрудников заграничного аппарата МВД России как участников международных правоохранительных мероприятий. Исследование базируется на анализе норм и принципов международного права, а также международных договоров, национального законодательства и ведомственных нормативных правовых актов России.

В частности, авторы анализируют правовые основания деятельности указанных представителей, а также выявляют проблемы правового регулирования их деятельности в сфере уголовного судопроизводства и оперативно-разыскной деятельности. Уделяется особое внимание их роли в международных (совместных) следственно-оперативных группах.

Выявлены пробелы в отечественном законодательстве, касающиеся регламентации правового статуса иностранных представителей и сотрудников МВД России как участников международного сотрудничества. Показано, как данный статус закреплен на уровне международных договоров и ведомственных подзаконных нормативных актов.

Сделан вывод о значимости заграничного аппарата МВД России как инструмента имплементации международных обязательств и повышения эффективности трансграничного взаимодействия правоохранительных органов по уголовным делам путем прямой передачи информации, включая доказательства.

Ключевые слова: представители МВД России, заграничный аппарат, иностранные представители, международное сотрудничество, правовое положение, международные следственно-оперативные группы, правовая помощь

Для цитирования: Колосович О. С., Колосович М. С., Кутуев Э. К. Представители МВД России в системе международного сотрудничества по уголовным делам: современные правовые аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 196—202.

**REPRESENTATIVES OF THE MINISTRY
OF THE INTERIOR OF RUSSIA
IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL COOPERATION
IN CRIMINAL CASES: EXISTING LEGAL ASPECTS**

Oksana Sergeyevna Kolosovich**, *Marina Sergeyevna Kolosovich, *Eldar Kyarimovich Kutuev******

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, 1019810198@mail.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, 270619@mail.ru

*** Saint-Petersburg State Economic University, Saint-Petersburg, Russia, kutuev@inbox.ru

Abstract. This article analyzes the evolution of the representation institution within the context of international cooperation in criminal cases. It considers legal status and functional role of personnel of foreign missions of the Ministry of the Interior of Russia as participants in international law enforcement activities. The base for study is

an analysis of international law norms and principles, as well as international treaties, national legislation, and departmental regulatory legal acts of Russia.

In particular, the authors analyze legal basis for the activities of mentioned representatives and identify problems related to the legal regulation of their activities in criminal proceedings and detective work. Special attention is paid to their role in international (joint) investigative teams.

The authors identify gaps in domestic legislation regarding regulation of the legal status of foreign representatives and officers of the Ministry of the Interior of Russia as participants in international cooperation. The article demonstrates this status to be fixed in international treaties and departmental by-laws.

The authors make a conclusion of the importance of foreign missions of the Ministry of the Interior of Russia as a tool for implementing international obligations and improving the effectiveness of cross-border cooperation among law enforcement agencies in criminal cases through the direct information and evidence transfer.

Keywords: representatives of the Ministry of the Interior of Russia, foreign missions, foreign representatives, international cooperation, legal status, international investigative teams, legal assistance

For citation: Kolosovich O. S., Kolosovich M. S., Kutuev E. K. Representatives of the Ministry of the Interior of Russia in the system of international cooperation in criminal cases: existing legal aspects. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 196—202, 2025. (In Russ.).

Глобализация преступности, транснациональный характер современных угроз (терроризм, экстремизм, незаконный оборот наркотиков, киберпреступность) объективно требуют усиления международного сотрудничества правоохранительных органов. Важнейшую роль в этом процессе играет институт представительства, позволяющий осуществлять прямое взаимодействие между государствами в сфере обмена информацией, координации действий и проведения следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий.

Одной из ключевых организационно-правовых форм такого сотрудничества выступает деятельность представителей компетентных ведомств, аккредитованных на территориях иностранных государств, не исключая непосредственное взаимодействие правоохранительных органов в рамках деятельности следственно-оперативных групп. Для Российской Федерации важнейшим субъектом, осуществляющим такое представительство, является Министерство внутренних дел.

Следует отметить, что в 1990 г. СССР вступил в Международную организацию уголовной полиции — Интерпол (Интерпол), объединившую представителей национальных полиций государств всего мира, в чьей структуре действуют офицеры связи, координирующие взаимодействие полицейских служб в борьбе с трансграничной преступностью.

В дипломатических представительствах социалистических государств в 50-е гг. XX в. работали сотрудники МВД СССР. В современных условиях основные функции представителей полиции не изменились: координация совместной деятельности, обмен оперативной информацией, изучение положительного зарубежного опыта [1].

Представители МВД России также наделяются дипломатическим статусом, их полномочия фиксируются ведомственными нормативными актами [2]. Они занимают должности полицейских / таможенных атташе, советников при дипломатических представительствах, консульских учреждениях Российской Федерации, подчиняясь главе дипломатической миссии, но оставаясь в штате национальной полиции. Кроме того, представители МВД России осуществляют свои функции в составе представительств Российской Федерации при международных (межгосударственных, межправительственных) организациях без включения в их штатную численность, их предельная штатная численность не может превышать 100 единиц (п. 1, подп. «в» п. 3 Указа Президента Российской Федерации «О представительствах и представителях Министерства внутренних дел Российской Федерации за рубежом» от 21 декабря 2017 г. № 612)¹.

Основным документом, регламентирующим деятельность представителей МВД России на территории иностранных государств, в отечественной правовой системе является Положение о представительствах и представителях Министерства внутренних дел Российской Федерации за рубежом (загранаппарате Министерства внутренних дел Российской Федерации), утвержденное приказом МВД России от 31 декабря 2019 г. № 995² (далее — Положение).

¹ Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

² Об утверждении Положения о представительствах и представителях Министерства внутренних дел Российской Федерации за рубежом (загранаппарате Министерства внутренних дел Российской Федерации): при-

Важно отметить, что сотрудники заграничного аппарата действуют в рамках трех правовых систем: права страны пребывания, права представляемой страны и международного права, причем последнему принадлежит решающее значение в урегулировании их привилегий и иммунитетов.

Согласно п. 6 Положения, правовую основу их деятельности составляют: Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты МВД России и Министерства иностранных дел Российской Федерации, комментируемое Положение, законодательство страны пребывания.

В частности, представители МВД России включены в состав дипломатических представительств, соответственно международную правовую основу их деятельности составляет Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г.¹ Их статус соответствует выполняемым ими функциям, основными из которых являются:

- координация взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации с иностранными компетентными органами и международными организациями;

- участие в реализации международных договоров;

- обеспечение информационного обмена/

Несмотря на практическую востребованность, правовое регулирование статуса и деятельности представителей МВД России в законодательстве фактически отсутствует. Как справедливо отметила Е. Е. Феоктистова, в российском уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует регламентация порядка оформления участия иностранных представителей, их прав и обязанностей, в том числе в рамках деятельности международных следственно-оперативных групп (далее — СОГ) [3]. Данные пробелы частично восполняются на уровне международных договоров и ведомственного нормотворчества.

Между тем деятельность российских представителей в международном сотрудничестве по уголовным делам регулируется и имеет многоуровневую правовую основу. Это связано с тем, что их деятельность строится на принципе двойного подчинения. Общее руководство осуществляет МВД России, а координацию и контроль на территории государства пребывания — руководитель соответствующего загранучреждения МИД России (посольства, консульства) (пп. 16, 17 Положения). Сотрудники заграничного аппарата обязаны согласовывать свою деятельность с дипломатическими представительствами и регулярно информировать их о результатах.

Правовой статус представителей иностранных государств определяется комплексом международных правовых актов и, помимо Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., также двусторонними соглашениями и национальным законодательством. В международных отношениях они, оставаясь в штате национальной полиции, подчиняются главе миссии. Их ключевые функции — координация совместной деятельности, обмен оперативной информацией.

В контексте уголовного судопроизводства или оперативно-разыскной деятельности отсутствует легальное определение понятия «представитель иностранного государства» или «представитель Российской Федерации». Это создает терминологическую неопределенность. В международных договорах и национальных актах используются различные формулировки: «представители компетентных органов», «должностные лица», «сотрудники», «офицеры связи»².

В то же время основным направлением работы заграничного аппарата является содействие в осуществлении международного сотрудничества. Прежде всего, ими обеспечивается непосредственный канал связи для направления и исполнения запросов о межгосударственном розыске и правовой помощи, минуя или ускоряя сложные официальные процедуры, содействуя выдаче и сопровождая процедуру передачи выдаваемого лица (п. 9.10 Положения).

каз МВД России от 31.12.2019 № 995 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

¹ Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вене 18.04.1961) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

² Проблема терминологии в международном сотрудничестве встречается. В частности, равнозначное применение терминов «выдача» и «экстрадиция» в правовой системе Российской Федерации (этот вопрос более подробно рассмотрен в работе О. С. Колосович «Конкуренция нормативных положений и научных воззрений в понимании термина „экстрадиция“» [4]).

Представители государств участвуют в совместных оперативно-профилактических мероприятиях типа «Розыск». Так, в 2024 г. сотрудники МВД Таджикистана командировались в Российскую Федерацию для проведения совместных мероприятий, что позволило задержать 42 лица, разыскиваемых таджикостанской стороной¹.

Согласно пп. 9.8, 9.9, 9.10 Положения, представители МВД России способствуют получению и передаче запросов, информационных материалов, оказывают содействие в розыске лиц и похищенного имущества, процедуре выдачи. Это прямо коррелирует с функциями, возложенными Указом Президента Российской Федерации от 13 июля 2016 г. № 332 на компетентные органы по межгосударственному розыску.

Согласно п. 9.4, 9.5, 9.11, 9.12, 9.19, 9.20 Положения, представители МВД России принимают участие в переговорах и международных мероприятиях, изучают законодательство и практику государства пребывания, анализируют миграционную ситуацию, консультируют и содействуют гражданам Российской Федерации и делегациям.

Важнейшим аспектом деятельности выступает координация обменом информацией, включая данные дактилоскопии, ДНК, сведения о неопознанных трупах, что предусмотрено в том числе решениями объединенных коллегий МВД России².

В то же время международные договоры Российской Федерации (договоры о правовой помощи) содержат нормы о возможности присутствия представителей запрашивающей стороны при исполнении запроса. Представитель МВД России, находясь на территории страны, может обеспечить реализацию этого права, содействуя формулированию вопросов и получению необходимой

информации, как это разрешено, к примеру, Договором с Индонезией (ч. 2 ст. 11)³.

Деятельность представителей МВД России особенно активна на пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Так, Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов Шанхайской организации сотрудничества 2007 г. обязывает стороны развивать сотрудничество в розыске, задержании и выдаче лиц, а также в борьбе с транснациональной преступностью (ст. 8)⁴. Представители МВД России являются проводниками этих положений на местах.

В рамках СНГ действуют такие структуры, как Бюро по координации борьбы с организованной преступностью (далее — БКБОП). Сотрудники БКБОП, назначаемые из числа сотрудников органов внутренних дел государств-участников (включая Российскую Федерацию), пользуются на территории России определенными привилегиями и иммунитетами, аналогичными дипломатическим (Соглашение о БКБОП 2018 г.)⁵. Это создает особый правовой режим для части представителей правоохранительных органов стран СНГ, действующих в России, и требует соответствующего взаимодействия с российским загранаппаратом за рубежом.

Вместе с тем Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) лишь констатирует возможность присутствия представителей иностранного государства в ходе исполнения между-

¹ О компетентных органах Российской Федерации, осуществляющих сотрудничество в рамках Договора государств — участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц: указ Президента Российской Федерации от 13 июля 2016 г. № 332 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.10.2025). Далее — Указ Президента Российской Федерации от 13.07.2016 № 332.

² Об объявлении решений Объединенной коллегии министерств внутренних дел Российской Федерации и Республики Таджикистан: приказ МВД России № 791, МВД Республики Таджикистан № 885 от 18 ноября 2024 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

³ Договор между Российской Федерацией и Республикой Индонезией о взаимной правовой помощи по уголовным делам // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

⁴ Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (подписан в г. Бишкеке 16.08.2007) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Содружеством Независимых Государств об условиях пребывания на территории Российской Федерации Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств — участников Содружества Независимых Государств (Москва, 6 февраля 2018 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

народного запроса, не определяя их прав и обязанностей, порядка деятельности на территории России как участников уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 457) [3]. Федеральные законы «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ и «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ также не содержат правового положения представителей иностранного государства, представителей российских правоохранительных органов.

Думается, что для международного сотрудничества наиболее значимым аспектом в урегулировании деятельности представителей является прямое взаимодействие с правоохранительными органами иностранного государства, и прежде всего, в связи с обменом информацией, включая возможность использования полученной информации в качестве доказательств по уголовным делам.

При проведении следственных и (или) оперативно-розыскных мероприятий, осуществлении иной правоохранительной деятельности также предусмотрена возможность командирования сотрудника МВД России на территорию иностранного государства на плановой и внеплановой основе (п. 2 Порядка и условия командирования сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации за пределы территории Российской Федерации¹). Необходимость командирования чаще всего обусловлена наиболее эффективной формой международного сотрудничества — деятельностью международных (совместных) СОГ, о чем мы ранее уже говорили [5].

Российская практика формирования СОГ развивается в рамках двусторонних и многосторонних соглашений. Следует отметить, что создание СОГ напрямую не регламентировано УПК РФ и указанными выше федеральными законами, но предусмотрено рядом международных конвенций (например, ст. 19 Конвенции против транснациональной организованной преступности 2000 г.², ст. 63

Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г.³).

В отношении государств — членов СНГ порядок создания СОГ регулируется специальным международным актом — Соглашением о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств — участников Содружества Независимых Государств 2015 г.⁴, который в правовую систему Российской Федерации был имплементирован в 2017 г.⁵

Ключевую роль в процессе взаимодействия играют представители МВД России как его связующее звено и организатор. Они участвуют в переговорах о создании СОГ (п. 9.11 Положения), координируют обмен информацией, оказывают содействие командированным сотрудникам. Ярким примером практики взаимодействия, приближенной к модели СОГ, являются совместные мероприятия МВД России и МВД Республики Таджикистан по пресечению наркотрафика, где проводятся скоординированные оперативно-розыскные мероприятия, включая контролируруемую поставку⁶.

Несмотря на то что международное сотрудничество в рамках СНГ, ШОС имеет солидную международную правовую базу, российское законодательство до сих пор не содержит норм, регулирующих порядок создания и деятельности СОГ, что затрудняет использование этой эффективной

Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

³ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 07.10.2002) (с изм. от 26.06.2025) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

⁴ Соглашение о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств — участников Содружества Независимых Государств (заключено в п. Бурабай 16.10.2015) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

⁵ О ратификации Соглашения о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств — участников Содружества Независимых Государств: федер. закон от 22 февраля 2017 г. № 15-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

⁶ Об объявлении решений Объединенной коллегии министерств внутренних дел Российской Федерации и Республики Таджикистан: приказ МВД России № 791, МВД Республики Таджикистан № 885 от 18 ноября 2024 г.

¹ Об утверждении Порядка и условий командирования сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации за пределы территории Российской Федерации: приказ МВД России от 13 апреля 2020 г. № 219 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

² Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // Справ.-правовая система «Консультант-

формы сотрудничества, даже несмотря на ратификацию соответствующих конвенций.

По-прежнему остается открытым вопрос иммунитета и ответственности представителей МВД России, отличающихся от дипломатических, поскольку носят функциональный характер. В частности, согласно ст. 11 Соглашения о БКБОП, статус сотрудников Бюро по координации борьбы с организованной преступностью СНГ предоставляется не для личной выгоды, а для эффективного выполнения служебных обязанностей.

Загранаппаратом активно используются электронные каналы связи, межгосударственные информационные банки данных (как это предусмотрено планами работы объединенных коллегий) для ускорения обмена информацией¹.

На основании изложенного можно прийти к следующим выводам.

Представители МВД России за рубежом (загранаппарат) представляют собой институциональный механизм международного сотрудничества по уголовным делам. Их правовое положение, детально урегулированное приказом МВД России № 995, позволяет эффективно выполнять широкий спектр задач: от координации взаимодействия и обмена информацией до непосредственного участия в организации совместных розыскных мероприятий и содействия выдачи.

Однако полномочия представителей МВД России непосредственно не урегулированы российским уголовно-процессуальным и оперативно-розыскным законодательством. Хотя назрела необходимость предусмотреть на законодательном

уровне право представительств МВД России прямого направления информации или документов в органы предварительного расследования.

Несмотря на существующие пробелы в отраслевом законодательстве, которые осложняют регламентацию таких передовых форм сотрудничества, как международные (совместные) СОГ, ведомственное регулирование и развитая договорная база (в рамках СНГ, ШОС, двусторонних отношений) позволяют загранаппарату МВД России быть действенным инструментом противодействия транснациональной преступности.

Деятельность представителей МВД России обеспечивает прямой, оперативный и профессиональный канал связи между правоохранительными системами, способствует имплементации международных обязательств Российской Федерации и, в конечном счете, укрепляет безопасность и Российской Федерации, и государств-партнеров. Дальнейшее совершенствование их правового статуса должно идти по пути интеграции международно-договорных норм в национальное законодательство и усиления координационной роли загранаппарата в формировании единого правового пространства сотрудничества по уголовному делу.

Перспективным для оптимизации механизма международного сотрудничества представляется дополнение УПК РФ и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» положениями о правах, обязанностях, иммунитетах российских представителей.

1. Кислухин В. А. Офицеры связи государств Союза Бенилюкс и России в процессе международного полицейского сотрудничества // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 133—137.

2. Земсков Ю. В. Правовые основы деятельности представителей МВД России в иностранных государствах // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 1 (25). С. 69—73.

1. Kislukhin V. A. The communication units officers of the states of the Benelux Union and Russia in the process of international police cooperation. Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 133—137, 2014. (In Russ.).

2. Zemskov Yu. V. Legal basis for activity of representatives of the Ministry of the Interior of Russia in foreign countries. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia, 69—73, 2013. (In Russ.).

¹ См., напр.: Решение Объединенной коллегии министерств внутренних дел Российской Федерации и Республики Таджикистан от 18 ноября 2024 г. № 1 коб Р-Т/2 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

3. Феоктистова Е. Е. Международное сотрудничество органов предварительного расследования по уголовным делам: процессуально-правовые и криминалистические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 27 с.

4. Колосович О. С. Конкуренция нормативных положений и научных воззрений в понимании термина «экстрадиция» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 67—72.

5. Колосович М. С. Сохранение конфиденциальности информации при оказании правовой помощи иностранному государству // Юридическая наука и правоохранительная практика. № 2 (36). 2016. С. 90—98.

Колосович Оксана Сергеевна,

докторант научно-исследовательского отдела
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
1019810198@mail.ru

Колосович Марина Сергеевна,

профессор кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
270619@mail.ru

Кутуев Эльдар Кяримович,

заведующий кафедрой уголовного права
и уголовного процесса
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета,
доктор юридических наук, профессор;
kutuev@inbox.ru

3. Feoktistova Ye. Ye. International cooperation of the preliminary investigation bodies in criminal cases: procedural, legal and forensic aspects. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2007: 27. (In Russ.).

4. Kolosovich O. S. Competition of regulation and scientific views in understanding the term "extradition". Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 67—72, 2023. (In Russ.).

5. Kolosovich M. S. Maintaining the confidentiality of the information while providing legal assistance to a foreign state. Legal science and law enforcement practice, 90—98, 2016. (In Russ.).

Kolosovich Oksana Sergeevna,

postdoctoral student
of the research department
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
1019810198@mail.ru

Kolosovich Marina Sergeevna,

professor at the department
of detective activities and special equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
270619@mail.ru

Kutuev Eldar Kyarimovich,

head of the department of criminal law
and criminal procedure
of the Saint-Petersburg State
Economic University,
doctor of juridical sciences, full professor;
kutuev@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 01.10.2025; одобрена после рецензирования 11.10.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 01.10.2025; approved after reviewing 11.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

УДК 343.72

**ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ МОШЕННИЧЕСКИМ ОБМАН СУДА,
ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ ДЛЯ ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА
ИЛИ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА НА НЕГО?**

Вячеслав Геннадиевич Пономарев

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, ponomarev@volsu.ru

Аннотация. Развитие экономики, усложнение системы хозяйственных связей, увеличение объема нормативного регулирования не могут не отражаться на состоянии преступности в стране. Прежде всего это проявляется в количестве совершаемых преступлений, среди которых традиционно преобладают преступления против собственности. Однако, помимо сугубо количественных изменений, изменяется и качество преступности. В сфере криминальных посягательств на чужую собственность это проявилось в появлении новой формы хищения, характеризующейся злоупотреблением преступником правом на судебную защиту, когда чужое имущество (право на него) отнимается посредством судебного постановления. Вынесения последнего преступник добивается, фактически обманывая суд. Согласно современным тенденциям судебной практики, такие посягательства квалифицируются по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации «Мошенничество».

Однако такое правоприменительное решение противоречит принципу законности, основано на расширительном толковании ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, не может быть мошенничеством обманное воздействие на иных лиц, помимо собственника (законного владельца) похищаемого имущества, и при этом в условиях полного понимания потерпевшим криминального характера происходящего. Нельзя в полной мере признать обманным указанный способ хищения и потому, что адресатом обманного воздействия является должностное лицо (судья), специально уполномоченное противодействовать такому обману и обязанное быть готовым к нему психологически и профессионально.

Следовательно, борьба с такими посягательствами должна осуществляться не за счет расширения сферы применения ст. 159, а путем дополнения гл. 21 Уголовного кодекса Российской Федерации запретом новой формы хищения.

Ключевые слова: расширительное толкование, обман суда, мошенничество, форма хищения, фальсификация доказательств, судебная практика, юридический источник права

Для цитирования: Пономарев В. Г. Является ли мошенническим обман суда, используемый для хищения чужого имущества или приобретения права на него? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 203—212.

**IS A DECEPTION OF THE COURT
USED TO STEAL OTHER PERSON'S PROPERTY
OR ACQUIRE THE RIGHT TO IT FRAUDULENT?**

Vyacheslav Gennadiyevich Ponomarev

Volgograd State University, Volgograd, Russia, ponomarev@volsu.ru

Abstract. Economic development, the growing complexity of economic relations, and the increasing quantity of normative regulation make their contribution to the crime situation in the country. It is primarily demonstrated by the number of crimes committed, traditionally dominated by property crimes. However, beyond purely quantitative changes, the quality of crime is also changing. In the sphere of criminal encroachments on someone else's property, a new form of theft has appeared, characterized by the criminal's abuse of the right to judicial protection, when someone else's property (or the right to it) is seized by a court order. The criminal achieves such result by effectively deceiving the court. According to existing judicial practice, such encroachments are classified under Article 159 "Fraud" of the Criminal Code of the Russian Federation.

However, this law enforcement decision contradicts the principle of legality. It is based on a broad interpretation of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation. Specifically, deceptive influence on persons other than the owner (legal possessor) of the stolen property, even if the victim understands the criminal nature of the incident in detail, can't constitute a fraud. Such method of theft also can't be recognized as a deceptive one because the recipient of the deceptive influence is an official (a judge) specifically authorized to counter such deception and to be prepared for it psychologically and professionally.

Consequently, to fight such encroachments is not to expand the scope of Article 159, but to add a prohibition on this new form of theft to Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: broad interpretation, deception of the court, fraud, form of theft, falsification of evidence, judicial practice, legal source of law

For citation: Ponomarev V. G. Is a deception of the court used to steal other person's property or acquire the right to it fraudulent? Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 203—212, 2025. (In Russ.).

В 1970—1980-х гг. советские юристы, преимущественно цивилисты и представители общей теории права, инициировали интересную дискуссию о роли правоприменительной (в основном — судебной) практики в правовой системе СССР [1]. Ожидать каких-либо революционных выводов не приходилось, учитывая определенные политические рамки, которые были заданы науке. Однако дискуссия о роли практики с новой силой вспыхнула уже в постсоветский период развития юриспруденции. И выводы о роли практики были уже и разнообразнее, и категоричнее, включая возможность ее признания в качестве одного из юридических источников позитивного права [2].

Применительно к отрасли уголовного права оценка правотворческих возможностей судебной практики приобретает особую остроту и актуальность. Сама постановка такого вопроса обусловлена, во-первых, беспрецедентным ростом преступности, особенно экономической, а во-вторых, ее качественным изменением, ввиду чего законодатель, очевидно, не поспевает запрещать те формы человеческого поведения, которые обладают необходимым для их криминализации уровнем общественной опасности. Реакцией же практики является завуалированное судебное правотворчество, осуществляемое при рассмотрении конкретных дел с применением инструментов аналогии уголовного закона или его расширительного толкования и призванное восполнить неполноту Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ).

В настоящее время и в общей теории права, и в отраслевой юридической науке активно исследуется феномен злоупотребления правом как правонарушающего поведения особого типа, связанного не с очевидным нарушением правовых предписаний, а с использованием субъективного права не в соответствии с его назначением и даже

вопреки его целям [3]. Последний тип правонарушения неочевиден, трудно выявляется, поскольку внешне похож на вполне правомерное поведение, а по форме и является таковым. Универсальная санкция за любое злоупотребление правом сформулирована в пп. 2—4 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)¹. Но практика свидетельствует о ее явной недостаточности для тех, в частности, ситуаций, когда с помощью использования права на обращение в суд инициатор такого обращения (истец, административный истец, заявитель) преследует цель не защитить свое нарушенное право, а извлечь выгоду и получить преимущества для себя или третьих лиц, включая и цель получить право на чужое имущество. В данном случае реализующее право на обращение в суд лицо лишь имитирует конфликтную ситуацию и эксплуатирует гражданский (арбитражный, административный) процесс в своих противоправных целях.

Однако есть ли у уголовного закона адекватная реакция на такой вид поведения, явно сопоставимый по своей опасности с ненасильственными формами хищения? Поскольку возбуждение гражданского дела на основании имитационного иска влечет за собой переход к стадии судебного разбирательства, то для достижения противоправных целей инициировавшее псевдоспор лицо обычно представляет суду сфальсифицированные доказательства. И, на первый взгляд, возможной госу-

¹ В настоящей статье, если не оговорено иное, доступ ко всем упомянутым в ней нормативным правовым актам, актам официального нормативного толкования норм права, судебным актам, принятым судами общей и арбитражной юрисдикции при рассмотрении конкретных уголовных и гражданских (арбитражных) дел, осуществлялся из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

дарственной реакцией на противоправный имитационный спор, целью которого для его инициатора выступает получение права на чужое имущество в результате вынесения судебного решения по делу, является оценка действий инициатора спора по ч. 1 ст. 303 УК РФ, устанавливающей (в числе прочего) ответственность за фальсификацию доказательств по гражданскому, административному делу, совершенную лицом, участвующим в деле, или его представителем.

Однако, как признается единодушно отечественными криминалистами, состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 303 УК РФ, является формальным [4—6]. Следовательно, те негативные последствия, которые наступают для ответчика, иного участвующего в деле лица либо даже лица, не привлеченного к участию в деле, от факта вынесения незаконного решения, основанного на сфальсифицированных доказательствах, находят за «границами» указанного основного состава УК РФ и требуют самостоятельной оценки. На первый взгляд, определенным выходом может быть ч. 3 ст. 303 УК РФ, предусматривающая ответственность за такую разновидность фальсификации, которая влечет тяжкие последствия. Вывод о том, что данные последствия являются квалифицирующим признаком для обоих основных составов фальсификации, помещенных в чч. 1 и 2 ст. 303 УК РФ и различающихся между собой, прежде всего, по виду судопроизводства, подтверждается и официальной интерпретационной позицией Верховного Суда Российской Федерации. В частности, как это следует из абзаца второго п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» от 28 июня 2022 г. № 20, «ответственность за фальсификацию доказательств, повлекшую тяжкие последствия (часть 3 статьи 303 УК РФ), при наличии к тому оснований может наступать независимо от вида судопроизводства, в ходе которого совершено данное деяние». Вместе с тем в качестве примера тяжких последствий называет Пленум «причинение значимого для индивидуального предпринимателя либо коммерческой организации материального ущерба, влекущего прекращение осуществляемой ими предпринимательской деятельности либо доведение индивидуального предпринимателя или соответствующей организации до состояния неплатежеспособности по имеющимся обязательствам». Учитывая, что «тяжкие последствия» являются оценочной категорией и поэтому их перечень

в принципе не может быть закрытым, причинение существенного имущественного вреда потерпевшему, вследствие вынесения судебного постановления по имитационному гражданско-правовому спору, вполне может быть разновидностью таковых. Однако такой квалификационный выход из анализируемой ситуации является отнюдь не идеальным.

Во-первых, отобрание у потерпевшего (ответчика, третьего лица, лица, не привлеченного к участию в деле) принадлежащего ему имущества через применение механизмов судебной защиты, носящей имитационно-злоупотребительный характер, по уровню общественной опасности соответствует хищению, легальное определение которого дается в п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ. Наказание же за хищение внутри каждой из его форм, закрепленных в УК РФ (ст. 158, 159—162), варьируется в рамках наиболее строгого вида основного наказания (лишение свободы): по ст. 158 — от 2 месяцев (ч. 1) до 10 лет (ч. 4), по ст. 159 — от 2 месяцев (ч. 1) до 10 лет (ч. 4), по ст. 161 — от 2 месяцев до 12 лет (ч. 3), по ст. 162 — от 2 месяцев (ч. 1) до 15 лет (ч. 4). Как видно, даже за квалифицированные виды ненасильственных хищений может быть назначено наказание до 10 лет лишения свободы, тогда как санкция ч. 3 ст. 303 предусматривает наказание только на срок до 7 лет лишения свободы, что вряд ли справедливо.

Во-вторых, фальсификация — это хотя и частый, но отнюдь не обязательный спутник тех ситуаций, когда, эксплуатируя право на судебную защиту, инициатор гражданского спора с помощью судебного постановления получает право на чужое имущество. В последнем случае применение ст. 303 УК РФ исключается в принципе.

Видимо, осознавая некоторую ущербность такого положения, правоприменение стало оценивать подобного рода случаи по ст. 159 УК РФ. Причем применение ст. 159 УК РФ к описываемым ситуациям сначала при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции районными судами получило поддержку и одобрение и проверочными инстанциями (апелляционными и кассационными), включая Верховный Суд Российской Федерации.

Примечательно в этом смысле дело № 1-2/2022, разрешенное приговором Ленинского районного суда Владивостока от 10 января 2022 г., которым Ф-ко был осужден по ч. 3 ст. 33 и ч. 1 ст. 303 УК РФ за организацию фальсификации доказательств по гражданскому делу, а также по ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 159 УК РФ — за покушение на мошенничество группой лиц по предварительному сговору, с ис-

пользованием своего служебного положения, в особо крупном размере; Ш-в — по ч. 1 ст. 303 и ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 159 УК РФ; Кр-в — ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 159 УК РФ. Как видно из приговора суда, арбитражным судом Приморского края было возбуждено дело № А51-1386/2014 о несостоятельности (банкротстве) ООО «ДВГСК», директором и единственным участником которого являлся Кр-в. Для установления контроля за процедурой банкротства (а в конечном счете — и для получения большинства активов предприятия) Кр-в решил сформировать фигуры «фиктивных кредиторов», права требования которых (при условии их включения в реестр требований кредиторов банкрота) сформировали бы большинство голосов от общего числа голосов других кредиторов и уполномоченных органов. Для достижения этой цели Ш-вым были подделаны документы, свидетельствующие о наличии задолженности у ООО «ДВГСК», якобы возникшей по различным гражданско-правовым обязательствам в период, предшествующий признанию его банкротом. На основании сфальсифицированных документов Ш-в изготовил заявления о включении в реестр требований кредиторов денежных требований ряда юридических и физических лиц, на основании которых в рамках дела о банкротстве № А51-1386/2014 было возбуждено несколько обособленных споров. По результатам рассмотрения данных споров Арбитражным судом Приморского края в удовлетворении требований «фиктивных кредиторов» было отказано.

Уголовное дело неоднократно рассматривалось различными судебными инстанциями, в том числе Верховным Судом Российской Федерации — в частности, определением Судебной коллегии по уголовным делам (далее — СКУД) Верховного Суда РФ первоначально вынесенное по делу кассационное определение СКУД Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 1 ноября 2022 г. в отношении Ф-ко и Ш-ва было отменено с направлением дела на новое кассационное рассмотрение. При этом основанием для отмены кассационного определения выступил исключительно факт рассмотрения дела незаконным составом суда (по протоколу судебного заседания дело рассматривалось судьями Д., Х., В., тогда как кассационное определение было подписано судьями Д., Х. и Б.). Каким-либо материально-правовым выводам (например, о неправильной квалификации действий осужденных в стадии предварительного расследования и судебного разбирательства по ст. 159 УК РФ) в обоснование отмены кассационного определения Верховным Судом РФ не полагались.

Приведенный вариант разрешения судами уголовных дел, фактическая сторона которых заключается в желании преступников «распилить» имущество обанкрочивающейся коммерческой организации с помощью механизма судебного подтверждения несуществующих требований псевдокредиторов, фабрикуемых интересантами, образует уже устойчивую тенденцию¹. В свою очередь, при анализе образующих эту тенденцию судебных решений обращает на себя внимание ряд моментов, настораживающих с точки зрения соблюдения принципа законности и, прежде всего, таких его составляющих, как запрет нести ответственность за деяние, которое не признавалось преступлением в момент его совершения (ч. 2 ст. 54 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020)), и запрет применения уголовного закона по аналогии (ч. 2 ст. 3 УК РФ). Рассмотрим их подробнее.

Во-первых, судебные органы нисколько не смущает тот факт, что при совершении описанных деяний обманному воздействию подвергается не собственник имущества, права на которое с помощью судебного акта желают получить интересанты, или лицо, имеющее в отношении этого имущества распорядительные полномочия (например, арбитражный управляющий, собрание кредиторов, комитет кредиторов), а юрисдикционный орган (суд), который вообще не является участником каких-либо материальных отношений, возникающих по поводу этого имущества. Именно этим объясняется полное отсутствие даже попытки судов (и первых, и вышестоящих инстанций) обосновать в изученных судебных актах законность применения ст. 159 УК РФ к подобным ситуациям².

Во-вторых, насколько можно об этом судить по изученным судебным постановлениям, находящимся в открытом доступе, при обосновании незаконности вынесенных по таким делам решений сторона защиты ни разу не сослалась в жалобах на неправильное применение ст. 159 УК РФ,

¹ См., напр.: приговор Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 1 марта 2019 г. по уголовному делу № 1-49/2019; приговор Калачевского районного суда Волгоградской области от 14 февраля 2023 г. по уголовному делу № 1-5/2023; приговор Прикубанского районного суда г. Краснодара от 31 марта 2022 г. по уголовному делу № 1-94/2022.

² См., напр.: апелляционное определение СКУД Верховного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2016 г. № 56-АПУ16-7.

которое могло бы быть мотивировано тем, что адресатами упоминаемых в ней способов совершения преступления могут быть только собственник или иной законный владелец похищаемого имущества (приобретаемого права)¹. Последнее совершенно исключает квалификацию по ст. 159 УК РФ противоправного приобретения имущества или права на него, которое достигается обманом суда, не являющегося собственником, владельцем имущества, не имеющего в отношении имущества управленческих функций, а призванного разрешать конфликтные ситуации спорящих сторон. Последнее, видимо, свидетельствует об укоренении в правосознании профессионального сообщества «широкого» понимания круга адресатов мошеннического обмана, включающего в себя не только потерпевших (собственников, законных владельцев, лиц, уполномоченных управлять и распоряжаться имуществом) от хищения, но и тех государственно-властных субъектов (представителей власти), которые могут изменить юридическую судьбу похищаемого имущества, но при этом его

собственниками, законными владельцами или представителями таковых не являются.

Объективности ради надо сказать, что определенные основания для такого толкования адресатов обманных действий дает существующая редакция ч. 1 ст. 159 УК РФ, обрисовывающая признаки основного состава мошенничества — «хищения чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием». Как видно из определения мошенничества в ч. 1 ст. 159 УК РФ, круг тех лиц, которые могут подвергнуться обману или доверием которых можно злоупотребить, в уголовном законе не назван. Более того, и действующие руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации также не ограничивают понимание потерпевших от обмана только собственниками изымаемого имущества или уполномоченными на управление им лицами. Как, например, разъясняется в абзаце первом п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30 ноября 2017 г. № 48, «обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях... направленных на введение владельца имущества или *иного лица в заблуждение* (курсив наш. — В. П.)». Признаки «иного лица» применительно к обману в постановлении раскрыты не были. Однако при разъяснении сущности злоупотребления доверием (абзац первый п. 3 постановления) Пленум указал, что таким может быть «использование с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или *иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам* (курсив наш. — В. П.)». Совершенно очевидно, что употребленная Пленумом в указанном постановлении формулировка позволяет отнести к таким «иным лицам» не только прямо уполномоченных на управление имуществом субъектов, но и тех лиц, которые в терминологии уголовного закона (п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ) являются представителями власти, не находясь в какой-либо связи с участниками имущественных отношений и прямо уполномочены государством рассматривать и разрешать споры о праве (суды). Во всяком случае, употребленная Пленумом формулировка — «лицо, уполномоченное принимать решение о передаче этого имущества

¹ Как видно из ранее упомянутого приговора Ленинского районного суда Владивостока от 10 января 2022 г. по уголовному делу № 1-2/2022, принимавшихся по тому же делу апелляционного определения СКУД Приморского крайсуда от 18 апреля 2022 г. № 22-1287/2022, кассационного определения СКУД Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 1 ноября 2022 г. № 77-1841/2022, кассационного определения СКУД Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 56-УД23-8-К9, кассационного определения СКУД Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 4 августа 2023 № 77-1172/2023, подсудимые (осужденные) и их защитники на разных судебных стадиях рассмотрения дела выдвигали доводы о непричастности к инкриминированным деяниям, об отсутствии событий преступлений (напр., из-за ничтожности требований к суду, в удовлетворении которых было отказано), о рассмотрении дела судом кассационной инстанции в незаконном составе и т. п. Однако сама принципиальная возможность оценки подобных действий по ст. 159 УК РФ ими не оспаривалась.

См. также: приговор Октябрьского районного суда города Новосибирска от 1 марта 2019 г. по делу № 1-49/2019, определение СКУД Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 октября 2020 г. № 77-2244/2020, определение СКУД Верховного Суда Российской Федерации от 28 июля 2021 г. № 67-УДП21-12-К8, определение СКУД Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 октября 2021 г. № 77-4082/2021, принятые по уголовному делу № 1-49/2019.

третьим лицам» — допускает отнесение к адресатам мошеннического обмана лиц обеих вышеназванных категорий.

В том, что такое описание «иного лица» является не сбоем интерпретационной техники, а вполне осознанной и последовательной позицией высшей судебной инстанции страны, убеждает (помимо тенденций практики) и изложенное в постановлении понимание момента окончания мошенничества, предметом которого является не имущество, а право на чужое имущество. По мнению Пленума (абзац первый п. 5 постановления), в данном случае преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, одним из вариантов юридического закрепления которой называется вступившее в силу принятое уполномоченным органом или лицом, введенными в заблуждение относительно наличия у виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом, правоустанавливающее решение. Несмотря на пространную формулировку лица, которое может принимать правоустанавливающее решение, не вызывает сомнений, что речь здесь идет о судебном органе, поскольку только для его решений характерен период вступления в силу как гарантия обжалования таких решений лицами, не согласными с ними.

Подобная правоприменительная тенденция, основанная отчасти и на акте официального судебного толкования норм уголовного закона, находит свою поддержку и среди современных российских криминалистов. Как полагает, например, П. С. Яни, действия истца, который после предъявления заведомо неосновательного имущественного иска представляет суду сфальсифицированные документы и совершает иные намеренные действия для вынесения решения о его удовлетворении, помимо квалификации по ст. 303 либо 307 УК РФ, «становятся способом введения в заблуждение суда относительно материально-правовых оснований имущественных требований, т. е. образуют, помимо составов преступлений против правосудия, еще и состав мошенничества» [7, с. 30].

О том, что адресатом мошеннического обмана может быть не только потерпевший от хищения, но и юрисдикционный орган, говорит и И. В. Ильин. «В отдельных случаях мошенники завладевают имуществом или правом на имущество путем непосредственного общения с потерпевшим или путем использования информационных технологий (компьютерное мошенничество), но особым

видом мошенничества, — размышляет ученый, — являются случаи, когда злоумышленники в качестве средства совершения преступления используют институты судебной власти (курсив наш. — В. П.)» [8, с. 18]. Им же предложено дополнительно дифференцировать ответственность за мошенничество в ст. 159 УК РФ путем введения нового квалифицирующего признака — «совершение мошенничества путем использования заведомо незаконного судебного решения или иного правоустанавливающего решения, принятого уполномоченными органами власти, которыми за лицом признается право на имущество» [9, с. 13].

К сожалению, те ученые, которые не видят какой-либо упречности в квалификации по ст. 159 УК РФ фактов завладения чужим имуществом путем обмана суда, соответствующую свою позицию, по сути, лишь постулируют. Однако правилен ли такой взгляд? И укладывается ли такое понимание мошенничества, разделяемое и судебной практикой, в рамки буквального смысла его законодательного определения, изложенного в ч. 1 ст. 159 УК РФ?

Следует отметить, что и советский, и российский законодатели давали и дают фактически одинаковые определения мошенничества как завладения чужим имуществом путем обмана или злоупотребления доверием. Имеющиеся различия описания основного состава мошенничества в утративших силу «советских» УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг. и в ст. 159 действующего Кодекса заключаются не в способе совершения этого хищения, а в дифференциации ответственности за него во всех УК РСФСР в зависимости от форм собственности, которые в СССР в силу ряда идеологических и политических причин по-разному регулировались и охранялись. Так, ст. 93 УК РСФСР 1960 г. устанавливала ответственность за хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем мошенничества, и находилась в главе второй Особенной части Кодекса, а ст. 147, предусматривавшая ответственность за фактически то же самое деяние, но в отношении личной собственности граждан, размещалась в главе пятой «Преступления против личной собственности граждан». Отсюда, не утратили своей актуальности специально посвященные исследованию проблематики уголовно-правовых средств охраны собственности труды советских и российских ученых.

Как писал, например, Г. Н. Борзенков, характеризуя активный обман при совершении мошенничества, «активную форму обмана целесообразно

было бы охарактеризовать с объективной стороны как искажение истины. ...Создание мошенником у потерпевшего неверных представлений о явлениях действительности, о свойствах предметов или лиц — это и есть искажение истины... Содержание мошеннического обмана составляют обстоятельства, в отношении которых мошенник вводит в заблуждение потерпевшего» [10, с. 30—31]. Этот же ученый уже в постсоветское время, применительно к УК РФ 1996 г. и актуальной редакции диспозиции ч. 1 ст. 159 Кодекса, характеризуя мошенничество, писал, что виновный, выполняя данную форму хищения, «завладевает имуществом (или приобретает право на имущество) путем обмана или злоупотребления доверием *собственника или лица, в ведении которого либо под охраной которого находится имущество*» [11, с. 436].

«Потерпевшим в мошенничестве, — пишет Н. А. Лопашенко, — точнее, лицом, в отношении которого был применен мошеннический обман или злоупотребление доверием, может быть только вменяемое и достаточно взрослое лицо, способное осознавать происходящее» [12, с. 125]. Размышляя о совершенствовании соответствующего уголовно-правового запрета, обусловленного и совершенствованием мошенничества в условиях строящегося капитализма, А. Г. Безверхов указывает, что в современном экономическом обороте мошенничество представляет собой «склонение товаропроизводителей к необоснованной безвозмездной передаче имущественных ценностей другим лицам или (и) к явно неэквивалентной мене» [13, с. 9]. Описывая специфику объективной стороны мошенничества, В. И. Лесняк в дополнение к законодательной формулировке отмечает, что «мошенничество — это завладение *чужим имуществом или приобретение права на чужое имущество руками собственника или лица, в ведении или под охраной которого они находились*» [14, с. 89].

Аналогичная позиция относительно адресата мошеннического обмана или злоупотребления доверием, который совпадает с потерпевшим от преступления (собственником, производителем, владельцем похищаемого имущества), отражена и в научно-практической литературе — в частности, в различных комментариях статей действующего УК РФ [15; 16]. Практически единодушно всеми авторами подчеркивается, что «своеобразие данного преступления состоит в том, что с внешней стороны оно проявляется в „добровольном“ отчуждении имущества самим собственником и передаче его преступнику» [15, с. 351]. Однако

наблюдаем ли мы такую «добровольность» при обмане суда для противоправного изъятия имущества, квалифицируемого в соответствии с современными трендами уголовного правосудия по ст. 159 УК РФ?

Весьма показательны в связи с этим судебные заседания Арбитражного суда Приморского края по делу № А51-1386/2014 о несостоятельности (банкротстве) ООО «ДВГСК», в которых рассматривались обособленные псевдоспоры, инициированные фигурантами приведенного выше уголовного дела № 1-2/2022, разрешенного приговором Ленинского районного суда Владивостока от 10 января 2022 г., для целей получения контроля за процедурой банкротства предприятия и захвата его имущества. Как о том можно судить из позиции конкурсного управляющего, изложенной в заседаниях арбитражного суда по рассмотрению обособленных требований, сфабрикованных преступниками на основании подложных доказательств, при рассмотрении всех данных требований лицом, являвшееся единоличным исполнительным органом управления предприятия-банкрота, против удовлетворения данных требований возражало¹. Следовательно, ни о какой внешней «добровольности» передачи имущества в рассмотренном случае не могло быть и речи, поскольку законный представитель потерпевшего от посягательства (должника в деле о банкротстве), квалифицированного следственной и судебной властью как неоконченное мошенничество, очень активно возражал против отъема у него имущества через его узаконение за инициаторами (конкурсными псевдокредиторами) обособленных споров определениями арбитражного суда. На наш взгляд, гораздо более правильным (хотя и тоже отнюдь не идеальным!) и отвечающим букве уголовного закона было бы квалифицировать описанную ситуацию (помимо ст. 303) по ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 3 ст. 161 (со ссылкой для организатора преступления также и на ч. 3 ст. 33) УК РФ, поскольку преступники предприняли попытку изъять имущество цинично, открыто и очевидно для потерпевшего, используя механизмы судебной защиты в качестве способа такого изъятия.

¹ Определения Арбитражного суда Приморского края от 12 августа 2016 г. по обособленному спору по заявлению ЗАО «Фортуна Групп» о признании права собственности на недвижимое имущество, от 6 апреля 2017 г. по обособленному спору Б-ва А. Н. и др. о включении в реестр требований о передаче жилых помещений по делу № А51-1386/2014. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 15.06.2025).

И наконец, возможно ли вообще в таких ситуациях ставить знак равенства между «обманом суда» и тем обманом, который упомянут в ч. 1 ст. 159 УК РФ в качестве особого способа совершения хищения?

Сущность любого обмана, включая криминальный, заключается в том, что одно лицо оказывает на сознание другого лица информационно-интеллектуальное воздействие, сообщая не соответствующие действительности факты или, напротив, умалчивая об истинных фактах и обстоятельствах, чтобы ввести обманываемого в заблуждение (или поддержать его заблуждение), тем самым исказив его истинную волю и добиться такого его поведения, которое будет угодно обманщику [17, с. 57]. При мошенничестве жертва (адресат обмана), как о том пишут исследователи виктимологических причин его совершения, «часто... является „соучастником“ совершенного против него преступления. Действия мошенника зависят от поведения потерпевшего, который своими противоправными или аморальными и виктимными поступками подает „идею“ преступного посягательства, вызывает „огонь на себя“» [18, с. 13].

Однако применимо ли все сказанное к суду как особому государственному органу, который в системе разделения властей по своему конституционному предназначению призван осуществлять правосудие посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства (чч. 1, 2 ст. 118 Конституции РФ)? Едва ли. Разрешая любой спор в любом виде судопроизводства, суд имеет дело со сторонами (истец и ответчик, административный истец и административный ответчик, сторона защиты и сторона обвинения и др.), интересы которых конкурируют и диаметрально противоположны друг другу. В процессе рассмотрения дела стороны оказывают массированное (порой и агрессивное) информационное воздействие на суд, включая манипулирование информацией, которая может быть и ложной. Например, истец и ответчик в гражданском и арбитражном процессе фактически могут давать суду и ложные объяснения; обязанность говорить правду у них отсутствует, и пр. Таким образом, суд, существенную часть деятельности которого составляет познание и исследование фактических обстоятельств дела, априори должен быть готов ко лжи и изначально должен быть настроен критически к любой информации, исходящей от сторон. Поэтому не странно ли размышлять об «обмане судьи», одной из профессиональных компетенций которого должно быть

умение этот обман видеть и раскрывать и который изначально должен быть настроен на этот обман, психологически и профессионально готов к нему? И применима ли описанная выше виктимность к фигуре судьи, сама процедура назначения на должность которого должна, бесспорно, исключать качества, присущие жертве мошеннического обмана?

Думается, внутреннее состояние «обманутого судьи», с помощью которого преступник завладевает чужим имуществом (правом на него), хорошо характеризует строчка из стихотворения классика русской поэзии:

Ах, обмануть меня не трудно!..

Я сам обманываться рад!

Поэтому, безусловно, прав И. В. Ильин, когда пишет (применительно к использованию суда как своего рода «средства» совершения хищения), что «такого рода преступления могут совершаться с использованием коррупционных связей в судебном корпусе» [8, с. 18]. Поэтому, как нам представляется, так называемый обман суда в большинстве случаев либо хорошо спланирован с участием самого суда, либо же является следствием судебской халатности или грубой судебной ошибки.

Однако, безотносительно природы «обмана суда», еще раз подчеркнем, что применение ст. 159 УК РФ для оценки противоправного и корыстного изъятия имущества «руками» суда есть не что иное, как расширительное толкование соответствующего уголовно-правового запрета, пограничное с криминализацией данного деяния и представляющее собой латентное судебское нормотворчество. Последнее же если и уместно в сфере частноправового регулирования, то уж абсолютно неприемлемо в публичной сфере, для которой характерен разрешительный тип правового регулирования, основанный на началах «только это». Подобный разрешительный порядок упорядочивает, прежде всего, деятельность государственных органов и их должностных лиц, вводит их в строгие рамки, исключает возможность совершения ими произвольных действий, особенно в сфере привлечения к любому виду публично-правовой ответственности [19]. Как верно указано А. П. Рожновым, «в предметной сфере регулирования отрасли уголовного права любое скрытое, судебное-келейное „законотворчество“ девальвирует идею справедливости уголовного закона, компрометирует публичную власть» [20, с. 129].

Исходя из сказанного, полагаем, что вместо использования механизмов применения норм Особой части УК РФ по аналогии или их расширительного истолкования необходимы измене-

ния уголовного закона, в частности за счет дополнения «традиционных» форм хищения в главе 21 действующего УК РФ такой новой его формой, которая в качестве способа совершения хищения

предполагает использование преступником процессуальных механизмов судебной защиты при изъятии чужого имущества или получении права на него.

1. Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. Москва: Юрид. лит., 1975. 327 с.

2. Судебная практика как источник права: [сб. ст.] / Б. Н. Топорнин, Э. Серверэн [и др.]. Москва: Юристъ, 2000. 158 с.

3. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). Москва: Юрлитинформ, 2007. 352 с.

4. Лобанова Л. В. Фальсификация доказательств // Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2005. С. 216—228.

5. Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. Общая характеристика и классификация: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. 62 с.

6. Голикова А. В. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности // Преступления против правосудия (глава 31 УК РФ): монография / под ред. Н. А. Лопашенко. Москва: Юрлитинформ, 2023. С. 294—316.

7. Яни П. С. Вопросы квалификации мошеннического обмана суда // Законность. 2024. № 2. С. 26—30.

8. Ильин И. В. Недобросовестное использование права на судебную защиту в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 11. С. 18—20.

9. Ильин И. В. Теоретические основы борьбы с мошенничеством, совершаемым в экономической сфере (уголовно-правовые и криминологические проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2011. 59 с.

10. Борзенков Г. Н. Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации). Москва: Юрид. лит., 1971. 168 с.

11. Борзенков Г. Н. Преступления против собственности // Курс уголовного права. Особенная часть: учебник для вузов. Т. 3 / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. Москва: Зерцало-М, 2002. С. 386—468.

12. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). Москва: Волтерс Клувер, 2006. 720 с.

1. Judicial practice in the Soviet legal system. Red. by S. N. Bratus. Moscow: Juridical literature; 1975: 327. (In Russ.).

2. Topornin B. N., Serveren E. (et al.) Judicial practice as a source of law. [Collected articles]. Moscow: Jurist; 2000: 158. (In Russ.).

3. Malinovsky A. A. Abuse of subjective right (theoretical and legal study). Moscow: Yurlitinform; 2007: 352. (In Russ.).

4. Lobanova L. V. Falsification of evidence. In: Gorelik A. S., Lobanova L. V. Crimes against justice. Saint Petersburg: Legal center "Press"; 2005: 216—228. (In Russ.).

5. Lobanova L. V. Crimes against justice. General characteristics and classification. Textbook. Volgograd: The Volgograd State University Publishing House; 2004: 62. (In Russ.).

6. Golikova A. V. Falsification of evidence and results of detective activities. In: Crimes against justice (Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation). Monograph. Red. by N. A. Lopashenko. Moscow: Yurlitinform; 2023: 294—316. (In Russ.).

7. Yani P. S. The issues related to qualification of fraudulent deception of the court. Legality, 26—30, 2024. (In Russ.).

8. Ilyin I. V. Dishonest using the right to judicial protection in the civil and arbitration proceedings. Arbitration and civil procedure, 180—20, 2006. (In Russ.).

9. Ilyin I. V. Theoretical foundations to combat fraud committed in the economic sphere (criminal law and criminological issues). Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2011: 59. (In Russ.).

10. Borzenkov G. N. Liability for fraud activity (qualification issues). Moscow: Juridical Literature; 1971: 168. (In Russ.).

11. Borzenkov G. N. Crimes against property. In: Criminal law course. Special part. Textbook for universities. Vol. 3. Red. by G. N. Borzenkov, V. S. Komissarov. Moscow: Zertsalo-M; 2002: 386—468. (In Russ.).

12. Lopashenko N. A. Crimes in the economic sphere: author's commentary on the criminal law (section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation). Moscow: Wolters Kluwer; 2006: 720. (In Russ.).

13. Безверхов А. Г. Мошенничество и его виды: вопросы законодательной регламентации и квалификации // Уголовное право. 2015. № 5. С. 8—14.

14. Лесняк В. И. Объективные признаки мошенничества // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. № 1 (7). С. 85—91.

15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ген. прокурора РФ Ю. И. Скуратова и Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева. Москва: ИНФРА-М: НОРМА, 1996. 832 с.

16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова [и др.]; отв. ред. А. И. Рарог. Москва: ТК Велби: Проспект, 2004. 640 с.

17. Сабитов Р. А. Противоправные обманы: монография. Москва: Юрлитинформ, 2024. 520 с.

18. Астафьев К. В. Виктимологический аспект мошенничества (уголовно-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 22 с.

19. Алексеев С. С. Теория права. Москва: БЕК, 1993. 224 с.

20. Рожнов А. П. К вопросу о признании судебной практики юридическим источником уголовного права // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2012. № 1 (16). С. 123—130.

Пономарев Вячеслав Геннадиевич,

старший преподаватель
кафедры уголовного права
Волгоградского государственного
университета;
ponomarev@volsu.ru

13. Bezverkhov A. G. Fraud and its types: issues of legislative regulation and qualification. Criminal law, 8—14, 2015. (In Russ).

14. Lesnyak V. I. Objective features of fraud. Bulletin of Chelyabinsk State University, 85—91, 2004. (In Russ).

15. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Red. by Yu. I. Skuratov, General Prosecutor of the Russian Federation, and V. M. Lebedev, Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation. Moscow: INFRA-M; NORMA; 1996: 832. (In Russ).

16. Gracheva Yu. V., Ermakova L. D. (et al.) Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Red. by A. I. Rarog. Moscow: TK Velbi; Prospect; 2004: 640. (In Russ).

17. Sabitov R. A. Illegal deceptions. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2024: 520. (In Russ).

18. Astafiyev K. V. Victimological aspect of fraud (criminal law and criminological research). Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Kazan; 2007: 22. (In Russ).

19. Alekseyev S. S. Theory of law. Moscow: BEK; 1993: 224. (In Russ).

20. Rozhnov A. P. On the issue of considering judicial practice as a legal source of criminal law. Science journal of VolSU. Jurisprudence, 123—130, 2012. (In Russ).

Ponomarev Vyacheslav Gennadiyevich,

senior lecturer at the department of criminal law
of the Volgograd State University;
ponomarev@volsu.ru

Статья поступила в редакцию 01.07.2025; одобрена после рецензирования 07.07.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 01.07.2025; approved after reviewing 07.07.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 250 экземпляров. ISSN 2074-8183

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России». Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 22761.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных организациях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных организаций;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.
2. Уголовный процесс.
3. Криминалистика.
4. Оперативно-разыскная деятельность.
5. Трибуна молодого ученого.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать ее в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифт Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие по тексту рисунков, таблиц, диаграмм и формул.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- код универсальной десятичной классификации (УДК).

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте mkolosovich@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400075, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,
журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: mkolosovich@mvd.ru

Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакция направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, устранения замечаний, проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакция отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА¹
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
 прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »

название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденному приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, а также п. 2 Инструкции по организации деятельности по обращению со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России, утвержденной приказом МВД России от 9 ноября 2018 г. № 755. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения²:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20____ *подпись* *фамилия, инициалы³*

¹ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

² Таблица заполняется на каждого автора.

³ Заявка подписывается каждым автором.